

ЭЛИНОР

ФАРДЖОН

СКАЗКИ · РАССКАЗЫ · ПРИТЧИ

СЕДЬМАЯ ПРИНЦЕССА

ЕКАТЕРИНБУРГ

СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

.

.

ЭЛИНОР

ФАРДЖОН

СКАЗКИ · РАССКАЗЫ · ПРИТЧИ

СЕДЬМАЯ

ПРИНЦЕССА

ЕКАТЕРИНБУРГ

СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ

КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1993

ББК 83.34Вл
Ф24

Составление и предисловие
Н. ДЕМУРОВОЙ
Перевод с английского
О. ВАРШАВЕР
Редактор Е. ЧЕРНЯК
Художник И. ИЛЬИЧЕВ

Ф $\frac{4804010100-030}{M158(03)-93}$ 22-93

ISBN 5—7529—0538—9

© Демурова Н., сост., предисл., пер., 1993

© Варшавер О., пер., 1993

© Ильичев И., ил., 1993

«Магические стекла» ЭЛИНОР ФАРДЖОН

Когда в 1955 году была учреждена Международная премия Ханса Кристиана Андерсена, присуждаемая за лучшую детскую книгу года, первой среди детских писателей всего мира ее получила англичанка Элинор Фарджон (1881—1965). Выбор жюри, конечно, не был случайным. И хотя Золотой медали с выбитым на ней знакомым профилем великого сказочника удостоился сборник сказок и рассказов Фарджон «Маленькая библиотечка», это была, как все понимали, не просто премия за одну книгу (кстати, получившую еще две весьма серьезные премии Англии и США), а всемирное признание того долгого и преданного служения детской книге, которым была отмечена вся жизнь писательницы.

«Маленькую библиотечку» она составила сама из лучших произведений, опубликованных ею почти за полвека. Название для сборника пришло легко — в родительском доме, где выросла Фарджон, так называли комнату, от пола до потолка уставленную книгами, в «золотой пыли» которой она провела, по собственному признанию, много счастливых часов. «В доме моего детства, — вспоминала Элинор Фарджон позже, — была комната, которую называли маленькой библиотечкой. Правда, в нашем доме каждую комнату можно было так назвать. Детские наверху были полны книг. Кабинет отца — тоже. Книги покрывали стены столовой, переливались в гостиную матери и в спальню наверху. Нам казалось, что жить без одежды было бы естественнее, чем без книг. Не читать было так же странно, как не есть. Однако в отличие от всех других комнат в доме маленькая библиотечка буквально заросла книгами, как сад, бывает, зарастает цветами и сорняками. Здесь не было никакого отбора. В маленькой библиотечке нашла приют пестрая орава бродяг и чудачков,

которым не нашлось места на более строгих полках внизу, все изобилие покупаемых отцом оптом пакетов с книгами. Много сора, но еще больше сокровищ. Нищие бродяги, джентльмены и знать...» Какой простор для ребенка, которому разрешалось самому выбирать себе книгу!

Позже, когда писательница поселилась в Хэмпстеде, в те годы тихом, чуть ли не деревенском пригороде Лондона, ее дом тоже заполнили книги, и «золотая пыль» также струилась в комнатах. Элинор не просто любила книги, они были ее жизнью, «магическими стеклами», через которые люди — она не сомневалась в этом! — смотрят на мир. В зрелые годы, вспоминая о массированных налетах немецких бомбардировщиков на Лондон осенью 1940 года, когда целые районы города лежали в руинах, а улицы были усеяны осколками вылетающих при бомбежках оконных стекол, Элинор Фарджон писала: «Есть стекла, которые невозможно разбить. Самые тяжелые бомбы, изобретенные умом человека, изготовленные его рукой и брошенные его решением и волей, не могут разбить их в осколки. Ибо они созданы человеческим духом». Служению этим «магическим стеклам» человеческого духа она и посвятила свою жизнь.

Детство и юность Элинор Фарджон прошли в необычном доме и необычной семье. Ее отец Бенджамин Фарджон в юности был беден и не получил никакого систематического образования. Он страстно любил книги — уже в тринадцать лет, работая учеником и «мальчиком на побегушках» в типографии, он решил стать писателем. В конце концов он им и стал — но прежде занялся самообразованием и перепробовал множество профессий. Он был типографским наборщиком в Англии, искал золото в Австралии, издавал газету в Новой Зеландии, а вернувшись в Англию, посвятил себя литературе. Вначале он писал рассказы в стиле своего любимого Диккенса, а позже все более склонялся к мелодраме — почтенному жанру, пользовавшемуся большой популярностью в XIX веке.

Женился он на миловидной дочери знаменитого американского актера Джозефа Джефферсона, с которой познакомился во время своих странствий, и скоро их дом в Лондоне стал центром, где собирались известные писатели, актеры, музыканты. Мэгги (так звали мать Элинор) была весела, остроумна, музыкальна; Бенджамин — добр, великодушен, непредсказуем и полон энтузиазма, которым заражал всех кругом.

В семье было четверо детей — Нелли (так звали Элино́р в семье — не в честь ли диккенсовской героини? — позже так стали ее называть и друзья) и трое братьев: Хэрри, Джо и Берти. Все дети были талантливы. Отец занимался их воспитанием, они свободно общались с друзьями родителей. Когда дети подросли, вместе с Мэгги и Бенджамином они постоянно посещали премьеры, выставки, концерты и домашние спектакли.

У отца было много чудесных привычек. Он любил праздники — на Рождество в дом приглашали пятьдесят детей, и каждый получал подарок с елки, которая бывала такой огромной, что на украшение ее уходило чуть ли не две недели. Каждое воскресенье отец дарил Нелли и ее братьям по книжке — книжки поступали в их полное распоряжение, и они могли делать с ними все что угодно! Отец никогда не навязывал детям свой выбор; правда, он часто читал им вслух и делал это так артистично, что дети запоминали читанное им на всю жизнь.

Сочинять Элино́р Фарджон начала очень рано. У отца была пишущая машинка фирмы «Ремингтон», первая модель пишущей машинки в Англии. Когда Элино́р было семь лет, он научил ее печатать — редкое умение для ребенка конца прошлого века!

Отец был первым и единственным учителем Элино́р. Все написанное она прежде всего показывала ему — подсовывала под дверь его кабинета и, дрожа от волнения, пряталась, ожидая, когда он разыщет ее, чтобы высказать свое мнение. «Я от тебя многого жду, Нелл», — говорил отец, и это было лучшей похвалой для девочки. Нелли писала стихи, рассказы, сказки, притчи, пьесы, перелагала своих «любимых греков» и библейские сюжеты (этим жанрам она останется верна всю жизнь). Отец от природы был нетерпелив и легко раздражался, однако, разбирая с дочерью ее сочинения, никогда не терял терпения.

Нелли была очень музыкальна. В доме Фарджонов музыка звучала непрерывно. Зимними вечерами Мэгги бралась за гитару и пела задушевные песни американского Юга. Хэрри чуть не с младенчества играл на рояле и сочинял музыку (позже он стал композитором, преподавал в Королевской музыкальной академии и вместе с сестрой сочинил несколько опер для детей). Про Нелли в семье говорили, что она всегда охотнее поет, чем говорит. Где бы ни находилась, она всегда что-то напе-

вала или мурлыкала про себя. Подобно брату, она умела сочинять музыку и помнила «каждую ноту любого услышанного ею музыкального произведения». Музыкальностью отмечено все, что она написала, будь то стихи или проза, — той особой музыкальностью, которая отличает творения мастеров.

Некрасивая, болезненная девочка, страдавшая головными болями и сильнейшей близорукостью, Нелли увидела мир впервые в семь лет, когда надела очки, которые больше не снимала. Она дружила со своими братьями, и особенно тесной была ее дружба с Хэрри, которым она всегда восхищалась и без которого, как шутили родные, «не могла жить». Огромное место в ее жизни занимала изобретенная вместе с Хэрри игра под таинственным названием ТАР. Она продолжалась много лет и оказала на будущую писательницу глубокое воздействие. Хэрри и Нелли, преобразаясь во всевозможных героев, разыгрывали — нет, переживали! — различные, порой самые замысловатые сюжеты, которые изобретали на ходу. Начиная обычно Хэрри — он предлагал новый сюжет и определял, кто кем будет. «Ему нужно было лишь сказать Нелли, — пишет Айлин Колвел, биограф Элинора Фарджон, — кто из них кто, и оба тут же погружались в воображаемый мир, где они становились то одним, то другим персонажем, быстро меняя мысли и настроения. Эта жизнь, которая не зависела ни от кого, увлекала их гораздо больше, чем каждодневное существование. Растрепанные, в очках, они часами бродили по улицам — Хэрри чуть впереди, Нелли едва поспевая за ним, и говорили, говорили, не обращая никакого внимания на то, что происходило вокруг, полностью погружаясь в свой воображаемый мир. Однажды они находились в таком состоянии целых две недели! Только когда Хэрри говорил: «Ну, теперь мы Хэрри и Нелли», они возвращались к обычной жизни».

Благодаря этой игре Элинора, по ее словам, приобрела способность «приводить, когда хотела, в движение определенных героев в определенных обстоятельствах и наблюдать, что из этого выходит». Это была бесценная школа для будущего автора. Возможно, именно благодаря игре в ТАР любые повороты сюжета, любые поступки героев, какими бы странными они ни казались, становятся в книжках Фарджон настолько естественными и понятными, что не вызывают никаких сомнений. Чу-

десное умение! Ведь в сказке даже чудо должно восприниматься как нечто само собой разумеющееся и простое!

В 1903 году, когда Элинор была в возрасте двадцати двух лет, ее постиг тяжелый удар — умер отец, которого она бесконечно любила. Она долго не могла оправиться после этой потери. В конце концов дружба с братьями, необходимость серьезно зарабатывать (отец оставил семью в стесненных обстоятельствах), напряженный литературный труд помогли ей встать на ноги.

В эти трудные годы большой поддержкой для Элинор, помимо членов семьи, стали ее друзья. Среди них было, конечно, немало детей, а также тех, кто скоро вписал золотые страницы в англоязычную литературу: английский сказочник и поэт Уолтер де Ла Мар, известный своими книгами для детей, замечательный поэт и романист Дейвид Херберт Лоуренс, выходец из простой шахтерской семьи, американский поэт Роберт Фрост, английский поэт Эдвард Томас. Последний особенно много значил для Элинор. Неразделенное чувство к Томасу, его поэтическое влияние и дружба с его женой и детьми сообщили особую глубину ее поэзии, способствовали ее развитию как личности.

Все вместе они любили совершать дальние пешеходные прогулки. С рюкзаками за спиной они исходили много миль. Один из юных друзей Элинор, сын издателя Джеймса Гутри, встретил ее во время такого похода по холмам Сассекса — рюкзак на спине, палка в руках, зеленая кожаная кепка на голове, а за ремешок — по обычаю древних пилигримов — воткнуты цветы. Мальчик записал в своем дневнике: «Мисс Фарджон такая чудесная! Шагает себе с рюкзаком за плечами и с палкой в руке — настоящий пилигрим в глазах всего света. С ней все вокруг веселеют. Такие замечательные люди редки. Ее рассказы серьезные и увлекательны».

В год, когда началась первая мировая война, Элинор Фарджон опубликовала серию стихов, посвященных самому сердцу Лондона — Лондонскому Тауну, его старинным церквям и колоколам, которые она так хорошо знала и любила. В 1916 г. эти стихи, выходившие в знаменитом английском журнале «Панч» (что-то вроде нашего Петрушки), были собраны в отдельную книжку и опубликованы под названием «Детские песенки старого Лондона». Это была ее первая книга для детей — она переиздается до сих пор.

Весной 1917 года, незадолго до окончания первой мировой войны, в Англию пришла весть о гибели Эдварда Томаса, который ушел добровольцем на фронт. «Девятого апреля 1917 года для некоторых из нас свет погас...» — писала впоследствии Фарджон. — Много лет спустя один человек, который любил его, сказал мне: «Я до сих пор просыпаюсь по ночам и плачу об Эдварде».

Элино́р покинула Лондон и переехала в небольшую деревушку в графстве Сассекс. Друзья писали ей по адресу: деревня Хоутон, улица Грязи, Крайний коттедж. Ее небольшой крытый камышом домик с двух окон внизу и наверху и вправду стоял последним на узкой разбитой улице, к нему вела заросшая тропинка, у крыльца росла вьющаяся роза, а во дворе был колодец. Элино́р жила так, как жили в те годы крестьяне — копала землю, выращивала в огороде овощи, топила печку, впрягалась в тележку и волокла, напрягаясь изо всех сил, из лесу вязанки хвороста, собирала грибы и ягоды. Она следила за тем, как осень сменяла лето, а зима — осень, вглядывалась в небо и землю, слушала, как по весне, когда начинало пригревать солнышко, прыгали под ее окном через веревочку деревенские девушки. Наиболее известная, пожалуй, сказка Фарджон — «Элси Пиддок прыгает во сне» — написана про самую ловкую из них (на самом деле ее звали Элси Путтик).

Много лет спустя друг Элино́р актер Денис Блейклок отправится на поиски исторической Элси и напишет об этом книгу, которую посвятит писательнице. Он так и назовет книгу — «В поисках Элси Пиддок» и подарит ее Элино́р Фарджон в знак благодарности за ее щедрый дар любви и дружбы.

Живя в деревне, Элино́р ходила в простом полотняном русском платье с красной вышивкой на груди — память о недавнем «Русском сезоне» в Лондоне, когда англичане впервые познакомились с русским искусством, оперой и балетом. Она подружилась с местными крестьянами, которые учили ее готовить простые деревенские блюда, печь хлеб, варить пиво. Она наблюдала их повадки, вслушивалась в их сочную речь. Среди ее друзей был деревенский сапожник и, конечно, дети, дети... Дети крестьян, дети навещавших ее лондонских друзей.

«Помню, — говорил один из них в столетнюю годовщину со дня ее рождения, когда самой Элино́р уже не было в живых, — в 1919 году она пригласила нас к себе на

пикник. Когда мы съели все, что было приготовлено, Элинор предложила пойти побродить босиком по реке. Мы спустились к воде — и вдруг среди камышей на берегу увидели бутылку. Элинор схватила ее. «Бутылка! — вскричала она. — Интересно, что в ней?» Открыв бутылку, мы обнаружили письмо от «старого моряка». В нем он писал, что неподалеку в пещере спрятан клад, охраняемый драконом. Элинор обрадовалась находке, и мы пошли по указанным приметам, пока не нашли в меловых скалах, которые в этом месте окаймляют реку Арун, пещеру, а там — банку с леденцами, охраняемую игрушечным змеем! Мы были в восторге! В любое событие Элинор всегда умела внести что-то свое, добавить что-то интересное, творческое, что навсегда осталось бы в памяти!»

Вернувшись через два года в Лондон, Элинор Фарджон поселилась в старом доме в Хэмпстеде — когда-то там находились конюшни, но позже дом был перестроен — и занялась серьезной писательской работой. Одна за другой выходят ее книги — сборники стихов, написанные с братом Гербертом (Берти) и самостоятельно, «Хрустальный башмачок» и другие оперы для детей, созданные вместе с Хэрри, и сказки, сказки, которые она пишет с удивительной легкостью и быстротой.

За свою долгую писательскую жизнь Элинор Фарджон опубликовала около 60 книжек для детей и взрослых. Конечно, не все они равноценны по своим художественным достоинствам — это редко случается, когда писатель пишет так много. Все же из лучших ее произведений можно было бы легко составить несколько томов. Это «Корзинка старой нянюшки», «Мартин Пиппин в яблоневом саду» и «Мартин Пиппин на лугу», «Маленькая библиотечка», притчи и миракли (т. е. рассказы о чудесах), пересказы библейских и античных сюжетов и многое другое.

Под пером Фарджон самые невероятные события становятся простыми и достоверными, а самые диковинные персонажи — понятными и близкими, словно соседские дети. Подобно Старой Нянюшке, которая рассказывает свои сказки ровно столько времени, сколько требуется, чтобы заштопать дырку в чулке, Фарджон полностью овладевает вниманием своих читателей. И нам уже кажется, что это она нянчила Берту Златоножку в средневековой Германии и видела собственными глазами, как ее правая пятка чеканила и чеканила золотые монеты. Это при ней ку-

пались в прозрачной Луаре два мальчика — сын графа и сын старьевщика; она присутствовала при странном решении персидского шаха и знает, как излечилась от гордыни высокомерная кастильская инфанта; а чтобы наказать непослушных мальчишек братьев Гримм, она взяла да и скрыла от них одну сказку, которую решила теперь рассказать нам.

Ее голос чист и ясен, интонация доверительна и проста. «Вокруг парка тянулась изгородь, и дальше Королеву не пускали. Она очень любила мужа, не хотела его огорчать, вот и не плакалась ему, не рассказывала, до чего хочется ей на вольную волю. Только часами сидела на дворцовой крыше да глядела на восток, где раскинулись луга, на юг, где струилась речка, на запад, где громоздились горы, и на север, где шумели в городах рыночные торговцы». Так начинается сказка о Седьмой принцессе — и наши сердца уже с Королевой, мы уже готовы печалиться ее печалью и во всем ей сочувствовать и помогать. Нам совершенно не мешает мысль о том, что Фарджон использует в этой сказке старинную народную песню (подобно тому, как в «Серебрянке» она пересказывает сказку, бытующую у многих народов), — в ее устах сюжеты приобретают новое звучание, обрастают убедительными подробностями.

В другой сказке Фарджон говорит о чуде — чуде любви, которое проявила маленькая сицилийская девочка, вернувшаяся во время извержения вулкана, чтобы поцеловать на прощанье любимое деревце, — и снова мы безоглядно верим ей и трепещем за жизнь маленькой Мариэтты.

А вот дровосек Джо Джолли смотрит на королевскую дочь, которая нравится ему до чрезвычайности — она так похожа на его любимого щенка — «и волосы нежно-золотистые, точно его уши, и глядит доверчиво, точно маленький спаниель!». Немудрено, что он пишет принцессе такое письмо:

«Моя любимая!

Я тебя люблю, потому что ты — как мой щенок.

Джо Джолли».

И нам, читателям, как и принцессе, не требуется иных доказательств и уверений.

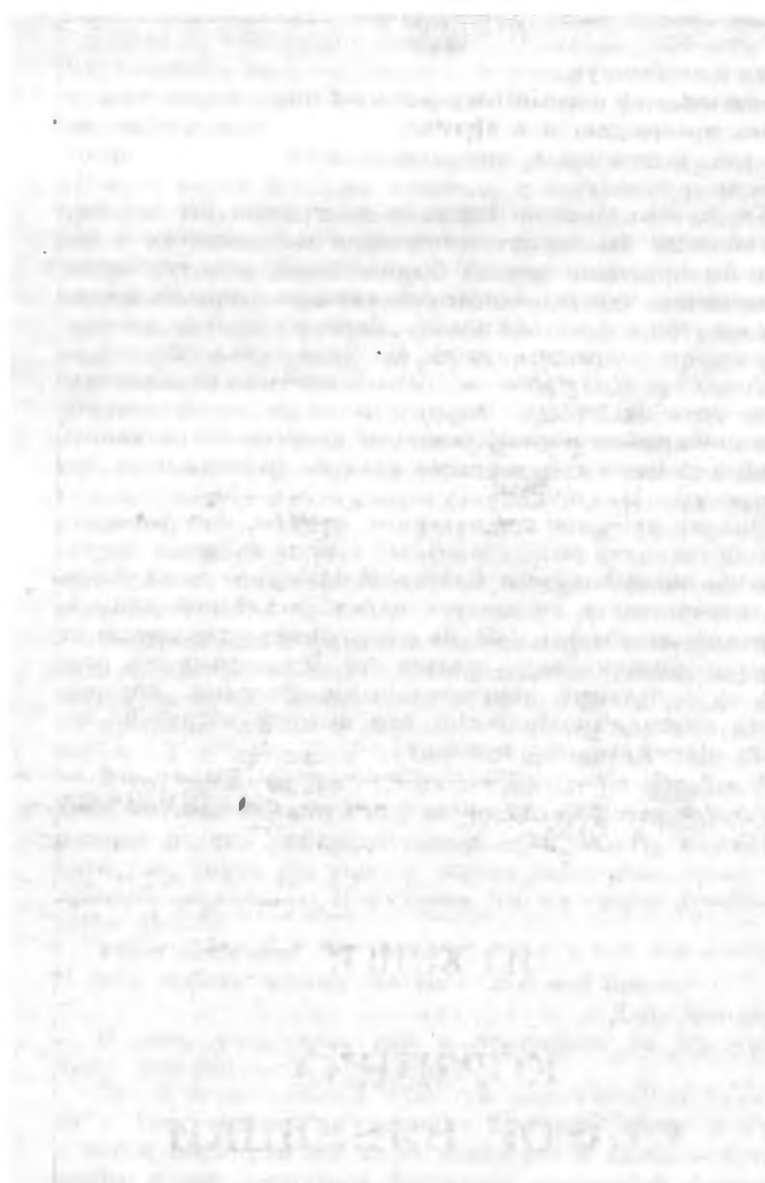
Самой поразительной, пожалуй, может показаться сказка о трех маленьких принцах, которые жили в Раю, а потом покинули его из-за коварства и злобы — с тем, чтобы позже вернуться благодаря преданной братской

любви. Фарджон начинает сказку с небольшой французской считалочки, в которой странным образом соседствуют сабо, лорнет, персик, яблоко, абрикос и непонятное имя Кларинетт. Постепенно считалочка разворачивается в необычную сказку, где находят свое место все эти несвязанные на первый взгляд подробности. Более того — сказка превращается в притчу о потерянном и обретенном рае, в которой и взрослые, и дети равно ощущают глубину и правду.

Творчество Элинор Фарджон не трогало бы нас так сильно, если бы мы не чувствовали в ее сказках — какими бы простыми они ни были — веры, того глубокого религиозного чувства, которое не связано с догмой, а озаряет изнутри все, что она писала. Лишь в 1951 году, в очень преклонном возрасте, — когда ей было семьдесят лет, — Фарджон приняла крещение, однако глубокая вера светится во всех ее книгах. Эниграфом ко всему творчеству Элинор Фарджон могло бы стать ее искреннее признание: «Любой ребенок с невинными глазами кажется мне Божественным Младенцем».

Элинор приняла литературные премии, которыми отметили ее книги международные и национальные жюри. Однако, когда королева Елизавета II хотела пожаловать ей дворянство за ее заслуги перед английской нацией, Фарджон отказалась. «Я не хочу ничем отличаться от простого молочника», — сказала она. Эта скромность роднит ее с другими замечательными авторами, которые также считали поэтический дар высшей наградой, которая может выпасть человеку.

Н. ДЕМУРОВА

ЭЛИНОР ФАРДЖОН

Сказки, рассказы,
притчи

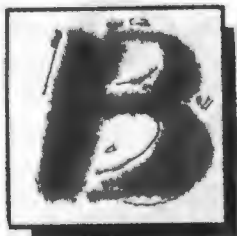

ИЗ КНИГИ

**КОРЗИНКА
СТАРОЙ НЯНЮШКИ**

СТАРАЯ НЯНЮШКА

Возле камина Старая Нянюшка раздевает детей перед сном. В просторной спальне стоят четыре кровати — на каждого, и ещё остаётся вдоволь места, хоть в прятки играй. В большом старинном камине пляшет огонь, и красные отблески мечутся по всем углам: между высоченными дубовыми шкапами и полками и по скошенному потолку, который причудливо сбегает сбоку чуть ли не до пола. Дело в том, что наши новые знакомцы спят на огромном чердаке под самой крышей.

Зовут детей Дорис, Рональд, Роланд и Мери-Матильда. Мери-Матильда самая младшая, ей три с половиной года. Рональд и Роланд — пятилетние близнецы, схожие точно две капли воды, только у Рональда родинка слева на переносице, а у Роланда — на правой ноздре. Совсем без родинки, конечно, не обойтись — нельзя же отстать от брата! Различить мальчишек почти невозможно, даже имена их нам не в помощь — слишком похожи. Впрочем, обычно их называют Ронни и Роли — звучит покороче и не так одинаково. Самая старшая тут Дорис, ей целых семь лет. Временами ей кажется, что она живёт на свете уже целую вечность, что она очень,

очень стара. Но всё ж не старее Старой Нянюшки. С ней-то никому не тягаться.

Никто в точности не знает, сколько же лет нашей Нянюшке. Она всегда рядом, а прежде она нянчила маму — мама тоже помнит её возле своей колыбели. А когда их навещает бабушка, очень старая седовласая дама, она непременно говорит Нянюшке:

— Ну что, старая, как поживаешь?

И Нянюшка бодро отвечает:

— Порхаю, моя девонька, порхаю как мотылёк. А ты там как себя ведёшь? Больно распустилась, как из-под моего надзора-то вышла. Да ты и в детстве была большая егоза.

Услышав такой разговор впервые, ошеломлённая Дорис спросила:

— Нянюшка, неужели ты и бабушку нянчила?

— А то как же, дитяtko. И была она не ребёнок, а сущее наказание. Выросла — вроде потише стала. Время покажет, может, из неё и выйдет толк. Недаром же я в неё столько сил вложила.

— Как это — «сил вложила»? — спросил Ронни. — Точно деньги в банк, что ли?

— Вот тупица! — воскликнула Дорис. — Разве Нянюшка о деньгах говорит? Просто она воспитывала бабушку, как меня, как тебя — чтоб хорошей девочкой выросла.

— Вовсе я не тупица, — насупился Ронни. — И хорошей девочкой мне вырастать ни к чему.

— Тупица! — повторила Дорис в сердцах. — Ты же понял, что я хотела сказать.

— Не знаю — что хотела, знаю — что сказала. Сама ты тупица!

— Ну-ка, дети, — перебила Нянюшка, — угомонитесь, а то — сами знаете...

Дети и впрямь знают, потому что притихают сразу. Иначе — не будет сказки на сон грядущий. Нянюшкину сказку они нетерпеливо ждут целый день, а вечером забираются с печеньем и недопитым молоком в свежие, прохладные постели, уютно подтыкают одеяла и слушают, позабыв жевать и глотать. После сказки они чистят зубы, и тут уж Нянюшка неумолимо гасит свет.

Нянюшкиным сказкам несть числа, она откапывает их из глубин веков и никогда не повторяет дважды — только если дети попросят сами. Нянюшка обычно соглашается:

— Будь по-вашему, детушки, расскажу, раз она вам понравилась. Эта сказка как раз величиной с эту дырку.

А другой раз скажет:

— Нет, милые, сказка слишком длинна, а дырка в чулке невелика, не подходят они друг дружке. Сегодня новую послушайте.

Вы, верно, уже поняли, что всякую свободную минуту Нянюшка шьёт, чинит и штопает. Корзинка её вечно полна детских чулок с дырками на мысках, на пятках и даже на коленках. Выудит Нянюшка чулок наугад, натянет на левую руку, повертит так и сяк и — найдёт дырку. Потом вдевает в штопальную иглу нитку под цвет чулка, выуживает из памяти сказку этой дырке под стать. И начинает... А заштопает чулок — тут и сказке конец. Дети всегда как замороженные ждут: какой чулок попадётся Нянюшке. Мала дыра — сказка коротка, велика дыра — и сказка подлиннее. Ронни и Роли иногда нарочно падают на щебёнку — чтоб продрать на коленях дырки побольше! Дорис, разумеется, так никогда не делает, она примерная девочка и нарочно чулок не рвёт, только если дыра сама протрётся.

Ну, а у Мери-Матильды дырки совсем кро-

шечные, оттого и сказки под них выходят совсем коротенькие. Роли украдкой вытаскивает сестрёнкины носки из корзинки и прячет, чтоб Нянюшке под руку не попались.

Однажды вечером дети улеглись, и Нянюшка, заглянув в корзинку, вытянула оттуда длинный коричневый чулок. Дорис протёрла в нем дырку на самой пятке. Заправляя шерстяную нить в игольное ушко, Нянюшка задумчиво проговорила:

— Дыра точь-в-точь как у Берты Златоножки. И на том же месте. Я Бертушку в Германии нянчила.

— А когда это было? — спросила Дорис.

— Погоди... вспомню... Пожалуй, лет сто назад. Или двести? Одно я твердо помню: я знала её ещё прежде, чем нянчила братьев Гримм. Проказники вечно просили рассказывать им сказки. Да они, видно, провинились, и эту сказку им услышать не довелось. Потому она в их книжку и не попала. Славные были мальчишки Гримм, только шепутные, мне их и шлёпать иногда случалось...

— Ну, а про Берту Златоножку? — напомнила Дорис. А то примется Нянюшка бывшее вспоминать — на сказку и времени не останется.

— Ах да, Берта... Случилось это, пожалуй, веков пять назад. Или семь? Трудновато всё упомянуть. Да и незачем. Тише, детки, тише, а то я никак за штопку не примусь...

БЕРТА ЗЛАТОНОЖКА

перва я нянчила Бертиного отца, потом он вырос, женился, а я так и осталась в замке до самого рождения Берты Златоножки. И принялась тогда её нянчить. Отец её был Бароном. Замок стоял на берегу Рейна, вернее, на горе, что высилась над берегом. У подножия, у самой кромки воды, лепилась деревушка. Здешний люд платил Барону дань и жил вполне счастливо под острыми черепичными крышами. По склонам горы они разводили виноград. Барон не очень-то притеснял своих подданных — большая по тем временам редкость среди немецких баронов. Да и немудрено: я ж только одного успела вынянчить и воспитать! Обыкновенно раз в году — даже в неурожайные годы — деревенские приносили Барону по золотому. Он не мог освободить их от подати, поскольку и сам обязан был платить дань Королю. Не заплатишь — Король, рассердившись, заберёт и замок, и богатства, всё до последней нитки. Деревенские знали, что другого такого Барона им не сыскать, и очень поэтому боялись разгневать Короля. Король в те края никогда не заглядывал. Но молва говорила, что любит он лишь деньги да танцы. Лиши его денег — так разбушуется, только держись. Совсем как некоторые знакомые мальчишки... (Тут Нянюшка бросила хитрый взгляд на Ронни и Роли.)

На Бертины крестины съехалась вся округа и, разумеется, все главные феи. Барон с женой разослали множество приглашений, а то позабудешь какую-нибудь фею — и с ребенком стра-

сётся беда. Позвали даже Лорелею, прекрасную русалку, что сидит на утёсе среди рейнских вод и привлекает людей своим пением на верную смерть. Многие Бароновы друзья погибли возле утёса Лорелеи, но Барон всё же не отважился её обидеть, не обошёл вниманием в такой торжественный день. Однако появилась русалка уже после пиршества, когда гости, щедро одарив новорождённую, разъехались по домам. Лишь Барон, Баронесса да я оставались около колыбели. Внезапно двери зала распахнулись, и всплыла Лорелея в волнах золотых волос, точно в рейнских водах. Она и вправду была мокрая, только из реки: с золотых одежд, с белых рук падали капли. Русалка приблизилась к колыбели и, нагнувшись, коснулась мокрым пальцем правой ножки младенца.

— Дитя,— сказала она.— Люди прозовут тебя Бертой Златоножкой. Ты получишь от Лорелеи золотую ножку, едва научишься ходить.

И она выплыла из зала, оставив на полу мокрый след. Никто из нас не понял, что это за подарок такой. Судили мы, рядили и вдруг слышим мерзкий смешок, и через порог прыгает Румпельштильцхен, Чулочный эльф. Всем известно, что это за злобное и противное создание. Среди колдовского племени он птица невеликая, вот Барон и забыл пригласить его на крестины. Эльф, конечно, мог и обидеться, но сильно навредить ребенку — не в его власти. Всё же мы испуганно замерли, когда он подскочил к колыбели и ткнул пальцем в Бертину левую ножку.

— Детка,— проквакал он.— У тебя на левом чулке всегда будет ды-ы-ырка!!! И дарит её Румпельштильцхен!

С этими словами он исчез. Мы и глазом моргнуть не успели. Барон сказал:

— Неприятный подарок, но бывают куда хуже.

А я, понятное дело, загоревала — от таких вот мелочей, как дырка в чулке, иной раз плакать хочется. Баронесса вздохнула:

— Мне кажется, что подарок Лорелеи намного, намного хуже! Если у девочки золотая нога, как её замуж выдавать? Кто возьмёт в жёны девушку с такими... причудами?

— А мы её ножку никому не покажем, — утешил жену Барон. — Никто и не догадается. Нянюшка, позаботьтесь, пожалуйста, чтоб эти ножки всегда были в чулках. К счастью, гости уже разошлись, и мы сохраним в секрете подарок Лорелеи. До самой Бертиной свадьбы!

Пока Берта была мала, я всякий день, улучив минуту, вязала ей чулки: хотела заготовить впрок. Ведь едва Бертушка научится ходить, у неё появится золотая ножка. И как только девочка сделала первые робкие шажки, протопала от меня к своей матушке, я тут же натянула ей чулки — чтоб закрыть и ступню, и лодыжки. Заметь кто из прислуги золотую ножку, слух вмиг разнесётся по всей стране. Ей, бедняжке, и носков больше не надевали — носки ведь частенько сползают, это даже Мери-Матильда знает.

Бертушке и спать приходилось в чулках. Переодевала я их ночью, в темноте, так что даже мне не доводилось видеть её правую ножку. Зато левую видели все — верней, не целиком, а только пятку. Едва я натягивала Берте чулок, на пятке тут же, как по мановению волшебной палочки, появлялась дырка. Без толку было ругать Берту, ведь дырка появлялась сразу, без всякой причины. Глядь, а она уж тут как тут. Сперва я пыталась сменить рваный

чулок, но этак не напасёшься! Промаялись мы год, и наконец я заявила Барону и его жене:

— Дорогие мои, это пустые хлопоты. Всех дырок эльфовых не залатаешь, так что придётся нашей Бертушке носить закрытые башмаки.

Так она, горемычная, и делала. Тяжко с утра до вечера ходить в башмаках, да что поделаешь... Берта носила их вплоть до восемнадцати лет. Выросла она пригожей, как и положено дочерям рейнских баронов. И все её очень любили: и родители, и босоногий мальчишка-лодочник, с которым она частенько играла в детстве. Стали и женихи наезжать. Только ни один не пришёлся Берте по сердцу.

Тот год выдался неурожайный: виноградные лозы увядали, гроздья гнили, и деревенские жители обнищали, точно церковные мыши. Оставшись без урожая, они со слезами пришли к воротам замка и попросили Барона выслушать их.

— Мой господин,— произнёс главный виноградарь.— Сердца наши разбиты, карманы пусты. В этом году мы не сможем уплатить тебе подать.

— Тогда погибну и я, и вы. Неурожай ударил и по моему карману. Если я не выплачу дань Королю, гнев его будет страшен.

— Наш господин,— сказали крестьяне.— Дети плачут от голода, в домишках хоть шаром покати. Мы заплатили бы с радостью, да нечем и взять неоткуда.

Барон очень рассердился. Надо сказать, что не горазд он был слушать разумные доводы. И хотел уже наказать крестьян, позабыв о своей доброте, как вдруг Берта, сидевшая у его ног, подняла глаза и промолвила:

— Батюшка, они же ни в чём не виноваты.

Давайте надеяться на лучшее. Вдруг небеса смягчат сердце Короля или ниспосллют нам денег, чтобы выплатить дань?

Берта улыбалась светло и нежно, и Барон, одумавшись, сказал просителям:

— Что ж. Не знаю, какие нам уготованы беды, но мы встретим их вместе.

И благодарные крестьяне возвратились в деревню, благословляя добрую Баронову дочку.

Но небеса не смягчили сердце Короля. Во главе целого войска, чёрный от гнева, налетел он на замок требовать дань. Барон показал ему порченные лозы:

— Взгляните, Ваше Величество. Перед Вами моё бывшее богатство. Теперь я разорён. Лишь золотые грозди позволяли мне отсылать Вам золото.

— И слушать ничего не желаю! — раскричался Король. — Мне нужны деньги! Не запла-тишь — отберу замок, деревню, всё — до последней нитки!

На этих словах Короля в зал вошла Берта. Мы с матерью нарядили её в белое шёлковое платье, а золотые косы уложили короной. Очень мы надеялись, что Бертина красота покорит сердце Короля и отведёт от дома напасти. Король и вправду оторопел. Потрясённый, он спросил у Барона:

— Кто эта девушка?

— Моя дочь, Ваше Величество.

— В таком случае, Барон, я беру её в жёны, а приданое погасит твой долг.

Барон с Баронессой обрадовались несказанно. А бедняжка Берта побледнела как полотно и опустила глаза: не выдержала взгляда Короля, который восхищённо оглядывал её всю, с головы

до ног. Вот взгляд его и в самом деле скользнул к ногам, и Король нахмурился:

— Почему на ней башмаки?

Барон поспешно, но с запинкой ответил:

— Она гуляла... сейчас только с прогулки.

— Наденьте туфельки, — обратился Король к Берте. — Хочу посмотреть, как танцует моя невеста.

— Ваше Величество, у меня нет туфель, — вымолвила Берта. А у неё и впрямь их никогда не было, с самого раннего детства.

— Тогда танцуй в чулках, — велел Король. Спорить с королями бесполезно. Пришлось Берте разуться, и — о ужас! — на левой пятке красовалась огромная дырища! Король немало удивился и потребовал, чтобы Берта передела чулок. Да что толку? Вернулась она с дырой ничуть не меньше первой. И в третий раз попыталась счастья, да только розовая пятка сверкала по-прежнему. Берта опустила голову низко-низко и стыдливо зарделась.

Восхищение Короля улетучилось. Он презрительно сказал Барону:

— Дочь твоя, может, и хороша, да только неряха. Неряхе королевой не быть. Прощай и помни: не выплатишь дань до завтра — выгоню из замка прочь.

И ускакал.

Весь свой гнев Барон обрушил на Берту:

— Это ты разорила меня, ты — со своим treклятым даром!!! Ты мне больше не дочь! Неряха мне не дочь! Убирайся из замка вон! Навеки! Убирайся босая, пускай лучше увидят твою золотую ногу, чем дырки на чулках!

Он сам стянул с неё чулки, и — вы не поверите! — правая нога оказалась такой же белой, как и левая! Представляете, как мы удивились!

Что же тогда подарила Берте Лорелея? Нога-то не золотая! Но Барону было не до ноги. Задыхаясь от гнева, он схватил дочь на руки и бросился в деревню с криком:

— Эй, народ! Полюбуйтесь! Из-за нее, из-за моей дочери, я стал нищим вроде вас. Кто возьмёт в жёны дочку нищего? Кому дочку нищего?

Потрясённые люди обступили их, и тут босоногий лодочник, товарищ Бертиных детских забав, вышел вперёд и робко произнёс:

— Я возьму её в жёны, Ваша Светлость, если она не против.

Берта согласно кивнула златокудрой головкой, и Барон, хрипло засмеявшись, передал её юноше с рук на руки и ушёл. Кликнули священника, зазвонили свадебные колокола. Жених поставил Берту на землю — впервые в жизни её голая ножка коснулась земли, — и они пошли венчаться. Но удивительное дело! Куда бы ни ступала Берта правой ножкой — на земле оставалась блестящая золотая монета. Весь путь в церковь и обратно оказался устлан золотом. Люди шли следом и кричали:

— Смотрите! Смотрите! Берта Золотая ножка! Берта Златоножка!

Деревня веселилась целый день, скрипач и дудочник играли свадебные песни, народ танцевал, а в самой гуще толпы — босоногие жених и невеста. Под ногами Берты тут же вырастали золотые пригорки. К полуночи золота стало так много, что крестьяне принялись сметать его вениками и метлами. А наутро отнесли мешок с золотом Барону:

— Возьмите подать, Ваша Светлость. Деревня спасена.

Барон обрадовался, точно ребёнок. Спешно отправил посыльных с золотом к Королю,

а потом спросил у крестьян, как же удалось им достать столько денег. Узнав, что спасла их его родная дочь благодаря своему волшебному дару, Барон бросился в деревню и простил Берту.

— Пойдём, дорогая, обратно в замок,— позвал он.

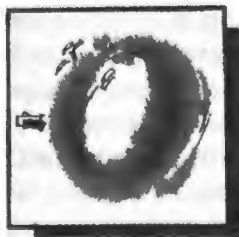
Но Берта, засмеявшись, помотала головкой:

— Не могу, батюшка. Ведь я теперь замужем и должна жить с мужем. А чулок я никогда носить не буду — только босая нога родит золотые монеты. Зато ни тебе, ни крестьянам не грозит теперь нищета.

Отец обнял её на прощанье и ушёл домой.

До конца дней своих Берта, а с нею и муж, и дети ходили только босиком. Так что штопать чулки ей не довелось,— со вздохом прибавила Нянюшка.

ГОРДАЯ ИНФАНТА

й, Нянюшка,— воскликнула Дорис, увидев в руках у Нянюшки свой длинный бледно-розовый чулок.— Не чини этот чулок! Пожалуйста, не чини!

— Отчего же, милая? — спросила Нянюшка.— Его как раз пора заштопать. Вон сколько петель спереди спустилось.

— Вот и не штопай! Штопка на самом видном месте — это ужасно! Его надо просто выбросить!

— Но ведь это твои выходные шёлковые чулки! Что ж ты — в одном чулке в гости пойдёшь?

Дорис надулась:

— Лучше уж вовсе не ходить в гости, чем в штопаных чулках. Все будут глазеть и пальцем показывать!

— Экая ты гордячка, — сказала Нянюшка, заправляя шёлковую нить в самую тонкую иглу. — Гордость — это порок, не лучше зависти. Боишься на людях в чинёном чулке показаться, значит, ты ничем не лучше испанской инфанты, которую я тоже нянчила когда-то. Она вечно стыдилась хорошего — а хорошего в ней было немало! — и гордилась всякой чепухой.

— Чем же она гордилась, Нянюшка? — спросила Дорис.

— Говорю тебе — ерундой всякой. Так возгордится, нос задерёт — на неё и управы не найдёшь. Скажем, уронит платок, а лакей подхватит — так она у нас слишком горда, чтоб ему спасибо сказать. Ела только на золотых тарелках, на серебряных ни-ни: слишком горда. В карету ей впрягали только пару, да какую! Снежно-белую кобылку с голубыми глазами, серебряной уздечкой и лазурным плюмажем и чёрного конька с огненными глазами, золотой уздечкой и красным плюмажем. А увидит в хвосте чёрного коня белый волос или в гриве белой кобылы чёрный волос — беда! Наша гордая инфанта живо их из Испании прогонит.

— Почему ты такая гордячка? — спрошу я иногда.

— Как ты, Нянюшка, не понимаешь? — ответит она свысока. — Я же испанская инфанта! У меня же самое широкое в мире платье из золотой парчи, расшитое самым крупным в Европе жемчугом! Мне все кланяются, когда я иду по улице! И скоро все великие короли съедутся просить моей руки! Богаче моего отца в мире нет,

у него сундуки от золота ломаются, он все заморские края покорил, его корабли все моря бороздят — он самый главный владыка на свете! И богатства его в один прекрасный день станут моими. Так чего же ты, Нянюшка, спрашиваешь? Разве мне нечем гордиться?

— Да уж, — отвечаю, — твоя правда. Ты, видно, такая уродилась.

Однажды отправились мы с инфантой кататься в золотой карете, запряжённой белой кобылой и чёрным жеребцом. В деревушке неподалёку от города увидели пекарню, а у порога — простолюдинку с голым младенцем. Младенец раскудрявый, румяный, как ягодка, хохочет у матери на руках. А мать подкидывает его вверх и припевает:

О, Боже великий, мне есть чем гордиться!

В Кастилье со мною никто не сравнится!

Вы булки едали вкуснее, чем наши?

А сына видали милее и краше?

Выглянув из окошка кареты, инфанта послушала песенку, и глаза её гневно вспыхнули. Она выпрыгнула на землю, подскочила к женщине и закричала:

— Ты лжешь! Это со мной никто в Кастилье не сравнится! Я испанская инфанта, наследница короля! Это тебе не булки печь и детей рожать!

Женщина счастливо засмеялась, сверкнув красивыми белыми зубами:

— Нет, милая барышня, одно дело простую булку испечь, другое дело — самую лучшую. Да и ребёночка такого ни у кого нет! Правда, солнышко моё? — и она поцеловала складочки на шее младенца.

— Всё ты лжёшь! — закричала гордая инфанта. Прыгнула обратно в карету, велела куче-

ру ехать домой да погонять лошадей. Во дворце направились напрямик на кухню, потребовала у остолбеневшей поварихи миску с мукой, плеснула туда воды, скатала большой тугой шар, пошлёпала его маленькими сердитыми ручками и приказала поварихе сунуть его в печку, а когда будет готов — подать королю-отцу на ужин. Вечером все уселись за стол. И на блюде внесли булку. Вы бы видели эту булку! Твёрдая, точно камень.

— Что это? — испуганно спросил испанский король.

— Булка тебе на ужин, — гордо провозгласила инфанта. — Я её сама делала.

Сперва король попробовал разрезать булку ножом. Потом — разрубить мечом. Наконец он расхохотался и сказал старшему хлеборезу:

— Отошлите-ка булку главнокомандующему, пусть сунет в пушку вместо ядра и стреляет в марокканцев.

Покраснев, надувшись, точно индюшка, инфанта вышла из-за стола и удалилась, задравши нос кверху. Ужинать вовсе не стала и утешать себя не позволила. Поутру сказала, что поедет кататься одна. Я-то видела, что она всё ещё горюет, и собралась было с ней ехать. Только она меня не взяла. Каждое утро, целый месяц кряду, уезжала она куда-то в своей роскошной карете, а куда — неизвестно. Мы и кучера спрашивали, но он признался, что ему велено держать язык за зубами.

И вот однажды, за ужином, когда король и инфанта уселись за стол, на золотом подносе внесли новую булку. Свежая, ароматная, ровно золотистая, с румяной корочкой! Король тут же отрезал кусок и съел, даже без масла, до последней крошки.

— Какой хлеб! Какой вкусный хлеб! Я такой булки в жизни не едал!

Испанская инфанта снова покраснела, но на сей раз — от радости.

— Я сама испекла её, папа. Своими руками! У меня пока ещё выходит не так хорошо, как у жены пекаря, но она говорит, что когда-нибудь я испеку самую лучшую булку во всей Испании.

Король крепко обнял и поцеловал инфанту:

— Я горжусь дочерью, которая печёт такие чудесные булки.

Инфанта стояла гордая, я её такой гордой и не видела прежде.

Зато после, много лет спустя, увидела я мою инфанту гордой пуще прежнего. Она послала за мной, чтоб я её первенца нянчила. Замуж она вышла за французского короля, и мы не виделись с самой свадьбы. Инфанта встретила меня на пороге дворца. Я обняла её и, конечно, спросила:

— Ну что, милая, каков твой младенец?

— Ой, Нянюшка! — воскликнула она радостно. — Я самая гордая женщина на свете. У меня самый-самый лучший сын! Ведь этим можно гордиться, правда?

НЕУЖТО ЛЮДИ ТАК ГЛУПЫ?

ы только посмотри! — воскликнула Старая Нянюшка, взяв в руки пару толстых серых чулок. Впрочем, чулки в них угадать было трудно, они скорее напоминали старые лохмотья. — Господи, это даже не дырки, а одна сплошная дыра! Ну, Роли, как тебе не стыдно!

смеются-заливаются. А на берегу куча одежды — лохмотья с кружевами вперемешку. Мы, разъярённые, мечемся по берегу, кричим, чтоб выходили из воды немедленно, а они ни в какую. Наконец старьёвщик вошёл по колено в воду и вытащил упрямец за шкирку. Стоят они перед нами в чём мать родила и ухмыляются лукаво. Графский опекун открыл было рот, чтобы графёнка пожурить, да так и застыл. Старьёвщик открыл было рот, чтоб отчитать сына как следует, и тоже замер. Дети, раздетые да начисто отмытые, были совершенно одинаковы — не отличишь. И видят, пострелята, что взрослые растерялись, и ещё пуще зубы скалят.

— Эй, сынок! — неуверенно говорит старьёвщик. Но ни один не отзывается: понимают, хитрюги, что, открой они рот, их вмиг распознают.

— Пойдёмте, монсиньор! — говорит опекун. А они оба головами мотают, точно немые. Тут меня осенило:

— Ну-ка, — говорю, — одевайтесь.

Я-то думала — выведу их на чистую воду. Но не тут-то было. Они похватали что под руку попадётся, один поверх рваной рубашонки сатиновый жилет нацепил, другой на кружевную рубашку рваный пиджачок напялил. Мы совсем растерялись.

Наконец старьёвщик с опекуном, рассвирепев, отвесили каждому по три удара палкой, думали — поможет, но мальчишки только заверещали. А верещат-то все одинаково, что графский сын, что бедняцкий.

— Кошмар какой-то! — сказал опекун. — Этак мы сейчас запутаемся и отведём в замок сына старьёвщика, а графу суждено будет расти в нищете! Неужели никак нельзя их различить? Неужели мы, люди, так глупы?!

ж-
ы;
тоб
ую.
и
ред
во.
оя-
ик
пе-
то
от-
ые
ёв-
ит-
от.
ун.
ле.
Но
ку
и-
у-
ем
е-
й,
е-
ф-
—
ок
и
ь?

«Старая Нянюшка»

«Берта Златоножка»

И вот стоим мы, головы ломаем, не знаем, как беде помочь, и тут, нарезвившись на при-волье, с лаем выскакивают из ивняка Жак и Хьюберт. Несутся к нам, радостно тьякают и... Дворяжка Жак безошибочно бросается к мальчику в сатиновом жилете, а породистый Хьюберт лижет лицо оборванца!

Уж теперь-то у нас сомнений не было. Преоделали мы мальчиков, и старьёвщик препроводил домой своего сынка, а опекун повёл с замок графского сына. В тот вечер графёнок и бедняцкий сынок получили на ужин одно и то же. Другими словами — улеглись спать на голодный желудок.

Но я одного не понимаю: как же собаки различили, кто есть кто? И неужто мы, люди, так глупы?

ПОКРОВ ИРАЗАДЫ

— силачей ты когда-нибудь нянчила? — спросил Роли. Нянюшка готовилась рассказать сказку и выуживала из корзинки чулок, который можно было ещё спасти. — Может, я самый сильный? — настойчиво продолжал Роли.

В последнее время он очень возгордился своими спортивными успехами. Упражнения с гантелями и впрямь давались ему лучше, чем Ронни.

— Бог с тобой, конечно, не ты. Тебе до них пока далеко. Самым сильным был Геракл. А может, Самсон. Оба крепышами уродились! Помню, я любила этих младенцев гостям показывать...

— А кто самая красивая из тех, кого ты нянчила? — спросила Дорис. Она, разумеется, вопросов в лоб не задавала, не уточняла «Может, я?», как делали братья, но втайне надеялась, что Нянюшка признает её самой красивой. Ведь люди про неё часто говорят: «Какая хорошенькая девочка!»

— Кто краше всех, я тебе наверняка скажу, — промолвила Нянюшка и принялась за штопку.

— Самой красивой из тех, кого я нянчила, была персидская принцесса Иразада. Вот все твердят о Елене Прекрасной, из-за которой Троянская война затеялась, но я-то знаю, что принцесса Иразада краше всех цариц и королей, вместе взятых. Так она была хороша, что на неё и глядеть было опасно. Люди за ней, совсем ещё крошкой, толпами ходили. Бывало, падут слуги ниц на ступенях дворца и ждут: вдруг Иразада покажется хоть на минутку, вдруг им удастся взглянуть на неё украдкой. Отец её, Шах, бросал государственные дела и смотрел на дочь с утра до ночи. Покажись она на улицах города — народ валом валил следом, провожая принцессу до самого дворца. Даже в отцовский сад, где она сидела одна-одинёшенька среди тюльпанов, вечно слетались птицы — взглянуть на её несказанную красоту.

А когда Иразада подросла, все принцы и короли принялись наперебой предлагать ей руку и сердце. Никто из них не видал Иразады, но слухами о её красоте полнилась земля. Её восхваляли люди, воспевали птицы, небесные ветерки шелестели о ней, волны нашептывали о красоте Иразады прибрежным камешкам. В назначенный день со всех концов света, с востока и с запада, съехались во дворец персидского

Шаха короли и принцы, чтобы Иразада выбрала среди них мужа.

Принцесса вошла — и все сердца захолонуло от её невиданной красоты. Она же стала вглядываться в лица, но стоило ей остановить на ком-нибудь взор, соперники тут же убивали

счастливец из ревности — чтоб не добился он благосклонности Иразады. В конце концов зал наполнился мертвецами. Два последних принца одновременно вонзили друг в друга клинки.

Однако и теперь ничто не изменилось. Во

всех странах на престол взошли новые цари и короли и опять пожелали заполучить в жёны персидскую принцессу. Очень мы тогда растревожились. Напуганный Шах предрекал:

— Они опять друг друга порешат! Один взгляд на мою Иразаду — и любой человек помутится рассудком от любви!

Наконец мы надумали спрятать красоту Иразады навеки. Спрятать от всех — даже от мужа, чтоб любовались либо все, либо никто. Так-то в мире поспокойнее будет. И когда новые короли приехали в Персию предлагать Иразаде руку и сердце, она вышла к ним, сокрытая покрывом. Никто не мог рассмотреть её лица.

— Вот моя дочь, — сказал персидский Шах. — И пусть тот, кого она выберет себе в мужа, поклянётся, что никогда не взглянет на её лицо и никому не позволит снять покров — вовеки, покуда она жива. Так кто тут хочет жениться на Иразаде?

Сперва один, потом другой, а потом и все короли растерянно посмотрели на укутанную фигурку принцессы и зашушукались. Им совсем не понравилось условие персидского шаха, их одолевали сомнения.

— Может, это вовсе не Иразада, — рассуждал один. — Под покрывалом они подсунут нам любую уродку.

— Даже если там Иразада, — рассуждал другой, — откуда нам знать, что она и впрямь такая красавица? Может, она страшна, как ведьма?

— Пускай она и вправду Иразада, — рассуждал третий. — Пускай она красива, как твердит молва. Но какой же муж по доброй воле откажется от красоты жены своей? Кто пожелает жену под вуалью?

Поговорили-поговорили да и разошлись. Зал опустел. Слух о шахском условии облетел всю землю, и с тех пор уже никто не просил руки персидской принцессы Иразады.

Шли годы, умерли отец и мать Иразады. Персией правил теперь другой шах, старые придворные сменились новыми. А Иразада всё жила во дворце, в своих покоях, и никто, кроме меня, её не видел. Красота сделала её бессмертной, но лишь я знала, что там, под покровом, Иразада по-прежнему молода и прекрасна. Все думали, что Иразада превратилась в ветхую старуху. Красота её к тому времени стала легендой.

А потом Персию покорили враги; завоеватель выгнал из дворца всех персов, а с ними и принцессу под покровом. Куда она ушла, неведомо никому. Но я-то знаю: не может сгинуть такая красота, по-прежнему блуждает где-то моя Иразада, сокрытая покровом от людских глаз.

ЛАПЛАНДЕЦ ЛИПП

кто был самым маленьким из тех, кого ты нянчила, — спросила у Нянюшки Дорис. — Наверно, китайская принцесса?

— Нет, — ответила Старая Нянюшка. Она искала дырки в носочках Мери-Матильды. — Принцесса и вправду была крошечной. Но Липп — и того меньше.

— Какой такой Липп? — спросил Ронни.

— Лапландец Липп, родом из Лапландии. По крайней мере, мне так объяснили. Меня тогда спешно вызвали и сказали, будто в Лапландии родился ребёнок, да такой крошечный, что его родная мать найти не может. Поезжайте, мол, ради Бога, помогите. Я и поехала. Только я его тоже не нашла.

— И что было дальше? — спросил Роли.

— Ничего.

— Ну а где же сказка про Липпа?

— Нету про Липпа никакой сказки, — ответила Нянюшка и таинственно добавила: — Я думаю, что и Липпа-то никакого на свете не было. Вот и дырок у Мери-Матильды я отыскать не могу. Их, верно, тоже нет. Ума не приложу, как эти носочки ко мне в корзинку попали?

ДЕРЕВЦЕ НА КРЫШЕ

от и у старшей девоньки дырка в чулке нашлась, — сунув руку поглубже в корзинку, Нянюшка вынула оттуда чулок Дорис. — Я вам, милые, расскажу сегодня сказку про одну девочку из Швейцарии. Когда я её нянчила, я и чинила чулки, и штопала, и вязала!

Звали ту девочку Лизель, и была она Лесниковой дочкой. Её батюшка жил на склоне горы, в чудесном домике неподалёку от хвойного леса. Лес укрывал беломраморную гору, точно лохматая медвежья шкура. А в вышине, над верхушками деревьев, блистали освещённые солнцем льды. Порой они сумрачно темнели под

густыми грозowymi тучами, но чуть покажется солнце — льдистые пики заблещут вновь. А иногда гор и вовсе не было видно, их скрывали густые туманы.

Лизель знала огромный лес как свои пять пальцев. Сестёр-братьев у неё не было, и друзья-ми её детских игр стали лесные травы да деревья. Самое высокое дерево она прозвала в честь отца Лесником, а маленькую пушистую ёлочку величала Лизель. И каждый день — а то и не раз — бегала поболтать с ёлочкой-подружкой, провести, как ей живётся-может. Однажды на прогулке вытянула Лизель розовую ленту из косы и говорит:

— У меня два банта, а у ёлочки Лизель ни одного. Я ей подарю! — И привязала на самую макушку розовый бант.

Наутро чуть свет бегом к ёлочке — проверить, не сдул ли ветер её подарок. Вернулась радостная: бант по-прежнему красовался на макушке. Но на другой день вернулась в слезах.

— Что стряслось, Лизель? — спрашиваю. — Неужто ветер стащил-таки твою ленточку?

— Ой, Нянюшка, — всхлипывает Лизель. — Всё хуже, намного хуже. Ленточки нет, и ёлочки тоже нет. Её кто-то срубил!

Насилу я мою Лизель утешила. Тут приходит её отец, Лесник, видный такой мужчина. И приводит с собой пригожего парня, сына Петра Гимзеля. Эти Гимзели жили в долине под горой и были богатеи. Как раз возводили под крышу второй дом. Предназначался он Гансу, когда тот женится да остепенится. Крышу намечалось крыть на следующий день, и Ганс теперь звал Лесника на пир, который Петер Гимзель хотел задать для работников и друзей.

Такой уж у них в Швейцарии обычай. Дом — под крышу, плотникам да каменщикам стол накрывают: пей, гуляй; а друзья приходят благословить новосёлов и пожелать им счастливой жизни под новой крышей. Называется праздник «Венчанье крыши».

Ганс был добрым парнем. Увидев заплаканную Лизель, он наклонился к ней с ласковой улыбкой:

— Не плачь, маленькая. Хочешь завтра на пир пойти?

— Ну ты чудила! — сказал Лесник. — Там только детей не хватает!

Но грустные глаза Лизель радостно засветились от доброты Ганса, и парень принялся уговаривать Лесника:

— Всем место найдётся — и старым, и малым. Приведите её, Нянюшка, и сами приходите.

Я пообещала привести девочку, а потом увести спать, ведь пир наверняка затянется за полночь. Наутро мы все принарядились: Лесник надел зелёный камзол с галунами и сунул в шляпу орлиное перо; я надела темно-красное шерстяное платье с чёрным фартуком и накинула на плечи цветастую шаль. А уж Лизель наша была просто загляденье: пышная белая блузка, короткая голубая юбчонка и чёрный бархатный пояс. А на шее позванивают серебряные цепочки, теряются под вышитым воротником. И вот, разодетые, отправились мы вниз, в долину. Там уж народ вокруг нового дома толпится; и внутри, и на улице длинные столы, всякой снедью уставлены; скрипач весёлую песенку наигрывает, кругом разговоры, смех, танцы и повальное обжорство. Увидев нас, из-за стола выбрался высокий, широкоплечий Петер Гимзель:

— Добро пожаловать, Лесник, добро пожаловать!

А юный Ганс подбежал к нам и взял за руку Лизель:

— Добро пожаловать, маленькая. Погляди-ка вверх — мы только что деревце на крыше приладили, как по обычаю положено!

— Ой, Нянюшка, — охнула девочка. — Это же ёлочка Лизель!

— Твоя ёлочка? — переспросил Ганс. Пришлось объяснять ему, что это за ёлка такая.

— Ну, прости, маленькая, прости, что поселил твоё деревце на своей крыше. Только ты сама виновата: я же самое красивое выбирал, а ты на свою ёлочку розовый бант повязала. Конечно, я его и выбрал. Думал, мне феи подсказывают лучшее в лесу деревце. Ну, прощаешь?

Моя Лизель покраснела и с робкой улыбкой вымолвила:

— Прощаю. Пускай ёлочка Лизель принесёт вашему дому счастье, господин Ганс.

Так и вышло. Ведь шесть лет спустя, когда Лизель стукнуло шестнадцать, а Гансу двадцать два, он привёл её в этот дом невестой. А в день свадьбы Лизель вплела в волосы ту самую розовую ленту, которую повязала когда-то своей ёлочке. Ганс хранил её в кармане все шесть лет, пока Лизель подрастала.

КИТАЙСКАЯ ПРИНЦЕССА

теперь и у младшей моей голубушки дырка протёрлась! — с этими словами Нянюшка вынула из корзинки носочек Мери-Матильды. — У нашей малютки и дырки-малютки. Да и немудрено — ножка-то у тебя не больше, чем у Китайской Принцессы.

Китайскую принцессу я нянчила в стародавние времена, Англия в ту пору была ещё безымянным островом на краю света. До Принцессы я нянчила её маменьку, вдовствующую Императрицу.

Принцесса росла самой очаровательной крошкой в мире — легкая, точно бабочка, и хрупкая, как стеклянная подвеска. Бывало, дашь ей на обед ложку риса — она и сыта, а скажет: «Нянюшка, пить хочу!» — так я налью молока в напёрсток — Принцесса напьётся да ещё и оставит половину. Спать я её укладывала в шкатулке с нитками, в уголке, а на простыни разрезала свой носовой платок — получилась как раз пара.

Слыхали когда-нибудь, как ударяют о стеклянные колокольцы дождевые капли? Точно так смеялась моя Принцесса. А когда ходили мы с ней на прогулку, уж как я её потерять боялась! Посажу в кошелёк, не закрываю его — так и несу. Идём мы по пекинским улицам, она то и дело выглядывает и сокрушается:

— До чего же много в мире великанов!

Зато в рисовых полях Принцесса глядела на порхающих бабочек и радостно приговаривала:

— Какие милые маленькие создания! Отчего они не приходят в гости во дворец?

Вот однажды получила Императрица депешу, что, мол, Татарский Хан желает взять в жёны её дочь, Китайскую Принцессу. Узнав об этом, малютка засыпала меня вопросами:

- Нянюшка, далеко ли Татарское ханство?
- Мне там понравится?
- А люди там большие или маленькие?
- А сам Хан какой?
- Я его полюблю?
- Он очень большой?
- А может, он маленький и хорошенький?
- А как он одет?

Не на все вопросы нашлась я, что ответить, но, услышав последний, сказала:

— В пурпурной мантии. Непременно в пурпурной мантии, как всякий порядочный хан.

— Пурпурная мантия,— повторила Принцесса.— Красиво! Теперь как увижу, я его сразу узнаю. Мой милый, маленький Пурпурный Хан! — и Китайская Принцесса захлопала в ладоши.

Очень она ждала своего Императора, а в день его приезда вдруг сказала:

— Нянюшка, мне нужно новое платье!

— Да Бог с тобой, куколка, у тебя их семь сотен, и все новые!

Ведь я принялась за шитьё, как только узнала о свадьбе, и шила не покладая рук.

— Да не эти! — топнула ножкой Принцесса.

Стояла она в это время на ногте моего большого пальца и топнула по нему пребольно.

— Мне нужно платье, достойное пурпурной мантии Хана.

— Где же его искать прикажешь? — спросила я.

— В рисовых полях.

Я посадила её в кошелёк, и мы отправились

в поля. День выдался знойный, над полем порхали бабочки, а за ними гонялся маленький китайчонок в голубой хлопковой рубаше. Бабочек он ловил прямо руками. Мы подошли уже совсем близко, когда он прихлопнул какую-то бабочку слишком сильно, и нежное, как цветок, чудес-

ное создание упало мёртвым к нашим ногам. Принцесса рыдала безутешно.

— Пускай постоит смирно, я оттащу его за волосы! — в гневе потребовала она.

Мальчишка приблизился и покорно склонил голову, а Принцесса ухватила за два волоска на его макушке и потянула изо всех сил — маленький китайчонок даже сморщился от боли.

— Ну вот! — утомлённо сказала принцесса. Ступай теперь прочь! И на глаза мне не попадайся!

Мальчик ушёл, а Принцесса попросила:

— Нянюшка, дай мне бедняжку!

Я подобрала бабочку. Принцесса погладила её пёстрые бархатные крылышки и, немножко всплакнув, улеглась в обнимку с бабочкой в самой глубине кошелька.

Я решила оставить её в покое — пускай погорюет вволю — и отправилась искать тень, чтобы переждать зной и Принцессины слёзы. Устроилась я под деревом, бабочки мельтешили в жарком мареве, а один мотылёк просто не отставал: так вокруг нас и вьётся, так и танцует. Краше бабочки я прежде не видывала. Сидела я тихонько, неподвижно, и мотылёк, осмелев, уселся прямо на мой кошелёк. Долго сидел, смирно, только усики длинные туда-сюда шарят. Мне померещилось даже, будто он говорит что-то, только — вот беда! — уши мои для тех речей непригодные, ничего я не разобрала.

Потом я то ли задремала, то ли забылась... А может, просто клюнула носом разок-другой. Но открываю глаза и вижу: мотылёк расправляет крылья, лететь хочет, а рядом другая бабочка — поменьше, пёстренькая, точь-в-точь как та, которую мальчишка убил.

Взлетели они вместе, крылышками друг друга касаясь, устремились из тени на солнце, покружили и скрылись вдали.

Пора было возвращаться — вдруг Татарский Хан уже приехал? Я шепнула в кошелёк:

— Эй, куколка, пойдём-ка домой. — Принцесса не отозвалась. Я решила, что она спит, и направилась во дворец. Шла не спеша — чтоб не разбудить малютку.

На пороге меня встретила королева:

— Нянюшка! Скорее! Хан въезжает в город, а вы куда-то запропастились! Ни тебя, ни Принцессы!

— Вот она, целёхонька, в кошельке сидит, — сказала я.

Открыли мы кошелёк, а он пуст, точно воздушный шарик! Мы все уголки в кошельке обшарили, все рисовые поля обежали — всё высматривали Принцессу в придорожной пыли. Хотя она никак — ну никак! — не могла у меня по дороге выпасть! Под деревом, где я отдыхала, каждую травинку перебрали. Принцесса исчезла без следа. Лишь бабочки вернулись и доверчиво уселись сперва ко мне на ладонь, а после — к Императрице. Та, что поменьше, встряхнула крылышками, словно говорит:

— Гляди, Нянюшка, на моё новое платье! И тут меня осенило.

— Как эта бабочка называется?

А Императрица ревёт в три ручья:

— Нянюшка, ну при чём тут бабочки? Не знаю я названий! Хотя та, что побольше, кажется, Пурпурный Хан. Ох, вечно ты невпопад спрашиваешь!

— Вытри-ка слёзы, — говорю. — Искать нам больше некого. Принцесса покинула нас без возврата. — Стряхнула я с руки бабочек и повела королеву домой.

У дворцовых ворот гудела толпа: в столицу приехал сам Татарский Хан, а невесты нет! Но, завидя нас, толпа загудела:

— Вон они! Вон Принцессина нянька идёт!

Хан, высокий красавец в пурпурной мантии, сбежал по ступеням нам навстречу. Он направился напрямик к Императрице и, обняв её, воскликнул:

— Моя Принцесса! Моя невеста! Моя красавица!

Императрица онемела от изумления. Да и я, признаться, тоже. Впрочем, вскоре Императрица пришла в себя и подала мне знак: молчи, мол. Император обнял её снова, а я тем временем махнула толпе: молчите, мол. Люди вмиг всё поняли, стоят — точно языки прикусили. Император повёл невесту во дворец. Так всё и сладилось. Да и что стал бы он делать с моей малюткой Принцессой? В кошелёк посадил бы? Так что ему, считай, повезло...

— Ох, я все боялась, что сказка окажется короткой, — сказала Дорис. — Ведь у Мери-Матильды совсем крошечная дырка.

— Твоя правда, — ответила Нянюшка. — Но штопать маленькую дыру — непросто. Тут нужна сноровка. А поспешишь — людей насмешешь.

ЗОЛОТОЙ ОРЁЛ

Вечно у вас, мальчишек, коленки разодранные, — сказала Нянюшка, вынимая из корзинки ещё пару чулок. — Ведь только что зашивала! Верно, опять по деревьям лазили. Точь-в-точь как Лионелло, тот, что лазил на отцовскую оливу, чтобы золотого орла поймать.

— А кто был этот Лионелло, расскажи, Ня-

нюшка! — попросил Роли. — Хватит про него сказки, чтоб эту дыру заштопать? — Роли очень надеялся, что сказка окажется длинной — дырка-то была огромной. Нянюшка просунула в неё целый кулак!

— Пожалуй, хватит. Моего Лионелло как раз хватит на твою дырку...

И, заправив нитку в штопальную иглу, Нянюшка начала:

— Лионелло жил в Италии, отец его служил садовником в господском доме, где я детей нянчила. Самого-то Лионелло я не нянчила, но всё про него знала, он у меня на глазах рос. Весёлый такой мальчонка, удачливый, и выдумщик в придачу.

Сады в поместье разрослись чудесные. Хозяином у нас был граф — тихий такой человек, незаметный, прошмыгнёт как мышка, и нет его; зато Лионелло важно, по-хозяйски расхаживал среди роз и фиговых деревьев, меж статуй и фонтанов, будто он тут самый главный. И я частенько слышала, как он говорил своим маленьким приятелям, крестьянским ребятишкам:

— Эх, не видали вы нашего сада! Фиги у нас огромные, точно дыни, а каждая роза — будто целый букет. Из фонтанов у нас не вода бьёт, а шампанское! А таких красивых статуй у самого итальянского короля в саду нет!!!

В нашем саду, мол, и то и сё, и пятое и десятое. Сейчас и не припомню всех небылиц, которые он про этот чужой, графский, сад выдумывал.

Но это так, к слову, просто чтоб вы знали, какой он был выдумщик.

Как-то раз встречаю его в дальнем конце сада, возле отцовской сторожки, у них там свой

клочок землицы был — граф отдал садовнику под грядки. В руке Лионелло держал сачок и шёл такой смелый, решительный, никого вокруг себя не замечал.

— Эй, Лионелло, — окликнула я. — Ты словно с драконом сражаться идёшь!

— Нет, — отмахнулся он. — Я иду ловить золотого орла.

— Да ну! А где ж ты его найдёшь?

— У отца, на оливе, — ответил Лионелло. — Они всегда там сидят.

Он отправился дальше, а я — за ним. Очень уж любопытно мне стало. У оливковых деревьев я остановилась, и вдруг из листвы клёкот,

хлопанье крыльев и Лионелло кричит что-то. Короче, неразбериха такая, что сразу ясно: на орла охота идёт.

Я поближе подошла, тут Лионелло как раз и спустился: рубашка разорвана, в чулке дырища, на щеке царапина, а под мышкой — матушкина жёлтая насадка, курица старая.

— Что, — говорю, — Лионелло, поймал своего золотого орла?

— А то как же! Ну, пошла, — и он отбросил насадку прочь. — У нас тут столько золотых орлов развелось — тьма тьмущая. Прямо не знаем, куда деваться.

Но и это так, к слову, просто чтоб вы знали, что Лионелло мой на выдумки горазд.

Из графского дома я ушла, когда Лионелло был ещё мал. Довелось мне тогда отправиться к королю-людоеду — людоедиков нянчить. Но несколько лет спустя случилось мне заехать в те края, и я навестила графских деток — ведь я своих питомцев никогда не забываю. Графские дети уже выросли, и молодой граф как раз собирался жениться на самой красивой девушке в округе. Я посмотрела на невесту и вмиг её вспомнила: она в детстве такая хорошенькая, ладная девчушка была.

Я её поцеловала и благословила. А потом спрашиваю:

— Что с Лионелло случилось?

— Жив-здоров, всё в той же сторожке, — улыбается графский сынок. — Он теперь у нас садовником, отец-то его умер. Кстати, Лионелло женился на прошлой неделе.

— Да ну! И на ком же?

— На Аните, дочке торговца углем.

— Помню-помню, — обрадовалась я. — Хорошая девочка, большею такая, курносенькая.

Попрощалась я со счастливыми женихом и невестой и пошла в дальний конец сада, к Лионелло. Он как раз поливал розы возле сторожки, узнал меня издали и весело так закричал:

— Нянюшка, привет!!! Как я рад тебя видеть!

— И я тебя рада видеть, Лионеллушко, рада, что не забыл старую.

— Тебя разве забудешь! Да ты и не изменилась совсем.— Сам-то он стал теперь пригожий, статный парень, но я говорю:

— Ты тоже ни капельки не изменился! — Он, конечно, и выше стал, и в плечах шире, но всё такой же весельчак, и глаза блестели так же ярко, как бывало в детстве. Он от моих слов развеселился не на шутку:

— Ой, Нянюшка, ой, уморила! Не изменился!!! Нет, шалишь! Изменился, да ещё как! Помнишь, как я сам себе голову морочил? Гонялся за наседкой и называл её золотым орлом? Ха-ха! Помнишь? Я-то думал, я обманываю тебя, а на самом деле только себя и дурачил.

— Зато был счастлив.

— Ещё как! Впрочем, я и теперь счастлив. Я теперь даже счастливей прежнего.— Он взглянул на меня, широко улыбнулся и радостно выпалил:— Я на прошлой неделе женился!!!

— Что ты говоришь!

— Да-да! И как ты думаешь, на ком? Ну же, Нянюшка, догадайся! Красивей девушки во всей Италии не сыщешь!

— Неужели?

— Правда-правда! И знаешь что? Молодой граф теперь тоже женится. Раньше всё решиться не мог, а потом я женился на Аните, и он вдруг понял, что самую-то раскрасавицу из-под

носа увели. Ну, он и взял вторую по красоте. Она, конечно, хороша, только жене моей и в подмётки не годится. Пойдём, я тебе Аниту покажу.

Шла я в сторожку вслед за Лионелло и всё думала, как же простушка, какой Анита в детстве была, смогла в красавицу вырасти? Тут и сама Анита на пороге показалась, подбежала к нам, улыбается: мне — радостно, а Лионелло — и того пуще.

Лицо девушки осветилось улыбкой, и не беда, что осталась она прежней курносой простушкой. Лионелло просиял и шепнул мне на ухо:

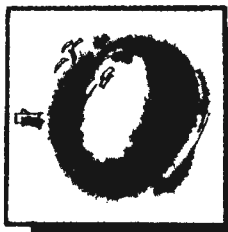
— Видишь, Нянюшка! Что я тебе говорил? Краше во всей Италии нет!

С этими словами Нянюшка закрепила нитку и оторвала хвостик.

— Ой, Нянюшка! — воскликнул Роли. — Неужели заштопала? Так быстро... Дыра же была такая огромная!

— Верно, мой милый. У некоторых на коленках такие дырки, что вовек не заштопаешь. Вот и приходится заплатки ставить.

ДВА БРАТА

х-ох-онюшки, — вздохнула Старая Нянюшка, взглянув на корзинку нештопанных чулок. — А прежде-то, в Греции, ни девочки, ни мальчики чулок не носили. Знай их матери, от какой маеты их судьба избавила — порадовались бы.

— А что же ты им не сказала? — спросила Дорис.

— Да я, девонька, и сама не знала. Я тогда, помню, Талию нянчила. — Нянюшка произносила «Тали́я» в рифму с «Мария́». — В те стародавние времена о чулках и не помышляли. У Талии была одна одёжка — маленькая белая туника, а руки, ноги и шейка оставались голыми. Ах да, ещё было одеяние: поясok из зелёных листьев и венok из луговых цветов, она их сама на прогулке плела. Талия была единственной дочкой знатного афинянина, и было у неё два брата — на десять лет старше и тоже близнецы, вроде Ронни и Роли. Только разница у них с сестрой не то что у вас Талии десять лет было, а им по двадцать.

Звали братьев Саймон и Даймон, и в сестрёнке своей они души не чаяли, даже ревновали её друг к другу, хотя сами дружили — водой не разольёшь. Сестрёнка между тем подросла, превратилась из младенца в хорошенькую девочку, и Саймон с Даймоном наперебой старались ей угодить, чтоб она полюбила одного брата крепче, чем другого. Только у Талии день на день не приходится: то она больше Саймона любит, и Даймон тогда ходит мрачный как

туча; то она к Даймону льнёт, и тогда Саймон хмурится и брата сторонится.

Однажды Талия исчезла. Я зазевалась, а она выбралась из дворца и пропала. Сперва мы не тревожились, ведь она частенько убегала погулять. Но прошёл час, два, три. Мы кинулись на

поиски, и вскоре стало ясно: нет её ни во дворце, ни поблизости. Отец разослал гонцов во все концы Афин. Простой люд любил Талию, всякий узнал бы её и защитил, ни один волос не упал бы тут с её головы. Но никто в Афинах её не видел. Тогда мы принялись искать её по лесам и лугам за пределами города. Наконец в горах повстречался нам старый пастух. Он нёс яг-

нёнка, отбившегося от отары. Спросили мы его о беглянке и услышали в ответ:

— Видел-видел. Забрела ко мне с утра, с ягнятами поиграла. Уж не знаю, кто она такая, только ягнята её ничуть не боялись. А мне что? Пусть играет. Потом вдруг словно тень от крыльев над головой пронеслась. Испугался я, думал — орёл. Бросился отару сбивать. Но потом вижу: не орёл это, а сияющий бог с крылышками на ногах. И спустился он с неба вовсе не за ягнятами, а за девочкой, которую вы ищете.

Поняли мы, что нашу Талию похитил Гермес, из всех богов только у него на ногах крылышки.

Даймон вскричал:

— Я найду сестру или погибну!

И Саймон ему вторит:

— Найду Талию или погибну!

— Вы ей братья? — спросил старик пастух.

— Да, — отвечают они хором.

— Тогда мне велено кое-что вам передать.

Поднявшись в воздух до самых макушек деревьев, Гермес остановился и крикнул мне: «Когда братья придут её искать, скажи, что я верну её тому, кто пожертвует для неё самым дорогим. Пускай при тебе ответят, что готовы они отдать. Незримый для людских глаз, я буду рядом и услышу всё».

— О, Гермес! — воскликнул Даймон. — Где бы ты ни был, услышь меня! Верни сестру, и я отдам тебе свою силу, пусть бессильно падут мои руки и я не смогу снова коснуться её нежных щёк.

— О, Гермес! — воскликнул Саймон. — Я отдам не только силу, я отдам свой голос, пусть вовеки не произнесу я милое сердцу имя.

— О, Гермес! — перебил его брат. — Кроме

силы и голоса я отдам своё зрение. Пусть мне вовек не коснуться, не позвать, не увидеть милой Талии.

— О, Гермес! — перебил его брат. — Я отдам силу и голос, зрение и слух. Пусть никогда не коснусь я сестры, не увижу её, не позову и не услышу в ответ её звонкий голос.

— Кроме того, — снова вступил Даймон, — я готов отдать свою жизнь, лишь бы Талия вернулась домой целой и невредимой.

— И я! И я готов умереть, Гермес! Я тоже умру с радостью, лишь бы спасти сестру.

Саймон и Даймон злобно уставились друг на друга: вдруг брат вспомнит ещё что-то, позабытое, и сестру вернут ему? Обоим казалось, что кроме собственной жизни им уже нечего отдать. И они ждали, надеясь увидеть Талию прежде, чем настигнет их смерть.

Но чуда не произошло. Бог не появился. Казалось, сестра теперь потеряна навсегда. Глаза братьев наполнились слезами, взгляды потеплели, ненависть сменилась сочувствием и скорбью, и Саймон с Даймоном раскрыли друг другу свои объятия. Они сказали — одновременно, точно сговорившись:

— Брат мой, сестра потеряна для нас навсегда, но если б ей суждено было вернуться, я не ревновал бы её больше, я бы отдал её тебе с радостью!

Едва они проговорили эти слова, старый пастух трижды дунул на ягнёнка, и пред нами предстала маленькая Талия, милая и весёлая, как прежде. Она кинулась обнимать братьев, а старик у нас на глазах превратился вдруг в юношу, в сияющего великолепного бога с крыльшками на ногах, взмыл в небо яркой стремительной птицей и исчез в синеве.

МОРСКОЕ ДИТЯТКО

от и опустела корзинка. Старая Нянюшка рассказала столько сказок, что перештопала все чулки и носки у Дорис, и Мери-Матильды, и — даже — у Ронни и Роли! Конечно, завтра они понаделают новых дырок. Но пока Нянюшка сидит у камина, сложив на коленях руки, и ждёт, чтобы дети заснули.

Все уgomонились. Только Мери-Матильде не спится. И не грустна, и не больна, да только сна — ни в одном глазу. Всё встает и смеётся, глядя на Нянюшку поверх прутьев детской кровати. Нянюшка подойдёт, уложит её, подоткнёт одеяло, а она перевернётся, выглянет из-за прутьев и опять засмеётся.

— Спать пора, Мери-Матильда, — баюкает Нянюшка. — Закрой глазки да засыпай.

Но не спится Мери-Матильде. Наконец Нянюшка берёт девочку на руки, идёт с ней к камину и — небывалое дело! — принимается тихонько укачивать.

— Что, девонька моя? Не спится? — воркует Нянюшка. — Неужто совсем не спится? Вот и дитяtku морскому не спалось. Она у меня вовсе не спала — ни днём, ни ночью. Первая моя питомица! Никому я о ней не рассказывала. А тебе, уж так и быть, расскажу. Закрывай, Мери-Матильда, глазки да слушай.

Не скажу тебе точно, когда это случилось. Но Потоп уже давно схлынул, и люди снова по Земле расплодились. От роду мне было лет десять, и никуда я ещё не выбиралась из родной норфолкской деревеньки. Так и жила у моря с

отцом да с матерью. Отец рыбачил и пахал, а мать варила и кормила, стирала и убирала, ткала и прjala. Такая уж мужская и женская доля испокон веков. Так что не скажу я тебе точно, когда я появилась на свет, когда морское дитяtko нянчила.

Произошло это так. Наша хижина стояла на краю утёса, и волны во время прилива бились под самыми окнами. Зато во время отлива море откатывало так далеко, что и глазу не видно. Старики говорили, будто ещё до Потопа, давным-давно, волны и в прилив до деревни не добирались, а утёс наш выдавался в море гораздо дальше. И там, на дальней оконечности утёса, стояла другая деревушка. Но когда схлынули воды Потопа, утёс так и не обнажился, дальняя деревня так и осталась на дне морском, и в штормовые ночи оттуда доносился звон — то били колокола на церковной звоннице. Не смейся, девонька, не смейся над Старой Нянькой. Мы в это чудо крепко верили, а в один прекрасный день поверили и того крепче.

Разразился в наших краях страшный шторм. Старики и те страшней не видавали: точно снова Всемирный Потоп нахлынул. День был чёрен как ночь, ветер сметал людей будто щепки, а дождь лил, словно разверзлось над головой ещё одно море. Дом сотрясался от непрерывных раскатов — такой грохот не перекричать, и мы приворовились объясняться знаками. А молнии сверкали до того ярко — матушка даже нитку в иголку вдеть успевала. Короче, всем штормам шторм! Мама перепугалась до смерти, но отец поглядывал на небо и говорил: — Пронесёт! Обойдётся!

Отец мой знал толк в погоде — что предсказал, то и вышло. Отсверкали молнии, послед-

ние раскаты стихли вдали, дождь кончился, ветер стих, небо расчистилось, и закатное солнце озарило мокрый прибрежный песок, превратив его в золотую скатерть. Сколько видно глазу — кругом золото. Ибо шторм сотворил чудо: он увёл с собой море и обнажилось дно — без конца и края. И там, вдалеке, на золотой скатерти, мы увидели крохотную деревушку, сиявшую в закатных лучах.

Только вообрази, Мери-Матильда! Мы своими глазами увидели затонувшую деревню!

Все высыпали на берег. Вдруг я сорвалась с места, и вся ребятня за мной. Мы бежали по бывшему дну к воскресшей деревне, а родители кричали нам вслед:

— Вернитесь! Одумайтесь! Море вот-вот хлынет вспять!

Но очень уж нам хотелось рассмотреть деревеньку вблизи. А потом и родители поддались искушению и побежали за нами по песчаному дну. Уже можно было различить дома — точно золотые кирпичики, блестели они на солнце, улицы извивались золотыми ручейками, а церковный шпиль сиял, точно огненная игла.

Добралась я до деревни первой. Я ведь отменной бегуньей росла: любого обгоню — и малого, и большого — и не устану ни капельки. Под конец мы, правда, уже не бежали, слишком далёк оказался путь. Но я поспешала и, ступив на деревенскую улицу, завернула за угол. Вдруг кто-то из взрослых за спиной крикнул:

— Глядите! Там дальше — море!

И в самом деле — на горизонте блестела полоса воды.

— Осторожно! Оно может нахлынуть в любую минуту! Мы не успеем! Нас смое!

Выглянула я из-за угла, смотрю: все повер-

нули обратно, бегут что есть мочи. Никто меня не заметил, не окликнул. Родители, верно, думали, что я опять впереди, во главе ребячьей ватаги. Так я и осталась одна-одинёшенька в затонувшей деревне.

Как же славно я погуляла по улицам! Заглянула в каждый дом, в каждую комнату. Даже в церковь зашла! Всё осталось, будто час назад тут ещё кипела жизнь, будто вот-вот вернутся хозяева и заживут сызнова. В садах цвели цветы, ветви гнулись под тяжестью яблок, столы стояли накрытые, еда тёплая, на очагах — кастрюли да чайники, на полах игрушки рассыпаны. А в спальнях, наверху, непременно кто-то спал — в каждой кровати. Дедушки и бабушки, отцы и матери, юноши и девушки, мальчики и девочки — спали крепким сном, не добудишься. Лишь в одном доме, в комнатухе под самой крышей, нашла я в колыбели маленькую девочку, которая не спала.

И скажу я тебе честно, что я в жизни не видывала ребёнка слаще и краше. Глаза голубые, точно волны морские, недаром море застило ей солнце столько лет. Кожа белая-белая, как морская пена, а волосы золотые — словно песок на закатном солнце. Она заметила меня, села в колыбельке и радостно загукала. Наклонилась я, и она тотчас ко мне на руки пошла, как к родной. Я — давай её по комнате таскать, вверх-вниз качать, играть с ней по-всякому. И приговариваю: «Дитятко! Дитятко моё морское! Красавица моя». Но вот поднесла я её к окну, показываю, как что называется, и вдруг вижу: море-то вдали зашевелилось!

Бежать, думаю, надо — не то смое! Так и выскочила из дома, с ребёнком на руках, и припустила что было сил к далёкому берегу.

Наши много следов на золотом песке оставили — по ним и бежала. Остановилась раз дух перевести, оглянулась: деревня по-прежнему сверкает на солнце. А вдругорядь обернулась: деревни и след простыл, на том месте уже волны плещут, меня догоняют.

Остаток пути я пролетела как на крыльях. Первые маленькие волны мне уже пятки щекотали, когда на берег выбралась. Вбежала я в дом с морским дитятком на руках — никак отдышаться не могу. Дома никого не было, родители к тому времени опомнились — бросились меня искать. А я отнесла девочку наверх, уложила в свою постель, молочка ей согрела. Только она от молока отвернулась, ни есть ни пить не хочет. Ей бы всё играть да смеяться! Поиграли мы с ней, посмеялись, а потом я её снова уложила. «Спи», — говорю. А она опять за своё: играть да смеяться!

— Закрой, дитятко, глазки, — говорю я ей. — Баюшки-баю, баюшки-баю.

Баюкаю я морское дитятко, как, бывало, матушка меня баюкала. А она знай смеётся.

Тогда я говорю по-маминому:

— Ах ты, непослушная девочка!

Но ей хоть бы что, смеётся-заливается.

Я и сдалась, и стали мы опять вместе веселиться.

Тут как раз матушка домой вернулась, услышала наш смех, обрадовалась, что я цела и невредима, прибежала наверх... Как же она удивилась, увидев у меня на руках морское дитятко! Я ей всё рассказала, она кликнула отца. Он тоже всё выслушал и стоит в затылке чешет, не знает, как быть.

— Мама, пусть она у меня останется! — попросила я.

И матушка согласилась:

— Что ж, девать её теперь всё равно некуда. Но нянчить сама будешь!

А мне только того и надобно! Всю жизнь я кого-нибудь нянчила: то полено, то котёнка, то мамину шаль узлом свяжу — точно там, внутри, ребёночек спелёнутый. А тут настоящий, живой ребёнок! Целую неделю я была сама не своя от радости. Одевала её, раздевала, купала, причёсывала; играла с ней, танцевала, гуляла и развлекала. Кормить тоже пробовала, но она — ни в какую. И спать уложить мне её ни разу не удалось. Я и баюкала, и пела, и качала, — но морскому дитятку не спалось.

Меня это не тревожило, зато матушка очень беспокоилась. Я слышала, как она говорит отцу:

— Непростой это ребёнок, ох непростой. Помяни мое слово.

Спустя семь дней после шторма я вдруг проснулась среди ночи — сама не знаю, что меня подняло. Вокруг тишина, родители улеглись давно, и дитятко морское возле меня тихонько лежит. Полная луна заливала окошко ярким серебряным светом, и вдруг вижу: снаружи, за окном, будто плывёт что-то. Я сперва решила, что это облако, но оно приблизилось, и я разглядела женщину. Она плыла по воздуху, точно под водой! И глаза её были крепко закрыты — она спала!

Сквозь распахнутое окошко она вплыла ко мне в комнату и опустилась на кровать — как пловец возле берега касается дна. Она легла и крепко обняла морское дитятко, которому, как всегда, не спалось.

— Баю-бай! Баю-бай! — произнесла она, но не по-маминому, а словно волна тихонько нахлынула на прибрежный песок. Шуршанье при-

боя — первый на земле звук, первый или последний вздох... Меня стало сразу клонить в сон: голова тяжелела, глаза слипались. И дитятко морское тоже сомкнуло глазки. Дальше я ничего не видела, потому что заснула. А наутро морского дитятки рядом не было. Куда она делась? Не спрашивай, Мери-Матильда. Верно, уплыла моя девочка в страну снов. Баюшки-баю! Баюшки-баю! Спи, моя хорошая, спи!

Вот и Мери-Матильда спит. Нянюшка кладёт её обратно в кроватку, гасит свет и неслышно выходит из детской.

«Гордая инфанта»

«Морское дитяtko»

ЭЛИНОР ФАРДЖОН

Сказки, рассказы,
притчи

СЕРЕБРЯНКА

Вам, Клифтон и Иома, — тем,
кто творил эту сказку на сцене

Глава I

МАМАША КОДЛИНГ И ЕЁ СЕМЕЙСТВО

амаша Кодлинг держала в Нёр-
фолке, почти на самом морском
берегу, ветряную мельницу. Там
и жила. Муж её, мельник,
много лет как умер, и Мамаша
Кодлинг управлялась с мельни-
цей и своим семейством в оди-
ночку. Ветряк, однако, крутился, мука моло-
лась, и маленькие Кодлинги ходили сытые,
одетые и обутые. Жернова превращали спелые,
золотистые зёрна пшеницы в белейшую муку;
время превращало потомство Мамашы Кодлинг
из младенцев-сосунков в мальчиков и девочек;
белейшая мука превращалась потом в румяные
булки, а мальчики и девочки вырастали в здоро-
вых, румяных юношей и девушек.

Всего их было шестеро: четыре сына и две
дочки. Эйб, Сид, Дейв и Хэл Кодлинги работали
в поле от зари до зари — пахали, боронили,
сеяли и жали. Вся четвёрка удалась как на под-
бор: дюжие, ладные, сколько на стол ни по-
ставь — всё сметут. Говорили они мало, а думали
и того меньше. Таковы уж были Эйб, Сид,
Дейв и Хэл Кодлинги, и добавить тут нечего.

Долл Кодлинг, цветущая девица восемна-
дцати лет, была пышна и мила, точно махровая
роза. Щёки — как клубника со сливками, воло-

сы — пшеничное поле перед жатвой, а глаза — большущие, синие, ласково-безмятежные, словно море ясным летним днём. Помимо красоты старшая дочка Мамаши Кодлинг отличалась мягким характером, и сердце у неё было доброе. И всем бы она была хороша, не будь... ленива! Увы, Долл Кодлинг уродилась лентяйкой, точно зверёк-ленивец, что всю жизнь готов провисеть вниз головой на ветке. Долл же готова была всю жизнь просидеть, сложив руки на коленях и мечтая о том, что будет дальше. А поскольку дальше всегда бывает либо завтрак, либо обед, либо полдник, либо ужин, Долл постоянно вынашивала одну завтрачно-обеденно-полднично-ужинную мечту. Такова Долл Кодлинг.

Полл — сестре не чета. Была она в семье самой младшей, ей стукнуло только двенадцать годков. Смугла как орех, востра как пила и любопытна как котёнок, который суёт свой нос везде и всюду. Она так и не отучилась спрашивать: «Почему?» Через «почему?» проходят все дети, но у большинства вопросы в конце концов иссякают, Полл же задавала их неустанно. Ей хотелось всё про всё знать, и, покуда не находился ответ, успокоиться она не могла. А найденный ответ порождал новый вопрос, и так — без конца. Полл постоянно что-то узнавала, выясняла, стремясь получить ответ на самый наипоследний вопрос, но это ещё никому и никогда не удавалось, и — она снова спрашивала. Таков был её удел. И такова сама Полл.

Что до Мамаши Кодлинг, то была она в полтора, а то и в два раза толще твоей собственной матушки и телом напоминала куль с мукой; руки её — с перевязочками на локтях — вздымались, точно взбитые сливки, а ладони круглились, точно беляши, какие любят выпе-

кать все норфолкские хозяйшкн, потому и зовут эти беляшн норфолкскнми. Мамаша Кодлннг проводнла в хлопотах столько же времени, сколько её дочка Долл — в безделье, то есть хлопотала она с утра до вечера. В голове у неё было не больше мыслей, чем у её сынков, Эйба, Снда, Дейва и Хэла, вместе взятых, то есть считайте, что мыслей у неё не было вовсе. Зато поболтать Мамаша Кодлннг любила — не всякую минуту, а под настроение. Впрочем, ничего мудрого она не изрекала. К детям своим она, разумеется, питала самые нежные чувства, но распознать их было не так-то легко, уж больно глубоко таились: вроде изюминок, по случайности попавших в тесто, — найдёшь, если повезёт. Едва занимался рассвет, Мамаша Кодлннг бралась за работу: пекла хлеб, варила пиво, драила кастрюли, шила одежду, чинила бельё, пряла лён, ткала полотно, стирала, крахмалила, гладила, заливала масло в лампы, мела полы, колола дрова, чистила медные тазы и чайники, приглядывала за ветряком — чтоб крутился, за жерновами — чтоб мололи; и так — до полуночи. Такова Мамаша Кодлннг. Дети называли её «мамня», поскольку все дети называли так своих матерей в те далёкие времена, когда Норфолк был ещё королевством. А правил королевством настоящий король по имени Ноличек.

Мельница Мамаши Кодлннг стояла на пригорке посреди поля, и поле это тянулось до обрывистого морского берега. С порога кухни глазу открывался золотой ковёр пшеницы, за ним стелилось зелёное покрывало моря, а совсем вдаль оно сливалось с голубым пологом неба. Остановиться глазу было не на чем — разве птица где пролетит или облако проплывёт, да ещё под ногами заалеет вдруг мак.

Вот и всё.

Больше о мельнице Кодлингов и о самом семействе и сказать-то нечего.

Глава II

БЕЛЯШИ

Одним ясным утром Мамаша Кодлинг стояла возле кухонного стола и месила тесто, сунув в него руки по самые локти. Она пекла, сегодня хлеб на всю неделю и беляши к обеду.

Полл опустилась на колени возле печки и шуровала кочергой, разгребая угли.

Поодаль, у веретена с льняной куделью, сидела Долл. Нога её покоилась на прялке, и, казалось, она спала крепким сном. Руки девушки, позабыв пряхсть, мирно лежали на коленях, а глаза лениво следили за кудрявыми пушистыми облачками, что лениво влеклись по небесной глади.

— Ж-ж-ж-ж... — однозвучно роились Доллечкины мысли, точно пчёлы под полуденным солнцем. — Ж-ж-ж...

— Уф-уф-уф, — пыхтела над кадкой с тестом Мамаша Кодлинг.

— Ой-ёй-ёй! — взывала вдруг Полл, отбросив кочергу.

— Что такое? — спросила мамаша Кодлинг.

— Палец обожгла.

— Иди, мукой присыплю.

Полл подошла к матери, и та высыпала ей на палец щепотку муки.

- Маманя, скажи, почему угли жгутся?
 - Потому что жгутся.
 - А мука почему от ожога помогает?
 - Потому что помогает.
 - Мамань, а на обед сегодня что?
 - Выгребешь угли вовремя, будут беляши.
- А не выгребешь, ничего не будет.

Мамаша Кодлинг отлично справлялась с не-
уёмным дочкиным любопытством. Она твёрдо
знала, что на каждый вопрос существует один
простой и понятный ответ, и задавать вопросы
поэтому — дело зряшное. Однако маманины от-
веты редко удовлетворяли младшую дочку: она,
голодная, жаждала целого каравая, а ей бросали
лишь жалкие крошки. Но — делать нечего —
Полл покорно вернулась к печке, выгребла угли
и подбросила пару полешек. Мамаша Кодлинг
покосилась на старшую дочь.

— Эй, ленивица, хватит мечтать! И чтоб к
следующему воскресенью этот моток был спря-
дён, слышишь?

Долл крутанула веретено, но тут же снова
застыла. Мать тем временем проворно лепила
беляши и, обваляв их в муке, выкладывала на
противень.

— Это Эйбу, — приговаривала она. — Это
Сиду. Это Дейву. Это Хэлу. А это для Долл
и для Полл.

Вскоре вдоль первого рядка вырос второй.

— Это каждому добавка. — Мамаша Кодлинг
довольно оглядела свою работу. — Чтоб сыты
были.

— Сколько там, маманя? — очнулась от
мечтаний Долл.

— Ровно дюжина, — отозвалась Мамаша Код-
линг, стряхивая с рук муку.

— Так мало?

— Дюжины тебе мало?

— Так не мне ж одной, — вздохнула Долл. — Нас, как-никак, шестеро.

— Нас семеро, — встряла в разговор Полл. — Ты, мамань, на свою-то долю сделала?

— Пора бы знать, что я беляши терпеть не могу, — заявила мамаша Кодлинг и принялась выкладывать хлеба на лопату с длинной рукоятью.

— Задвинь подальше, — велела она Полл. — А спереди оставь место для противня с беляшами.

Они с Полл давно уговорились меж собой, что сегодня — большой выпечной день.

— Теперь, девонька, закрывай дверцу. Да смотри, не хлопни!

— Почему нельзя хлопать?

— Тесто осядет.

— Почему?

— Осядет, и всё тут, — отрезала Мамаша Кодлинг, прибирая на столе.

— Мамань, а почему беляши в печке вырастают: попадают туда маленькими, а выходят большими?

— Так и с девочками бывает — сначала маленькие, а потом, глядишь, большие.

Полл ненадолго примолкла, но вскоре зада-
ла новый вопрос:

— А сколько времени вырастают беляши?

— Каждые полчаса подходят, — ответила мамаша Кодлинг и заглянула в ларь с мукой. — Надо же, мука кончилась. Пора новой смолоть.

И она направилась на мельницу, дав напоследок такой наказ:

— Ты, Полл, возьми корзинку и беги на берег. Если Чарли Лун сегодня с уловом, возьми для меня палтусов жирненьких, да не пару,

а побольше — чтоб на добрый обед хватило. А тебе, Долл, хватит бездельничать, — бросила она уже через плечо. — Слышишь?!

Мамаша Кодлинг удалилась.

Полл тут же вскочила и сняла корзинку с гвоздя. Долл же осталась сидеть, как ни в чём не бывало, даже пальцем не шевельнула.

— Долл, — окликнула её сестрёнка.

— А? — отозвалась Долл, не сводя глаз с кудрявого кремового облачка.

— О чём ты мечтаешь?

Долл медленно перевела взгляд с облачка на сестру и, проникновенно вздохнув, сказала:

— О беляшах.

— О беляшах?! — Полл ушам своим не поверила. — Как ты можешь мечтать о беляшах?

— Могу, — просто и искренне сказала Долл.

— Но беляши не годятся для мечты. Они не мечтательные!

— Разве?

— А сколько беляшей помещается в твоей мечте?

— Ровно дюжина.

— Господи! Ты же лопнешь! — воскликнула Полл.

— Вот бы проверить...

— Я не то что мечтать, подумать не могу о дюжине беляшей сразу, — недоумённо проговорила Полл. — После пяти они начинают толкаться, пихаться, и я сбиваюсь со счёта. Послушай, Долл...

— А?

— Почему беляши подходят каждые полчаса?

— Спроси чего полегче. Раз маманя говорит, значит, так оно и есть. Она знает.

— И я хочу знать... Всё на свете!

— Хорошо бы,— зевнула Долл.— Перестала бы вопросы свои дурацкие задавать.

— Ну, ты, лентяйка, не обзывайся!

— Ладно-ладно. Работящих в этом доме хватает,— примирительно сказала Долл.— Ненавижу я прясть и не буду! — Она в сердцах оттолкнула от себя колесо прялки.

— А почему ты ненавидишь прясть?

— Потому что не умею. Сама погляди! — предложила сестрѐнке Долл и принялась сучить нить пухленькими неловкими пальцами.

— Да уж,— с усмешкой заметила Полл,— не ахти.

— Никто не хочет делать то, что не умеет,— обиженно сказала Долл.

— Что ты! — с жаром воскликнула Полл.— Я, например, не умею как птица летать, но очень хотела бы научиться. И бегать словно заяц я тоже не умею, но очень хочу. И прыгать как блоха не умею, а хочу. И королевой Норфолка мне не стать, а...

— Зато,— перебила сестру Долл,— ты отлично умеешь бегать с корзинкой к Чарли Луну и обратно. Беги, глянь, что ему в сети попало. И выбирай палтусов покрупнее! — крикнула она вдогонку.

Полл тем временем ступила за порог. Над крыльцом с пронзительными возгласами реяли чайки. Последний вопрос Полл задала уже с нижней ступеньки.

— А о палтусах ты тоже мечтаешь?

Долл задумалась.

— Могу и о палтусах,— промолвила она наконец.— Только о беяхах лучше мечтается.

— Киу! Киу! — громко заверещала Полл, подражая гортанным, резким крикам чаек.

Внезапно их голоса потонули в гомоне

целой стаи: какие-то птицы вдалеке курлыкали и хлопали крыльями. Их крики походили на треск свежесотканного, не белённого ещё полотна, когда его рвут.

Даже Долл — уж на что ленива — и то обернулась.

— Должно, серпоклювки над Ведьминым лесом пролетают, — сказала она.

Сёстры прислушивались к тревожному гомону, пока он наконец не затих вдали. Полл стояла на пороге и хмурила лоб в глубокой задумчивости.

— Долл!

— Что?..

— Почему серпоклювки курлычат всего сильнее над Ведьминым лесом?

— Спроси чего полегче, — сказала Долл, хотя имела в виду совсем другое: ни о чём меня больше не спрашивай.

— Ну и ладно, — насупилась Полл. — Вот вырасту и без тебя всё узнаю.

И Полл отправилась через поле к берегу, помахивая пустой корзинкой.

Глава III

ДОЛЛЕЧКИНА МЕЧТА СБЫВАЕТСЯ

о чего ж хорошо одной остаться! — сказала себе Долл, провожая взглядом шуструю тоненькую фигурку сестры. — И почему люди так болтливы?..

Сама Долл болтливостью не отличалась — шевелить языком

ей было лень. Кругом тишина, только поскрипывают мельничные крылья. Долл явственно представила, как течёт под жернова струйка твёрдых золотистых зёрнышек, как сыплется из-под них белоснежная мука.

«Крутись, ветряк! А вы, камни, перетирайте зерно! — думала Долл. — Мелите муку, побольше муки, ещё больше! Мелите муку для беляшей. Горсти, меры, лари, мешки отличной пшеничной муки! Дюжины и дюжины огромных, круглых, пышных, жирных беляшей».

Долл даже слюнки сглотнула от восторга. А потом она откинувшись на стуле, голова её свесилась набок, прелестный ротик чуть приоткрылся... Курлыкали серпоклювки, кричали чайки, скрипела мельница, жернова перетирали золотые зёрна, явь перетекала в сон, и все звуки кругом, сливаясь воедино, нащёптывали:

Королева Норфолка!..

Королева Норфолка!..

Королева норфолкских беляшей!..

Доллечкина головка клонила всё ниже, ниже, вот — упала на плечо... Девушка вздрогнула и проснулась. Протёрла глаза и пожала плечами:

— Королева Норфолка? Вот ещё! Кому охота быть королевой Норфолка?

— Никому, ежели он в здравом уме и твёрдой памяти, — подхватила вернувшаяся с мельницы Мамаша Кодлинг. — Хватит мечтать, Долл. Ишь, чего выдумала! «Королева Норфолка»! Таким, как ты, королей да королевичей приманить нечем.

— Мамань, я и не думала... — начала было Долл, но где уж ей унять Мамашу Кодлинг.

— То-то и беда с тобой, девонька! Забиваешь

голову невесть чем. Тебе и помышлять-то о короне не пристало! Ишь, размечталась. Небось нацепила бы одёж из золотой да серебряной парчи, а на макушку корону бриллиантовую нахлобучила!..

— Мамань, ну что вы, право...— снова попыталась защититься Долл, но Мамаша Кодлинг рассердилась не на шутку.

— Глядите, люди добрые! На шее-то у ней бусы жемчужные, каждая жемчужина — с голубиное яйцо! Сама — в соболях да в горностаях, сорок раз с головы до пят обернута; все кругом ей кланяются: знатные господа — в пояс, а дамы — и того ниже. И весь Норфолк, от Кромера до Норича, кричит в один голос: «Вот наша королева! Да здравствует королева Норфолка!» — Мамаша Кодлинг сдёрнула с крючка свою шляпку с лентами, взмахнула, и ленты затрепетали, приветствуя королеву Норфолка. Потом разгневанная женщина надела шляпку, завязала ленты под подбородком и сказала:

— Немедленно выкинь из головы эти глупости! Всяк сверчок знай свой шесток!

— Хорошо, маманя, — ответила Долл.

— Я покамест схожу к пекарю за дрожжами, — сказала Мамаша Кодлинг. — А ты за беляшами приглядывай. Как подойдут — сразу вынимай.

С этими словами Мамаша Кодлинг ступила за порог и направилась через поле к деревне. Каждый шаг её взмётывал облачко мягкой просёлочной пыли. А Долл снова предалась своим мечтаниям.

— Подойдут... — повторила она задумчиво. — «Беляши подходят каждые полчаса», — вспомнилось ей. И вдруг в прелестной её головке

зародилась самая настоящая мысль, да такая приятная, что голубые глаза Долл распахнулись и засияли от удовольствия.

— Если беляши подходят каждые полчаса, то почему бы не съесть эту дюжину? К обеду новые подойти успеют. Маманя говорит «каждые полчаса», значит — так оно и есть.

Эта прекрасная мысль заставила Доллечку наконец пошевелиться. Она выбралась из-за прялки и подтащила стул к печке. Обернув руку фартуком, Долл приоткрыла дверцу и вытащила ближний беляш. Он был уже куда больше, чем раньше, до того как попал в печь. Доллечка осторожно откусила и даже застонала от блаженства — вкуснотища! Она вгрызлась белыми зубками в белоснежную горячую мякоть и так, по кусочку, быстро съела всё до крошки. Ей казалось, что жизнь преисполнена прелести и смысла.

— Подумаешь, королева Норфолка, — вернулись на круги своя её мысли. — Кому охота быть королевой Норфолка?

Рука её снова нырнула в печку и извлекла оттуда второй беляш. Его Долл ела медленно, наслаждаясь каждым кусочком, а напоследок даже облизала пальцы.

— Всякому охота быть королевой Норфолка, — подумала она вдруг. И в третий раз её липкие пальчики потянулись к печке.

Глава IV

ЧАРЛИ ЛУН

арли Лун, тот, что ловил палтусов — любимый обед Мамаши Кодлинг, — жил в лачуге на самом берегу моря. Тёмная, изъеденная ветром и временем, она пропахла дёгтем, солью и водорослями. Пожалуй, он тут вовсе и не жил, просто лачужка эта ему принадлежала. Самого же Чарли чаще найдёшь в лодке: покачивается на пологих волнах и мечтает, позабыв выбирать сети, а случится волна покруче, заштормит — и Чарли мотается вверх-вниз на своём утлом челноке, но на берег не идёт. Иногда он возвращался с уловом, иногда — пустой. Иногда выходил в море, позабыв сети на берегу, иногда забывал, где расставил верши для омаров. Впрочем, случалось ему пригонять к берегу лодку, по самые борта забитую скользкими сельдями или плоскими камбалами. Порой, ступив на берег, Чарли вовсе забывал, что у него есть лачуга, и укладывался на ночлег прямо под открытым небом: на гальку — лицом вниз (вдруг янтарик попадётся?), а на песок — лицом вверх, чтоб на звёзды смотреть. Если кто приходил за рыбой, Чарли разрешал брать сколько душе угодно. Главное, было поспеть, поскольку к полудню всех до единой селёдок Чарли выпускал обратно в море, а камбал выкладывал рядками на мокром песке, чтобы их смыла первая же набежавшая волна. Не поймёшь этого Чарли! Даже возраста его никто толком не знал: сегодня так выглядит, завтра эдак. Сегодня спросишь: «Где старина

Чарли?» — а завтра ответишь: «Чарли-юнец на дудке своей ныркам да топоркам играет».

Чарли отлично ладил со всеми морскими птицами, но особо тесную дружбу водил с топорками. Они обходились с ним по-свойски, словно он был не человек, а такой же топорок, как они сами. Эти толстоклювые птички вечно кружили возле Чарли, когда он играл и напевал свои незамысловатые песенки.

Теперь он сидел, свесив ноги, на корме лодки с дудкою в руках, а солнце безжалостно жгло ему спину сквозь дырки в старой фуфайке. Дырок было так много, что, сними Чарли фуфайку, вся спина его оказалась бы пятнистой, точно шкура у леопарда. Чарли наигрывал, а три топорка кланялись и подпрыгивали в такт. Публики — надеюсь, благодарной — на этот чудесный концерт собралось предостаточно: весь берег был устлан морскими звёздами и медузами.

Вот Чарли отнял дудку от губ и запел:

Чарли-с-приветом
Родился в полдень летом
Под звёздами и Луной.
Он, не успев родиться,
Стал петь и веселиться,
От радости сам не свой.

На этом месте Чарли умолк, потому что к нему, с протянутым крылом, приблизился один из танцоров-топорков.

— Что у тебя за беда? — спросил Чарли ласково. — Пузо пустое? Проголодался?

Рыбак запустил руку на дно лодки и, вытащив маленькую камбалу, протянул топорку. Тот ухватил рыбину толстым клювом и благодарно склонил головку. А Чарли затянул уже новую песенку:

Ой вы приливы морские, морские отливы,
Только Луне на вышине подчинены вы.
Скоро уж море прильёт и на небо хлынет,
Кто тогда звёзды спасёт и на руки поднимет?

Тут его перебил топорок Номер Два. Он неловко подковылял к Чарли и задрал лапку.

— Ну, а у тебя что за горе? — спросил Чарли. — Ножки промочил?

Он снова запустил руку на дно лодки и, достав обрывок старого красного паруса, насухо вытер топорку лапки.

— Ой вы приливы морские, морские отливы, — снова начал Чарли, когда довольный топорок ускакал к другим танцорам. —

Только Луне на вышине подчинены вы.
Скоро уж море уйдет и песок обнажится,
Что бедолаге без ласковых волн может присниться?

На этот вопрос Чарли тоже не успел ответить, потому что топорок Номер Три с жалобным писком показал ему свою спинку.

— Что? Чешется? — спросил Чарли и, бережно раздвинув пёрышки, почесал птице спинку.

Топорок, довольно захлопав крыльями, отлетел, а Чарли затаил снова:

Чарли полоумный
Живёт себе под дюной,
Уху хлебает деревянной ложкой.
Он в полночь сеть закинет,
А на рассвете вынет,
Чтоб до ночи соснуть ещё немножко.

До Чарлиного сна было, однако, ещё далеко, когда сверху, с обрыва, донёсся голос:

— Чарли-и-и! Ау-у! Чарли-и-и!

— Ау-у! Полли-и-и! — откликнулся Чарли.
Полл съехала песчаному откосу — спер-

ва плавно, а под конец кубарем — и очутилась у самых ног рыбака.

— Привет,— выдохнула она.

— Привет,— сказал Чарли.

Топорков как ветром сдуло.

Полл очухалась, вытрясла песок из волос и попыталась вспомнить, зачем пришла.

— Привет, Чарли.

— Ну, привет, привет.

— Ой, я вроде уже поздоровалась, да? Ладно, привет ещё раз. Ах, вот что! Меня маманя за палтусами прислала.

— Выбирай,— приветливо сказал Чарли.

Полл перелезла через высокий борт. Дно лодки было устлано рыбой.

— Больших можно брать?

— Сказал же, выбирай,— проворчал Чарли.— Сколько хочешь, каких хочешь.

— Спасибо.— И Полл принялась складывать в корзинку самые лучшие рыбины. Вдруг небо над головой разорвал пронзительный, испуганный птичий крик, и тут же его перекрыл истошный звериный вой.

— Эй ты! Кыш! Брысь! Пшёл! — заорал Чарли, прыгнув с кормы. Шум — вой — хлопанье крыльев; Полл, выпрямившись, разглядела в песчаном смерче невиданное существо, которое носилось по берегу с птицей в пасти. Существо было ужасно тощее, тело его кое-где поросло курчавой чёрной шерстью; хвост тоже чёрный, но какой-то облезлый; уши острые, глаза красные, когти кривые и крепкие. В пасти его, зажатая чудовищными челюстями, билась серебристая птица.

— Какой мерзкий! Какой противный! Гадкий! Гадкий! — закричала возмущённая Полл и тоже устремила в погоню. Чарли заступал

разбойнику путь и пытался задержать его длинными худыми руками, а Полл старалась загнать разбойника в эту западню. Он же норовил улизнуть: ловко ускользая от преследователей, кидался из стороны в сторону и наконец бросился вверх по крутому откосу. Но на него, точно коршун, налетел топорок Номер Один, и мерзкое чудище бросилось наутёк вдоль кромки воды, но топорки Номер Два и Три отрезали его с двух сторон от моря и суши. Тут и Чарли подоспел. Разбойник злобно зарычал, но выпустил птицу из пасти. Сам же проскользнул меж ног рыбака и дал дёру. Полл не пыталась его догонять: пускай убегает поскорей, раз такой мерзкий. Топорки тоже отступились, едва увидели серебристую птицу в руках у человека. Полл подскочила к Чарли. И они вместе, с изумлением и жалостью, глядели на спасённую птицу: в серебристом ореоле перьев, с белым клювом и белыми лапками. Никогда прежде не видела Полл такой красоты.

Птица лежала на руках у Чарли совершенно неподвижно.

— Чарли, она мёртвая? — спросила девочка шёпотом.

— Нет.

— Ей больно?

— Да.

— Очень?

— Очень. Но боль скоро уймётся.

— Значит, она выздоровеет?

— Может быть, — отозвался Чарли.

— Тогда почему ты так на неё смотришь?

— Это же Серебристая серпоклювка, — благоговейно произнёс Чарли. — Чтoб меня! Ну и ну!.. Я и помыслить не мог...

— О чём? — спросила Полл.

— Что приведётся мне Серебристую серпоклювку в руках подержать.

— А кто такие серебристые серпоклювки? Чарли возмутился её невежеством.

— Не знаешь, кто такая Серебристая серпоклювка? Ну и ну!

Он повернулся спиной к Полл и стал бережно ощупывать птицу длинными узловатыми пальцами.

— Ну что ты сердишься? — вздохнула Полл. — Уж и спросить нельзя...

— Нечего глупые вопросы задавать, — пробурчал Чарли.

— Я просто спросила, кто такие эти серебристые...

— Вот и выходит глупость. Серебристая серпоклювка одна! Одна-единственная на всём белом свете. Это она и есть.

Полл робко шагнула ещё чуть поближе. Пальцы Чарли осторожно, пёрышко за пёрышком, перебирали серебристые крылья единственной на всём белом свете Серебристой серпоклювки.

— Прости, Чарли, я не знала, — виновато сказала девочка. — Ведь когда человек не знает, то откуда ж ему знать...

— Да ладно, не грусти. — Сдвинутые брови Чарли разгладились так же внезапно, как насупились.

— Сильно навредило ей это мерзкое чудище? — спросила Полл.

— Крыло вывихнуто и сломано, — ответил Чарли и начал аккуратно его вправлять.

— Чарли, — умоляюще сказала Полл. — Расскажи, кто такая Серебристая серпоклювка?

Чарли продолжал возиться с птицей, и Полл поняла, что сейчас его лучше не торопить.

Наконец он заговорил — нараспев, точно под неслышную далёкую музыку, звучавшую в его душе или памяти.

— Однажды жил да был на Луне человек. А ещё жила на Луне Прекрасная Дама, его подружка. Луна была удивительным местом, куда лучше, чем Земля, но однажды ночью человек и его подружка глянули вниз, на Землю, и увидели колокольню в Нориче. Они о таких чудесах прежде и слыхом не слыхивали, и захотелось им рассмотреть колокольню поближе. Так захотелось — прямо вынь да положь эту самую колокольню. Человек без раздумий перевалился через край Луны и грохнулся на Землю головой вниз. С тех пор с перекошенными мозгами и ходит. А Прекрасная Дама была поумнее, она обратилась в серпоклювку и слетела вниз на попутном ветерке. Она, конечно, ни обо что не ударилась. Только на Земле она утратила свое лунное чародейство, и обратно в женщину ей превратиться не удалось. Так и осталась птицей. Это она и есть,— закончил Чарли самым обыкновенным голосом.— Теперь ты всё знаешь.

— Всё? — разочарованно протянула Полл. Ей, как всегда, показалось мало, и она отчаянно искала, о чём бы спросить Чарли.

— А Лунная дама была красивая?

— Краше вечерней звезды.

— А человек? Тот, что упал. Какой он был?

— Не помню.

— Да... — вздохнула Полл и задумалась над новым вопросом.— А кто этот мерзкий, гадкий, противный разбойник?

— Какая-то нечисть из Ведьмина леса.

— Он хотел съесть Серебристую серпоклювку?

— Да уж, не пожалел бы.

— Ужасный какой, — сказала Полл и как бы невзначай спросила: — А что там, в Ведьмином лесу?

Чарли нахмурился.

— Негоже тебе про них знать, — сказал он. — И обходи-ка ты Ведьмин лес стороной.

— Почему?

Чарли склонился над поломанным крылом птицы.

— Почему? Почему? — не унималась Полл.

— Много будешь знать — скоро составишься.

Полл сердито затопала ногами:

— Ну почему никто не отвечает на мои вопросы?!

Впрочем, топать она перестала быстро, ведь от песка, топай не топай, звука не добьёшься. Зато она обиженно надулась.

— Ну вот, теперь сердисься ты, — заметил Чарли.

— Прости... — Полл снова взглянула на птицу. — Ты полечил ей крыло?

— Сделал, что мог.

— Она будет летать?

— Может, и полетит. Наперёд не скажешь, — ответил Чарли и легонько погладил серебристые перья. — За ней надо хорошо ухаживать.

— Я буду за ней ухаживать! — с готовностью воскликнула Полл. Вытряхнув из корзинки палтусов, она выстелила дно сухими водорослями и травой, что пробивалась в песке у откоса. — Я заберу её домой и стану кормить хлебом с мёдом.

— Ей больше по душе сырая рыбка, — сказал Чарли.

— Я буду приходить за рыбой каждый день! Буду беречь серпоклювку пуще глаза! Зажгу ей на ночь свечку, чтоб темноты не боялась...

— Свечка ей не нужна,— промолвил Чарли.— Ей хватает солнца да звёздочек.

— Я выставлю её клетку душицей и клевером, чтоб ей слаше дышалось.

— Ароматы ей не нужны,— сказал Чарли.— Серебрянке по нраву запах солёной морской воды и прибрежного песочка. Клади в клетку водоросли. И ракушку положи. Да, самое главное! Никогда не запирай дверцу клетки, пускай будет открыта.

— Почему?

— Чтоб могла улететь, когда поправится.

— Понятно.— И, уложив Серебристую серпоклювку в корзину, Полл стала осторожно карабкаться вверх по откосу.

Глава V

НОЛЛИЧЕК, КОРОЛЬ НОРФОЛКА

ока на мельнице и на морском берегу творилось всё вышеописанное, во дворце короля Норфолка, которого — как вы уже знаете — звали Нолличек, происходили совсем иные события.

Главным недостатком короля была его натура. Точнее, натуры, поскольку натур у него имелось целых две. И чередовались они в зависимости от того, с какой ноги вставал Нолличек поутру с постели. Если с правой, то бывал он целый день весел, благодушен и по-

лон всяческих добрых начинаний. И не важно, что осуществить их не успевал, главное — королём двигали благие порывы. Зато от Нолличека, вставшего с левой ноги, лучше было держаться подальше. Он ходил по дворцу чернее тучи, хлопал дверями, стучал каблуками, совал нос в чужие дела и устраивал скандалы из-за всякой мелочи. В дни «левой ноги» никому не удавалось угодить Нолличеку, и кончались такие дни одинаково: слуги, все, как один, заявляли, что работать здесь больше не будут, и подавали прошение об уходе. Однако на следующее утро король совершенно преображался, и слуги, все, как один, забирали свои прошения назад. В чёрные, левоножные, дни с Нолличеком могла сладить только его очень-очень-очень старая Нянька. Она знала короля ещё с колыбели и легко находила на него управу. Нолличек сносил её окрики и понукания покорно, точно малый ребенок, а впрочем — не так уж он был и велик, всего-то двадцать один годочек. И он с большим удовольствием держался за Нянькину юбку.

— Беда мне с тобой, Нолличек,— говорила Нянька, вытирая королю заплаканные глаза.— А всё твоя натура двойная, проклятая.

— Но я же не виноват, раз натура такая.

— Ты-то, может, и не виноват, но нам от этого не легче,— строго отвечала Нянька.— Иди уж теперь, грехи замаливай.

— Бегу, Нянюшка, лечу! — И король Нолличек отправлялся напрямик в магазин сладостей и скупал там подчистую все ириски, а потом, вернувшись во дворец, наделял конфеткой каждого обиженного.

Вчера, в правоножный день, Нолличек успел замолить конфетами все прошлые грехи. А се-

годня с самого утра по дворцу уже разносилось топанье и хлопанье.

Нянька, разбиравшая бельевой шкаф, недовольно качала головой и прицокивала языком:

— Опять Ноллик разбуянился, ох, беда, беда...

Королевская Нянька была маленькой, теще-душной старушкой, и гнев её казался поэтому ещё гневливее, а сердитость — ещё сердитее. Стоя на верхней ступеньке приставной лестницы, она развернула простыню и опять недовольно покачала головой: ветхая простыня рассыпалась в руках.

— Этак мы скоро на голых матрацах спать будем! — вздохнула старушка.

Тут дверь распахнулась, и в кладовку ворвалась главная Горничная Джен с круглыми от ужаса глазами.

— Король требует постелить чистые простыни! — выпалила она.

— Мы же в прошлом месяце перестилали! — возмутилась Нянька.

— Ещё он требует две наволочки.

— Вот ещё! Одной довольно.

— А ещё банное полотенце и два маленьких — для лица и для бритья.

— Для бритья?! Мал он ещё бриться! — фыркнула Нянька.

— А ещё скатерть и салфетку, чтоб салфетка непременно совпадала со скатертью по цвету!

— Господи, спаси и помилуй! Это всё? — спросила Нянька.

— Нет! — воскликнула Джен. — Ещё он требует чистый носовой платок!

Хлопанье и топанье, что доносились снизу, из королевских покоев, стали еще слышней, и в кладовку ввалился Дворецкий Джон.

— Госпожа Нянюшка! Госпожа Нянюшка! — задыхаясь, проговорил он.

— Что случилось? — сурово спросила старушка.

— Его Величество проснулись и изволили встать, — сказал Дворецкий. — Как лошадь на дыбы!

— Рвёт и мечет? — уточнила Нянька.

— Мечет и рвёт.

— Ну да, ну да, — закивала Нянька. — Сегодня у него все кругом виноваты. Такой уж день.

— Хуже ещё не бывало. Он даже в погреба спускался и нашёл изъян в бочонках с сидром, в бочках с пивом, в красном вине, в белом вине, в крыжовенном вине и во мне самом. А все мы — и я, и вина — лучшего качества! Воля ваша, госпожа Нянюшка, но я уйду. Отработаю месяц, и ноги моей больше во дворце не будет!

Прежде чем Нянька успела ответить, в кладовку вперевалку вплыла королевская Кухарка Китти.

— Что ж это творится, госпожа Нянюшка?! — запричитала она.

— В чём дело? — строго спросила Нянька.

— В Его Величестве!

— Опять Ноллик? Сунул нос под все крышки, да?

— Не то слово! И в ларь с мукой заглянул, и в мешки с сахаром, и в солонки, и в перечницы, и в банки с вареньем, и в кадки с маслом, и в самую печку чуть не залез. И всё ему не по нраву, хотя моя кухня в идеальном порядке. Хватит, через месяц ноги моей здесь не будет!

Следующей жалобщицей оказалась придворная Молочница Мегги.

— Госпожа Нянюшка! Госпожа Нянюшка! — вопила она.

— Ну, а у тебя что за несчастье?
— Король наш моё несчастье!
— И у тебя в коровнике, видать, похозяйничал?

— Похозяйничал! Да он свежее молоко со старым смешал, крынки со сливками опрокинул, бочонки с маслом вдребезги разнёс, сыры перемял, а сыворотку залил обратно в творог. Я этого больше не потерплю! Ноги моей здесь через месяц не будет!

Хлопанье и топанье внизу стали воистину оглушительны. И в бельевую кладовку вошёл Садовник Джек. Вошёл молча и остановился молча, говорить он был не горазд. Нянюшка нетерпеливо окликнула:

— Ну, выкладывай!
— Колокольчики, — произнёс Садовник.
— Какие колокольчики?
— Сказал же, колокольчики.
— Ну я и слышу — колокольчики. Дальше-то что?

— Вот и правильно, — согласился Садовник. — Я говорю «колокольчики», и вы слышите — «колокольчики». И эти самые колокольчики мне надлежит выращивать на моих клумбах отныне и до скончания века.

— Кто это сказал?

— Нолличек.

— Его Величество? — чопорно переспросила Нянька.

— Нолличек, — упрямо повторил Садовник.

— Изволь говорить о Его Величестве по уважительней.

— Вы же зовёте его Нолличек, — возразил Садовник.

— Я его Нянька. Я его в корыте купала!

— В корыте не в корыте, — встрял вдруг Дво-

рецкий, — но я не потерплю, чтобы трогали мои вина!

— Нечего лазить в мои кастрюльки! — подхватила Кухарка.

— Нечего портить мои сливки! — подала голос Молочница.

— Нечего проверять мои грядки! — в запале сказал Садовник.

И все они закричали слаженным хором:

— Ноги моей тут через месяц не будет.

— Вот и отлично! Все через месяц получают расчёт! — прогремел голос с порога. В дверях стоял багровый от гнева Нолличек. Он по очереди тыкал пальцем в Дворецкого, Кухарку, Молочницу и Садовника и орал:

— Не твои вина! Не твои кастрюльки! Не твои сливки! Не твои грядки! Всё моё!!! Что хочу, то и делаю! Мои вина! Мои кастрюльки! Мои сливки! Мои грядки! — Король топал ножками, как разбушевавшийся трёхлетний ребёнок.

— А ну-ка прекрати! — крикнула Нянюшка с верхней ступеньки лестницы. — Прекрати сию минуту! А не то слезу и напощам как следует!

Нолличек тут же примолк и надулся. Так и стоял, обиженно почёсывая правой ногой о левую.

— Отправляйся прямиком в угол, — скомандовала Нянька. — Будешь стоять там, покуда не выпущу.

Нолличек понуро побрёл в угол и встал лицом к стенке.

— А вы все идите работайте, — велела Нянька Джону, Китти, Мегги и Джеку.

— Хорошо, госпожа Нянюшка! — послушно сказали слуги и разошлись выполнять свои обязанности.

А Нянька подозвала к себе Горничную Джен, у которой зуб на зуб не попадал от страха.

— Иди-ка сюда и получи, зачем послали. Повыше руки-то подними, я уж, милочка, не молодая, чтоб к тебе как тростинка гнуться.— И Нянька принялась накладывать на протянутые к ней руки целую гору белья.

— Так, пара простыней, две наволочки, скатерть, салфетка; теперь полотенца: банное, для лица, для бритья... В его-то годы! — снова фыркнула Нянька. Будь Нолличек не двадцати одного, а пятидесяти одного года от роду, для Няньки он оставался бы прежним тугощёким несмышлёнышем.

— Ну, всё, что ли?

— Ещё носовой платок,— прошептала Джен.

— Платок нам и здесь пригодится,— кивнула Нянька, искоса взглянув в угол на короля.— Уф, беги теперь, да не задерживайся по дороге.

Джен стремглав бросилась вон, а Нянька выудила из шкафа чистейший, пахнувший лавандой носовой платок и уже не сердито сказала Нолличеку:

— Иди сюда, горе мое.

Нолличек, пристыженно опустив голову, приблизился к лестнице. Был он юноша тощий и длинноногий: он стоял на полу, а Нянюшка на верхней ступеньке, но они были почти одного роста — его подбородок приходился вровень с её плечом.

— Ну давай, вытрем глазки,— сказала Нянька и сама промокнула королю глаза.— А теперь высморкаемся.

Нолличек изо всех сил высморкался в подставленный платок.

— Будешь теперь паинькой? — спросила Нянька.

— Да, Нянюшка,— ответил Нолличек, шмыгнув носом.

— Вот и умница.— Нянька уселась на ступеньку и погрозила воспитаннику пальцем.— Неужели тебе приятно быть плохим?

— А что я могу поделать? Не с той ноги встал.— Нолличек вздохнул.— День на день не приходится. У меня же натура, сама знаешь, переменчивая.

— Не у тебя одного.

— Но такой, как у меня, ни у кого нет,— живо отозвался Нолличек.— Ведь когда я хороший, я очень-очень-очень хороший!

— Зато когда плохой...— начала Нянька.

— Тогда я ужасный. Конечно, так и есть. Но право же, Нянюшка, у меня из-за каждой мелочи портится настроение.

— Это ещё не причина портить вещи и еду,— возразила Нянька.

— Причина!

— Ну, а сегодня ты из-за чего развоевался? Опять не с той ноги встал?

— Я уже не знаю, какая та, какая не та! Даже кровать перед сном и так, и эдак верчу, чтоб встать с утра весёлым и добрым, но никакого толку,— пожаловался Нолличек.— Может, у меня кровать не та? И простыни на ней все в дырках, как решето. Вот, полюбуйся! — Король вытащил из кармана ветхую-преветхую простыню, и она прямо на глазах рассыпалась в прах.

— Теперь ты полюбуйся! — Нянька запустила руку в бельевой шкаф и вытащила оттуда ещё одну дырчатую простыню — родную сестру первой.— И на это полюбуйся! — Нянька извлекла рваную наволочку.— И на это! И на это! И на это! — Она швыряла сверху полотенца, скатерти, салфетки, и дырок в них было больше, чем звёзд на небе.— Так-то, дорогуша! Меня дырками не удивишь.

— Нянюшка, это же позор! — воскликнул король.

— Конечно, позор!

— Надо немедленно купить новые!

— Где, скажи на милость? Во всей стране полотна не сыщешь.

— Я велю Садовнику выращивать вместо колокольчиков лён, — немедленно решил Нолличек.

— Лёна-то полным-полно! — сказала Нянька. — Лёна предостаточно! Ну-ка, сними меня отсюда!

Нолличек бережно опустил маленькую старушку на пол, и она распахнула дверцы огромного шкафа.

— Гляди!

Король увидел, что шкаф до отказа забит льном.

— Так за чем же дело стало? — недоумённо спросил Нолличек.

— Кому прясть-то?

— Девицам, — сказал Нолличек не раздумывая.

— Много ты об девицах понимаешь! — усмехнулась Нянька. — Девицы теперь никудашные стали: крали расфуфыренные да бездельницы криворукие.

— Тогда ты спряди, Нянюшка! Ты же была когда-то лучшей пряхой в округе!

— Была, да сплыла, — печально промолвила Нянька. И вдруг щёки её сморщились, губы задрожали, и Нянюшка, плюхнувшись на выпавшую из буфета кипу льна, горько разрыдалась. — Минули мои золотые денёчки, прошла жизнь...

Нолличек совершенно не выносил женских слез. Он подхватил свою крошечную Няньку

на руки и, усевшись с нею на стул, стал качать и баюкать, как ребёночка:

— Ну, Нянюшка, ну не плачь, ну, милая,— дам калач...

— Ещё бы,— горестно всхлипывала Нянюшка,— постареешь с тобой. Что с маленьким, что с большим — забот полон рот.

— Ну-ну, будет, не плачь, я уже паинька, примерный мальчик...

— Как же, примерный — до завтрашнего утра. Ох, чует моё старое сердце, недолго мне осталось, приму я смерть через твои безобразия!

— Клянусь, я тебе больше никаких забот не доставлю!

— Тебе так кажется,— снова всхлипнула старушка.

— Но, Нянюшка, что же нам делать?

— Женить тебя надо, вот что.

— Женить?

— Точно! Женись-ка ты, голубчик, побыстрее да свали обузу с моих старых плеч.

— Хорошо, Нянюшка, женюсь, честное слово — женюсь! — Нолличек готов был пообещать что угодно, лишь бы старушка перестала плакать. А она и впрямь перестала: сидит у него на коленях, по обыкновению, бодра и деловита.

— Женишься! Отлично! Только не вздумай сам невесту выбирать — непременно выберешь кралю или криворучку. Знаю я тебя.

— Я, Нянюшка, возьму в жёны лучшую в Норфолке пряху,— воскликнул Нолличек.— Чтоб тебе угодить.

— Очень ты часто думаешь о том, чтоб мне угодить. Нет у меня в твои слова веры. И жену ты выберешь на свой вкус, а не на мой.

Король Нолличек обвел рукою ломившийся от льна шкаф.

— Я выберу ту, которая спрядет этот лён.
Нянька живо соскочила с его острых коленок и вскричала:

— Вперёд! Скорее!

— Куда?

— Искать её!

— Кого? Невесту?

— Ту единственную в Норфолке девушку, которая сможет спрясть этот лён.

Глава VI

МАМАША КОДЛИНГ ВНЕ СЕБЯ

оролева норфолкских беяшей!
Королева норфолкских беяшей! — звенели голоса в Доллечкином сне.

А заснула она даже крепче обычного, поскольку по телу разливалась приятная сонная сытость. Мамаша Кодлинг, вернувшись с дрожжами от пекаря, застала Долл возле печки — дочка спала, свесив голову на грудь. Больше на кухне никого не было, хотя время близилось к обеду. Мамаша Кодлинг положила сумку на стол и громко спросила:

— Мальчики с поля подошли?

— Нет, маманя, — очнулась Доллечка.

— А Полл с рыбой?

— Нет ещё, мамань.

— А беяши в печке подошли?

Долл поднялась и приоткрыла дверцу:

— Нет ещё, мамань.

— А пора бы, — заметила Мамаша Кодлинг,

развязывая ленты на подбородке. — Ладно, ещё пять минут подождём.

Мамаша Кодлинг принялась накрывать к обеду.

— Ну, а сколько мотков ты спряла? — спросила она. — Небось ни единого.

— Правильно, мамань, — безмятежно зевнув, ответила Долл.

— Вот и неправильно, нельзя с утра до ночи бездельничать, — заворчала мать. — Да тебя, такую лентяйку, никто и в жёны не возьмёт.

— Ну и что? — равнодушно сказала Долл.

— Это тебе «ну и что», а мне не «ну и что». Всю жизнь тебя поить-кормить прикажешь?

Мамаша Кодлинг расставила тарелки: по три с каждой стороны — для детей и одну во главе стола — для себя.

Тут в кухню ворвалась запыхавшаяся Полл.

— Мамань, где у нас птичья клетка?

— Ну, наконец-то, — сказала Мамаша Кодлинг. — Что, дал тебе Чарли палтусов пожирнее? — Она заглянула в корзинку, всплеснула руками и ахнула: — Господибожемой! Разве это палтусы? Что ты притащила? — Она неодобрительно осматривала серебристую птицу, недвижно лежавшую в траве и водорослях. Перекушенное крыло было аккуратно подвязано.

— Ну, мамань! Ты только послушай! — с жаром начала Полл. — Это Серебристая серпоклювка, а когда-то на Луне была Прекрасная Дама, но она слетела на Землю, взглянуть на башню в Нориче, и ужасное мерзкое чудище из Ведьмина леса хотело её съесть, и съело бы, только Чарли его прогнал, подвязал серпоклювке крылышко и отдал её мне, чтоб выхаживать. Ты прости, мамань, палтусы в корзинке не поместились, Серебристой серпоклювке было бы тесно.

И вообще, палтусов на свете сто тысяч, а моя Серебрянка одна-единственная. Где птичья клетка?

И Полл полезла доставать клетку с крюка под самым потолком.

— Может, в море и плавают сто тыщ палтусов, — возмутилась Мамаша Кодлинг, — но я по твоей милости осталась без обеда.

— Я тебе один свой беляш отдам, — сказала Полл, выстилая водорослями дно клетки.

— Ты прекрасно знаешь, что я их не перевариваю! — Мамаша Кодлинг выглянула за порог. — О, вон и мальчики с поля идут, голодные, как настоящие взрослые фермеры. Долл, а беляши-то подошли?

Долл снова приоткрыла печку.

— Нет ещё, мамань.

— Странное дело, — удивилась Мамаша Кодлинг. — Ладно, пускай ещё пяток минут посидят. Эй вы! — закричала она сыновьям. — Эйб! Сид! Дейв! Хэл! А ну, побыстрей ногами двигайте!

На кухню друг за дружкой вошли мужчины семейства Кодлингов. Первым шёл самый высокий, Эйб, вторым — самый низенький, Сид, третьим — самый толстый, Дейв, а четвёртым — самый худой, Хэл. Но как бы ни разнились братья с виду, в головах у них была одна и та же мысль и задали они один и тот же вопрос:

— Мамань, что на обед?

— Беляши.

— Вот здорово! — хором сказали Эйб, Сид, Дейв и Хэл.

— Беляши — прекрасная еда! — сказал Эйб.

— Беляши — чудесная еда! — сказал Сид.

— Беляши — самая лучшая еда! — сказал Дейв.

— Беляши — хорошая еда! — сказал Хэл.

— А ещё бывают кренделя, — задумчиво промолвил Эйб.

— И ватрушки, — поддакнул Сид.

— И булочки, — напомнил Дейв.

— И пирожки с потрохами, — произнёс Хэл.

— А ещё оладьи, — мечтательно добавил Дейв.

— А ещё пряники, — вспомнил Хэл.

— Во, точно, пряники! — обрадованно подхватили остальные.

— Беляши лучше! — сказал Эйб. — Беляши — это хорошо!

— А студень? — сказал Сид.

— А окорок? — сказал Дейв.

— А требуха? — сказал Хэл.

— Барбарисовый джем и черничное варенье, — вдруг осенило Эйба.

— Каша с коринкой! — воскликнул Сид.

— Драчёны! — завопил Дейв.

— Пышки и караваи! — заорал Хэл.

— Ягоды со взбитыми сливками, — добавил Эйб.

— Но беляши всё-таки самая лучшая еда на свете! — пропищал Хэл. — Вкуснотища!

— Вкуснотища! — дружно заорали братья в четыре глотки, распустили пояса, расселись вокруг стола и, похватав ножи и вилки, дружно заорали:

— Подавай обед!

— Видишь, Долл, твои братья сейчас друг на дружку с голодухи накинутся. Доставай беляши.

— Не могу, мамань.

— Почему это?

— Не подошли.

— Ни один? — воскликнула Мамаша Кодлинг.

— Ни один.

— Обед подавай! Обед! — вопили дюжие парни и дубасили кулачищами об стол.

— Подошли не подошли — вынимай, — велела Мамаша Кодлинг. — Нельзя больше ждать. Они и непропечённые живо сметут. Вынимай!

— Но как же их вынимать, если они не подошли? — спросила Долл.

— О чём говорит эта девочка? — Терпение у Мамашы Кодлинг кончилось. Она подошла к Долл и заглянула поверх её плеча в печку. — Господибожемой! Да куда ж они подевались? — ахнула она.

— Обед! Обед! Обед! — горланили парни.

Мамаша Кодлинг взяла Долл за плечи и принялась трясти.

— Куда — делись — беляши? — сурово спросила она.

— Я их съела, — ответила Долл.

— Ты... их... съела?... — оторопела мать.

— Да, мамань.

— Все беляши?

— Да, мамань.

— Целую дюжину?

— Да, мамань.

У Мамашы Кодлинг перехватило дыхание. Наконец ей удалось набрать воздуха, и она прорычала:

— Так ты говоришь, что съела дюжину огромных, толстых, круглых, сочных беляшей, и у тебя даже живот не болит?

— Нет, мамань.

— А жаль, — подвела итог Мамаша Кодлинг. — Стыд! Позор! Оставила голодных братьев без обеда! Кусок у них изо рта вынула!

— Стыд! — проревел Эйб.

— Позор! Позор! Позор! — проревели Сид, Дейв и Хэл.

— И чего вы раскричались, не понимаю, — пожала плечами Долл. — Что я плохого-то сделала? Вы же, маманя, сами говорили, что беляши подходят каждые полчаса.

— Я вне себя! — сказала Мамаша Кодлинг и рухнула на стул как подкошенная. — Моя дочь! — простонала она. — Дюжину беляшей. Моя дочь съела дюжину беляшей. Дюжину беляшей съела моя дочь. За полчаса! Без остановки! Беляш за беляшом. Целую дюжину. Два раза по шесть. Три раза по четыре. Я вне себя. Целую дюжину! За полчаса! Моя дочь! Целую дюжину!

— Дюжину чего? — донёсся с порога голос. В дверях стоял высокий и тощий молодой человек, а на плече у него восседала маленькая старушка.

— Ой, к нам гости! — Полл вскочила.

Молодой человек пригнулся, чтобы старушка не ударилась о притолоку, и вошёл в кухню. Здесь он повторил свой вопрос:

— Так дюжину чего сделала ваша дочь? Что повергло вас в такую оторопь?

Мамаша Кодлинг осмотрела молодого человека с головы до ног, с золотой короны на макушке до золотых пряжек на туфлях. И принялась грузно приседать в реверансах:

— Силы небесные! Да к нам же сам король пожаловал! Король Норфолка собственной персоной! А ну встаньте! — крикнула она сыновьям. — Встаньте, болваны неотёсанные, поклонитесь Его Величеству.

Эйб, Сид, Дейв и Хэл поднялись и, схватив себя за вихры, потянули головы вниз. Изобразив таким манером поклон, парни тут же уселись обратно за стол.

— Очень приятно,— сказал Нолличек. Он опустил старушку на пол и представил её: — Моя няня, госпожа Нянюшка.

Мамаша Кодлинг снова присела и подтолкнула вперёд младшую дочку, которая вытаращила на гостей огромные, точно блюда, глаза.

— Это моя меньшенькая, Полл,— сказала Мамаша Кодлинг.

— Очень милая девочка,— произнёс король.

Полл быстренько сделала книксен, а Мамаша Кодлинг сказала:

— Очень приятно.

И тогда Нолличек спросил в третий раз:

— Так дюжину чего сделала ваша дочь?
О чём вы говорили? Что вас так изумило?

Мамаша Кодлинг покраснела до корней волос и, ухватив Полл за руку, пробормотала:

— Что отвечать-то?

— Скажи уж как есть, мамань, — ответила Полл шёпотом.

— Ни за что! В такой стыдобе королю при-

знаться? Ославить Кодлингов на всю страну? Ни за что! Ты подумай, Полл, — целых двенадцать! Ровным счётом дюжина! — На последних словах голос Мамаши Кодлинг снова зазвенел от возмущения.

— Чего дюжина, в конце-то концов?! — Нолличек грозно сдвинул брови — он не любил ждать.

Полл шагнула вперёд и бодро провозгласила:

— Двенадцать мотков льна, Ваше Величество.

У Мамаши Кодлинг отвисла челюсть. А Полл, широко улыбнувшись, крутанула колесо прялки и продолжала:

— Целую дюжину мотков, и всего за полчаса. Это маманю й изумило. Ясно, Ваше Величество?

«Уж теперь-то он будет доволен», — подумала Полл.

Она, однако, так и не успела понять, доволен король или нет, потому что вперёд выскочила его маленькая Нянька и взволнованно воскликнула:

— Двенадцать мотков льна за полчаса! Нелыханно! Есть от чего оторопеть! И это спряла ваша собственная дочь? — обратилась она к Мамаше Кодлинг.

— Д-д-да, госпожа, — еле слышно произнесла та. — Моя самая что ни на есть собственная дочь.

Нянька пронзила Полл острым взглядом и ткнула в неё пальцем.

— Вот твоя невеста, — сказала она Королю. Нолличек испуганно оглядел девочку и с отчаяньем сказал:

— Но, Нянюшка, она же совсем маленькая.

— Ничего, вырастет, — отрезала Нянька и обратилась к Полл. — Подойди поближе, дитя моё.

Полл повиновалась.

— Сколько тебе лет? — спросила Нянька.

— Двенадцать, если позволите.

— Вот видишь, она совсем ребёнок! — снова запротестовал Нолличек.

— Повзрослеет, — твёрдо сказала Нянька. — Если ребёнок в двенадцать лет прядёт за пол-

часа двенадцать мотков, то сколько же она будет прясть в двадцать?

— Извините, госпожа, — наконец решилась Полл. — Это не я спряла лён. Маманя изумлялась не мне.

— А кому же? — растерялась Нянька.

— Моей сестре. Вот она.

И она указала на Долл, безмятежно глядевшую в раскрытую дверцу печки. Нянька с Нолличекком разом повернулись и...

— Это твоя сестра? — спросил Нолличек у Полл.

— Это ваша дочь? — спросила Нянька у Мамаши Кодлинг.

— Встань, дурёха, — прошипела старшей дочери вдова мельника. — Встань, поклонись.

Долл медленно поднялась, обратив к королю прелестное личико, слегка присела в реверансе и тут же выпрямилась, не сводя с Нолличека сонно-нежного взгляда.

— Она милая, — не сдержался Нолличек и обратился к девушке. — Так, значит, это ты?.. Целую дюжину?

— Я, если позволите. — Доллечка снова поклонилась.

— Она очень милая! — сказал Нолличек Няньке.

— Красота недолговечна, — заявила Нянька. — Подойди ко мне, умелица.

Долл подошла к Няньке вплотную.

— И сколько же тебе лет?

— Восемнадцать будет на Михайлов день, — нежно проворковала Долл.

— Нянюшка, она очень, очень милая!

— Тсс! Тихо ты! — Нянька отодвинула воспитанника в сторону. — Ты порядочная девушка? — снова обратилась она к Долл.

- Да, госпожа, если позволите.
- А жених у тебя есть?
- Нет, госпожа, если позволите.
- Ой, Нянюшка! — снова встрял Нолличек. — Она просто страсть какая милая!
- Да тихо ты! — шикнула Нянька и продолжила допрос: — Милочка, ты и впрямь сделала то, что привело твою мать в такое изумление?
- Да, госпожа. Маманя страшно изумилась. А я... просто не смогла удержаться. Простите.
- Не смогла удержаться! — возопила Нянька. — Не удержалась и спряла двенадцать мотков льна за полчаса?! Не смогла удержаться? — Старушка открывала и закрывала рот, точно рыба, силясь подобрать слова. Наконец, указав на Доллечку перстом, она провозгласила:
- Вот твоя невеста!
- Невеста короля?! Наша Долл?! — воскликнула Мамаша Кодлинг.
- Никогда бы не подумал, — подал голос Эйб.
- Во сне не приснится, — сказал Сид.
- Ну и ну, — протянул Дейв.
- Дела... — подытожил Хэл.
- А чему вы удивляетесь? — спросила у братьев Полл, но ответа не получила.
- Пока все кругом жевали, глотали и переваривали своё удивление, Нолличек взял Доллечку за нежную, пухлую ручку.
- Как тебя зовут? — спросил он.
- Долл, Ваше Величество. А вас как величать?
- Нолл. Скажи, Долл, ты хочешь стать королевой Норфолка?
- Мне бы чего попроще. Хоть королевой норфолкских беяшей.
- Всё будет по-твоему! — Всё — как поже-

лаешь! Если...— король сжал податливую, мягкую ручку.— Если эти прелестные пальчики и вправду умеют то, о чём говорила твоя маменька.

Долл и рта раскрыть не успела, а Мамаша Кодлинг уж тут как тут:

— Конечно, Ваше Величество! Умеют, Ваше Величество! Умеют, вы уж поверьте мне, старой. Господибожемой! Моя Долл — королева Норфолка! И все знатные господа ей кланяются и угождают! — Она даже ослабела от радости и принуждена была опереться о стол, чтобы не упасть.— Ваше Величество, неужто правда?

Нолличек кивнул:

— Объясняю. Я, мамань, хочу жениться. И женюсь на твоей дочери. Объясняю дальше. Триста шестьдесят четыре дня в году она будет наряжаться и украшаться, как ей заблагорассудится, знаться и дружить, с кем пожелает, будет есть и пить что душе угодно.

— И беяши можно есть? — спросила Долл.

— С утра до вечера!

— И шёлковое платье по субботам надевать? — уточнила Мамаша Кодлинг.

— У Долл будет по шёлковому платью на каждый день недели.

— И мы тоже сможем жить во дворце? — оживилась Полл.— Мы ведь не просто семья, мы её друзья, она хочет с нами знаться и дружить.

— Ну конечно, Полл,— улыбнулся Нолличек.— Можете проводить с ней весь год напролёт — одиннадцать месяцев и тридцать дней. Но на тридцать первый...— Тут голос у короля внезапно посуровел.— На тридцать первый день двенадцатого месяца Долл запрут в комнате, полной льна, и она спрядёт все кипы, чтоб соткать полотно и сшить из него простыни, полотенца и носовые платки для короля. То есть для меня.

— Ой, — выдохнула Мамаша Кодлинг.
— Ой, — хором сказали четверо её сыновей.
— А не спрядёт, — воодушевившись, продолжал Нолличек, — я велю отрубить ей голову.
— Ой, — выдохнула Мамаша Кодлинг.
— Ой, — хором сказали четверо сыновей.
— Мне это не понравится, — сказала Долл.
— Разумеется, чему ж тут нравиться? Поэтому ты не допустишь казни и всё спрядёшь в срок. С головой ты куда красивее.

Долл задумалась.

— Тогда зачем её отрубать? — спросила она.

— Потому что у меня двойная, переменчивая натура. Верно, Нянюшка?

— Верно-верно, — Нянька со значением поглядела на Мамашу Кодлинг.

— В мои плохие дни я бываю ох какой сердитый, — доверительно сообщил Нолличек. — Верно, Нянюшка?

— Верно. — И Нянька опять многозначительно глянула на Мамашу Кодлинг.

— Я в такие дни делаюсь совершенно непредсказуем, — продолжал Нолличек. — Верно, Нянюшка?

— Что угодно сотворить может, — кивнула Нянька, снова посмотрев на Мамашу Кодлинг.

— Вот так обстоят дела, — сказал Нолличек. — Ты, Долл, удержаться не можешь, когда прядёшь, а я — когда не с той ноги встаю. Ладно, хватит разговоров. Надо тебя проверить, не откладываешь ли в долгий ящик.

— Я туда и не помещусь.

— Прекрасно, я рад, что наши мысли сходятся. Итак, сейчас проверим.

— Что проверять-то? — спросила Полл.

— Правду ли говорят Долл и маманя, — ответил Нолличек.

Он громко хлопнул в ладоши, дверь растворилась, и за ней оказалась тьма-тьмушая народу. А главное, у самого порога стояли три огромные телеги со льном, который высился до неба, — так возят обычно сено в сенокосную пору.

По знаку короля слуги принялись выгружать лён прямо на кухню: сперва вдоль стен, на стол, на стулья, а потом — куда ни попадя. Мамаша Кодлинг с детьми онемели, и глаза у них вылезли на затылок.

— Ну вот, дорогая моя Долл, — сказал Нолличек, довольно потирая руки. — Настоящий праздник для истинной пряжи, верно? Теперь мы тебя запряжём тут, вместе с этим чудесным льном, и вернёмся через полчаса.

Долл взглянула на горы льна, на прялку, на часы, на мать и снова на короля:

— Вы — вернётесь — через — полчаса? — тупо повторила она.

— Секунда в секунду, — заверил Нолличек. — И если этот чудесный лён окажется спрядённым в длинную-предлинную сверкающую нить, мы тут же поженимся. А если нет...

— Вот именно, если нет? — вмешалась Полл.

— Твоей сестре отрубят голову, — улыбнулся Нолличек.

— Но, господин король, Ваше Величество! — закричала Полл, цепляясь за его руки. — Ну пожалуйста, не рубите. Это всё не...

Однако Мамаша Кодлинг оттащила Полл прежде, чем она успела сказать правду.

— Цыц, глупая, — пробормотала она. — Хочешь, чтоб нам всем головы поотрубали?

— Что с ребёнком? Она что-то сказала? — спросила Нянька.

— Нет-нет, — поспешно ответила Мамаша Кодлинг. — Она просто малость ошалела, как

представила свою будущую красивую жизнь.

— Теперь все вон! — повелел Нолличек слугам. — Отвезите телеги за угол и хорошенько вычистите, будем туда пряжу складывать.

Слуги повиновались.

— И вы выходите! — окликнул король четырёх парней, и Эйб, Сид, Дейв и Хэл один за другим покинули кухню. — Нянюшка, на выход! Маманя, на выход! Полл, на выход!

Круглые голубые глаза Долл беспомощно и отчаянно следили за матерью и сестрой. И вот все скрылись.

Король выходил последним. У двери он остановился, вынул из замочной скважины ключ и с улыбкой обернулся к Доллечке.

— О Долл, моя Долл, я вернусь ровно через полчаса, — нежно произнёс он и ступил за порог. Замок щёлкнул, Долл осталась одна.

Глава VII

ПРЯДИЛЬНЫЙ БЕС

Кухня была забита льном до самого потолка, и солнечный свет даже не проникал в окна. Лишь красные отсветы огня из печки плясали на кипах льна, на прялке и на пухленьких неумелых руках Долл. Что же делать? Даже лучшей в мире пряхе не спрясть столько льна — ни за полчаса, ни за целый месяц. А Долл вовсе не лучшая. Наоборот, она худшая пряха во всём Норфолке. И ей дали всего полчаса! И часы на стене неумолимо отсчитывают секунды, которые уносятся прочь.

— Ох, бедная я, бедная! — простонала Долл. — Как же мне спасти свою головушку? Король вернётся через полчаса, а мне и показать-то нечего. Ладно, чему быть, того не миновать. Не умею я пряхсть и пробовать не стану. Коли отпущены мне последние полчаса, лучше побездельничать напоследок, порадоваться жизни.

Но сегодня даже для лентяйки Долл безделье было не в радость. И, приклонив голову на колесо прялки, она всхлипнула и тяжело вздохнула.

Вдруг в печи затрещали поленья, полетели искры, и что-то выкатилось оттуда к ногам Долл. Уверенная, что это горящий уголёк, Долл занесла уже ногу, чтоб его затоптать, но — под ногою оказался не уголёк, а самый настоящий бесёнок, маленький, чернющий, длиннохвостый. Глядит на неё снизу и ухмыляется.

— Почему плачешь? — спросил бес.

— Тебе какое дело? — вместо ответа спросила Долл.

— Спрашиваю, значит, надо. Так почему ты плачешь?

— Какой мне прок докладывать? — не уступала Долл.

— Прок-то есть, да тебе его знать не дано, — заявил бес, подкручивая завитой хвостик.

— Вот и объясни, — сказала Долл.

— А ты мне объясни, почему ты плачешь, — настаивал бесёнок.

— Ладно уж, проку рассказывать никакого, но и вреда не будет. Слушай. Маманя моя слепила к обеду дюжину беляшей и сунула в печку.

— И сказала небось, что они каждые полчаса подходят, — хихикнул бес, неукротимо подкручивая хвостик.

— Точно. Так и сказала, — удивлённо протянула Долл.

— А ты небось все беляши подчистую съела, — хихикнул бес.

— Точно. Съела. Маманя аж рот от удивления разинула. И тут, как на грех, заходит король Норфолка и спрашивает, чему, мол, она так раз-удивлялась.

— Хи-хи-хи! Она небось не сказала ему, что ты зараз дюжину беляшей уплела.

— Точно. Не сказала. Она сказала, что я зараз спряла дюжину мотков льна.

Услышав такие слова, бесёнок так и покати-лся со смеху. А потом, залихватски подкрутив хвост, воскликнул:

— Ты?! Да ты и одного-то мотка спрясть не можешь! У тебя руки не тем концом вставлены. И мозоли специальной на большом пальце нет. Вот, гляди, какие руки нужны для прядения. — И он сунул обе чёрные лапы с оттопыренными большими пальцами прямо ей под нос. — Хороши мозоли? — хвастливо спросил он.

— Ты умеешь прясть? — изумилась Долл.

— Ещё бы! — Бесёнок гордо прошёлся по кухне.

— Видишь этот лён?

— Ещё бы!

— Тебе его в жизни не спрясть!

— Ещё как спрясть!

— Ну уж за полчаса точно не спрясть!

— Запросто! Весь этот лён и ещё столько же! — Бесёнок выкатил грудь колесом и так напыжился — вот-вот лопнет. — Я же Прядильный бес!

И он веретеном закрутился вокруг своего хвоста — замелькал, замелькал, — не поймёшь, где голова, где руки.

— Стой! — закричала Долл. — Если спрясть этот лён за полчаса, я сделаюсь королевой Норфолка!

- А если нет?
- Если нет, мне отрубят голову.
- Такую хорошенькую? Мне было бы жаль расстаться с такой головкой. А тебе? Жаль тебе своей головы, Долл Кодлинг?
- Конечно, жаль.
- Знаешь что, Долл,— задумчиво начал бесёнок,— давай заключим сделку. Я берусь спрясть этот лён вместо тебя...
- За полчаса? — всплеснула руками Долл.
- За один миг. Но ты мне за это заплатишь.
- У меня сейчас есть только четыре пенса, — растерялась Долл. — Но когда я стану королевой, у меня уж наверное будет побольше.
- Я тебе дам отсрочку,— сказал бесёнок.
- Длинную?
- Ровно год, начиная с этого дня.
- И много придётся платить? — спросила Долл.
- Может, и вовсе должок скощу, а может, и много потребую.
- Ну сколько всё-таки? Скажи уж, бес, или как там тебя звать-величать?
- Бесёнок завертелся волчком.
- Как меня звать-величать?! Хи-хи-хи! Не знаешь?! Не знаешь моего имени? Да, Долл Кодлинг?
- Ты скажешь, я и узнаю.
- А я не скажу, ни за что, никогда! — хихикал бес.— А через год, день в день, приду, и ты моё имя отгадаешь. Дам тебе девять попыток. Отгадаешь — твоя взяла. Уберусь восвояси, и больше ты меня не увидишь.
- А если не отгадаю?
- Не отгадаешь, к себе утащу. Моя будешь.
- Мне это не понравится,— сказала Долл.

— Зато мне понравится. Даже очень понравится. Такая уж сделка, Долл Кодлинг. Другой платы мне не надобно.

— Значит, девять попыток? — уточнила Долл.

— Не больше и не меньше. А не скажешь, кто есть я, станешь ты моя! Моя! — И Прядильный бес, встав на голову, снова закрутился веретеном.

— Перестань, — попросила Долл. — Голова от тебя кружится.

Бес замер. А потом, перевернувшись на ноги, устоялся на Долл красными, как угольки, глазами.

— Ну что, Долл Кодлинг? По рукам?

— По рукам, — согласилась Долл. — Всё лучше, чем голову потерять. Год — срок немалый, да и попыток ты мне немало даёшь — целых девять. По-моему, на свете больше девяти имён и не наберётся. Наверняка догадаюсь.

— Наверняка нет! — ухмыльнулся бес. — Ни за что не догадаешься! Никогда! И будешь ты моя! Моя! Моя! — И он снова сделал грудь колесом и важно прошёлся взад-вперёд, покручивая хвостиком.

— Хватит нахальничать, садись пряхь. Время поджигает! — воскликнула Долл.

— Время — тьфу! — хвастливо сказал бес. — Закрой глаза и спи. Если можешь.

— Спать я всегда могу. — Долл зевнула и мгновение спустя уснула крепко и сладко.

Год ли, миг ли спала Долл, она не знала, но снилось ей жужжанье миллиона веретён, пахло свежестиранным бельём, и всё во сне было голубым, точно цветущий лён. Потом жужжанье вдруг прекратилось. Долл вздрогнула, очнулась и протёрла глаза. Солнечный свет струился через

свободные от льна окна, а на пороге толпились люди и что-то изумлённо кричали.

— Она успела! — ойкала Полл.

— Она успела! — охала маманя.

— Она успела! — басили Эйб, Сид, Дейв и Хэл.

— Она всё спряла! — восклицала старая Нянька.

В кухню вошёл сияющий Нолличек и радостно улыбнулся Долл, которая всё позёвывала да потягивалась.

— Ты успела! — сказал он.

Долл огляделась, удивлённая не меньше остальных. Огромные кипы льна исчезли, а на их месте лежали аккуратные мотки тончайшей пряжи, готовые превратиться в полотно для наволочек и простыней. Ну и ну! Поганный бесёнок-то каков! Сдержал слово! И Долл сонно улыбнулась Нолличеку. И глаза у неё были голубые, точно лён в цвету.

— Значит, я успела! — произнесла она.

— Но как?! Как тебе удалось?

— Спроси чего полегче.

— Хорошо, спрошу, — согласился король. — Долл, ты хочешь стать моей женой?

— Да, Нолл, хочу.

— Венчаться! Венчаться! — воскликнула Нянька. Пока молодые разговаривали, она перебирала мотки с пряжей, ища изъян. Но ничего не нашла. К тому же Нянька заметила, что Долл и подремать после работы успела, и всё за отведенные ей полчаса. «Раздумывать нечего, — решила Нянька. — Надо поскорее женить короля на лучшей в Норфолке пряхе».

— Под венец! — воскликнула она радостно.

И через час в Норфолке зазвонили свадебные колокола.

Глава VIII

ПОЛЛ ПРИ ДВОРЕ

огда отыграли свадьбу и Долл стала королевой Норфолка, Ма-маша Кодлинг продала мельницу пекарю и обосновалась при дворе. За маманей последовала Полл, а за ней — Эйб, Сид, Дейв и Хэл. Целый месяц неприкаянно слонялись они по дворцу, но — не прижились.

Мамаша Кодлинг заскучала по кастрюлькам и сковородкам, поскольку на королевской кухне безраздельно хозяйничала Кухарка, а двух хозяек, как известно, не бывает. Эйб, Сид, Дейв и Хэл заскучали по серпам и мотыгам. В конце концов все пятеро вернулись на мельницу. Не за тридевять же земель! Всего-то несколько миль от дворца по дороге, что вдоль моря бежит. Чем скучать в чужих, немилых сердцу покоях, не лучше ли жить на любимой мельнице, а раз в неделю садиться в синюю таратайку с красными колёсами да приезжать к дочке и сестре-королеве на воскресный обед. Зимой там подавали на стол говядину и свинину с жареной картошкой и капустой, сыр и яблочный пирог. Летом угощали бараниной с мятным соусом, молодой картошкой и зелёными бобами, взбитыми сливками и пирогом с вишнями. На Михайлов день на стол ставили жареного гуся и пудинг с коринкой и черносливом. А на Рождество потчевали свиной вырезкой и сладкими пирожками. Пообедав на славу и дав хорошего храпака, семейка снова усаживалась в сине-красную таратайку, братья дружно кричали «Но-о-о!!!» серому ослику по кличке Доббин, который в будние дни возил

тяжеленные мешки с мукой, и катили прочь. И надо признаться, что ноша у Доббина бывала по воскресеньям ничуть не легче, чем всегда: шуткали — четверо парней и толстуха мать, да ещё с набитыми до отказа животами!

Полл же на мельницу не вернулась, прочно обосновавшись вместе с сестрой во дворце. И обе они были вполне счастливы. Долл могла бездельничать сколько душе угодно, так как добрая сотня слуг из кожи вон лезла, лишь бы предупредить любое желание королевы. Одна служанка расчёсывала ей косы, вторая — шнуровала туфельки, третья — пришивала пуговицы, четвёртая — размешивала сахар в каше. И для остальных девяти шести тоже находилась работа: ведь мы выполняем за день ещё не меньше девяти шести разных дел. Короче. Долл и пальцем шевельнуть не давали, и её это очень даже устраивало. Просьбы королевы слуги выполняли с радостью, поскольку она была со всеми мила, на диво хороша и всегда премного всем довольна. По утрам, когда надо было составлять меню на день, а Долл не могла выдумать ничего, кроме беляшей, Кухарка Китти помогала ей добрым советом. Садовник Джек посылал ей после завтрака самые красивые цветы, а Горничная Джен делала из них букеты и расставляла в красивые вазы в спальне королевы. Ровно в одиннадцать часов Дворецкий Джон приносил из винного погреба рюмку шерри, а Молочница Мегги прибегала с кружкой жирного молока. И чтоб никого не обидеть, Долл выпивала и то, и другое. А Нянька ежеутренне меняла простыни и наволочки на королевской постели и вешала свежие полотенца, поскольку бельевой шкаф — благодаря королевепряхе — был снова заполнен тончайшим льняным бельём.

Нолличек стал вдвое покладистей и добрее, чем в прежние, холостяцкие времена. Или, если угодно, он стал в два раза менее ершистым и неговорчивым, что, в общем, то же самое. В молодой жене он души не чаял, а она ему ни в чём не перечила, и тарарамы во дворце почти позабылись. Впрочем, иногда Нолличек бранился с Полл, так как оба они были отчаянными спорщиками. Порою эти споры перерастали в настоящие ссоры, и они обзывались обидными именами. Но бдительная Нянька никогда не позволяла им разругаться вконец: наказывала, разводила по углам, а потом посылала просить прощение — непременно до захода солнца, чтобы не перенести ссору в новый день. На самом деле непримиримые спорщики, Нолл и Полл, друг дружке очень нравились. И Нолличек старался угодить не только жене, но и её сестрёнке. Долл нежилась на мягких перинах и подушках, красовалась в шёлковых платьях и в других радостях не нуждалась. Когда же король захотел порадовать Полл, она попросила подарить ей огромную птичью клетку, чтобы входить к Серебристой серпоклювке, словно в домик. И Нолличек повелел выстроить в саду, куда долетал солёный морской ветерок, огромную, выше человеческого роста, птичью клетку. Было в ней три помещения: устланная травой спальня, вокруг которой задёргивались занавесочки; ванная комната с бассейном, заполненным морской водой; и гостиная с галькой, песком и ракушками. Полл проводила здесь полдня, а то и полночи, кормила свою Серебрянку с рук, а та по-прежнему хворала, и ей не становилось ни лучше, ни хуже. Каждое утро Полл отправлялась на берег с корзинкой для свежей рыбы, мешком для песка и ведёрком для морской воды и водорослей. Уж очень ей хоте-

лось, чтобы Серебрянка чувствовала себя в клетке как дома. От дворца до лачуги Чарли было куда дальше, чем от мельницы, и Полл встречала рыбака очень редко. А встретив, непременно спрашивала, скоро ли выздоровеет Серебрянка. Чарли же всегда отвечал одно: «Время покажет».

Полл любила свою Серебрянку больше жизни. Она мечтала её вылечить, но дня, когда крыло заживёт и птица от неё улетит, ждала со страхом и печалью. Девочка боялась, что не выдержит разлуки. Впрочем, если Серебрянка так и не сможет летать, ей, Полл, будет ещё горше. Помимо ухода за птицей у Полл вскоре появилось много других занятий. Кухарка разрешала ей толочь орехи и чистить ягоды в жаркой кухне, Молочница позволяла снимать сливки с молока в прохладной маслобойне, Садовник звал в солнечный сад полоть сорняки, а Дворецкий посылал в полумрак погреба — нацедить пива на ужин королю. И все они охотно отвечали на её бесчисленные вопросы: отчего скорое тесто непременно сбивают на сквозняке; где у слепого червя голова, а где хвост; почему нельзя взбалтывать портвейн (а микстуру, наоборот, надо); почему сливки всегда оказываются поверх молока. Короче, на скуку у Полл времени не оставалось. А если приспичит ей вдруг в будний день увидеть родню, она могла оседлать королевского ослика по кличке Боббин и съездить по бережку на мельницу. Ну, а по воскресеньям маманя и братья сами появлялись во дворце — неукоснительно, как часы.

Так, тихо-мирно, шли недели и месяцы, а на исходе года Норфолкские колокола возвестили о рождении наследной принцессы. Нолличек на радостях повелел устроить ружейный салют, но Нянька сочла, что порох — детям не игрушка. Пришлось королю взять свой пугач и бабахнуть

три раза с вершины утёса. А ещё через пару недель всё во дворце бурлило и кипело: здесь готовились к крестинам королевской дочери.

Кухарка испекла грандиозный пирог с ягодами, изюмом, миндалем, тмином, корицей и розовыми лепестками, покрытый сверху глазурью. Не пирог, а целое трёхъярусное сооружение. Первый, самый широкий ярус являл собой сахарный цветник, второй — голубятню с сахарными голубками, а верхний изображал часовенку, внутри которой стояла сахарная колыбель, а вокруг танцевали сахарные херувимчики. Когда Кухарка возвела наконец шпиль часовни, пирог измерили. Оказался он семи футов вышиной, а поднять его смогли только четверо здоровенных мужчин, да и то — поднатужившись. Этой чести удостоились Эйб, Сид, Дейв и Хэл. Чтобы не опоздать на торжество, они прибыли во дворец накануне крестин.

Дворец гудел, точно пчелиный улей. Слуги носились взад-вперёд, вешали новые кисейные занавески, подвязывали их лентами, расставляли цветы, полировали до солнечного блеска всё, что могло заблестеть, таскали наверх бадьи с горячей водой, бутылочки с тёплым молоком, подносы с мылом и присыпками, пуховые подушечки с батистовыми оборками, маленькие костюмчики, шерстяные ботиночки, кружевные накидочки и папиросную бумагу — одним словом, всё, без чего никак нельзя окрестить ребёнка. А Нолличек непрерывно попадался всем под ноги, поскольку ходил, уткнувши нос в огромную книгу, которую, судя по всему, собирался прочесть от корки до корки.

Так он столкнулся на дворцовой лестнице с Полл. Она торопилась на берег за рыбой, водорослями, водой и песком для Серебрянки.

— Что ты читаешь? — спросила девочка, потирая ушибленный локоть.

— Это Словарь Имён, — ответил Нолличек. — Тут собраны все имена, какие существуют на свете. Имя ребёнка тут тоже есть, только я его пока не нашёл.

— Обязательно надо искать? — удивилась Полл.

— Конечно.

— А нельзя выбрать на свой вкус?

— Но я же могу ошибиться. А у ребёнка должно быть единственно верное имя.

— Как это — единственно?

— Вот глупая! Каждому подходит только одно имя. Ты, допустим, можешь прозываться только Полл и никак иначе.

— Да, но...

— Никаких но! Ты Полл, и только Полл. Имя Джемайма тебе, например, вовсе не подходит.

— Но окрестить меня родители Джемаймой, мне бы пришлось это имя носить, хочешь не хочешь. Я бы, конечно, не хотела.

— Вот видишь! — воскликнул Нолличек. — Если человек не рад своему имени, значит, оно неправильное. А мой ребёнок, когда вырастет, будет своё имя любить.

— Тогда не называй её Джемаймой.

— А вот тут ты мне не указ!

— Почему это?

— Потому что не тебе решать!

— Но я её тётя!

— Тёти не в счёт!

— Откуда ты знаешь? Ты же не пробовал быть тётей! — возразила Полл.

— И пробовать не хочу.

— А из тебя тёти и не получится, в крайнем случае — дядя!

— Не дерзи! — закричал Нолличек.

— А ну-ка, цыц! — приструнила их Нянька, приближаясь с медной грелкой, полной тлеющих угольков.— И кыш с дороги, а то обожгу не-нароком.

Нолличек вжался в стенку, пропуская старушку, а Полл побежала на море. На берегу Чарли Лун писал что-то на мокром песке острой палочкой.

— Привет, Чарли.

— Здравствуй, Полл.

— Здравствуй... Что ты пишешь?

— Не знаю. Волна всё стирает, никак не прочту.

— Пиши, где волна не достаёт.

— Не-е... Тогда придётся решить, что я всё-таки пишу.— Он отбросил палочку.— Как там Серебрянка?

— Вчера дважды подпрыгнула и пыталась расправить крыло. Может, пора снять повязку?

— Серебрянка сама подскажет,— ответил Чарли.

— Знаешь, я теперь тётя,— похвалилась Полл.

— Чья?

— Ребёнка. Ты мне дашь рыбы?

— Для ребёнка, которому ты тётя?

— Для Серебристой серпоклювки.

— Пускай теперь сама за рыбой придёт.— Чарли наклонился возле прибоя, и накатившая волна кинула ему в руки опаловую раковину.— На-ка, отнеси ей, напомни.

— О чём?

— Да хоть о чём-нибудь, откуда мне знать? Одному раковина одно нашепчет, другому другое.

— Красивая...— Полл нежно погладила глянцеви́тый перламутровый бок раковины и по-

пыталась заглянуть в завитое нутро. — Вот бы поглядеть, что внутри. В самой серединке.

— Эта раковина не для глядения, а для слушанья. Ладно, спеша-ка домой, а то сейчас с моря наволочёт туману.

— И луна скоро взойдёт, — мечтательно сказала Полл. — Сегодня полнолуние.

— Туман с луною, луна с туманом, — пробормотал Чарли и зашагал вдоль берега, напевая себе под нос:

Вчера я сети выбирал из моря сладких снов.
Ты знаешь, друг, какой вчера попался мне улов?
Зелёная русалочка с чешуйчатым хвостом
Сто песен подарила мне об этом и о том...

А Полл, прижав раковину к уху, побежала по мокрому песку в другую сторону. Там, куда она ступала, оставались ямки, и ямки эти тут же заполнялись морской водой.

Глава IX

ИМЯ ДЛЯ РЕБЁНКА

Полл успела домой как раз к купанью новорождённой. В этот час все во дворце старались под любым предлогом заглянуть в детскую, где сидела Долл, а на руках у неё, завернутая в толстое тёплое полотенце, агукала крошка принцесса. После рождения ребёнка Долл вдруг обнаружила, что её не умеющие прясть руки умеют, а главное хотят намыливать, вытирать, присыпать и смазывать маленькое тельце, хотят засовывать маленькие ручки и ножки

в распашонки и ползунки, хотят расчёсывать золотой пушок на головке, превращая его в сияющий ореол. И все это Доллечкины руки делали вполне расторопно. Нянька и Мамаша Кодлинг наперебой давали ей советы — одна под правую руку, другая — под левую, а Долл невозмутимо делала по-своему: щекотала, покуда дочка не улыбнётся, и баюкала, покуда та не заснёт, причмокивая губками во сне. Склонившись над младенцем, Долл ласково ворковала:

Дитятко родимое,
Самое любимое.
Пахнет сладко, как цветок,
Как бархотка-ноготок.

Как фиалка и мимоза,
Георгин и тубероза.
Как букет, её вдыхаю,
Щекочу и обнимаю...

Что она и делала в тот момент, когда Полл заглянула в детскую.

— На море была? — спросила Долл, увидев в руках у сестры перламутровую раковину.

— Да. — Полл подошла поближе и наклонилась к ребёнку. — Здравствуй! Я твоя тётя. Вот, послушай, как море шумит. — И она приложила раковину к ушку ребёнка.

— Убери эту грязь! — возмущённо воскликнула Нянька.

Полл смутилась:

— Простите, я больше не буду.

— Море — самое чистое, что есть на свете! — заявила Мамаша Кодлинг. — А морская соль полезна для здоровья.

— Нельзя таскать ребёнку всякий хлам с берега, — не уступала Нянька. — И вообще, неизвестно, что там внутри.

— Внутри раковины море,— сказала Долл.— Оно укачает мою доченьку на своих волнах. Полл, хочешь уложить её в колыбель?

Полл радостно подставила руки, но Нянька тут же спросила:

— А руки у тебя чистые?

— Достаточно чистые,— ответила вместо Полл Мамаша Кодлинг.

— То, что достаточно для взрослых, вовсе не достаточно для младенцев.— Переспорить Няньку было трудновато.

— У-у, придира,— проворчала Мамаша Кодлинг.

Тут в детскую вошла Кухарка с тарелкой каши для Долл и перво-наперво поспешила к колыбели:

— У-тю-тюшеньки! Ты моя красавица!..

— Не стой тут, не дыши на ребёнка, словно корова на лугу,— сказала Нянька.

— Что, уж и дышать человеку нельзя? — возмутилась Китти.

— Над младенцем нельзя!

— Мне можно. Благодаря мне на крестинах у этого младенца будет самый развеликолепный торт, какой только видели в Норфолке.

— Он уже весь покрыт глазурью? — спросила Полл.

— Последний херувимчик остался.

— Можно, я ему крылышки покрашу?..

— А лишний сахарок в рот положу,— благодушно договорила Кухарка.— Ладно уж, пойдём.

В дверях детской они столкнулись с Молочницей Мегги, которая принесла сливок для Доллечкиной каши. И уж конечно, она остановилась возле колыбели и пощекотала ребёнка под подбородком:

— У-ти маленькая... У-ти сладенькая...

— Не трогай младенца своими ручищами, — сказала Нянька.

— Госпожа Нянюшка, ей же нравится! Глядите — улыбнулась!

— Младенцам не надо улыбаться, когда они переваривают пищу, — сердито проговорила Нянька и обернулась к вошедшему Дворецкому: — А тебе чего тут надо?

— Меня послал Его Величество! — торжественно сказал Джон и, опустив на стол поднос с толстой книгой, устремился к колыбели. Здесь он ещё торжественнее произнёс:

— Карамбакча-карамбукча!

— Нечего младенцу голову морочить. У него ещё и мозгов толком нету, он твоей бессмыслицы не понимает.

— Что взрослому бессмыслица, то ребёнку самый смысл, — сказала своё слово Мамаша Кодлинг. — Только так с детьми и разговаривают! Скоки-поки-перескоки-трам-тром-трушки-трим-трам-тра! — И, дыша, как корова на лугу, она склонилась над внучкой и принялась щекотать, покуда та не засмеялась. После чего Мамаша Кодлинг решительно взяла её на руки.

— Положи обратно! — велела Нянька.

— Не положу! Я ей бабушка!

— А я ей нянюшка. А ну положи!

Мамаша Кодлинг смирila её гневным взглядом.

— Я моих детей всегда на руках укачивала!

Нянька в ярости завопила:

— А моих детей никто не смеет укачивать.

— К бабушкам это не относится.

— Ко всем относится. Как нянька скажет, так и будет.

Старухи взъерошились, точно бойцовые петухи: вот-вот сцепятся.

— И чего шуметь попусту? — пожалала плечами Долл. — Иди-ка, маленькая, к маме.

Она забрала у бабки ребёнка, поцеловала и принялась укачивать. Мамаша Кодлинг торжествующе воззрилась на Няньку, а та сказала:

— Матери, безусловно, виднее. — Голос её дрожал от негодования.

Длитель спор, однако, было бесполезно, и Нянька обратила наконец внимание на принесённый Дворецким фолиант.

— Зачем Нолличек прислал сюда этот источник пыли? Да ещё во время купанья? — спросила она, постучав костяшками пальцев по переплёту.

— Его Величество сейчас пожалует сюда, дабы выбрать имя, которым следует наречь ребёнка, — ответил Дворецкий.

— Я назову её Джун, — сказала Долл.

— Джун? — повторил появившийся в дверях Нолличек.

— Да.

— Просто Джун?

— Да.

— Почему именно Джун? — спросил Нолличек, усаживаясь возле колыбели.

— Мне так нравится.

— И мне тоже, — сказала Полл с порога, облизывая с пальцев сахарную глазурь.

Нолличек замотал головой:

— Не годится! Просто Джун не годится! Имя не должно состоять из одного слога! Что подумают о нас крёстные феи?

— Настоящие феи? — обрадовалась Полл. — И много их будет?

— Я пригласил четырёх, — ответил Нол-

личек. — Надеюсь, они примут приглашение, и надо подготовить крестнице имя, достойное столь знатных крёстных.

— А кто они? — спросила Полл.

— Утренняя фея, Полуденная фея, Сумеречная фея и Полуночная фея. Так что назвать ребёнка просто Джун никак нельзя.

— Не понимаю почему! — сказала Полл.

— Мало ли, чего ты не понимаешь. Ты не понимаешь, а ежу понятно.

— Почему ежу?

— Потому что не крокодилу.

— Ну почему всё-таки ежу? Я не верю, что они хоть что-то понимают.

— Мало ли, чему ты не веришь. Ты не веришь, а черепаха верит.

Полл раскрыла рот...

— И не спрашивай меня, почему черепаха, — быстро добавил Нолличек. — Всё равно не скажу.

— Сам, верно, не знаешь!

— А вот и нет!

— Перестаньте ссориться, — подала голос Нянька.

— Ладно, — примиряюще сказала Полл. — Может, феи ещё откажутся быть крёстными, и тогда Долл сможет назвать ребёнка просто Джун.

— Имя ребёнка — Джун, и нечего тут обсуждать, — спокойно проговорила Долл.

В этот миг в окошко детской влетел почтовый голубь и, уронив к ногам короля четыре письма, унёсся прочь.

— Это, должно быть, ответы крёстных, — обрадовался Нолличек и вынул из розового конверта первое письмо. — Так, от Утренней феи. Она с удовольствием принимает приглашение. Хорошо. Теперь золотой конверт, от Полуденной феи. Она рада нам помочь...

«Серебрянка»

«Серебрянка»

Затем Нолличек вскрыл третий, голубой конверт.

— Сумеречная фея счастлива, объявляет о своём неперменном участии.

— А четвёртый конверт чёрный,— заметила Полл.

— Правильно. Его же прислала Полночная фея. Она тоже прибывает.

— И больше там ничего не написано? — удивилась Полл.

— Нет. Просто: «Я прибываю». Ну вот, значит, у нашего ребёнка будет целых четыре крёстных. Джун отменяется! — твёрдо сказал Нолличек королеве Долл.

— Джун,— шепнула она младенцу.

— А ты какое имя предлагаешь? — спросила у Нолличека Полл.

— Многосложное,— изрёк он, открывая Словарь Имён.— Как минимум, из четырёх слогов, по одному на каждую крёстную. А, вот! Нашёл! Никодемус!

— Но это мужское имя,— возразила Мамаша Кодлинг.

— Ну и что?

— У нас девочка,— сказала Долл.

— Да? Почему мне об этом не сообщили?

— Говорили тебе, сто раз говорили,— проворчала Нянька.

— Правда? Что же, очень жаль. Никодемус — прекрасное имя. Но менять, верно, поздно?

— Что менять? — не поняла Полл.

— Девочку на мальчика.

— Ещё бы! — фыркнула Нянька.— Ищи другое имя.

— И искать нечего,— сказала Долл.— Девочку зовут Джун.

Глава X

ПЕРЬЯ И ЛЁН

наконец бабка и Нянька покинули детскую, унеся лохань с водой и мокрое банное полотенце. У колыбели остались Полл, Долл и Нолличек, который с сожалением захлопнул толстенный словарь.

— Джун,— повторил он, словно пробуя имя на вкус.— Хм... Джун мне вовсе не нравится. Ну, да что ж поделаешь... Иди ко мне, иди к папе на ручки,— сказал он и, забрав ребёнка у Долл, придирчиво его осмотрел.

— Надо признаться, такое потомство делает мне честь,— промолвил он наконец.— Волосы светлые, точно лён, глаза голубые, как цветы льна, губы... Да, кстати, о льне,— сказал он, отдавая крошку матери.— Лён в этом году уродился на славу.

— Правда? — равнодушно сказала Долл и зевнула.

— Рекордный урожай собрали. Тебя такие вести должны радовать.

— Почему?

— Как это почему? Ты что, забыла, какой сегодня день?

— Годовщина нашей свадьбы,— сказала Долл.— Ровно год прошёл.

— Вот именно! — со значением произнёс Нолличек.

Долл ойкнула.

— Значит, не забыла! — довольно сказал Нолличек.— Да, моя куколка, ты права, что радуешься! Ибо лён собран — вдвое больше, чем

в прошлом году, — и сейчас его перетаскивают в соседнюю комнату. Правда здорово? Так что давай-ка принимайся за работу, а то не сносить тебе головы.

— Я же теперь королева, — слабым голосом запротестовала Долл.

— Королевы должны держать своё слово. И подавать пример другим женщинам, — твёрдо сказал Нолличек.

— Но завтра крестины! — взмолилась Долл.

— Вот и спряди лён сегодня.

— А если я не смогу? — медленно сказала Долл.

— Придётся без тебя крестить, — вздохнул Нолличек, — хотя мне, право же, будет очень жаль твоей прелестной головки.

— Нолличек, ты всерьёз? Что я тебе плохого сделала? — спросила бедняжка сквозь слёзы.

— Мне? Плохого? Ничего! Ровным счётом ничего! Да я горжусь тобой, словно ты сама царица Савская! Ты же у меня лучшая пряха в Восточной Англии!

— А я не хочу больше быть пряхой! — вспыхнула Долл. — Вот царицей Савской — другое дело! Её небось никто насильно за прялку не сажал! И вообще, я хочу быть цветком льна. Их-то никто на заставляет себя прясть, да ещё рекордный урожай! Это несправедливо! Это... это неразумно! Злодейство какое-то!

Король взвился под потолок.

— Злодейство? По-твоему, я злой? Да? Злой? Да как ты смеешь! Несправедливый — да, бывает. Неразумный — сплошь и рядом. У меня вообще с разумом плохо. Но злой? Да я самый добрый человек на свете!

Тут к нему подскочила разгневанная Полл:

— Вот она, твоя двойная натура! Добрый выискался! Достался зятёк на мою голову!

— А тебе вечно надо влезть не в своё дело! — взревел Нолличек. — Ты скудоумная! Свояченица — яичница!

— Я не скудоумная! — топнула ножкой Полл.

— Скудоумная! — топнул ножкой король. — И ничего удивительного! Сидишь целыми днями со своей птицей, скоро последние мозги растеряешь! Я вообще прикажу эту птицу выкинуть!

— Не смей! Если ты её хоть пальцем тронешь...

— Да ни за что на свете! Не то что пальцем, даже щипцов для сахара пожалею.

— Нету у тебя щипцов для сахара!

— А я специально прикажу выковать, чтоб не трогать ими твою глупую птицу. Это ж надо — целый год vyhаживать какую-то серпоклювку!

— Ей уже лучше.

— Ничуть. Ей всё хуже, хуже и хуже! И завтра она умрёт!

— Она вчера дважды подпрыгнула!

— Не подпрыгнула!

— Я сама видела!

— А я не видел!

— А тебя там и не было!

— Держишь птицу в идиотской клетке с дом величиной! — издевательски захохотал Нолличек. — Перья у тебя в голове! Пух и перья!

— А у тебя лён! И мозгов-то не осталось! Один лён!

— Перья!

— Лён!

— Перья, перья, перья!

— Лён! Лён! Лён!

Нолл и Полл затопали друг на друга ногами,

и в детскую прилетела на шум Мамаша Кодлинг.

— Господибожемой! — заверещала она. — А ну перестань на мою девочку топать! Такой большой король вырос, а ума — что у младенца.

Однако Нолличек топал всё громче.

— Перья! — кричал он.

— Лён! — кричала Полл.

— Такой большой король! — кричала Мамаша Кодлинг.

В детскую вперевалку вбежала Кухарка с солонкой в правой руке и с сахарницей — в левой.

— Вы чего развоевались? — сказала она. — У меня аж потолок на кухне трясётся и в голове всё путается. По вашей милости соль с сахаром смешала!

— Перья! — кричал Нолличек.

— Лён! — кричала Полл.

— Такой большой король вырос! — кричала Мамаша Кодлинг.

— Соль с сахаром смешала! — кричала Кухарка.

— Что тут происходит? — спросил с порога Дворецкий.

— Что тут творится? — спросил из окошка Садовник: привлечённый шумом, он приставил к стене дворца садовую лестницу.

— У него лён в голове! У неё перья в голове! — одновременно закричали Нолл и Полл.

— А такой большой король вырос! — в сердцах сказала Мамаша Кодлинг.

— Я из-за них соль с сахаром смешала! — пожаловалась Кухарка.

— Ну и дела! — протянул Дворецкий.

— Вот так-так! — сокрушённо сказал Садовник.

Следующие несколько минут шум в детской стоял невообразимый. Иногда вдруг можно

было различить отдельные возгласы «Лён!» — «Перья!» — «Такой большой король вырос!» — «Соль с сахаром!» — «Вот так-так!»

— А ну, цыц!

Все расступились, и мгновенно воцарилась мёртвая тишина. Посреди детской стояла Нянька и неодобрительно всматривалась в лица.

— Кто зачинщик?

Тишина.

Нянька окинула Нолличека цепким взглядом.

— Что ты можешь сказать в своё оправдание?

Нолличек обиженно ткнул пальцем в Полл:

— Она ногами топала...

— Кто начал-то? — возмутилась Полл.

— Ты!

— Нет, ты!

— Врёшь ты все!

— Ладно, может, и я, — вздёрнула нос Полл. — Но ты обозвал меня скудоумной.

— Такая и есть! — сказал Нолличек.

— Нет!

— Да! — Нолличек топнул ножкой.

— Нет! — Полл тоже топнула ножкой.

— Ещё ты сказала, что у меня двойная натура! — захныкал Нолличек.

— А то какая же? — сказала Полл.

— Конечно, двойная!!! — сказали все таким дружным хором, что больше Нолличек спорить не мог.

Он зарделся, как маков цвет, и с плачем подбежал к Няньке:

— Они меня ругают, а когда меня ругают, я очень ругаюсь.

— Иди прямиком в свою комнату, — проговорила Нянька самым суровым тоном, — зашторь окна, стань в угол и считай до тысячи одного.

Нолличек понуро побрёл к двери. А перед тем, как шагнуть за порог, обернулся, скорчил Полл рожу и прошипел:

— Перья!

— Лён! — завопила девочка.

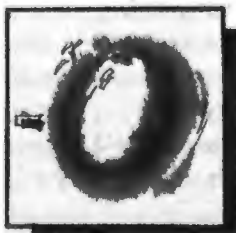
— Цыц! — прикрикнула на неё Нянька. — Сама хороша! Иди к себе и считай до тысячи одного. И чур без пропусков, слышите — вы, оба!!!

И Нянька вытолкала их из комнаты. Следом исчезли Мамаша Кодлинг, Кухарка, Дворецкий и голова Садовника в окне.

Долл осталась в детской вдвоём с ребёночком, который проспал весь этот тарарам, как сурок.

Глава XI

ДЕВЯТЬ ПОПЫТОК

й, бедная моя девочка, — запричитала Долл. — Что же нам делать? Беляночка моя голубоглазенькая, льняной цветочек на стебельке... Мне же в жизни столько льна не спрясть! Что делать-то, доченька? Неужто я и крестин твоих не увижу, не доживу...

Долл ярко представила соседнюю комнату с горой льна под самый потолок, и вздохи её превратились во всхлипы. Она закрыла лицо ладонями, и...

— Чего слёзы льёшь? — услышался голос совсем рядом, возле самого её локтя.

— Тебе что за дело? — всхлипнула Долл и отняла руки от лица. — Ой! Это ты, что ли?..

Около неё стоял Прядильный бес. Стоял и молодцевато покручивал хвостик.

— Я! Я! Я! — противно хихикнул он. — А то кто же!

— Зачем пришёл? — спросила Долл.

— Ой-ёй-ёй! За то-бой! — нараспев сказал бес и снова хихикнул. — Она ещё спрашивает! Год-то кончился, Долл Кодлинг, ты теперь моя!

— Ты что ерунду-то мелешь? — возмутилась Долл.

— Это не ерунда, а чистая правда. Ты моя! — сказал бесёнок.

— Ничего подобного, мистер как бишь тебя?..

— А вот как бишь меня ты и не знаешь, — хихикнул бес. — И не узнаешь, откуда я тебя отсюда не умыкну и не упеку в такую глухомань, где ты лица человеческого не увидишь, речи человеческой не услышишь.

И бес, злорадно пританцовывая, забежал по детской. Наконец он сунул нос в колыбельку.

— Что это у тебя завелось, Долл Кодлинг? Никак детёныш? — И он протянул к малышке чёрную, страшную лапу. Долл поспешно схватила ребёнка и прижала к груди.

— Не смей трогать, мерзкая нечисть! Прочь от моего ребёнка!

— Ты, наверно, любишь детёныша, — вкрадчиво сказал бес.

— Люблю.

— Жаль было бы расстаться?

— Конечно. Но я не собираюсь с ней расставаться! Маленькая моя, солнышко мое, никогда с тобой не расстанусь, — заворковала Долл над младенцем.

— Ой ли? — хихикнул бес. — Что ж, проверим, королева Долл. Не угадаешь моё имя с девя-

ти попыток, расстанешься со своим сосунком сей же час.

— Ты сжалишься! Ты не посмеешь! — воскликнула Долл.

— Ещё как посмею. А жалости во мне нет, поскольку хранить её негде. Сердца-то тоже нету! Хи-хи-хи! Пробуй ровно девять раз — станешь ты моей тотчас. Ну, говори!

— Билл, — предположила Долл.

— Неправильно, — сказал бес. — Это был раз! — И он закрутился веретеном от радости.

— Тогда Нед, — предположила Долл.

— Неправильно! Это два! — И бес закрутился ещё быстрее.

— Может, Марк?

— Неправильно! Это три!

— Савл?

— Неправильно! Это четыре!

— Неужели Мафусаил?

— Неверно! Это пять!

— Не Зеведей?

— Нет! Нет! Нет! Это шесть!

Долл тревожно наморщила лобик, вспоминая мужские имена.

— Твое имя Хаздрубал, — сказала она.

— Неправильно! Это семь!

Долл не на шутку перепугалась — в запасе у неё было лишь две попытки. И она произнесла дрожащим голосом:

— Тебя, наверно, зовут Навуходоносор.

— А вот и нет! Вот и нет! Это восемь! Ну, Долл Кодлинг, пробуй последний раз!

Что же сказать? Неужели есть ещё имена, которые она позабыла? Долл ничего не соображала от ужаса. Оглянувшись вокруг себя в полнейшем отчаянье, она заметила толстый Словарь Имён, который Нолличек оставил на подносе.

— Знаю! — закричала она торжествующе.
— Нет, не знаешь! Не знаешь! — завопил
Прядильный бес.

— Знаю! Знаю! Знаю! Тебя зовут Никоде-
мус!

Бесенок мерзко захихикал и проговорил:

— Это девять! Чья взяла? Ты моя, моя, моя!

Он веретеном завертелся по детской и снова
остановился около колыбели.

— Эй, детёныш! Говори маме до свиданья.
Какой хорошенький, красивенький, упитанный
детёныш! Прощайся с ним, Долл!

— Нет! Нет! Ни за что! — отчаянно закри-
чала Долл.

Бес протянул было к ребёнку чёрную паучью
лапу, но тут глаза его замерцали хитро и злобно,
и он сказал:

— Ох, и жаль разлучать мать с детёнышем.
Давай знаешь что сделаем? Ты его возьмишь
с собой!

— Моего ребёнка? В твоё ужасное логово? —
Долл вздрогнула от ужаса.

— Там отличненько! Прекрасненько! Краси-
венько! И детёныш твой красивенький будет там
как раз к месту. Он мне очень нравится, твой
детёныш. Прямо как ты сама. Давай я знаешь
что сделаю? Дам тебе ещё ночку на раздумье.
А завтра приду, и ты будешь снова угадывать
с трёх попыток. Не угадаешь — моя навсегда,
вместе с ребёнком.

— А если угадаю? Уберёшься ты наконец с
глаз долой на веки вечные?

— По рукам, Долл Кодлинг!

Долл на миг задумалась, а потом сказала:

— Что ж, по рукам.

Но тут, вспомнив ещё о чём-то, снова запла-
кала, заламывая руки.

— А сейчас чего слёзы льёшь? — осведомился бес.

— Как же мне не плакать? Я ведь должна сегодня до вечера спрясть целую гору льна, иначе мне завтра отрубят голову.

— Вот ещё напасть! Чтоб я упустил добычу из-за какой-то ерундовой работёнки? Да спряду я твой лён, Долл, спряду. А ты тогда пойдёшь со мной прямо нынче.

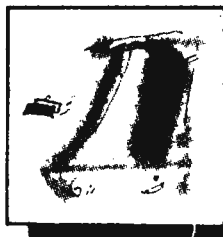
— Ну уж нет, — приободрилась Долл. — Обещал ещё три попытки — держи слово. А сейчас спасай мою голову, чтоб было завтра чем угадывать.

— Все равно не угадаешь! — воскликнул бес. — Не угадаешь. Никому моего имени не отгадать, ни за три раза, ни за тридцать три. Что ж, королева Долл, я сдержу своё слово. Но и ты от своего не отступайся. Сегодня я спряду за тебя лён, а завтра ты и детёныш достаётесь мне — навсегда!

И он завертелся, закрутился, закружился, всё быстрее, быстрее, в глазах у Долл так и мелькало. А когда она протёрла глаза, Прядильного беса уж и след простыл.

Глава XII

ПОЛЛ И ДОЛЛ

евятьсот девяносто семь, девятьсот девяносто восемь, девятьсот девяносто девять, тысяча! И один! — торопливо добормотала Полл у самых дверей детской. — Уф! Всё. Я вперёд Нолличека досчитала. Он на седьмой

сотне запутался, вот и пришлось ему заново начинать. Привет! Я твоя тётя,— сказала она, склонившись над колыбелькой. Но обнаружила, что там пусто.— Где ребёнок? А, у тебя... Дай поддержать.

Долл взглянула на неё безучастно, крепко прижимая к себе дочку.

— Ну, дай же.— Полл забрала у сестры младенца.— По-моему, она меня узнаёт! Да, маленькая? Я твоя тётя!.. Доллечка, хорошо, что ты больше не плачешь.

— Все слёзы выплакала,— сказала Долл.

— Но из-за чего? Из-за кого ты плакала? Неужели из-за Нолличека? Он, конечно, вёл себя по-свински, но не впервой же.— Долл отрицательно покачала головой.— Тогда не оттого ли, что тебе сегодня лён прясть? Велика работа! Вспомни, как ты лихо в прошлом году управилась! Значит, и в этом спрядёшь — не подведёшь.

— Но это не я...— тихо сказала Долл.

— Ух, ты и ловкая: всю гору льна за каких-то полчаса! — без умолку тараторила Полл, не услышав сестриных слов.— Я прямо не поверила, что ты — и вдруг столько льна спряла!

— Но это не я,— повторила Долл.

— Не ты?

— Не я.

— Что — не ты? — Полл недоумённо нахмурилась.— Что ты болтаешь? Мы же все видели эту гору льна, а потом — раз — и всё спрядено. Если не ты пряла, то кто же?

Долл молчала. И было что-то в её молчанье, в её безысходной грусти, заставившее младшую сестру взглянуть на старшую попристальней. Положив младенца в колыбель, Полл встала на колени перед Долл и обняла её за пояс.

— Ну, скажи мне, кто прятал лён? — попросила она ласково.

Но Долл, казалось, была не в силах вымолвить ни слова. Полл не на шутку встревожилась.

— Доллечка, не пугай меня, не томи... Кто спрятал лён вместо тебя? Кто?

— Маленький, противный, мерзкий бес, нечисть лесная, — прошептала Долл.

— Нечисть лесная? Маленький, противный... Погоди, кто он? Откуда он взялся?

— Кабы я знала!.. — горестно воскликнула Долл.

Полл схватила сестру за плечи и принялась трясти.

— Ну же! Говори! Не таись! У тебя раньше не было от меня секретов! Говори!

И слова посыпались — отрывистые, сухие, точно горошины, что одна за другой вываливаются из прорехи в мешке.

— Сижу я запертая с прялкой, вдруг, откуда ни возьмись, — бесёнок, чернящий как смоль, и хвостик этак покручивает. И хвастает, что спрясть лён ему — раз плюнуть. Спряду, говорит, твой урок, коли ты через двенадцать месяцев имя моё угадаешь. А не угадаешь, приду, говорит, и заберу, моей будешь. Я и подумала: год — срок долгий, и согласилась. А сегодня срок настал и бес-вертун уж тут как тут, за мной пришёл.

— Пришёл за тобой? — ахнула Полл, оглядывая комнату. — Но ты же здесь!

— Он пришёл и ушёл. Завтра вернётся. Он и на ребёнка позарился, завтра вместе со мной заберёт.

— Что!!! — закричала Полл так громко, как не кричала прежде никогда.

— Он взялся снова спрясть за меня лён, —

простонала Долл. — А завтра, если я не угадаю его имени, он нас заберёт.

— Заберёт мою племянницу?! — Полл бросилась к колыбели и обхватила её двумя руками. — Не отдам! Пускай со мной дело имеет!

— Тебе с ним не сладить! Это самая мерзкая и гадкая тварь на свете. Ох, если б узнать его поганое имя! Я уже девять раз пробовала, и всё без толку. Завтра он мне ещё три попытки даст, да только зря всё это, нипочём не угадаю. Сгину я, сгину вместе с доченькой...

— Ни за что! — Полл обхватила колыбель ещё крепче. — Ни за что! Не отдам!

— Как не отдашь-то? Имени нам всё равно не угадать.

Полл вскочила, грозно сжав кулаки:

— Надо узнать! Во что бы то ни стало! Я узнаю имя!

— Чьё? — на пороге появилась Нянька с охапкой чистых пелёнок. Долл предостерегающе взглянула на сестру, но Нянька, как видно, спросила для порядка и ответа не ждала. Она решила, что сёстры всё выбирают имя для наследной принцессы. К тому же в дверях детской возник Нолличек и отвлёк Няньку окончательно.

— Девятьсот девяносто восемь, девятьсот девяносто девять, одна тысяча ровно, одна тысяча и один. Всё, Нянюшка!

Нянька привстала на мысочки и потрепала воспитанника по щеке.

— Ну как, исправился? Будешь паинькой?

— Я уже паинька, — сказал Нолличек и, крайне довольный собою, повернулся к Долл: — Слышишь? Я уже хороший. Ой! Ты плакала? — в тревоге воскликнул он. — Моя Доллечка! Моя куколка! Ты не должна плакать! Это совсем не годится. — И, вытащив из кармана носовой пла-

ток, он принялся утирать заплаканные глазки королевы Долл. — Нельзя портить слезами такое прелестное личико. Я этого не допущу!

— Правда, Ноллик? — Долл с надеждой взглянула на короля. — Тогда мне можно не прясть лён?

— Так ты из-за этого ревёшь? — разом повеселел Нолличек. — Тоже мне, причина! Разумеется, моя дорогая Долл спрядёт этот лён в два счета! Хочешь на него посмотреть?

И, не дожидаясь ответа, он отпер дверь в соседнюю комнату, которую Эйб, Сид, Дейв и Хэл дружно заполняли льном: кипа на кипу, кипа на кипу, до самого потолка.

— Поживей, мальчики, поживей! — скомандовал Нолличек. — А то ваша сестрица все глаза выплакала, дожидаячись любимой работы.

— Ох, — тихонько вздохнула Долл.

Нолличек её не услышал. Он потирал руки, предвкушая новое чудо, и покрикивал на дюжих молодцов.

— Ох-ох-онюшки, — снова вздохнула Долл, ещё горше прежнего.

Подбежав к ней, Полл горячо зашептала:

— Беги, Долл! Беги!

— Бежать? — повторила бедняжка. — Куда?

— Неважно куда. Хватай ребёнка и беги. Прочь от Ноллика! Прочь от чёрного беса!

— А толку-то? Он меня где угодно отыщет. Как из-под земли вырастет.

— Хи-хи-хи! Хи-хи-хи! — донеслось до них мерзкое хихиканье.

Полл в испуге оглянулась и увидела среди льна престранное и пречёрное существо, которое, злобно сверкнув глазками, тут же исчезло.

— Это он? — прошептала девочка.

— Он, — кивнула Долл.

— Какой ужасный! Ужасный! Ужасный! — негодуяще закричала Полл.

— Кто ужасный, ужасный, ужасный? — поинтересовался Нолличек. — Я сейчас как раз очень хороший. Значит, ужасный — не я.

— Не ты, — подтвердила Полл.

Нолличек просиял.

— Вот здорово! Ужасный, и не я! Ни с кем сегодня больше не поссорюсь, честное слово! Доллечка, весь лён на месте. Принимайся за работу.

— Прямо сейчас? — Долл с тоской взглянула на колыбель.

— Раньше начнёшь, раньше кончишь, — назидательно сказала Нянька. — А я пока за ребёночком присмотрю. — Она тут же вытащила принцессу из колыбельки и принялась укачивать. — Трим-трам-трушки, трим-трам-тра, вышла кошка за кота, у кота была нора, детям баюшки пора. Вон уж луна выкатилась. Кто тут нянюшкин тримпомпончик-бузилёничек?

К счастью, её воркования не слышала Мамаша Кодлинг.

Глава XIII

СЕРЕБРИСТАЯ СЕРПОКЛЮВКА

о дворце воцарилась тишина. Долл сидела взаперти, и приложи кто-нибудь ухо к замочной скважине, навверняка бы услышал приглушённое жужжанье прялки. Никто, однако, к двери не подходил. «Спряла в прошлом

году, спрядёт и в нынешнем», — единодушно решили все и больше о королеве не беспокоились.

Ребёнок мирно спал у Няньки в комнате, и туда по очереди наведались Мамаша Кодлинг, Кухарка Китти, Молочница Мегги и Горничная Джен, — они крались на цыпочках, чтоб хоть одним глазком взглянуть на малютку принцессу, прежде чем лечь спать.

Нолличек спать не лёг, а отправился на чердак строить игрушечную железную дорогу — с рельсами, станциями и семафорами. Когда же он счёл, что весь дворец погружён в глубокий сон, он пробрался в подвал, в котельную, и раздобыл настоящего угля для паровозов. Король отлично знал, что Нянька не одобрила бы его полуночных шатаний, да и настоящий огонь в паровозных топках вряд ли вызвал бы у неё большой восторг. Поэтому он предусмотрительно снял туфли и крался в одних чулках. Очутившись на обратном пути возле двери в буфетную, Нолличек вдруг отчаянно захотел есть. Недолго думая, он отворил дверь и щедро угостился пирогом и тортом, да ещё с собой прихватил. Потом его потянуло заглянуть в собственную спальню. Перины и подушки так и манили, и король решил немного полежать, пожевать, а потом уж идти доделывать поезд. Так он и заснул — сладко-сладко, с недоеденным пирогом в кулаке, щекой на торте с кремом.

Теперь уж все спали во дворце: кто похрапывал, кто посапывал, кто просто тихонько дышал в две дырочки.

Спали все. Кроме Полл. Она ускользнула от бдительной Мамашы Кодлинг, пока та не отправляла её в кровать, и стала готовиться к подвигу. Сперва Полл зашла к Серебрянке — сказать ей спокойной ночи. Однако птица чисти-

ла пёрышки и не обратила на девочку никакого внимания. Полл вышла из клетки, чувствуя себя одинокой, никому не нужной и очень маленькой. Мир же вокруг был огромен, и где-то в нём жил Прядильный бес. Но где искать его дом? Куда идти? Сам-то он сейчас прядёт лён, Доллечкин урок, хочет дёшево купить её жизнь. Но долго он во дворце не задержится. Если в том году за полчаса спрял, то нынешний рекордный урожай займёт у него ну... от силы час. Выведывать имя у него самого без толку — захихикает, захохочет, только голову заморочит. Значит, и встречаться с ним лицом к лицу незачем. Куда лучше отыскать его дом прежде, чем сам он туда вернётся, спрятаться где-нибудь поблизости и наострить уши: вдруг те, с кем он живёт, назовут его по имени?

Из сада, от клетки с Серебрянкой, Полл видела все дворцовые окна. Светилось одно — в комнате, где заперли Долл. «Он, верно, ещё прядёт», — подумала Полл. Не лучше ли дожждаться, пока он закончит, и подсмотреть, куда пойдёт? Да, это самый лучший план. Полл уселась на землю, обняв руками колени. Взошла луна, захлопали мохнатыми крылышками ночные мотыльки, пронеслась мимо белая сова, вдвое сильнее запахло на клумбах левкой. А потом Полл уснула — сама не заметила как. Спала недолго, но луна, когда она открыла глаза, была уже высоко, и свет в Доллечкином окне не горел. Далёкие колокола кромерской церкви били полночь.

«Вот балда! Такую возможность упустила! Его, верно, уж и след простыл! — корила себя Полл. — Интересно, что теперь делать?» Она чуть не расплакалась от досады. Придётся начать поиски, даже не зная, в какую сторону идти:

то ли на север, к Велсу, то ли на юг, к Кайстеру, то ли на запад, к Эйлшэму, то ли на восток — к морю. Коленки у Полл затекли, и она оперлась рукой о землю, помогая себе подняться. Пальцы её наткнулись в траве на что-то твёрдое. Ракушка! Та, что сама приплыла сегод-

ня к Чарли Луну. Полл приложила её к уху и услышала вздохи ветра и шуршанье прибо-
я.

Ветер! Он же всюду летает, обо всём знает. Он проникает в самые укромные уголки, и никому от него не спрятаться. Можно не впускать к себе солнце, можно спрятаться от дождя, но от ветра никуда не деться. Он проникает в щёлки, в замочные скважины, в печные трубы.

Ветер наверняка побывал там, где живёт этот хитрый бес. Хотя разок, да побывал. Научиться бы языку, на котором говорит ветер! Он подскажет, куда идти, а ракушка нашепчет его слова прямо мне на ухо.

— Шшш-ччч, — бормотала ракушка, — шум шхер, чёлн мечты...

Полл зажмурилась и стала говорить в перламутровую глубь глухим голосом, веря, что такие звуки покажутся ракушке понятными, и она ответит.

Ракушка, ракушка,
ракушка-шептунья,
ты мне имя нашепчи
колдуна-колдуньи,
чтоб не смел у нас отнять
дорогих и близких,
имя, ракушка, скажи
злых бесов низких...
Ракушка, ракушка,
ракушка-шептунья,
мне на ушко нашепчи,
подскажи, вещунья...

— Ш-ш-ш, — бормотала своё ракушка, — шум шхер, ч-ч-ч, чёлн мечты...

А может, слова лишь померещились Полл? Ракушка опять говорила прежним, непонятным, недоступным для людей языком.

И вдруг в тишину врезался совсем другой звук — резкий и пронзительный.

— Киу-киу — сиу-у-у-у!

«Птицы кричат над волнами, — решила Полл. — Носятся вдогонку за ветром и кричат».

— Киу-ууу!

Не из ракушки же, в самом деле, слышен этот звук. Он долетал откуда-то со стороны. Полл давно держала глаза зажмуренными, и теперь

они никак не хотели разлепляться. Наконец она их открыла. Всё кругом призрачно мерцало, колыhalось в лунном свете, и поначалу Полл разглядела лишь что-то серебристое, оно мелькнуло у самой травы, словно внезапно сделался видимым ветер. Но вот серебристая тень стала чётче, яснее... У Полл замерло сердце. Неужели?!

Серебристая серпоклювка, как огромная бабочка, летела над клумбами, чуть выше, чуть ниже, ещё повыше и — вниз, к самой земле. Полл с тревогой следила за птицей. Вот она приземлилась и прошла по росистой траве, как по мокрым водорослям, к фонтану. Напившись водицы, Серебрянка снова стала пробовать крылья.

— Тебе лучше! — ликующе прошептала Полл. — Ты здорова! Ты летаешь!

На этот раз птица взобралась ещё выше по лунному лучу и заскользила в воздушной струе, лёгкая и грациозная. Минуты шли, а причудливый, изящный танец длился и длился — то в воздухе, то на земле; с каждым разом Серебрянка взмывала всё выше и держалась на крыле всё дольше.

И вот она, как видно, окончательно уверилась в своих силах и поднялась так высоко, что Полл едва различала на ночном небе серебристую искру.

Приложив руки рупором ко рту, она крикнула вдогонку птице:

— Не улетай! Не улетай! Серебрянка! Серпоклювочка! Покажи мне дорогу! Проводи меня!

И птица, как падучая звезда, устремилась вниз, а потом... Полл так и не поняла: сама ли она стала величиною с мышонка или Серебрянка

выросла в огромного среброкрылого ангела. Она почувствовала лишь, что объята потоком лунного света и её уносит вдаль — невесомую, точно пёрышко.

Глава XIV

ГОЛОВА ДЫРЯВАЯ

о морю, от полосы прибоя до самого горизонта, тянулась дрожащая лунная дорожка. На мелководье у берега она была пошире, а дальше всё сужалась, покуда не протыкала небо сияющим остриём. Чарли завершил свои дневные труды. Вытащил лодку на сухой песок, поужинал остатками пудинга с изюмом и достал из кармана дудку. Заслышав знакомые звуки, к нему вперевалку зашпешили три топорка: они надеялись, что Чарли сыграет плясовую и они потанцуют. Чарли вольготно улёгся на спину, шуганул назойливых дружков парочкой пронзительных посвистов, а потом уселся и спел им песенку, под которую они и станцевали, чинно и неуклюже, очень, однако, довольные собой. Чарли же кивал головою в такт, причём при каждом кивке из волос его высыпалась струйка песка.

Три весёлых чайки
Обожают сайки,
А пузаны топорки
Обожают крендельки.
Набивают ими пузо
И вышагивают грузно,

Набивают ими брюшко —
Аж трещит у них за ушком.
Лопнут скоро животы
От любимейшей еды.
Ненасытные утробы!
Вредно кушать столько сдобы!!!

Наконец все трое разом остановились, склонив головки набок. И вдруг откуда-то с неба до них долетел далёкий голос:

— Чар-ли-и-и! Чар-ли-и-и!

Топорков точно ветром сдуло. А Чарли сунул свистульку в карман и встал, вглядываясь в ночные небеса. Вот вдали показалось гонимое ветром облачко. Ветром? Нет, пожалуй, не ветром. Никогда прежде не видел Чарли, чтоб облако несло по небу с такой быстротой. Оно приближалось, росло с каждой секундой, и вот уже понятно, что это вовсе не облако, а огромная птица с девочкой на спине. Ещё несколько взмахов серебристых крыл, и они приземлились около Чарли.

— Привет,— сказала Полл, свалившись на песок.— Ух, здорово я летела. Привет, Чарли.

— Здравствуй.

Полл растерянно озиралась, ещё не оправившись после головокружительного полёта. Только что была во дворцовом саду и — раз! — уже на берегу. Чудеса, да и только.

— А почему я здесь? — недоумённо спросила она.

— Тебе лучше знать,— отозвался Чарли.

— Но я не знаю. Меня Серебрянка принесла.

— Так её и спроси.

— Она выздоровела! — радостно сообщила Полл.

— Я уж вижу.

— И она выросла в десять раз!

— Разве?

Полл оглянулась. По песку вышагивала серпоклювка, не огромная, а самая обыкновенная.

— Серебрянка, — обратилась к ней Полл. — Зачем ты меня сюда принесла?

Но птица даже головы не повернула.

— Может — так просто, без причины? — предположила Полл.

— На свете ничего не бывает без причины.

— А ты? — спросила Полл.

— И на мою жизнь причина была, человек неспроста рождается. — Чарли искоса глянул на Серебрянку. — Есть хочешь? — спросил он и протянул ей селёдку, что слабо трепыхалась меж других рыбин на дне лодки. Птица аккуратно подцепила селёдку клювом и откинула в сторону.

— Не в этом, значит, дело, — смекнул Чарли. — Серебрянка, ты зачем сюда Полли принесла?

Однако птица обратила на него не больше внимания, чем на девочку. Её ныряющая походка превратилась в танец. Сначала она засемила мелко-мелко, точно сучила тонкую нитку, а потом вдруг распушила перья и закружилась на месте, как веретено.

— Да она прыдёт! — изумлённо прошептала Полл. — А теперь... Гляди! Уменьшилась. Ещё уменьшилась, прямо как гномик! Или... Кого, кого же она передразнивает?

Серпоклювка захлопала крыльями и чуть поднялась над берегом, а тень её на песке стала пугающе огромна. Полл схватила Чарли за руку.

— Серебрянка! Серебрянка! Скажи, на кого ты похожа?

— Я знаю, — хрипло сказал Чарли. — Я знаю,

кого она передразнивает. Это злобная нечисть из Ведьмина леса.

— Маленький чёрный бес? — догадалась Полл. — Тот, что мерзко хихикает, аж мурашки по телу бегают?

— Он самый, — пробормотал Чарли.

— Как его зовут? Чарли, как его зовут?

Она поняла вдруг, что Серебрянка перенесла её сюда, к Чарли, потому что он знает ответ. Девочку охватила безумная радость: она спасёт, спасёт и сестру, и ребёнка.

Но Чарли молчал. С моря на берег постепенно наплывал туман, и глаза Чарли, казалось, тоже заволокло туманом. Молчал он долго, напряжённо — силился вспомнить. Наконец он покачал головой.

— Нет, не помню. Забыл. Знал, но забыл.

— Эх ты, голова дырявая, — упавшим голосом сказала Полл. — Чарли, ну миленький, вспомни! Вспомни!

Чарли окаменел. Он очень старался, но как заволокло туманом лунную дорожку, так и память его застлало вязкой, густой пеленой.

— Позабылось имя, — вздохнул Чарли. — Совсем из памяти стёрлось.

— Но раньше ты его знал?

— Когда-то знал.

— Этот бес точно живёт в Ведьмином лесу?

— Он — чёрная сила Ведьмина леса.

Полл решительно сжала кулаки.

— Тогда я иду искать его в Ведьмин лес.

— Лес-то Ведьмин лучше бы стороной обходить, — пробормотал Чарли.

— Ты это мне сто раз говорил. И я слушалась. Но на этот раз я иду.

— Он же дрянью всякой кишмя кишит, — сказал Чарли. — Вот, погляди-ка.

Он прошёл к своей лачуге и подцепил босой ногой болтавшуюся на одной петле дверь. Она распахнулась, и на внутренней её стороне колыхнулась чёрная как ночь пустотелая кожа. Чарли снял ее с гвоздя и встряхнул, расправил на весу — чтоб обрела настоящую свою форму.

Полл вздрогнула.

— Что это?

— Эта нечисть в прошлом месяце моим топоркам проходу не давала. Я с ней и разделался, чтобы не натворила птичкам бед. А шкуру на солнце высушил.

— Зачем?

— Может, на что сгодится.

Полл подошла поближе и снова невольно вздрогнула.

— Похоже на ужасное, мерзкое чудище, которое гонялось за нашей Серебрянкой. Помнишь? Оно тогда натворило бед.

Чарли разжал руки, и чёрная кожа, пусто хлопнув, упала на гальку.

— Вот их-то и полон Ведьмин лес. Попадёшься им на глаза — сразу пропадёшь.

— Что ж делать, — сказала Полл. — Всё равно пойду. Я должна узнать имя Прядильного беса, должна! Понимаешь, Чарли? Не узнаю — он сестру мою заберёт, вместе с ребёночком. Понимаешь? Надо идти, непременно надо.

— Тогда и я с тобой, — сказал Чарли. — И да поможет нам Бог!

Глава XV

В ТУМАНЕ

ока длился этот разговор, Серебристая серпоклювка похаживала по бережку равнодушная, словно чужая. Но едва Полл и Чарли приняли решение, она подлетела к ним и, склонив голову, взглянула блестящим круглым глазом на чёрную кожу, что валялась у ног рыбака. Потом птица поступила и вовсе странно. С величайшим презрением она взяла кожу в клюв, взлетела и опустила её на Полл, да так аккуратно, что кожа легла капюшоном на голову девочки.

Полл с омерзением стряхнула её на землю.

— Фу! Для чего это мне?

Серебрянка не ответила, а снова принялась похаживать среди луж, оставшихся на берегу после прилива. Зато Чарли вдруг оживился, и глаз у него заблестел, совсем как у птицы.

— Понял, — пробормотал он. — Я всё понял.

— Что ты понял, Чарли?

— Что говорит нам Серебрянка.

— И что же? Я не то что понимать — различать её скоро перестану. Да и тебя тоже. Туман-то всё гуще и гуще делается.

И верно. Берег совсем заволокло. Белая пелена поглотила свет луны, приглушила плеск прибоя. И Полл отчего-то показалось, что и говорить надо шёпотом.

— Иди-ка сюда, — позвал Чарли. — Ближе.

Она подошла к нему вплотную, и он заговорил тихо-тихо.

— Послушай, Полли. Послушай внимательно и хоть разок последуй доброму совету...

— Если ты хочешь уговорить меня не идти...— начала Полл.

— Нет,— ответил Чарли.— Надо так надо. Мне эта затея, конечно, не по душе, но, может, ты и уцелеешь, если послушаешься доброго совета. Сними-ка платье.

— Зачем?

— Делай, что велено.

Полл стянула через голову своё ситцевое платьице и осталась в одной нательной рубашке. Туман тут же лизнул оголившиеся ноги, руки, и девочка зябко поёжилась. Даже самой себе не хотела она признаваться, что дрожит не от таинственных касаний ночного тумана, а от чего-то более таинственного. Казалось, туман поглотил весь знакомый, ведомый и понятный мир и оставил её на берегах иной, неведомой жизни.

— Сядь,— прошептал Чарли.

Полл присела на большой камень, и Чарли опустил перед нею на колени. Расстегнул девочкины сандалии и, поочерёдно выпрямляя её босые ножки, стал натягивать на них чёрную звериную шкуру. Полл безглаголиво поморщилась.

— Знаю, что противно,— приговаривал Чарли,— знаю, всё знаю. Да только Ведьмин лес для девочек гибель, а для таких вот чудищ — дом родной. Наше счастье, что кожа тебе впору. Вокруг Пряильного беса такой нечисти не счесть: развлекают его, на посылках бегают, самолюбие его мерзкое тешат. Вот ты и проникнешь к ним как своя.

— Не стану я его развлекать! — возмущённо прошипела Полл.— И на посылках бегать не стану. И самолюбие его мерзкое тешить ни за что не буду.

— Тогда и имени его не узнаешь,— отозвался Чарли, натягивая чёрную кожу на её тело и руки.

— Понятно,— пробормотала Полл.— Теперь всё понятно.— Она вспомнила о ребёнке и больше не сопротивлялась, предоставив Чарли облачать её в ведьмовскую одежду. Она решила бороться с бесом не на жизнь, а на смерть. Она не отдаст ему малютку принцессу, ни за что не отдаст! А потом она вдруг представила, как он злобно смеётся, выглядывая из тюков со льном, и сердечко её дрогнуло.

— Чарли,— тихонько сказала она.

— Ась?

— Ты ведь сказал... Правда, сказал?

— Да что сказал-то?

— Что со мной пойдёшь?

— Пойду,— кивнул Чарли.— Доведу тебя до самой глухой чащобы и после буду поблизости держаться. Но этот поганый бес меня знает, и, если почует, что я рядом,— нам несдобровать. Пиши пропало. Он на меня давно зуб точит: знает, поганец, сколько я его тварей перебил. Ну-ка, встань.

Полл послушно встала. Вся она была теперь облачена в чёрную кожу, только голова оставалась открытой. Двигалась она неуклюже, не умея пока без содрогания ощущать на себе чёрную мерзкую оболочку. Куда только делись девичья ловкость и грация? Но Чарли одобрительно оглядел её сверху донизу, пробормотал:

— Годится, годится,— и осторожно натянул ей на голову глухой чёрный капюшон со звериной мордой.

— Чарли, Чарли! Я ничего не вижу!

— Там есть дырки для глаз.

— Чарли, Чарли! Мне нечем дышать!

— Приспособишься!

— Чарли, Чарли! Я не знаю, куда идти!

— Иди за мной,— сказал Чарли Лун.

Туман совсем сгустился, окончательно скрыв и Луну, и море. Канула в белёсую пелену и серпоклювка. Полл различала только фигуру Чарли. Он смутно маячил впереди, но с каждым шагом всё расплывался, растворялся... Девочка отчаянно перепугалась.

— Чарли! Не уходи! Подожди меня!

— Сюда,— позвал Чарли шёпотом.

— Не спеши так!

— Иди же сюда,— снова долетел голос из тумана.

Она переставляла негнувшиеся чёрные ноги как могла быстро, боясь отстать от Чарли. Иногда она теряла его из виду и тогда кричала шёпотом: «Чарли! Ау! Чарли!» И ветер доносил до неё ответ из вязкой млечности тумана: «Полли-и! Сюда!» И Полл вслепую шла на голос. Девочка чувствовала, что под ногами уже не песок. Она то и дело спотыкалась о корни, обдиралась о колючий вереск. Пахло уже не морем, а затхлым стоячим болотом. Полл очень старалась не отстать от старшего друга. Здесь она уже не осмелилась бы окликнуть его по имени: ведь они в Ведьмином лесу и вокруг кишит нечисть, нельзя выдавать им Чарли. Полл слышала кваканье лягушек и шипенье гадюк. Вот сухо протрещала какая-то птица, точно провела палкой по дощатому забору. Ночь становилась всё темнее и глуше, но туман редел, и глаза девочки постепенно привыкали к мраку. Вскоре она уже кое-что различала под ногами и впереди. Чарли она не видела, только дудка его — вместо голоса — порой призывно прорезала квакающую, шипящую и трещащую тиши-

ну. И Полл, спотыкаясь, торопилась на этот зов.

Вдруг она почувствовала, что идёт не одна. Под чьими-то ногами похрустывали сучки. Полл присмотрелась. Рядом меж кустов пробирались два существа, чёрные, подобные ей самой. Девочка и охнуть не успела, как они с победным кличем навалились на неё и, схватив за руки, поволокли неведомо куда.

Глава XVI

ВЕДЬМИН ЛЕС

В самом центре Ведьмина леса, меж двух толстенных сосен, полыхал костёр; малиновое пламя освещало розоватые чешуйчатые стволы, а вершины великанских деревьев терялись во мраке. С сосен свисал на цепях огромный котёл. Огненные языки лизали его снизу и с боков, точно стремились глотнуть пахучего варева. А вот Эйб, Сид, Дейв и Хэл Кодлинги, привычные к маманиной стряпне, вряд ли захотели бы полакомиться из этого котла — уж больно зловонный шёл оттуда запах. Да и стряпуха, стоявшая над котлом с огромной поварёшкой, так же сильно отличалась от пышнотелой и уютной Мамаши Кодлинг, как отличались представления этих двух дам о вкусной и здоровой пище. Стряпуха была худющая-прехудющая, прямо кожа да кости; седые лохмы, точно пакля, спутаны; на лице волосы из бородавок растут: на щеках кустики, на подбородке

кустик, а брови — целая роща. Женщину эту звали Арахна, по прозвищу Паучья Мать. Вокруг Арахны крутилось полдюжины вертлявых чудищ из свиты Прядильного беса. Имена у них тоже были пречудные: Вzbучкинс, Хапужкинс, Щелбанч, Дубинч, Бякстер и Дрянъстер.

Они сновали взад-вперёд или, стоя на карачках, рыли лапами землю. Всё, что нароют, они спешили отнести Арахне — для рагу. Поварёшка у Паучьей Матери была железная, с длинной ручкой. Бросив в котёл новую приправу, она перемешивала варево, а потом непременно пробовала целый черпак. После чего, довольно цокнув языком и смачно облизнувшись, она снова принималась ворочать поварёшкой в котле. Всё это действо сопровождалось вот такой заунывной песенкой, которую Арахна исполняла с противным приквакиваньем:

Чем Хозяина кормить?
Чем Хозяина поить?
В колдовском котле какое
 лакомство ему сварить?
Трав, кореньев побросаем —
Буль-буль-буль!
И хвостов крысиных тыщу —
Буль-буль-буль!
Сто ушей
 летучих мышей,
 лап паучьих,
 яиц гадючьих
 и тины вонючей
 из речки Уз!
Эй, тины побольше из речки Уз!
О-го-го! Э-ге-гей!
Чтоб воняла сильней!
Тащи поскорей
Гадкую тину из речки У-у-уз!!!

— Буль-буль-буль! — подхватывали свитские чертенята.

«Серебрянка»

«Серебрянка»

— Буль-буль-буль! — вторил малиновый огонь.

— Буль-буль-буль! — подтверждал котёл с варевом.

Чудовища подпрыгивали от восторга и потирали животы, предвкушая изысканную трапезу. Арахна же продолжала метать в котёл все новые порции ведьмовских снадобий и приправ. Вдруг она замерла, точно окаменела, поднеся к уху костлявый палец.

— Тс-с-с! Ч-ч-ч! Ш-ш-ш! Слышу свист! Кто-то наигрывал на свистулке.

— Кыш! Брысь! — зашипела Арахна. — Живо поглядите, кто там!

Взбучкинс и Хапужкинс ускользнули исполнять приказание.

— Эй, Щелбанч! Ещё щепотку белены! — сказала Арахна. — Эй, Дубинч! Тащи сюда бледных поганок! Да погнилее!

Чертенята сновали туда-сюда, огонь полыхал, варево булькало, Арахна же время от времени замирала, наострив ухо.

Вскоре вернулись Взбучкинс и Хапужкинс, волоча за собой существо чёрное и костлявое, как они сами. Сердечко Полл отчаянно билось под лохматым маскарадным костюмом; ей казалось, что стук этот разносится на всю округу. Когда же девочка разглядела, в какое жуткое, мрачное место она попала, сердце её застучало ещё вдвое громче. У костра собрались все, кто мог жалить, жечь, кусаться и царапаться: комары и крапива, слепни и чертополох. Две сосны походили на зубастых крокодилов, вставших на задние лапы, чтобы половчее схватить её и перекусить надвое; костёр шипел и плевался искрами, точно вознамерился спалить её заживо; варево же пахло так отвратительно,

что Полл не сомневалась: в котле отравя, и кипит она там ей на погибель. Но всё это было не самым страшным. Куда страшнее показались девочке два мерзких вертявых чертёнка и лохматая, костлявая ведьма с паучьими лапами, к которой они её приволокли. Ведьма была тут, пожалуй, страшнее всех. Из провалившихся глазниц её сверкали горящие глаза. Ведьма устала их на Полл и прошипела:

— Ш-што тут? Кто тут? А ну говори, коли язык не проглотил.

Полл судорожно сглотнула и выдавила едва слышно:

— Язык у меня есть... по-моему.

— Мне неважно, что по-твоему. Говори, кто таков!

— Но они щиплются! — не выдержала Полл. Взбучкинс и Хапужкинс немилосердно пихали и щипали её с двух сторон.

Арахна хихикнула.

— А ты чего теряешься? Щипайся в ответ.

— Можно? — воскликнула Полл. Прежде ей и в голову не приходило, что подобный приказ может доставить столько радости. Выдернув руки из цепких лап своих мучителей, она изо всех сил ущипнула сперва одного, потом другого. Чудища взвыли от боли и убежали, поджав хвосты и втянув головы в плечи. А Полл начала понемногу оживать. Дела не так уж плохи, если ей дозволено посчитаться с обидчиками.

Арахна одобрительно закивала и промолвила с мерзким смешком:

— Мне нравится твой задор, прищелец. Ты нашего поля ягода.

— Я этого и хочу, — решительно сказала Полл. — Я хочу быть одним из вас. Как думаете, он меня примет?

— Он? Кто — он? — спросила Арахна.

— Ну, сами знаете... как бишь его... — сказала Полл, надеясь выудить из Арахны имя Прядильного беса.

Но старая ведьма лишь захихикала и довольно проквкала:

— «Как бишь его»! Это про Хозяина! Ну, ты даёшь, новичок! Хорошо сказано!

Полл постаралась скрыть разочарование:

— Я же ничего не сказал...

— И хорошо сделал. Мы никогда не произносим имени Хозяина. Ты смыслённый, испытание выдержишь.

— Какое ещё испытание? — спросила Полл нарочито спокойно и равнодушно.

— Каждому своё. Все новенькие проходят испытание, иначе Хозяин не возьмёт. А кто не прошёл, пускай пеняет на себя. Впрочем, тебе повезло, пришелец. У нас сейчас как раз одного не хватает.

— Почему? — спросила Полл.

— Негодяй Лун, что живёт на берегу, поймал нашего Коротышку, — проворчала Арахна. Потом она вдруг протёрла свои налитые кровью, глубоко запавшие глаза и с новым интересом уставилась на Полл. — Послушай, пришелец, а ты здорово смахиваешь на нашего Коротышку.

— А я... а он... а мы с ним братья. Дворяродные, — второпях придумала Полл, надеясь, что ведьма удовлетворится таким объяснением.

Девочка, похоже, не ошиблась. Арахна довольно закивала и проговорила:

— Рыло ну точь-в-точь как у Коротышки.

— Это у нас семейное, — Полл заговорила побойчее.

— Что ж, значит, Коротышкой тебе и быть, — порешила ведьма.

— А тебя как зовут? — совсем осмелела Полл.

— Арахной, — ответила Паучья Мать.

— Послушай, Арахна, неужели тебе никогда не хочется произнести имя Хозяина? Просто, ради смеха.

— Хочется не хочется, но смеху будет мало.

— Ну, хоть разочек, — не унималась Полл. — Скажи, попробуй!

— Чего ты добиваешься? — с подозрением спросила Арахна. — Мне моя шкура пока дорога. А ты, Коротышка, как видно, своей не жалеешь.

«Ах ты, ловчила, — подумала Полл. — Ну ничего, я сейчас вытяну из тебя имя».

И она сказала громко и презрительно:

— Так ты трусиха!

— Мне дорога моя шкура, — опасливо повторила Арахна. — Никто не смеет произнести имени Хозяина, кроме него самого.

— А, так сам он говорит своё имя? — обрадовалась Полл.

— Говорит, — подтвердила Арахна. — Когда особенно собою доволен. Вот сегодня он наверняка будет доволен — вернётся с хорошей добычей. Хозяйку себе приведёт. Знаешь кого?

— Откуда мне знать? — Полл пожала плечами, хотя знала, даже слишком хорошо знала, о ком идёт речь.

— Королеву Норфолка собственной персоной, — мерзко захихикала Арахна и хрустнула длинными костлявыми пальцами.

— Не может быть! — воскликнула Полл, мечтая свернуть дряблую, морщинистую шею Паучьей Матери.

— Точно! За ней он и отправился. Вернётся веселёхонек. Тебе повезло, Коротышка, он наверняка спросит тебя на испытании что

полегче. И ты станешь нашим братцем. Ух и попируем всласть! А ну-ка, тащи сюда сосновых шишек! Бросай в костёр! Да побольше!

Полл металась по поляне, собирая шишки и колючие ветки; глаза её горели, а сердце полыхало ненавистью. Ветки и шишки летели в огонь, хрустели и трещали, варево в котле пыхтело и булькало, Полл кривилась и морщилась от ужасной вони, а Паучья Мать облизывалась и сглатывала слюнки от нетерпения. Сунув в котёл железную поварёшку, она зачерпнула кипящей дряни и, урча от наслаждения, проглотила её одним глотком.

— Вкус-но-та! — блаженно проговорила старая карга. — Хочешь попробовать?

Ни увернуться, ни сжать зубы Полл не успела: ведьма засунула ей в рот полный черпак.

Сделав вид, что глотает, Полл повернулась спиной к Арахне, выплюнула горячую гадость и повторила «Вкуснота!» вслед за ведьмой.

— Ещё? — спросила Арахна. — Я так не всякого балую, но уж больно ты мне понравился.

— Спасибо, хорошенького понемножку, — ответила Полл, утирая рот пучком травы. — Я, пожалуй, ужина подожду. Что ты туда намешала?

— Гадючьи яйца, паучьи лапки и вонючую тину из реки Уз, — скороговоркой сказала Арахна. — Пошевеливайся, Коротышка, пошевеливайся, а то костёр потухнет. — Вдруг ведьма наострила уши и вытянула длинную шею. Волоски на её подбородке радостно встопорчились. — Тс-с-с! Ч-ч-ч! Слышь, Хозяин мчится!

Тут и девочка расслышала хруст лесного валежника под колёсами какой-то повозки. Сердечко у Полл чуть не выпрыгивало из груди, она не могла ни вдохнуть, ни выдохнуть.

Вот меж деревьев показалась восьмёрка ле-

тучих мышей, запряжённая в колесницу. Вокруг с воем приплясывали свитские чудища, а колесница, кренясь и подпрыгивая на корнях и кочках, отчаянно стучала костями. Собственно, это был самый настоящий скелет на колёсах, а меж его рёбер, на черепе, скреплённом с колёсной осью, восседал Прядильный бес в шлейфе из драной паутины. Пока колёса крутились, череп вращался, и хвост беса со свистом рассекал воздух. Глаза Хозяина горели на чёрном как уголь лице, словно угольки из печки. Летучих мышей он погонял не хлыстом, а длинным, извивающимся ужом. Заодно он стегал и чудищ, что бежали вприскок по обеим сторонам колесницы.

— Пляшите! Пляшите! Пляшите! — требовал Прядильный бес. — Пляши, Взбучкинс! Пляши, Хапужкинс! Пляшите, Щелбанч и Дубинч! Эй, Бякстер! Дрянкстер! Скачите выше! Пляшите веселее!

Так, с хрустом и топотом, скрипом и грохотом, лязгом и писком, шумом и визгом, пробиравась колесница через Ведьмин лес и остановилась наконец возле самого костра. Череп перестал вертеться.

— Бульону, Паучья Мать! Живо! — скомандовал бес.

Арахна схватила старый черепаховый панцирь, налила в него до краёв варева из котла и поставила перед Хозяином. Он лизнул раз другой, и глазки его довольно заблестели.

— Вкусно! Вкусно! — проговорил он, ущипнув Арахну за ухо в знак благодарности. После чего он взял панцирь в руки, слегка наклонил и вылакал всё без остатка.

— Я, Хозяин, на двоих наварила, — сказала старая карга. — Где хозяйка-то?

— Всеми своё время, Паучья Мать, всему своё время. И её увидишь, и детёныша. Я позволил королеве снова с судьбой поиграть. Уж больно детеныш её мне приглянулся. Пускай завтра снова имя угадывает. Не угадает с трёх раз — достанется мне вместе с детёнышем. Хи-хи-хи! Ещё бульону давай!

Арахна ткнула костлявым пальцем в Полл, веля ей выполнить приказ Хозяина. И кипевшая от негодования девочка принуждена была забрать пустой панцирь и снова наполнить его из котла. А Прядильный бес бессовестно похвалялся дальше.

— Ей не угадать моего имени! Ни за что! Никогда! Хи-хи-хи! Ха-ха-ха!

Тут уж Полл не выдержала.

— Ещё бы, как ей угадать! — громко и сердито сказала она. — Ты же умник-хитрюльник.

— Это верно, я умный, — согласился бес. Он глядел на Полл так пристально — вот-вот насквозь пробуравит и увидит, что никакой это не чертёнок, а девочка в чертячьей шкуре. Наконец он повернулся к Арахне и спросил:

— Кто это?

— Братец нашего Коротышки. Двоюродный. К нам просится.

Прядильный бес горделиво выкатил грудь, напыжился, точно индюк, и сказал:

— Эй ты! Значит, я умный? И ты хочешь мне служить?

— Да! Ты меня попомнишь! — Полл совершенно забылась, разгневанная нахальством Прядильного беса. — Я сослужу тебе хорошую службу!

— Только посмей сослужить плохую! — хихикнул бес. — Сам попомнишь! Как тебя зовут?

— Коротышка. А тебя?

— Хи-хи-хи! Умник выискался! — фыркнул бес. Он приласкал Полл за ухо, как прежде Арахну, и продолжил: — Но меня ты не перехитришь. Умней меня никого на свете нет. — Он соскочил с колесницы и браво прошёлся взад-вперёд, подкручивая хвост. — Ну, скажи, что ты обо мне думаешь?

— Слов в словаре не хватит, чтоб рассказать, что я о тебе думаю, — искренне ответила Полл.

Бес возгордился ещё больше: надулся так, что кожа заблестела на его пузе, как на барабане.

— Хи! Слов в словаре не хватит! Хи-хи-хи!

Потом он вдруг сдулся и с подозрением глянул на Полл.

— В каком словаре? — спросил он. — В маленьком? В карманном?

— Нет, в толстом!

— В каком толстом?

— В самом-самом толстом на свете.

— В однотоном? — уточнил бес.

— Нет! В двадцатитомном! — выкрикнула Полл.

Двадцатью томами бес, похоже, удовлетворился. Он снова стал похаживать, напыженное брюхо поглаживать и хвост покручивать.

— Слышишь, Паучья Мать? В двадцатитомном словаре слов не хватит — столько хорошего обо мне Коротышка думает! Молодец, Коротышка, пока молодец. А теперь я тебя испытую, — сказал он, усаживаясь обратно на череп.

— Как? — спросила Полл очень храбро, хотя на самом деле поджилки у неё затряслись.

— Загадку загадаю, смекалку твою проверю, — ответил бес. — Смекалистого в свиту приму, а безмозглого в котёл кину.

— В котёл?.. — Полл вздрогнула.

— Если загадку мою не отгадаешь, — бес обжорливо облизнулся.

— Но загадок никогда никто не отгадывает, — запротестовала Полл. — Так нечестно.

Эти слова разозлили беса чрезвычайно. Он соскочил с черепа и, угрожающе крутя хвостом, стал наступать на Полл с криком:

— Кто нечестный? Я нечестный? Да как ты смеешь говорить, что я нечестный?

Он наступал, а Полл пятилась, она очень испугалась, но рассердилась и того больше. В конце концов она выпалила:

— Ты честный, честный, если белое — это чёрное, если снег идёт летом, а картошка растёт на дереве!

— Слышишь, Паучья Мать, — довольно проквакал бес, приняв слова Полл за похвалу. — Вот какой я честный. — И он завертелся веретеном от удовольствия.

Но Полл не забыла про предстоящее испытание.

— Люди никогда не отгадывают загадок, — стояла она на своём. — Они всегда сдаются.

— И ты сдашься и полетишь в бульончик. Это так же точно, как то, что меня зовут...

— Как? — быстро спросила Полл. — Как тебя зовут?

Неужели скажет? Неужели она его перехитрила? Полл затаила дыхание. Но...

— Не твоё дело, — отрезал бес. — Ты готов отгадывать?

— Готов, — слабым, упавшим голосом сказала Полл.

— Тогда слушай загадку. — Но прежде чем загадывать, Прядильный бес закрутился веретеном, да так быстро, что в глазах и в голове

у Полл всё замелькало и перемешалось. И если минуту назад она ещё могла соображать, то теперь мозги её отказали напрочь. Тут-то бес внезапно остановился и, уставив на неё чёрный палец, проговорил:

Обжора Джо Джонс любил свежие яйца.
На завтрак он ел исключительно яйца,
На ужин он ел исключительно яйца,
А кур не держал.
Не брал он яичек ни в долг, ни в подарок,
Не крал он яиц у хозяек-кухарок,
Ни разу их не покупал.
Так откуда, откуда, скажите, откуда
Обжора Джо Джонс свой обед доставал?

У Полл и так голова кругом пошла, а тут ещё Взбучкинс, Хапужкинс, Дубинч, Щелбанч, Бякстер, Дрянъстер и прочие чудища и чертенята стали кружить и приплясывать вокруг неё, выхрюкивая и выкрикивая каждый на свой манер:

— Откуда Джо Джонс свой обед доставал?

Полл глубоко вздохнула, чтобы не потерять равновесие от всеобщего кружения и мельтешения, и медленно, надеясь выиграть время и вникнуть в вопрос, повторила:

— Откуда — Джо — Джонс — свой — обед — доставал?

— Хи-хи-хи! — мерзко захихикал Пря-дильный бес.

— Хи-хи-хи! — подхихикнули чудища.

Окружив Полл, они уставили на неё зловещие кривые пальцы и заорали во всю глотку:

— ОТКУДА у Джо Джонса ЯЙЦА?

— Погодите минутку! — Полл никак не могла сосредоточиться. — Можно, я кое-что уточню?

— Валяй, — фыркнул бес.

— Значит, никто ему яиц не давал? — спросила Полл.

— Никто.
— И он их не крал?
— Ни в коем случае.
— И в долг не брал?
— Он не из тех.
— И не покупал?
— Ни единого яичка.
— И ты абсолютно уверен, что он не держал кур?

— Ни курочки! Ни петушка! Ни цыплёнка!
— Но ел на завтрак яйца? Каждое утро? —
настойчиво переспрашивала Полл.

— Каждое-прекаждое, — подтвердил бес. —
И на обед и ужин тоже.

Полл сжала голову руками. Главное — не показать этим тварям своего отчаяния. Прядильный бес подкрутил хвостик и торжествующе хмыкнул:

— Ну что, сдаёшься?

— Сдаёшься? Сдаёшься! — заверещали чудища на все лады.

Полл смятенно проговорила:

— Я... я... — и умолкла.

— Коротышка-то сдаётся, — усмехнулась Арахна.

И все вдруг разом завопили:

— В котёл его! В бульон его!

Полл отшатнулась от уродливых морд, от тянущихся к ней когтистых и шерстистых лап; она пятилась и пятилась, пока наконец не прижалась спиной к сосне. Больше отступить было некуда. За спиной твёрдое шершавое дерево, рядом потрескивают шишки в костре, а в нос бьёт отвратительный запах варева, в которое её сейчас бросят... Полл закрыла глаза. Спасенья нет. И в эту самую минуту за её спиной раздался тихий, совсем тихий звук свистульки,

точно Чарли дул в неё шёпотом. Но всё же Полл узнала знакомые звуки! Она поняла, что друг её не бросил, что он рядом, как обещал.

— Спаси меня! — пробормотала она в отчаянье. — Спаси меня, Чарли!

Дудка умолкла, и Полл напрягла слух, боясь пропустить слова Чарли в адском шуме, который подняли разбушевавшиеся чудища. И она услышала.

— Кряк! Кряк! Кряк-кряк!

Голос Чарли тут же потонул в пронзительных воплях чудищ, но даже расслышь они тихое кряканье, они приняли бы его за обычные звуки бесовской братии. Зато девочке этой маленькой подсказки друга оказалось довольно.

И когда чудища снова стали угрожающе надвигаться с криками:

— Коротышку в котёл! — и бросились на неё, чтобы схватить и выполнить свою угрозу, Полл увернулась, прорвалась сквозь их ряды и, вызывая вскинув голову, встала перед Прямым бесом.

— Не смейте меня трогать! — возмущённо крикнула она. — Твоя загадка проста, как дважды два. Кря-кря! Твой обжора Джонс держал уток! Кря-кря! Зачем ему куры, если он ел на завтрак, на обед и на ужин утиные яйца?! Кряк-кряк-кряк!

— Кря-кря! — возопили чудища.

— Кряк-кряк! — ахнула Арахна.

— Молодец, Коротышка! — хихикнул бес.

И вся шайка хриплыми голосами затянула песню:

Кряк-кряк!
Кря-кря-кря!
Для Джонса-обжоры
Несемся с утра.

Мы яйца кладём
Целый день напролёт,
Иначе обжора наш
Тут же умрёт!
Он ест только яйца
На завтрак и ужин,
Проглотит в обед
Сразу несколько дюжин!
Он любит их всмятку,
В мешочек, крутыми,
В омлетах, в глазуньях
И просто — сырыми!
Кряк-кряк!
Кря-кря-кря!
Для Джонса-обжоры
Несёмся с утра.
Мы утки-несушки
На лапчатых ножках,
Идём вперевалку
Готовить кормёжку
Для Джонса-обжоры,
Для Джо-яйцееда —
И сотни яиц
Ему мало к обеду.
КРЯК-КРЯК!
КРЯ-КРЯ-КРЯ!
Для Джонса-обжоры
Несёмся с утра.

Допев до конца, чудища присели враскоряк, поднатужились, и — когда встали — оказалось, что они отложили яйца. Под каждым лежало большое, кремового цвета яйцо. Испугавшись, что её сейчас заставят сделать то же самое, Полл поспешно собрала яйца и преподнесла их Пря-дильному бесу. Он же, ловко разбив скорлупки, отправил все до единого желтки и белки в свою ненасытную глотку. А потом погладил Полл по головке — так что её передёрнуло от омерзения — и сказал:

— Коротышка наш! Он малый смышлёный. Это так же верно, как то, что меня зовут...

— Как? — снова не выдержала Полл. — Как тебя зовут?

Но бес не ответил. Опомнившись, он погрозил Полл пальцем и хихикнул:

— Шалишь, Коротышка. Меня на слове не поймаешь!

Полл чуть язык себе не откусила от досады: бес почти проговорился, а она его спугнула.

— Эй, Коротышка! Покажи-ка, как ты танцуешь! — крикнул бес и, кубарем скатившись с колесницы в самую гущу чудищ и чертенят, принялся выделывать такие коленца, что только хвост замелькал. Остальные тоже закружились в дикой пляске, а Арахна отбивала такт железным черпаком о стенку котла. Крепко ухватив Полл за руку, бес скакал до небес, приныкал к земле, крутился веретеном, юлой выныривал из роя чудищ, и Полл ничего не оставалось, как скакать, приныкать, крутиться и выныривать вместе с ним. Сердце её бешено колотилось: вот-вот выпрыгнет из груди, она спотыкалась и, задыхаясь, ловила ртом воздух.

— Пляши, Коротышка! Пляши! — визжал Прядильный бес. Схватив Полл за плечи, он стал трясти изо всех сил, и — о ужас! — капюшон маскарадного костюма слетел с её головы. Бес оттолкнул девочку, она упала на землю, и её собственные волосы рассыпались по плечам.

Танцующие чудища замерли, все, как один, словно враз превратились в ледяные статуи.

— Девчонка! — завопил бес.

— Девчонка! — подхватили чудища.

— Это никакой не Коротышка, — прошипела Арахна. — Это хитрая, поганая девчонка.

И все они хором закричали:

— В котёл! В котёл!

Полл, в который уж раз, поняла, что её песенка спета.

Вдруг Арахна подняла вверх костлявый палец:

— Тс! Ч-ч-ч! Ш-ш-ш!

Не все чудища выполнили приказ сразу, но сквозь их нестройный уже хор пробился тоненький, чистый посвист, пробился и рассыпался серебряной трелью. Но вот смолкли последние ноты, точно упавшие с цветка росинки, и в наступившей тишине Полл закричала:

— Ча-а-ар-ли-и-и! Ча-а-ар-ли-и-и!

А в ответ донёсся такой знакомый, такой родной голос:

— Полли-и-и! Полли-и-и!

Чудища затаились, словно кошки перед прыжком на мышь.

— Сюда! Быстрее! — из последних сил закричала Полл, но тут же осеклась. Нет, нельзя губить друга. Чарли не спасёт её, он лишь погибнет той же ужасной смертью, что суждена Полл. И девочка закричала громко и отчаянно:

— Нет, Чарли, нет! Не приходи!

— Я пришёл, — сказал Чарли и, шагнув из лесной чащи, встал подле неё.

Полл даже не знала: радоваться ей или горевать. Она услышала возглас Прядильного беса:

— Это Лун!

Она увидела, как надвигаются на них чудища, всё ближе, ближе... Как костёр освещает оскаленные морды всё ярче, ярче... И чудища подвывают:

— Попался, Лун! Попался, Лун!

И вот они бросаются на неё и на Чарли.

Полл зажмурилась, готовая к самому худшему.

Почему, почему позвала она Чарли? Почему заставила его рисковать жизнью? И почему...

почему не чувствует она мёртвой хватки чудищ? Они ведь уже набросились?..

В ушах её звучала неведомая музыка. Приоткрыв глаза, Полл увидела, что Чарли играет на дудке. Прежде она никогда не слышала от него такой музыки: какой-то нетекучей, недвижимой, холодной, будто совсем застывшей. А ещё дремотной, дурманной, так что не поймёшь, сон это или явь... Музыка была совершенно неземная. «Точно,— поняла вдруг Полл,— именно такая музыка и хороша на Луне». От каждой нотки струился мерцающий туман, он окутывал Полл, Чарли, лес, в тумане девочка разглядела чудищ, окаменевших в тот миг, когда они изготовились к прыжку.

Дудочка начала потихоньку выпевать слова. Откуда они брались, Полл не знала: не то Чарли выдувал их сам, не то дудка говорила на своём собственном, лунно-туманном языке.

— Мальхус... — выводила дудка. — Мартиниан... Серапион...

Чудища колыхались в тумане, точно тени, Арахна зевала и клевала носом.

На бесовскую на братию
Насылаю я заклятие,
Старцев семерых заклятие,
Древнего Эфеса стон,
Семикратное заклятие,
Нерушимое заклятие,
Вековечное заклятие,
Повергающее в сон...
Мальхус... Максимилиан...
Дионисиус... Джон...
Константин... Мартиниан...
И Серапион...

Что означает это странное заклятие? А впрочем, какая разница? Главное — тела чудищ обмякли, головы безвольно свесились, набрякшие

веки сомкнулись. Костлявые руки Арахны стали вдвое длиннее, словно вытянулись прежде согнутые паучьи лапы.

— Максимил-л-лиан, — выдыхала дудочка. — Диониссиусс... Коннистантинни...

Под тихий заговор чудища одно за другим повалились наземь.

Бессонным остался только Прядильный бес. Заклятие не имело над ним власти, но ему оставалось лишь наблюдать, как все его приближённые, точно кули с мукой, мягко заваливаются набок, на подстилку из сосновых игл. Он вертелся в бессильной ярости, глаза его горели, как угли, и из них с шипением сыпались искры. Вот он зловеще простёр к пленникам кривые чёрные лапы и забормотал своё закливание:

Паутинное закливание,
Бесконечное закливание,
Чёрных пауков закливание
Насылаю я на вас.
Неразрывной нитью тонкою
Пусть опутают девчонку и
Рыбаря с свистулькой звонкою
Пусть опутают тотчас —
и НАВСЕГДА!

Из сосновых крон свесились на невидимых паутинках два громадных паука, и, пока бес договаривал заклятие, они быстро примотали Полл и Чарли Луна к стволам крепкой нитью. Те и охнуть не успели, а уж не могут двинуть ни рукой, ни ногой, и держит их паутина — тончайшая, почти незримая, но крепкая, как стальная проволока.

Однако, пока Чарли мог хоть чуть-чуть шевелить пальцами, он не отнимал дудки от губ и выдувал свой сонный заговор.

— Мальхус... Максимилиан...

— Вяжи их! Держи их! — верещал бес.
— Дионисиус... Джон... — высвистывал Лун.
— Держи их! Вяжи их! — верещал бес.
— Константин... — пела дудочка. — Марти-
ниан...

— Чтоб никто их никогда не нашёл! —
орал бес.

— Серапион... — пела дудочка. — Серапион...
Едва Чарли произносил новое имя, какое-
нибудь очередное чудище окончательно засыпа-
ло. Последней уснула Арахна.

— И лежать вам здесь двести двадцать девять
лет, — сказал Чарли спящим.

— И тебе столько же, Лун! И ей столько
же! — заверещал бес. — Только мои оживут, а от
вас останутся кости, кости, кости!

Меж деревьев на поляну пробился первый
рассветный луч. Долгая, страшная ночь подходи-
ла к концу.

— Солнце всходит! — торжествующе вос-
кликнул бес и завертелся волчком. — Сегодня
день крестян. И Том Тит Тот посетит этот
праздник! Том Тит Тот их поздравит, клянусь!
— Том Тит Тот! — повторила Полл.

Наконец-то, наконец-то он выдал себя! Прого-
ворился! Но что толку! Он знает, что может
теперь произносить своё имя безнаказанно. Полл
билась, пытаясь освободиться от пут, а бес изде-
вательски верещал ей в ухо:

— Нимми-нимми-нот, меня зовут Том Тит
Тот! Что, милашка, добилаесь своего?!

И, перекинув хвост через руку, точно плащ,
он закружил вокруг неё в дикой пляске.

Том Тит Тот!
Том Тит Тот!
Нимми-нимми-нот!
Меня зовут ТОМ ТИТ ТОТ!

И, вращаясь точно веретено, Прядильный бес исчез среди деревьев.

Глава XVII

СЕРЕБРИСТАЯ СЕРПОКЛЮВКА

олл узнала его имя! Имя, которое обещала узнать, имя, которое спасёт и Долл, и ребёночка, если — если ей удастся попасть во дворец прежде Прядильного беса.

Полл извивалась, стараясь ослабить паутину, выпростать руки, но — тщетно. Может, Чарли выручит? Но, взглянув на привязанного к соседней сосне друга, Полл поняла, что волшебство его иссякло, Чарли совсем обессилен. У неё ещё хватало ярости биться, а он стоял недвижно, закрыв глаза. Кто бы мог подумать, что паутина так крепка? Сколько же раз надо было обмотать этой тонюсенькой нитью деревья и пленников, чтобы они стали неразделимы?

— Чарли! Чарли! — окликнула Полл друга. — Ты понял, Чарли, его зовут Том Тит Тот! Его имя Том Тит Тот!

— Узнали, да что толку?.. — сказал Чарли.

А может, крикнуть? Вдруг, если закричать очень-очень громко, сестра услышит её крик?

— Долл! Долл! Его зовут Том Тит Тот! Том Тит Тот! Слышишь, Долл? Его зовут Том Тит Тот!

Нет, ничего не получится. Долл слишком далеко, до нее отсюда мили и мили. Ей не слышать криков, даже если б они не прерыва-

лись всхлипами. Поняв, что дело безнадежно, Полл разрыдалась, но всё повторяла шёпотом, глотая слёзы:

— Его зовут Том Тит Тот.

Небо на востоке совсем просветлело. Скоро, скоро ударят по всему Норфолку колокола, возвещая о крестинах королевской дочери. Скоро епископ в главном соборе города Норича наденет свою митру, чтобы, окунув ребёнка в купель, наречь её именем, которое выбрала Долл. Но — крестин не будет! Ребёнок никогда не получит выбранного имени из-за другого, проклятого имени, которое Долл ни за что не угадать.

Нимми-нимми-нот,
Меня зовут Том Тит Тот.

Голосок Полл охрип от рыданий, она теперь едва могла шептать. А солнце меж тем выкатилось на небосклон, забираясь с каждой минутой всё выше и забирая с собой последнюю надежду... Нет! Мир устроен иначе! Надежда должна просыпаться вместе с солнцем! Рядом, совсем близко от Полл, что-то двигалось. Но что? Девочка подняла мокрое лицо и сквозь слёзы увидела серебристые крылья, ярко сверкавшие в солнечных лучах.

— Серпоклювка! — ахнула Полл. — Серебряночка!

Серпоклювка приземлилась чуть поодаль. Держалась она, по обыкновению, независимо, почти равнодушно. Аккуратно пробираясь на длинных тонких ножках меж спящих чудищ, она длила и длила свой неспешный, затейливый танец, подставляя солнцу то один бочок, то другой. Никогда прежде не была Серебрянка так хороша. Длинный загнутый клюв её сверкал,

точно серп, серебристое оперение отливало золотом; осторожно выбирая путь, она ступала по сосновым иголкам, распускала и снова складывала крылья, чуть взлетала, снова опускалась на землю и медленно, одно за другим, чистила пёрышки. Полл жадно следила за каждым движением птицы. Неужели она прилетела просто так? Конечно же, она прилетела к ним, к Чарли и к Полл! К Чарли, который вылечил её сломанное крыло, к Полли, которая преданно выхаживала больную птицу целый долгий год! Но откуда Серебрянке знать, что они попали в беду? Что вообще знают и чувствуют птицы? Что интересует их, кроме собственных забот?

— Серебрянка моя, Серебряночка,— умоляюще повторяла Полл.

Ну конечно, Серебрянка всё знает и всё понимает. Вот она приблизилась к сосне и потеряла тонким длинным клювом путы, что держали девочку. Но паутина была крепка, птица не особенно старалась и вскоре бросила это занятие. Обойдя догорающий костёр, она, склонив голову набок, остановилась перед Чарли.

— Разорви паутину,— попросил Чарли.

Серебрянка ткнула в неё клювом раз-другой и снова принялась чистить пёрышки.

— Ей это не по силам,— пробормотал Чарли.

— Значит, мы превратимся в трухлявые кости?! — в отчаянье воскликнула Полл.— А Том Тит Тоту достанется наш ребёночек? Серпоклювка расправила крылья.

— Она улетает! — Полл снова заплакала.— Серебряночка, не улетай, прошу тебя!

Девочке казалось, что вместе с птицей улетит и последняя надежда на спасение. А серпоклювка уже поднялась в воздух.

Вдруг Чарли изловчился, подцепил ногой

прут, конец которого тлел в догорающем костре, и отбросил чуть в сторону. Еле тлевший огонь, глотнув свежего воздуха, разгорелся с новой силой, и прут лежал теперь на земле рыбкой с ярко горящим хвостом.

Серпюкловка заметила пламя с вышины и камнем, точно и впрямь за рыбкой, бросилась вниз. Ухватив клювом холодный конец прута, она облетела сперва одну, потом другую сосну, и, прежде чем друзья успели опомниться, они были свободны: птица подпалила их паутинные путы — и тугие узлы, с которыми не мог справиться её тонкий клюв, вмиг сгорели. Чарли Лун и Полл были свободны! Но стояли они в самой глуши Ведьмина леса.

Мгновение спустя девочка пришла в себя и, потирая затёкшие руки, закричала:

— Бежим, Чарли! Бежим!

Она бежала, неслась, летела. Ею владело одно желание: поскорее попасть во дворец. Опередить Прядильного беса! Успеть! Успеть! Успеть! Она не видела, где свернул с дороги Чарли, где растворилась в солнечных лучах Серебристая серпюкловка.

Глава XVIII

«МЫ НЕПРЕМЕННО ОПОЗДАЕМ!»

по всему Норфолку и в самом деле звонили колокола, торжественно возвещая о крестинах наследной принцессы. Благовест лился с каждой колокольни, и жители королевства поспешно выбирались из-под тёплых одеял и готовились идти в

Нори́ч. Неужели все? Ну, может, и не все, а те, кто мог дойти или доехать до главного Нори́чского собора. А кому до столицы было не добратъся, готовили свой праздник в честь королевской дочки. Над городскими стенами и деревенскими школами развевались флаги; церкви были уставлены цветами; хозяева таверен селили гостей бесплатно; лорды дарили крестьянским детям золотые монетки; ломовые лошади плелись, увешанные гирляндами, точно призовые рысаки; гостинные были разукрашены, словно под Рождество; в каждой печи пеклись пироги и торты, и каждая норфолкская девушка надела в это утро какую-нибудь обновку: новую шляпку, платьице, передник или туфельки. А у кого не нашлось денег даже на новую ленту в косу, сбегали на лужок, набрали букетик куриной слепоты и прикрепили на вырез старенького платья.

Как видите, праздничная суматоха царила по всей стране. Но ничто не могло сравниться с суматохой, царившей в королевском дворце. У каждого обитателя дворца оказалась вдруг куча дел, особенно таких, которые вчера успешно сделал кто-то другой. Дела поэтому не убывали, а, наоборот, множились, люди сновали туда-сюда с криками: «Быстрее! Быстрее! Мы непременно опоздаем!»

Мамаша Кодлинг в сотый раз наглаживала кисейный конверт, в котором принцессу понесут на крестины, хотя каждый фэстончик и оборка уже стояли торчком, точно свежий весенний салат.

Молочница Мегги в сотый раз переставляла цветы в вазах, хотя букеты были хорши, как на картинке.

Горничная Джен в сотый раз начищала каминные щипцы и кочергу, хотя они давно сияли, как новенькие.

Кухарка Китти решила сунуть в печь сотый противень, на котором лежали пряничные человечки с глазами-изюминками, как будто семь тысяч семьсот семьдесят семь человечков было мало.

А Эйб, Сид, Дейв и Хэл Кодлинги побежали в лавку покупать жёлтые шейные платки с голубыми подковками вместо красных с зелёными стременами, которые мамаша Кодлинг купила им только вчера. Притащив во дворец новую порцию платков, они стали завязывать их друг на дружке, глядеть в зеркало и снова менять — наверное, в сотый раз.

Садовник Джек надумал вдруг в сотый раз прополоть грядку с луком, поскольку никакого другого занятия изобрести для себя не мог. При прополке под ногти ему, разумеется, забились земля, и он долго вычищал её граблями. После чего принялся подстригать ногти садовыми ножницами.

Дворецкий Джон отправился в винный погреб за сотой дюжиной бутылок игристого сидра, вернулся с паутиной в волосах и теперь никак не мог отыскать расчёску и щётку.

Нолличек поминутно врывался в детскую, на кого-нибудь жаловался и тут же убегал — в сотый, а может, в тысячный раз.

А что же Долл? Что делала Долл? Она стояла у окна на коленях, положив голову на руки, и, глядя вдаль, тихонько шептала:

— Полли! Полли! Поллинька! Приди поскорее!

— Ой-йя! — вдруг взвыла Мамаша Кодлинг. Утюг, который она приложила к щеке, чтобы проверить, не слишком ли он горяч для кисейного конверта, оказался слишком горяч и для щеки. Мамаша Кодлинг выронила утюг, он тут

же прожёт дырку в ковре, и в комнате запахло палёным.

— Давай муки! — невнятно крикнула мамаша Кодлинг, прижимая одну руку к обожжённой щеке, а другую — ко рту, чтобы не закричать от боли.

— Вот, пожалуйста, васильки, — Мегги выхватила букет из вазы, стоявшей на каминной полке, ваза упала и вдребезги разбилась о начищенную до блеска кочергу. Джен от неожиданности выронила тряпку, которой оттирала с кочерги копоть, Мегги сунула цветы в протянутую руку Мамаша Кодлинг, а рука, вместо того чтобы взять цветы, оттаскала Мегги за ухо.

— Не васильки, голова твоя садовая! Муки! — взревела Мамаша Кодлинг.

— Так бы сразу и говорили! — с упрёком сказала Мегги. — А то: «Дай васильки! Дай васильки!» Глядите, какой из-за вас беспорядок учинился!

— Ты лучше погляди, как ты меня перепачкала. Со стеблей же вода струёй течёт, — перешла в наступление Мамаша Кодлинг. — Если уж вздумала забросать меня цветами, то почему мокрыми?

— Сухих в вазе не было, — нашлась Мегги и, заметив на пороге Джека с большими садовыми ножницами, сказала ему:

— Пойди-ка нарви васильков.

— Это ещё зачем? — удивился Садовник. — Дай мне лучше маленькие ножнички, ногти подстричь.

— Недосуг мне сейчас ножницы искать! Нужны васильки с сухими стеблями, чтоб Мамаша Кодлинг их к лицу приложила. Только умоляю, не спрашивай зачем.

— Знаешь, странное дело, — продолжал Са-

довник. — Мои садовые ножницы такая удобная вещь: кусты подстричь, ветки обрезать, а для ногтей почему-то не годятся... А васильков у меня ни на клумбах, ни в теплицах нету. Они полевые.

— Да не нужны мне ваши васильки! — не выдержала Мамаша Кодлинг. — Я просто спросила, зачем ты перепачкала меня мокрыми васильками.

— Вот именно! — подхватил Садовник. — Почему васильками? У меня в саду цветы хорошие, пахучие!

— Да уймись вы, наконец! — взорвалась Мамаша Кодлинг. — Я просила не васильки, а муки, мучицы, только не блинной!

— Сейчас принесу, мигом! — подхватила Джен и, побросав на пол уже собранные осколки вазы, устремилась на кухню.

— Есть у кого-нибудь платяная щётка? — На пороге стоял Дворецкий, вернувшийся из погреба с бутылками в руках и с паутиной в волосах.

— А у тебя есть ножнички для ногтей? — тут же спросил Садовник. — И зачем тебе платяная щётка?

— Причесаться хочу, — ответил Дворецкий. — А я вместо ножниц пользуюсь пилочкой для ногтей.

— Платья у тебя на голове вроде не растут, — недоумённо сказал Садовник, разглядывая шевелюру Дворецкого.

— Не растут, — согласился Дворецкий.

— Тогда зачем тебе платяная щётка?

— И правда, зачем? — Дворецкий пожал плечами. — Что-то я позабыл... А зачем тебе ножницы?

Садовник взглянул на него озадаченно.

— Я тоже позабыл, — сказал он.

Тут в комнату ворвалась Джен с пригоршней молотого имбиря.

— Кухарка говорит: мука кончилась. И не видел ли кто-нибудь её шерстяную шаль. И не согдится ли это вместо?

— Вместо шали? Имбирь? Никогда не пробовала, — фыркнула Мамаша Кодлинг. — Пойду надену выходную шляпку, а то мы непременно опоздаем.

— Нам нельзя опоздать! Все же станут глазеть, — сказал Эйб.

— И звонарь, ожидаючи, может сомлеть, — сказал Сид.

— С колокольни он свалится прямо на тётку, — сказал Дейв.

— Какую такую тётку? — не понял Садовник.

— Что собор сторожит с колотушкой-трещоткой, — пояснил Хэл.

— В мягких тапочках церковь ночами обходит, — сказал Эйб.

— На влюблённые парочки ужас наводит, — добавил Сид.

— А почему она ходит в мягких тапочках? — спросил Садовник.

— Потому что у неё мозоли, — ответил Хэл.

— Ну и сторож, — презрительно сказал Садовник.

— Хватит языком-то трепать! — прикрикнула на сыновей Мамаша Кодлинг. — Скажите лучше, куда я ходила и где могла оставить выходную шляпку? Нет, мы всё-таки опоздаем! Непременно!

— Кто видел мою сумочку? — промолвила Нянька, деловито просеменя от двери к окну.

— Ну вот, теперь Нянюшка сумку потеряла! — со стоном сказала Мегги.

— Вечная история, — вздохнул Дворецкий. — Где вы видели её в последний раз?

— В прихожей, но теперь её там нет. Стойте! Нечего бежать сломя голову в прихожую! Говорю «нет», значит — нет. Она где-то в другом месте.

— Так уж эти сумки устроены, — кивнул Дворецкий, стирая с головы паутину той самой тряпочкой, которой Джен чистила кочергу. — Оставишь сумку в прихожей, а она — глядь! — на чердаке очутилась. Скитаются, бедные, по всему дворцу без приюта...

— Мою всегда отличишь, она из кожи, сафьяновая, — сказала Нянька. — Ищите все, живо!

— У нас нет времени! — возразила Мамаша Кодлинг.

— На мою сумку время найдётся! Не могу же я идти на крестины без неё.

— Почему?

— Потому что там всё самое важное! Ну же, ищите!

И все бросились искать. Дворецкий заглянул в дымоход, Садовник порылся в ведёрке для угля, Эйб налетел на Сида, Сид наткнулся на Дейва, Дейв наскочил на Хэла, а Хэл столкнулся с Нолличеком, который вбежал в этот миг в комнату с криком:

— Кто взял мою сургучную печатку?

— Не вопи, — осадила его Нянька. — Что у тебя стряслось?

— Кто-то взял мою сургучную печатку. Она была, а теперь нету. Новенькая. Красненькая. Её кто-то стащил. Такую кругленькую, блестящую! Я купил её только вчера, за два пенса. И пользовался ею всего один раз! Ста-

шили! Мою чудесную печатку! — Нолличек затопал ногами. — Да слушает меня кто-нибудь или нет?

Тут в детской появилась Кухарка, отрясая с пышных рук мучную и имбирную пыль.

— Где моя сургучная печатка? — прогремел Нолличек.

— Меня об этом нечего спрашивать. И вообще — где моя шерстяная шаль?

Нолличек бросился к Дворецкому, который на сей раз вычёсывал из волос осколки вазы.

— Где — моя — сургучная — печатка? — потребовал король.

— Брать чужие перчатки не в моих правилах, — холодно ответил Дворецкий.

— И зачем вам перчатки на крестинах? — спросила Кухарка.

Нолличек обиженно надулся.

— Ну, вдруг будет холодно, кто знает?..

— Никто не знает, — уверенно сказал Эйб.

— Конечно, кто не знает! — согласился Сид.

— Еще бы, все знают, — подтвердил Дейв.

— Про что все знают? — поинтересовался Хэл.

К этому времени все уже позабыли, о чём шла речь, и Нолличек умчался. Вскоре, однако, вернулся, размахивая носками от разных пар. В правой руке он держал синий носок в белую крапинку, а в левой — красный носок в белую полоску.

— Только посмотрите, до чего эти прачки додумались! Нянюшка, погляди! Не могу же я идти на крестины в носках разного цвета.

— Я не могу выйти из дома без шерстяной шали! — закричала Кухарка.

— Я не могу показаться на людях без выходной шляпки, — подхватила Мамаша Кодлинг.

— Я не могу и шагу ступить без моей сумочки! — решительно заявила Нянька.

После чего все в один голос закричали:

— Мы непременно опоздаем!

И забегали в поисках пропавших вещей вверх-вниз по лестницам и взад-вперёд по коридорам, пытаясь на ходу привести беспорядок в порядок, а также прийти в разум, в чувство или, на худой конец, в себя.

Одна только Долл не участвовала в этой суматохе и, похоже, вовсе её не замечала. Она по-прежнему сидела у окошка и шептала:

— Полл! Полл! Полли! Сестрёнка! Приходи скорее!

Глава XIX

ХУДШАЯ ПРЯХА В НОРФОЛКЕ

Вернувшись в детскую, чтобы дочистить наконец камин, Джен заметила на щеках у Долл две слезы. Они катились медленно, большие и горькие, и Джен немало поразились: разве можно плакать, имея мужа-короля и дочку-принцессу?

— Что случилось, королева Долл? — спросила Горничная.

— Ой, Джен! Где моя сестричка?

— Верно, на берег побежала, за водорослями вонючими для своей птицы, — предположила Джен.

— Птица улетела, — сказала Долл. — И сестры нет, и я осталась совсем одна. В такой ужасный день...

— В такой счастливый день,— поправила Джен.— Сегодня у всех в Норфолке праздник.

— Только не у меня,— вздохнула Долл.— Только не у меня.

— Как так? — изумилась Горничная.— Почему?

— Где моя сестричка? — снова прошептала Долл.

Разговор, таким образом, вернулся к своему началу, и Джен задумалась, о чём бы ещё спросить королеву, но тут в детскую вошёл ужасно гордый Нолличек в великолепной мантии красного бархата, с вышитыми золотой нитью крикетными битами.

— Доллечка, ты готова? Я готов! — провозгласил он и повернулся вокруг себя, чтобы мантия красиво всколыхнулась и опала.— У меня обновка! Нравится?

— Очень,— ответила Долл, по-прежнему глядя в окно.

— А пряжки на туфлях нравятся? — Нолличек стал поочередно поднимать ноги, и самоцветные пряжки заиграли в солнечных лучах.

— Очень.— безучастно ответила Долл, даже не взглянув в его сторону.

— Они хорошо блестят? — не унимался Нолличек.— Эй, Джен, потри-ка, чтоб ярче блестели.

Он задрал ногу на каминную решётку, и Джен прошлась по пряжкам чёрной от угольной пыли тряпкой. Нолличек, как видно, совсем позабыл про исчезнувшую печатку, гнев его угас, и он пребывал в самом что ни на есть благостном и умиротворённом состоянии духа.

— Долл, а хочешь посмотреть, какой подарок я приготовил ребёночку на крестины? Я так долго мучился, не знал, что подарить... Хочешь, покажу?

— Покажи. — Долл отошла от окна.

— Вот! — Нолличек вытащил из кармана красивую, обтянутую кожей коробочку.

— Небось жемчужные бусы, — восхищённо воскликнула Джен.

Долл открыла коробочку и заглянула внутрь.

— Лезвия для бритвы... — растерянno сказала она.

— Целых семь! — гордо подтвердил Нолличек. — По одному на каждый день недели. Правда, красивые?

— Но нашему ребёнку они не нужны, — сказала Долл.

— Сейчас не нужны, — нетерпеливо перебил её король. — Со временем понадобятся. А пока он растёт, я попользуюсь ими сам, как бы взаимы.

— У нас родилась девочка, — напомнила ему Долл.

— Да? Ну почему мне никогда ничего не рассказывают! Ладно, тогда лезвия останутся мне. Всё сложилось как нельзя удачней! — И он бережно и любовно засунул коробочку обратно в карман. — А ты, Долл, какой подарок приготовила?

— Никакой.

— Странно. Но ребёнок, может, и не обидится — не заметит. Послушай, нам пора. Надевай шляпку и пошли в церковь.

— Я не иду в церковь.

Нолличек раскрыл рот от изумления.

— Ты — не — идёшь — в церковь?

— Не иду, пока Полл не вернётся.

— Ты не в своём уме!

— Нет, я в своём уме.

— Но почему надо её ждать?

— Потому что она ушла выяснять.

— Что выяснять?
— Не знаю.
— Куда ушла?
— Не знаю.
— Когда она вернётся?
— Не знаю.
— Ну хоть что-нибудь ты знаешь?
— Знаю, что мне надо дожидаться Полл.
— А мне не надо! И вообще — это не её крестины! Где все?

Нолличек схватил блинный колокольчик и затренькал что было мочи. Колокольчик этот всегда был под рукой у короля на случай, если ему вдруг захочется блинов. Придворные знали, что малейшее промедление грозит при большом трезвоне большой бедой, поэтому детская мгновенно заполнилась людьми. Мамаша Кодлинг прибежала, завязывая под подбородком ленты своей выходной шляпки, которая нашлась в чулане: шляпка прикрывала там жирного фаршированного каплуна, а на шляпке лежала крышка. Мамаша Кодлинг всем поочередно объясняла, как сама же прикрыла каплуна шляпкой от мух и спрятала в чулан — от своих сыновей. А там уж ей, конечно, пришлось положить сверху крышку — от пыли и моли. Эйб, Сид, Дейв и Хэл пытались завязать на шее банты, причем сразу из двух шейных платков, так как по-прежнему не могли сделать выбор между подковами и стремянами. Нянька надела пёструю праздничную накидку и проверяла теперь содержимое своей сумочки, найденной там, где она её оставила, — в прихожей.

— Нянюшка, да ты просто красавица! — воскликнул Нолличек, обнимая старушку. — Ну всё, пора отправляться. Кого мы ждём?

— Ребёнка, разумеется.

— Ребёнка? Он разве тоже идёт? Нет, Нянюшка, нельзя его брать, он слишком мал.

— Глупости! Чьи это крестины, по-твоему?

— Жалко, что не мои,— сказал Нолличек.— Я бы справился куда лучше. А младенец даже не сможет сказать-епископу своё имя. Или сможешь? — спросил он у малютки, которую уже облачили в крахмальный конверт с кружевным покровом.

— Ну, как он там? — Нолличек слегка приподнял вуаль.— Наверно, перевозбуждён?

— Она спит, как ангелочек,— ответила Мамаша Кодлинг, укладывая до поры внучку в колыбель. Она знала, что перед выходом в церковь их ждёт сюрприз.

И вот в детскую торжественно вплыла Кухарка в шерстяной шали, которую прежде не могла найти, поскольку Мамаша Кодлинг постелила её на гладильную доску. В руках Кухарка держала изящную гипсовую вазу с рукотворными розами: веточки мастер выточил из слоновой кости, листья выковал из серебра, а цветки смастерил из атласа и шёлка.

— О-о! Что это? — восторженно ахнул Нолличек.— Что это такое? Что это? Что?

— Верхушка торта,— объявила Кухарка с большим достоинством.

— А она сладкая? — Нолличек уже протянул палец: отколупнуть хоть кусочек.

— Нет, украшательная,— строго сказала Кухарка и ударила короля по руке, чтобы ненароком не испортил красоту.— Джен, милочка, раздвинь-ка занавески.

Джен дёрнула за шнур с кистями, и белые кисейные занавесочки, обрамлённые розовыми лентами, встрепенулись и разлетелись в разные стороны. За ними открылся огромный торт

с сахарным цветком, сахарной голубятней и часовенкой и с сахарными херувимчиками на самой верхушке. Их поднятые над головой пухлые ручки почти доставали до потолка.

— О! Оо! Ооо! Оооо! — воскликнули Эйб, Сид, Дейв и Хэл.

— Оо-оо-оо! — воскликнул Нолличек.

— Даже резать жалко, — вздохнула Мегги.

— Но мы ведь разрежем? — забеспокоился Нолличек. — Правда, Нянюшка? Разрежем?

— Ну конечно, разрежем. Куда он денется?

— И мне дадут кусочек? Да, Нянюшка? Дадут?

— Если будешь паинькой.

— А я подносил сахар для глазури, — похвастался Эйб.

— А я ходил за миндальными пастилками, — похвалился Сид.

— А я притащил изюминки, — стал бахвалиться Дейв.

— А я приволок засахаренные вишни, — Хэл задрал нос выше головы.

— Может, ты ещё и торт испёк?? — фыркнула Кухарка. Торт был её детищем, её шедевром, и сейчас наступил самый торжественный момент в её кухарочьей жизни. Взобравшись на стул, она водрузила вазу с серебряно-атласными розами на поднятые руки херувимов.

— Вот! — сказала Кухарка и, отдуваясь, слезла на пол.

— Аж слюнки потекли, — сказала Мамаша Кодлинг. Она вперевалку пересекла комнату и подошла к Долл. — Поторопись, девонька. Быстрее начнём, быстрее закончим. И вернёмся торт есть.

— Зря вы, маманя, слова тратите, — вступил в разговор Нолличек. — Долл с нами не идёт.

— Что-о? — воскликнула поражённая Мамаша Кодлинг.

— Долл говорит, что не пойдёт на крестины.

— Не пойдёт?! — ахнули все. — Мать не пойдёт на крестины собственного ребёнка?

— В жизни такого не слыхивала. — Нянька поджала губы.

— Ну... — король несколько смешался. — Она сама сказала, что не пойдёт.

— Почему? — спросила Нянька.

— Почему? — спросила Мамаша Кодлинг.

— Почему? — хором спросили все.

— И подарок она ребёнку не приготовила, — добавил Нолличек.

— Мать ничего не дарит своему ребёнку? — ахнули все.

— Почему? — спросила Нянька.

— Почему? — спросила Мамаша Кодлинг.

— Почему? — с упрёком спросили все и уставились на Долл.

А она, заливаясь слезами, прыгнула с подоконника и крикнула:

— Почему? Вам интересно — почему? Хорошо, я объясню! Я сейчас всё объясню! Я не дарю ребёнку подарок и не иду на крестины, потому что... — Ей не хватило дыхания, и она судорожно глотнула воздух.

— Потому что?.. — повторили все.

— Потому что никаких крестин не будет, — прошептала бедняжка Долл.

— Эта девица с ума спятила, — заявила Нянька.

— Точно! Помешалась! — подхватили все.

— Нет, я знаю, что говорю, — твёрдо сказала Долл. — Крестин не будет.

Мамаша Кодлинг погрозила ей пальцем.

— Что это ты вздумала, девонька? Взгля-

ни-ка, вон твоя дочка, в новеньких праздничных одёжках — из льна, что ты вчера спряла.

— Я не спряла ни единой нитки.

— Что? — Король с придворными не поверили своим ушам.

— Ты же прекрасно знаешь, что я не умею прясть, — сказала Долл матери и, повернувшись к Нолличеку, выпалила: — Пора и тебе знать, что я не лучшая, а худшая пряха в Норфолке.

— Но... но... но... — Нолличек совсем растерялся. — А как же двенадцать мотков пряжи за полчаса? Ты ведь столько спряла, когда мы познакомились? Правда, Нянюшка? Она же спряла? Мама, вы же сами так сказали? И вы ещё оторопели от её проворства, помните? Помнишь, Нянюшка? — Ошеломлённый Нолличек, пометавшись между Мамашей Кодлинг и Нянькой, повернулся к Долл. — Ты ведь целую дюжину спряла, помнишь?

— Дюжину. Только не спряла, а съела. И не мотков, а беляшей, — потупившись, прошептала Долл.

— Двенадцать беляшей? — не поверил Нолличек. — За один присест?

Долл стыдливо, не поднимая глаз, кивнула.

— И у тебя не заболел живот?

Долл снова кивнула и закрыла лицо руками.

— Моя удивительная, моя чудесная девочка! — восхищённо воскликнул Нолличек и бросился её обнимать. Сам он однажды, тайком от Кухарки, съел дюжину пончиков, и в животе у него после этого так урчало, что Няньке пришлось дать ему лакричного порошку. А тут девчонка съедает дюжину беляшей! И не какая-нибудь чужая девчонка, а его собственная жена! Он обнял её так крепко, что чуть вовсе не

задушил в приступе нежной любви. Долл едва слышно пробормотала:

— Ох, Ноллик, если б я только знала! Если б я знала, что ты полюбишь меня не только за лён, но и за беляши. Я не стала бы говорить, что я пряха, честное слово!

Тут её перебила Нянюшка:

— Но кто-то же спрял этот лён?

— Да! Вот именно! Кто спрял этот лён? — Все ждали ответа.

— Его спрял маленький, чёрный... бес, вот кто, — сказала Долл.

— Маленький чёрный бес? — Глаза у Нолличка чуть на затылок не вылезли от удивления.

— Да, и в прошлом году, и в этом, — подтвердила Долл. — А сегодня он придёт, чтобы я с ним расплатилась.

— Пускай приходит, — сказал Нолличек, вытаскивая кошелек. — Мы заплатим.

— Деньги можешь убрать, они ему не нужны, — сказала Долл. — Он потребовал от меня совсем другого.

— Жемчуга и бриллиантов? — предположила Мамаша Кодлинг.

— Золотое блюдо? — предположил Дворецкий.

— Игрушечную железную дорогу? — предположил Нолличек. — С вокзалами, семафорами, кассами и...

Но Долл его перебила.

— Меня, — сказала она печально. — Меня и ребёнка.

— Тебя... и нашего сына? — Нолличек так и обмер.

— Королеву! И принцессу! — Все вокруг так и обмерли.

— Ну уж нет! — возмущённо сказал король. — Тебя он ни за что не получит.

— Получит, — сказала Долл. — Я сама пообещала. Иначе он не стал бы пряться лён.

— Ты дала ему слово чести? — спросил Нолличек.

Долл кивнула и снова потупилась.

— Как же ты могла?..

— Я боялась... — сказала Долл, не поднимая глаз.

— Чего? Доллечка, чего ты боялась?

— Что ты разгневаешься.

— Что я разгне... Ой-ёй-ёй! Какой я, должно быть, ужасный человек! — ахнул Нолличек и повесил голову от стыда.

— Тут уж ничего не поделаешь, — мягко сказала Долл. — Ведь у тебя двойная натура.

— Как это «ничего не поделаешь»?! Очень даже поделаешь! — возмущённо закричал Нолличек. — Отныне у меня будет только одна натура! И вставать я всегда буду с правильной ноги! И никогда, никогда, никогда не заставлю тебя больше пряться! Никогда!

Долл вздохнула.

— Это было бы очень хорошо...

— Было бы? Доллечка, почему ты так говоришь?

— Потому что слишком поздно! — Долл в отчаянье заломила руки и снова расплакалась. — Я же дала честное слово.

— Когда придёт этот бес? — воинственно спросил Нолличек.

— В любую минуту.

— Так что ж мы время теряем? — завопил Нолличек и, схватив блинный колокольчик, забежал из угла в угол и затренькал на весь дворец. — Все под ружьё! — кричал он. — Флот

на воду! Гвардию сюда! Полицию сюда! Пожарных сюда! Тащите ружья, вилы, пики и перочинные ножи! Ставни на запор! Двери на засов! Заложить дымоходы! Заклеить замочные скважины! Замазать все щели! Чтоб этот бес сюда ни хвостом, ни копытом не пролез.

— Хи-хи-хи! Хи-хи-хи!

Глава XX

ЧЁРНЫЙ БЕСЁНОК

се замерли — недозаперев двери, недозаклеив замочные скважины, недозамазав щели. Однако ставни были уже плотно закрыты и в детской царила кромешная тьма. Откуда же доносится это мерзкое хихиканье, от которого стынет в жилах кровь и останавливается сердце?

— Хи-хи-хи!

Ваза, которую Кухарка недавно водрузила на верхушку праздничного торта, вдруг заалела, точно внутри неё разгорелось пламя, а потом — словно уголёк из печи — оттуда выпрыгнул препротивный чернящий бесёнок. Противней ни король, ни придворные в жизни не видали. Положив ногу на ногу, бесёнок уселся на веточку из слоновой кости, а потом, бешено вращая хвостиком, спрыгнул на пол.

— Вот и я! Вот и я!

— Кто ты такой? — требовательно спросил Нолличек и раздвинул занавески, чтобы лучше рассмотреть непрошеного гостя. — Кто ты такой?

— Чур, я не подсказчик!

— Так чего ж тут подсказывать? Скажи своё имя, раз пришёл!!

— В том-то вся и беда, — всхлипнула Долл. — Имя у него есть, и назови я его сейчас — никакая беда нам бы уже не грозила. Я должна угадать это имя с трёх раз, и тогда бес будет надо мной не властен.

— С трёх раз? — Нолличек просиял. — Это же чепуха! С трёх раз что угодно угадать можно. Его зовут...

— Только не спеши! — умоляюще воскликнула Долл. — Не угадаешь — потеряешь и меня, и ребёнка.

— Хорошенького, голубоглазенького детёныша, — подхватил бес. — И миленькую, красивенькую жёнушку!

Он заглянул в колыбель и потянулся приподнять вуаль, твёрдо зная, что ни за три, ни за тридцать три, ни за триста тридцать три попытки его имени никому не угадать.

Все женщины бросились на защиту ребёнка.

— Руки прочь! — прикрикнула на беса Нянька, и под её взглядом он съёжился и даже попятился. Она была, видно, из тех нянек, которым не смеют перечить даже бесы. Нолличек тем временем перетряхивал содержимое своих карманов.

— Отдать тебе моего ребёночка? Отдать тебе мою Доллечку? Всё что угодно проси, но их не отдам, — бормотал он и вдруг подскочил к бесу: — Слушай! Хочешь корону? Хочешь скипетр? Хочешь перочинный ножичек с тремя лезвиями? Всё забирай и уходи подобру-поздорову. Ишь, какой выискался! Хапуга!

Бес осклабился, услышав про корону, ухмыльнулся, услышав про скипетр, и презритель-

но фыркнул, услышав про перочинный ножичек. Потом он бешено завертел хвостом-веретенем и завопил:

— Не на того напали! Я не тот! Это точно, как то, что зовут меня...

— Как? — спросил дружный хор.

— Я не дурак! И зовут меня неважно как! — издевательски захихикал бес.

Тут к нему подбежала Джен и плюхнулась на колени.

— Я отдам тебе все мои цветные ленты и серебряную монету — четыре пенса — в придачу, — сказала она. — Только убирайся куда подальше, чтобы духа твоего здесь не было.

Бес осклабился, услышав про ленты, ухмыльнулся, услышав про четыре пенса, и, подкрутив хвостик, сказал:

— Не уйду.

Тут, размахивая медной кастрюлей и деревянной ложкой, к нему протопала Кухарка.

— Вот, — сказала она. — Забирай! Это моя лучшая кастрюля и почти лучшая поварёшка. Забирай! И мотай отсюда, да побыстрее.

Бес осклабился, услышав про кастрюлю, ухмыльнулся, услышав про поварёшку, и, подкрутив хвостик, сказал:

— Не уйду.

Вперёд выступил Дворецкий.

— Что ж, — сказал он. — Тебе, должно быть, понравится вот этот штопор моего собственного изобретения. Могу ещё налить тебе бокал шампанского. Соглашайся, поганый бес, и убирайся куда подальше.

Бес ухмыльнулся, услышав про штопор, презрительно фыркнул, услышав про шампанское, и, подкрутив хвост, сказал:

— Не уйду.

— Тогда,— обратилась к нему Мегги,— ты, верно, не откажешься от моих лучших лопаточек для сбивания масла и от доброй миски свежайшего творога. А хочешь — сыворотки попей. Только побыстрее! Бери и — уматывай, чтоб глаза мои тебя больше не видели.

Бес осклабился, услышав про лопаточки, ухмыльнулся, услышав про творог с сывороткой, и, подкрутив хвостик, заявил:

— Не уйду.

Тут его принялся увещевать Садовник.

— Послушай,— сказал он,— будь благра-
зумент. Я предлагаю тебе очень ценные вещи:
мою лопату, совок и картофелекопалку. Лучше
во всём Норфолке не сыщешь. Забирай и —
проваливай, мерзкий ты, мерзкий бес!

Но бес осклабился, ухмыльнулся и фыркнул,
услышав про лопату, совок и картофелекопалку.
Лихо подкрутив хвостик, он сказал:

— Не уйду.

— Да пропади ты пропадом! — взъярилась
Мамаша Кодлинг.— Забирай дедову пивную
кружку и бабкин бронзовый напёрсток, заби-
рай, поганец, только чтоб духом твоим здесь
больше не пахло.

Но бес осклабился, ухмыльнулся, фыркнул,
подкрутил хвост и снова сказал:

— Не уйду.

Вперёд дружно вышли Эйб, Сид, Дейв и Хэл
с мешками на плечах.

— В этом мешке лыко,— объявил Эйб.

— А в этом — ячмень,— сказал Сид.

— А в этом — овёс,— сказал Дейв.

— А в этом — прекрасный навоз,— сказал
Хэл.

— Все мешки доверху набитые,— добавили
они хором.— Хватай, бесёнок, и бери ноги в руки!

Бес ухмыльнулся, осклабился, фыркнул и, волчком закрутившись на хвосте, промолвил:

— Я не уйду!

Последней вперёд выступила Нянька — с пустыми руками и крепко сжатыми кулаками.

— Ну, а ты что хочешь мне предложить? — спросил её бес, но на всякий случай попятился.

— Я тебе сейчас уши надеру! — грозно сказала Нянька. — И отшлёпаю хорошенько. Прочь с глаз моих, а то узнаешь, где раки зимуют!

— Прочь! Прочь! — закричали все. — А то узнаешь, где раки зимуют!

Но бес ухмылялся по-прежнему, крутил хвостом быстрее прежнего и уходить даже не думал.

— Не уйду я! Я не тот! — хихикал он. — Это точно, как то, что зовут меня...

— Как? — закричали все хором.

— Нет, врасплох меня не застать! Имя вам не угадать! — Он фыркнул и одним махом вскочил на подоконник, к Доллечке, которая всё сидела у окошка, с надеждой глядя вдаль.

Глава XXI

ТРИ ПОСЛЕДНИЕ ПОПЫТКИ

ремя вышло, Долл Кодлинг, — провозгласил Прядильный бес. — Называй моё имя!

— Где же моя сестричка? — в отчаянье прошептала Долл. — Полл, где ты?

— Не видать тебе её во веки веков, — захихикал бес. Обернувшись к людям,

что растерянно толпились вокруг с отвергнутыми подношениями, он ткнул пальцем в каждого по очереди и с издевательской ухмылкой повторил:

— Назови моё имя!

— Не торопи нас! — раздражённо сказал Нолличек и принялся задумчиво расхаживать взад-вперёд и скрести затылок в поисках разгадки. Остальные же сбились в кружочек вокруг сидевшей у окошка Долл и стали шёпотом совещаться.

— Ну, и как вы считаете? — спросила Мамаша Кодлинг.

— А вы-то как считаете? — спросил её Дворецкий.

— По-моему, Никодемус.

— Нет, он не Никодемус, — сказала Долл. — Я это имя вчера пробовала.

— Может, Зеведей? — предположила Кухарка.

— И Зеведея я пробовала, — сказала Долл. — Тоже неправильно.

— А Хаздрубала называла? — спросила Мегги.

— Да. Только он не Хаздрубал.

Услышав, что и это имя не подходит, все схватились за головы и стали судорожно перебирать в памяти всё, что знали. Думанье, однако, было для них делом непривычным и шло туго. Вдруг Нолличек, размышлявший в одиночку, торжествующе уставил на беса указательный палец и воскликнул:

— Тебя зовут Софонизба!

— Это раз! — довольно хохотнул бес.

Раз — ха-ха!

Че-пу-ха!

— Эх ты, дурья твоя башка! — возмутилась Мамаша Кодлинг. — Софонизба! Тоже, выдумал!

— Софонизба — женское имя, — вставила Кухарка.

— А может, он женщина? — ответил Нолличек.

— Ну, уж нет, — со знанием дела сказал Садовник. — Кто угодно, только не женщина. Значит, выходит, мужчина.

— Почему меня, как всегда, никто не предупредил?! — Нолличек обиделся и надулся.

— Вечно ты торопишься, торопыга, — упрекнула его Нянька. — Бросился вперёд, точно бык на красное! Мы из-за тебя целую попытку проиграли.

— Ничего, две ещё осталось, — угрюмо сказал король. — За два раза что угодно угадать можно.

— Можно. Если ты помолчишь, — твёрдо заявила Нянька.

Нолличек зажал рукою рот и отошёл, всем своим видом обещая быть паинькой. Остальные же снова принялись совещаться — голова к голове.

Садовник задумчиво промолвил:

— А вдруг Мафусаил.

— Я тоже так решила, — сказала Долл. — Но попала пальцем в небо.

— А я убеждён, что — Навуходоносор, — сказал Дворецкий.

— Меняйте свои убеждения, — ответила Долл.

— По-моему, он смахивает на Марка, — сказал Эйб.

— Нет, на Савла, — сказал Сид.

— Нет, на Билла, — сказал Дейв.

— Нет, на Неда, — сказал Хэл.

Но Долл замотала головой:

— Все эти имена я пробовала. Мимо.

На этом их мысли кончились. Мужчины чесали в затылках, женщины били себя по лбу, одни искали ответ на полу, другие — на потолке. Тут уж Нолличек не выдержал. Решив, что все уже сдались, он подскочил к бесу и закричал:

— Тебя зовут Эсмеральда!

— Два — хи-хи! — захихикал бес.

Два — хи-хи!

Простак!

— Теперь он Эсмеральду выдумал! — ахнула Нянька. — Ух, розги по тебе плачут!

Нолличек разгневанно притопнул ножкой:

— А почему не Эсмеральда?

— У тебя что, глаз нету? Этот мерзкий бес мужского рода!

— Могли бы и раньше подсказать. — Нолличек снова надулся.

— Полл, Полл, Поллечка, где же ты? — шептала Долл, ломая пальцы от горя. С каждой новой ошибкой надежд на спасение оставалось всё меньше и меньше. Её близкие тоже стали потихоньку отчаиваться, хотя продолжали бормотать друг дружке на ухо:

— Понял! Это...

— Нет, я уверен, это...

— Голову даю на отсечение, это...

Нолличек, в полной уверенности, что на сей раз угадал верно, снова рванулся к бесу.

— Тебя зовут, — произнёс он громким-прегромким шёпотом, — тебя зовут...

— Остановите его! — завопила Мамаша Кодлинг.

Нолличеку не дали упустить их последний шанс — Дворецкий схватил короля за шиворот

и зажал ему рот рукой, а Нянька грозно сдвинула брови на румянном и морщинистом, точно печёное яблоко, лице и, подойдя к воспитаннику вплотную, скомандовала:

— Шагом марш в угол! Живо!

И Нолличек — хочешь не хочешь — пришлось выполнять приказ.

Бес глядел на него с издевательской ухмылкой. Так избежавший наказания озорник злорадствует над тем, кто попался с поличным. А разобиженный Нолличек, уткнувшись носом в угол, уговаривал себя: «Ничего, я им ещё покажу! Я им докажу! Я им задам!»

Но никто больше не обращал на него никакого внимания. Они с жаром шептались, то и дело перебивая друг друга. Каждый старался высказать свои соображения первым.

— Если хотите знать моё мнение... — говорила Кухарка.

— Никто не хочет знать твоё мнение, — обрывала её Нянька.

— Эй, послушай, мамань, — говорил Эйб.

— Послушай, мамань! Послушай, мамань! — бормотали Сид и Дейв.

— Послушай, мамань, — вторил им Хэл.

— А ну, выводок, помолчите, — шикала на них Мамаша Кодлинг и добавляла: — Лучше меня послушайте...

Но тут Мамаше Кодлинг случилось обернуться. И она заметила, как бес подзуживает короля, выманивает его из угла, и Нолличек, готовый позабыть о наказании, шаг за шагом придвигается к бесу — неудержимо, как иголка к магниту.

— Остановите его!

И все бросились в погоню за королем. Обезжав детскую раза три, они загнали его наконец обратно в угол и засунули ему в рот красно-

зелёный платок Эйба — вместо кляпа. Бес же, чувствуя, что победа близка, скакал и приплясывал посреди комнаты и кричал:

— Ну что, сдаётесь? Сдаётесь?

— Разумеется, нет! — сурово ответила Нянька.

— Тогда говорите имя! — проверещал бес. — Сейчас или никогда!

— погоди ещё хоть минутку, — взмолилась Мамаша Кодлинг. — Дай чуток подумать.

— Ни минуточки, ни секундочки, — отвечивал бес. — Время вышло. — И он протянул чёрные паучьи лапы к колыбели.

Долл, потеряв последнюю надежду, просто пала:

— Полл, Полл, где ты? Полл?

И тут окно вдруг распахнулось, и в проёме возникла Полл, в рваной чёрной коже, с подтёками слёз на грязном лице, со спутанными волосами, запыхавшаяся от безумного бега. Собрав последние силы, она прошептала, свирепо и грозно:

Нимми-нимми-нот!

Под её горящим взглядом бес отшатнулся.

— Коротышка, — прошипел он. — Проклятый Коротышка!

Глава XXII

«НИММИ-НИММИ-НОТ!»

олл медленно перекинула ноги через подоконник, соскользнула на пол и шаг за шагом приблизилась к бесу. Колени её устало дрожали. Всего час или два назад бес издевался над нею, беспомощной, в Ведьмином лесу. Теперь же её мучитель скорчился, съёжился, хвост его поник. Бес понял, что проиграл.

— Нимми-нимми-нот! — снова повторила Полл. — Тебя зовут...

И вдруг она заметила, что бес прижимает к себе ребёнка, их драгоценного, бесценного ребёнка, прижимает крючковатыми пальцами к своей поганой шкуре!

Усталость у Полл как рукой сняло. Наскочив на беса с криком:

— Не тронь нашего ребёнка! — она выхватила малышку из цепких лап и, наставив на беса палец, проговорила:

Нимми-нимми-нот!
Тебя зовут Том Тит Тот!

И Том Тит Тот взвыл, закрыв лицо руками.

Тут Нолличек решил внести наконец свою лепту в игру-угадайку, которую Полл только что выиграла за всех. Он тоже наставил на беса палец и торжественно, будто открывает миру великую истину, провозгласил:

Нимми-нимми-нот!
Тебя зовут Том Тит Тот!

— Том Тит Тот! — наперебой закричали все.— Нимми-нимми-нот, тебя зовут

Том
Тит
Тот!

Слыша своё имя снова и снова, Прядильный бес съёживался всё больше и больше и выл всё громче и громче. С одной стороны на него наступали Нянька, Мамаша Кодлинг, Китти, Мегги и Джен. С другой стороны подступали Дворецкий, Садовник, Эйб, Сид, Дейв и Хэл. Ещё шаг, рывок — и с бесом будет покончено.

Но они не успели. Ударил гром, сверкнула молния, раздалось шипение, и на месте, где только что стоял бес, закурился сизый дымок. Прядильный бес исчез из их жизни навсегда. Только грязное пятно на ковре оставил.

А рядом с пятном на ковре сидела разом обесилевшая Полл. Она тихонько покачивала ребёнка и, всхлипывая, шептала:

— Привет... Я твоя тётя.

Глава XXIII

ШКАТУЛКИ ФЕЙ

ватит реветь, глупая, — сказала Мамаша Кодлинг. Но Полл, переполненная страхом и радостью, ужасом и счастьем, не могла остановиться. Сама она не объяснила бы, почему плачет, даже если б очень постаралась. Когда Долл наклонилась, чтобы забрать у неё ребёнка, Полл прижала его к себе

так крепко, словно никому другому не доверяла теперь эту хрупкую, драгоценную жизнь.

А вокруг неё всё шло своим чередом. Подготовка к крестинам возобновилась ровно на том месте, где прервалась. До всех ушей снова донёсся колокольный звон, притихший было, пока младенцу грозила опасность. А тут ещё затрезвонил колокольчик у парадной двери дворца. Джен высунулась в окошко.

— Гости! — воскликнула она и побежала открывать.

— Какие гости? — крикнул ей вслед Нолл.

— Очень важные. У них за спиной крылья, — ответила Горничная уже из коридора и мигом слетела по лестнице — словно у неё тоже прорезались крылья.

— Это крёстные! — взволновался Нолличек. — Нянюшка, скажи, у меня корона не набекрень надета?

Все засуетились, бросились убирать и прихорашиваться. Дворецкий замер у двери в почётном карауле, Нолл уселся на трон, а Долл снова протянула руки, чтобы забрать у сестры ребёнка.

— Да хватит реветь-то! — повторила Мамаша Кодлинг. — Вон крёстные пожаловали. А ты в каком виде?! Рваная да грязная, точно пугало огородное. Постыдись! Что феи-то подумают?

Мамаша Кодлинг решительно забрала ребёнка у Полл и передала его Долл, а та стала ворковать и баюкать, как умеют только матери, хотя тётки, говорят, тоже порой справляются с этим весьма неплохо. Тут подросла Кухарка с мокрой губкой и полотенцем и начисто отёрла с лица девочки следы грязи и слёз. А Мамаша Кодлинг тем временем ловко орудовала щёткой и расчёской, приводя в порядок спутан-

ные дочкины волосы. Просто удивительно, как много можно успеть, пока гости поднимаются по лестнице всего лишь на второй этаж. Полл была вполне готова, когда Дворецкий объявил:

— Госпожа Утренняя фея!

Первая крёстная вошла, и в детской точно занялась рассветная заря. В руках у гостьи была рубиновая шкатулка. Эйб проводил фею к самому трону, и она, поцеловав ребёнка, опустила шкатулку на колени королевы.

— Что там внутри? — поинтересовался Нолличек.

— Принцесса получает в дар доброе сердце, — ответила Утренняя фея.

— Вот как? — удивился король. — Спасибо. Может, и пригодится.

Благословив ребёнка, Утренняя фея отошла в сторонку, а Дворецкий уже объявлял следующую гостью:

— Госпожа Полуденная фея!

Вошла вторая крёстная, и детскую залили потоки солнечного света. В руках у гостьи была золотая шкатулка. Сид торжественно подвёл гостью к трону, она поцеловала младенца и положила шкатулку на колени Долл.

— Есть там внутри что-нибудь? — осведомился Нолличек.

— Конечно, — ответила Полуденная фея. — Я дарю принцессе весёлый нрав.

— Да?.. — слегка разочарованно протянул король. — Ну ладно, девчонкам это не вредно.

Полуденная фея поцеловала ребёнка и заняла место рядом со своей нежно-румяной сестрой.

— Госпожа Сумеречная фея! — громогласно объявил Дворецкий.

Вошла третья крёстная, облачённая в дымчато-голубые одежды. В руках она держала шка-

тулку из сапфиров. Дейв поспешил ей навстречу и подвёл гостью к трону.

— Надеюсь, она не пустая? — обеспокоенно спросил Нолличек, когда Сумеречная фея, поцеловав ребёнка, передала родителям шкатулку.

— Здесь хранится дар вечной красоты, — ответила фея.

— Правда? Это принцессе наверняка понравится, — сказал Нолличек.

Сумеречная фея благословила ребёнка, отошла, и... Воцарилась тишина. Дворецкий молчал.

— Все гости здесь? — спросил Нолличек.

— Все, — ответил Дворецкий.

— Но я приглашал четырёх крёстных, — сказал Нолличек. — Где четвертая?

— Пришли только три, — пояснила Джен.

— А я приглашал четырёх, — упрямо сказал Нолличек. — Верно, Нянюшка? И четвертая обещалась быть. Где Полночная фея? Мы не можем идти на крестины без неё.

— Ой! Глядите! — прошептала Полл.

Все проследили за её взглядом, обращённым на верхушку торта. Красивый сахарный венец, который, прыгивая с торта, разрушил Том Тит Тот, снова блистал и искрился, точно лунная дорожка на глади моря. Из цветов появились вдруг серебристые крылья, все поначалу приняли их за птички, но когда серебристое существо, точно лунный лучик, скользнуло на пол, все увидели несказанной красоты женщину. В руках она держала серебряную шкатулку.

Опешивший от такой красоты Хэл, спотыкаясь, приблизился к гостье, чтобы проводить её к трону. Но она, не дождавшись его, направилась напрямик к Полл, которая не сводила с феи изумлённых глаз. Она узнала фею, да-да, узнала, но изумление её было от этого ничуть не меньшим.

— Моя серпоклювка, — прошептала Полл. — Моя Серебрянка!

Серебристое существо — то ли женщина, то ли птица — опустила свою шкатулку в руки Полл.

— Это мне? — растерянно пробормотала Полл.

— Что там? Что там? — заинтересовался Нолличек.

Полуночная фея только улыбнулась, глядя Полл прямо в глаза. Ответ же донёсся от окна. И голос отвечавшего показался Полл удивительно знакомым. Она знала его так хорошо!

— Волшебство, — сказал голос Чарли Луна. — В шкатулке, подаренной Полл, хранится волшебство.

Полл обернулась к окну. Чарли стоял на подоконнике, но не в привычных рыбацких лохмотьях, а в сверкающих, серебристых, как у Полуночной феи, одеждах. Голос его звенел, а глаза были ярки, точно звёзды. Он протянул руку фее и сказал:

— Что ж, милая, пора домой.

Фея — или птица — вспорхнула на подоконник к Чарли и, расправив крылья, устремилась вместе с ним в небесную высь, которая вдруг, среди бела дня, стала по-ночному глубокой и тёмной, с искрящейся россыпью звезд.

— Чарли! Чарли-и-и! — закричала им вслед Полл. — Чарли-и-и, неужели ты тот самый Человек с Луны?..

— В церковь! Все в церковь! — скомандовала Нянька.

Детскую снова заливал ясный дневной свет, женщины завязывали ленты шляпок, и никаких чудес никто, кроме Полл, не заметил.

Торжественную процессию возглавляли Нолл и Долл с новорождённой принцессой на руках. За ними шли крёстные, а следом все остальные — сообразно своему чину и положению. Только Полл, которой надлежало идти впереди, плелась позади всех, стирала слёзы, которые снова на-вернулись на глаза, и прижимала к груди свою серебряную шкатулочку.

Принцессу крестили в главном Норичском соборе и нарекли именем Джун.

Глава XXIV

НАПЕВЫ МОРСКОЙ РАКОВИНЫ

сё было позади. Кончился счастливый день крестин. Позабылись опасности и страхи прошедшего года. Праздничный торт разрезали на куски и съели до последней крошки, а потом все танцевали, взявшись за руки, вокруг пустого блюда. Танцевали до упаду, а когда упали, разошлись спать, пожелав друг другу спокойной ночи.

Да, всё было позади... Так ли?..

Все во дворце крепко спали, кроме Полл. Серебряная шкатулочка лежала у неё под подушкой, и девочка придерживала её рукою, боясь выпустить хоть на миг. Другой рукой она прижимала к уху заветную раковину. За окошком плыл по сапфирному морю чёлн — остророгий месяц. А вокруг серебряными трелями рассыпались мириады звёзд. Они пели, им глухо вторил океан, и вместе у них получалась бесконечная песнь

обо всём, что было когда-то... Сперва Полл не различала слов, но чем тяжелее становилась её голова, чем путаней — мысли, чем сонливей — веки, тем яснее доносилась до неё песнь моря и звёзд: им подпевала раковина, что лежала у самого её уха.

Человечек с Луны
Упал с вышины,
В графство Норфолк он тут же направился.
Съел холодный пирог —
Сильно горло обжёг,
Только песней от боли избавился.

Этот нехитрый стишок помнит любой норфолкский ребёнок. Полл знала его, верно, с самого рождения. Но дальше раковина напела ей о Человеке с Луны незнакомую, неслыханную прежде песню:

А с колокольни Норичской
Несётся перезвон.
Так тает он, так манит он —
Динь-дон-динь-дили-дон.
Там в Норфолке, там в Англии
Напева слаще нет,
Чем колокольный благовест,
Он звонок, точно свет,
Он ясен, точно лунный лик
Над гладью водяной,
И Человечка на Луне
Он вдаль зовёт с собой.

Что же такое происходит там, на Луне? Погодите, не Чарли ли это в серебряных одеждах стоит на самом краешке, готовый прыгнуть на Землю и идти в столицу Норфолка, в город Норич? А не Полуночная ли это фея рядом — не пускает его, старается удержать? Что там поёт раковина?..

А подружка рассердилась:
«Нет! И нет! И нет!
Спятить надо, чтоб стремиться
На звенящий свет.
На Луне у нас с тобою
Тишь и благодать.
Позабудь о перезвонах,
Хватит горевать!»

Но тщетны были её мольбы. Норичские колокола манили его на Землю. И ракушка снова запела:

«Если ты меня покинешь,
Я погибну от тоски.
Лучше следом за тобою
На прибрежные пески
Я слечу пером сребристым,
Легкой тенью, быстрой птицей
На зыбучие пески...
Только знай: вдали от дома
Лунного
Ты себя найдёшь другого —
Неразумного,
А меня и вовсе потеряешь...
Счастья, видно, своего не понимаешь!»

И вот уж он катится
Кубарем, кубарем
Прямо на Землю с Луны,
Рассудок теряет и
Дурнем он, дурнем он
Падает с вышины.

И вот уж летит она
Быстрой зарницею
Прямо на Землю с Луны
И серпостью
Птицею, птицею
Падает с вышины.

Нашёл он те колокола,
Что звали и манили,

Из сердца Норфолка окрест
О счастья звонили.
Но уплыла за горизонт
Луна его родная.
О чём-то помнит он...
О чём? Он сам порой не знает.
В чужих волнах его челнок,
Он мнёт ногой чужой песок...
Лишь лунной ночью станет вдруг
Всё ясно и понятно:
Он видит добрый лик Луны
И хочет он обратно.

«Ах, родная, мы вернёмся,
Мы уже в пути.
Жди, чтоб прялка пряхь устала,
Сказка чтоб короче стала,
Досказать её пристало,
Уж потом уйти.
Мы вернёмся, дорогая,
Мы уже в пути...»

Что же такое происходит? Сонные мысли девочки путаются всё больше, точно клубок шерсти, с которым поиграл котёнок. Всё тут вперемишку: беляши и утиные яйца; колокола, зовущие разом на свадьбу и на крестины; ведьма с черпаком в лесной чаще и фея с серебряной шкатулочкой у колыбели; прялка с веретеном и рыбацья лодка с вёслами; плачущая Долл и лепечущий ребёнок; серпоклювка, сидящая в клетке, и серпоклювка, расправившая крылья над морем и лесом... И раковина, что напевает ей в самое ухо голосом Чарли Луна: «Однажды жил да был на Луне человек... И была у него на Луне подружка... А Луна была чудесным, самым прекрасным на свете местом, куда лучше, чем Земля... Но вот однажды...»

И вот уж взлетает
Всё выше он, выше он,

В лунную даль, в пустоту.
Мгновение — и канет,
Незримый, неслышимый,
Ум подхватив на лету.
А следом взлетает
Сребристая птица
Прямо с Земли на Луну,
Чтоб в женщину снова
Навек превратиться,
Стать верной подругой ему.

— Чарли-и-и! Эге-гей! Чарли-и-и! Серебрянка-а-а! Ау! — Неужели всё? Всё кончилось? Слушай! Раковина поёт последнюю песню...

Среброликая красавица Луна
Выплывает по ночам гулять одна,
На рыбачьем на убогом челноке
Вниз до моря по извилистой реке.
Эту реченьку соткали ей из звёзд
Три кометы, накрутивши свет на хвост.
Только нам с тобой Луны не увидеть —
Веки смежены, и надо крепко спать.

Мысли у Полл путаются, сбиваются. Нет, не могло всё так кончиться, они не могли так улечься, любой конец — это начало, начало... Они вернутся, они подойдут через полчаса, они подходят каждые полчаса...

Девочка крепко спит.

ЭЛИНОР ФАРДЖОН

Сказки, рассказы,
притчи

ИЗ КНИГИ

**МАЛЕНЬКАЯ
БИБЛИОТЕЧКА**

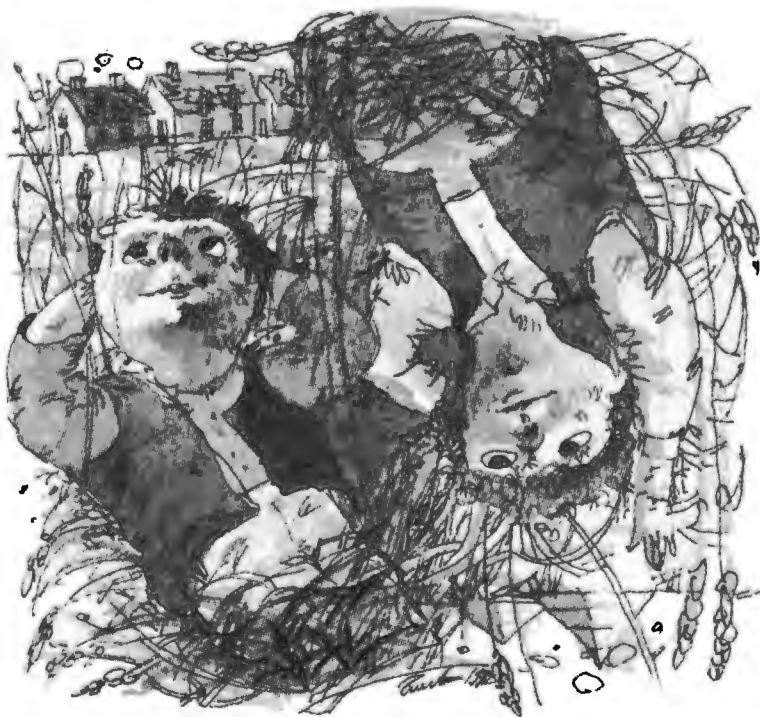
ЦАРЬ И ХЛЕБ

ил в одной деревеньке Простак. Да только не из тех простаков, над которыми вся округа потешается. Был он сыном школьного учителя и рос поначалу на диво смышлёным — с колыбели всё на лету схватывал. От таких вот шустрых и жди: либо в гении угодят, либо в последние дурачки. Отец, конечно, его в гении прочил и пичкал с малолетства книжной премудростью. Но вот мальчику стукнуло десять лет, и отцовские надежды рухнули. Не то чтобы сыночек поглупел. Хуже. У него, можно сказать, в одночасье совсем разум отшибло. Впрочем... Кто знает, что есть глупость, а что есть разум?.. Теперь Вилли проводил дни в полях — валялся в траве да улыбался. И целыми днями молчал. Но уж если этот молчун разговорится — не остановишь. Болтать он начинал вдруг, очнувшись, точно старая шарманка: все думают, она сломана, а ткнёшь случайно ногой — затянет свою незамысловатую песенку. Вот и с Простакком Вилли так же. Никогда не знаешь, от чего заведётся. Читать он разлюбил вовсе. Иногда отец подсовывал ему какую-нибудь книжку, в которой он в детстве души не чаял. Но взгляд Вилли равнодушно скользил по знакомым страницам, а потом и повсе перепрыгивал на вчерашнюю газету. Однако и газета вскоре навевала скуку. Лишь изредка Вилли Простак уты-

кался носом в какую-нибудь заметку, в ерунду какую-нибудь — уткнётся и сидит так битый час.

Отцу прозвище сына пришлось не по нраву, но деревенские кликали его Простаком любя. И с гордостью показывали Вилли приезжим,

точно местную диковину. Мальчик к тому же был редкостно красив: волосы золотисто-каштановые, кожа тонкая, веснушками усыпана, будто золотой пылью, а голубые глаза смотрят по-младенчески невинно. И красивые губы улыбаются удивительно мягко. Впервые я увидел Вилли, когда ему было уже лет шестнадцать-семнадцать. Я гостил тогда в его родной деревне. И Вилли

очаровал меня, как чаровал он каждого, — недаром люди его любили. Первые дни я здоровался, а он лишь улыбался в ответ. Но однажды я лежал в полудрёме на краю поля и глядел, как колышется пшеница, а вдали медленно, полоска за полоской, падают под острой косилкой спелые колосья. Вдруг появился Вилли Простак. Он молча подошёл и улёгся рядом. Неожиданно он протянул руку и потрогал скарабея на моей цепочке от часов. Такие фигурки носили в Древнем Египте в надежде на вечную жизнь. Ощупав скарабея со всех сторон, Вилли заговорил:

— Давным-давно я сам жил в Древнем Египте и пахал там отцовское поле. Засеянное поле вскоре покрывалось зелёной дымкой, ростки набирали силу, превращались в спелые колосья. Поле из зелёного становилось золотым. И, глядя на это золото, я верил, что богаче моего отца никого в Египте нет.

В те времена Египтом правил царь, у которого было великое множество имён. Называли его всяко, я же выберу самое короткое имя — Ра. Царь Ра жил в большом городе в великолепном дворце. А мы с отцом — в маленькой хижине неподалёку от города. Царя я никогда не видел, но люди судачили о его богатствах, о дворце и нарядах, о короне и драгоценностях, о сундуках, набитых золотом. Ел он на серебряных блюдах, пил из золотых чаш, спал под пурпурным шёлковым пологом, расшитым жемчугом. Я слушал людские толки, и казалось мне, будто наш царь сказочный, не верилось, что он настоящий, живой человек — точно мой отец, не верилось, что его золотую мантию можно потрогать, точно колосья на нашем поле.

Однажды летом, когда солнце нещадно пали-

«Юная Кейт»

«Чудо Бедного острова»

ло, а колосья уже потяжелели, я лежал в самой их гуще, в тени, ощипывал колоски и задумчиво жевал почти спелые зёрна. Вдруг над головой послышался смех. Возле меня стоял высокий-превысокий человек, я таких верзил и не видал никогда. Густая чёрная борода курчавилась, глаза смотрели по-орлиному остро и горделиво. Я сразу догадался, что это царь: его одежды нестерпимо сверкали на солнце. Неподаляку гарцевали верховые стражники. Один придерживал за поводья царскую лошадь, поскольку сам царь спешил и стоял теперь возле меня. Так мы и смотрели друг на друга: он — сверху вниз, я — снизу вверх. Потом он снова засмеялся и сказал:

— Я вижу, ты доволен жизнью, дитя моё.

— Вы правы, царь Ра.

— И зёрна ешь, словно вкуснее ничего на свете нет.

— Вы правы, царь Ра.

— Кто ты, дитя?

— Сын моего отца.

— Кто же твой отец?

— Самый богатый человек в Египте.

— Почему ты так решил?

— Моему отцу принадлежит это поле.

Царь окинул наше поле острым, орлиным взглядом и промолвил:

— А мне принадлежит весь Египет.

— Это слишком много, — сказал я.

— С чего ты взял? Вовсе не много. И, разумеется, я богаче твоего отца.

Я недоверчиво покачал головой.

— Говорю тебе — богаче! В чём ходит твой отец?

— В такой же рубахе, как у меня, — я показал своё полотняное рубище.

— Погляди, в чём хожу я! — Царь широко взмахнул мантией, и она, опадая, хлестнула меня по щеке. — Как смеешь ты говорить, что твой отец богаче меня?

— Но у него больше золота, — твердил я. — У него есть это золотое поле.

Царь помрачнел, он, видно, сильно рассердился:

— А если я сожгу его поле? Что останется у твоего отца?

— Хлеб. Он снова вырастет через год.

— Царь Египта велик! — воскликнул царь Ра. — Царя с хлебом не равняй. Царь сам — золото. Он вечен! Он переживёт твой хлеб.

Я не поверил и снова покачал головой. Гневная молния сверкнула в глазах царя. Он обернулся к стражникам и вскричал:

— Сжечь это поле!

И они подожгли золотой хлеб с четырёх сторон. Царь смотрел на пламя и говорил:

— Вот тебе отцовское золото! Гляди! Никогда прежде оно так не блистало, никогда не заблестит вновь.

Царь Ра ушёл, когда наш хлеб сгорел дотла и превратился в чёрную золу. Уходя, он крикнул:

— У кого теперь больше золота? А?! Царь Ра вечен, он переживёт твой хлеб.

Он вскочил в седло и скоро превратился в далёкую блестящую точку — это царская мантия сверкала на солнце.

Отец выбрался из хижины и прошептал:

— Мы погибли... Почему царь сжёг наше поле?

Ответить мне было нечего, я и сам ничего не понимал. Ушёл за хижину в сад и горько расплакался. Слезы текли и текли, я поднял руку, чтобы отереть их, разжал кулак и обнару-

жил прилипшие к ладони зёрна — недоеденный мною колос. Это были остатки наших сокровищ, полколоса от тысяч колосьев. Боясь, что царь отберёт и его, я поспешно расковырял пальцем землю и сунул по зёрнышку в каждую лунку. И через год, когда снова налились тяжёлым золотом египетские хлеба, в моём саду среди ярких цветов и круглых тыкв гнулись под тяжестью зёрен десять колосьев.

В то, следующее, лето царь умер, и похоронили его пышно и торжественно. Согласно обычаю, тела египетских царей — фараонов — замуровывают в пирамиде, набитой драгоценностями, дорогими нарядами и золотой мебелью. Много всякой всячины дают ему с собой в царство мёртвых. И непременно кладут рядом зерно: вдруг царь проголодается в долгом пути. Снарядили стражника — собрать зерно для царя Ра. Дорога его лежала мимо нашей хижины. Дни стояли жаркие, и, возвращаясь, он остановился у нас немного передохнуть. Стражник рассказал, что несёт сноп пшеницы, который похоронят вместе с царем. Усталый, измученный зноем стражник вскоре уснул. А я всё думал и думал: о смерти золотого царя и о золотых зёрнах. Мне привиделся сам царь Ра. Он снова возвышался надо мной и говорил:

— Царь Египта — золото. Он вечен. Он переживёт этот хлеб.

Я побежал в сад, срезал колосья и добавил их в сноп спящего стражника. Проснувшись, он забрал сноп и пошёл своей дорогой. Царя Ра похоронили, и мои колосья похоронили вместе с ним.

Вилли Простак умолк, лишь тихонько поглаживал моего скарабея.

— И это конец, Вилли? Ты всё рассказал?

— Нет, не всё. Сотни, тысячи лет спустя, в прошлом году, какие-то англичане нашли в Египте гробницу царя Ра и там, среди прочих драгоценностей, оказались и мои колосья. Шитая золотом царская одежда истлела и рассыпалась, а золотые колосья остались целы и невредимы. Эти англичане привезли немного зерна в Англию. По дороге они остановились передохнуть в доме моего отца — как египетский стражник когда-то. Они рассказали отцу, какое сокровище везут с собой, даже показали колосья. Я держал их своими руками, я узнал их! — Вилли радостно улыбался. — И к моей ладони опять прилипло зёрнышко. Я посадил его здесь, посреди поля.

— Значит, если оно проросло, колос там, на несжатой полосе?

Я взглянул на косилку, она медленно заходила на последний круг. Вилли поднялся и дал знак следовать за ним. Мы внимательно осмотрели несжатую полосу. Наконец Вилли указал на колос, что уродился выше и сиял ярче других.

— Неужели этот? — спросил я.

Вилли улыбнулся, точно малый ребёнок.

— Он и впрямь золотится ярче своих собратьев, — заметил я.

— Конечно, — ответил Вилли Простак. — Так кто же вечен: золотой царь или золотой хлеб?

КОРОЛЕВСКАЯ ДОЧКА ПРОСИТ ЛУНУ С НЕБА

1

ак-то вечером Королевская дочка выглянула в окно и увидала Луну. Ей захотелось Луну с неба, она протянула руку, но не достала.

Тогда она забралась на чердак, встала на стул, подняла слуховое окошко и вылезла на крышу Дворца. Но и с крыши до Луны было не достать.

Тогда она вскарабкалась на приступочку у самой высокой трубы и, обхватив её одной рукой, потянулась другой к Луне — но всё равно дотянуться не смогла. Тут она заплакала.

Летела мимо Летучая мышь, остановилась и спросила:

— Королевская дочка, что ты плачешь?

— Хочу Луну с неба, а дотянуться не могу.

— И я не могу, — вздохнула Летучая мышь. — А если б и дотянулась, всё равно снять её с неба не смогла б — силёнок не хватит! Но я скажу о твоём желании Ночи; может, она снимет для тебя Луну с неба.

Летучая мышь улетела, а Королевская дочка осталась стоять, обхватив трубу руками, и глядеть в тоске на Луну. Когда же настало утро и Луна померкла в его свете, в гнезде под крышей проснулась Ласточка и тоже спросила:

— Королевская дочка, что ты плачешь?

— Хочу Луну с неба, — ответила та.

— Я-то больше люблю Солнце, — заметила

Ласточка, — но мне тебя жаль, я полечу и попрошу День — может, он тебе поможет.

И Ласточка улетела.

Меж тем во Дворце царило большое волнение, ибо Нянюшка пришла утром будить Коро-

левскую дочку и увидала, что постель пуста.

Она кинулась к Королю, забарабанила в дверь его опочивальни и закричала:

— Проснитесь! Проснитесь! Вашу дочь украл!

Король вскочил с постели, отчего ночной

колпак у него сбился набок, и крикнул в замочную скважину:

— Кто украл?

— Мальчишка, что чистит Серебро, — отвечала Нянюшка. — На днях я блюдца недосчиталась, а кто блюдца крадёт, тот и на Принцессу позарится. Спросите у меня — я так и отвечу: это он!

— Вот я тебя и спросил, — сказал Король. — Вели посадить Мальчишку в тюрьму!

Нянюшка со всех ног бросилась в Казарму и велела Полковнику, который был у них за Генерала, арестовать Мальчишку, что чистит Серебро, за то, что тот украл Королевскую дочку. Полковник пристегнул шпагу и шпоры, медали и эполеты и отпустил солдат на неделю домой попрощаться с родимой матушкой.

— Мальчишку мы схватим Первого апреля, — объявил Полковник и заперся в своём кабинете обдумывать план операции.

А Нянюшка вернулась во Дворец и доложила Королю о принятых мерах; и Король довольно потёр руки.

— Поделом Мальчишке! — бросил он. — Только смотри, не проговорись ему до срока. А теперь попробуем отыскать Принцессу.

И Король послал за своим Главным сыщиком и рассказал ему, что случилось.

Главный сыщик сделал умное лицо и сказал:

— Прежде всего надо найти следы и улики и снять отпечатки пальцев.

— У кого? — спросил Король.

— У всех, — ответил Главный сыщик.

— И у меня? — спросил Король.

— Конечно! — воскликнул Главный сыщик. — Ведь Ваше Величество — Первое Лицо

в государстве, и потому, разумеется, мы начнём с Вашего Величества.

Король обрадовался и протянул Главному сыщику большие пальцы; но прежде чем снимать отпечатки, Главный сыщик послал за всеми своими сыщиками и велел им искать по городу следы пропавшей Принцессы.

— Только смотрите переоденьтесь, чтобы вас не узнали, — распорядился он.

Второй сыщик почесал подбородок и сказал:

— Прошу прощения, шеф, но только в прошлую Весеннюю уборку я обнаружил в костюмах для переодевания моль и продал их старьевщику.

— Тогда закажи поскорее новые портному, что шьёт нам костюмы для переодевания, — отвечал Главный сыщик, — да скажи ему, чтоб поторапливался.

— Разрешите нам самим выбрать себе костюмы? — спросил Второй сыщик.

— Выбирайте какие хотите, только чтоб все были разные, — разрешил Главный сыщик.

И сыщики, которых было числом ровно тысяча, отправились по домам придумывать, в кого бы им переодеться, чтобы их не узнали и чтобы все костюмы к тому же были разные. Много было между ними споров, потому что трое хотели переодеться во взломщиков, а пятеро — в плюшевых медвежат.

Главный же сыщик меж тем приготовил миску чёрной краски, и Король уже обмакнул в неё большие пальцы, как вдруг явилась Кухарка и сказала, что уходит с места.

— Почему? — спросил Король.

— Да потому, что, как ни бьюсь, не могу плиту растопить, — отвечала Кухарка. — А если плита не горит, зачем мне оставаться?

— Почему же она не горит? — спросил Король.

— Вода в дымоходе, — отвечала Кухарка. — Всё каплет да каплет, а я подтирай да подтирай, и всё без толку, только ещё сильнее льёт. А без огня как же готовить? Потому и ухожу.

— Когда? — спросил Король.

— Сейчас, — отвечала Кухарка.

— Только сначала оставь отпечатки пальцев, — велел Король.

— А это больно? — спросила Кухарка.

— Ничуть, — успокоил ее Король. — Это даже весело!

Кухарка оставила отпечатки пальцев и ушла укладывать свои сундуки. Как только весть о том, что Королевская кухарка уходит, разнеслась по Королевству, все кухарки, как одна, объявили, что уходят: Королевский дом был для всех пример — и для Герцога, и для Графа, и для Барона, и для Мэра, и для мистера и миссис Джон Дженкинсон.

И вот что из этого вышло.

Впрочем, вышло всего так много, что в одной главе не перескажешь. Хотите знать, что было дальше, читайте следующую главу.

2

Полетела Летучая мышь на поиски Ночи, чтобы рассказать ей, что Королевская дочка плачет и просит Луну с неба. Однако найти Ночь не просто, хотя тень её мелькала то тут, то там. Наконец Мышь нашла Ночь в лесу — она навела там порядок. Стоило цветку широко открыть лепестки, как Ночь прикасалась к ним и они за-

крывались; стоило дереву вздрогнуть во сне, как она успокаивала его. Стоило куропатке пискнуть в гнезде, как Ночь гладила её по спинке, пока та не погружалась в глубокий сон. А сову, дремлющую в дупле, и ночного мотылька, спящего под листочком, она будила и посылала в путь.

Летучая мышь опустилась на руку Ночи. Та спросила:

— Ах, это ты, дитя! Чего тебе надобно?

— Я прилетела сказать, что Королевская дочка хочет Луну с неба.

— Пусть себе хочет, — ответила Ночь. — Я не могу обойтись без Луны. Лети к ней да так и скажи.

— Но, матушка, она плачет!

— Стыдись! — ответила Ночь. — Если давать детям всё, о чём они плачут в темноте, матерям не будет ни минутки покоя. Почему я должна отдать ей Луну? Назови мне хоть одну причину.

Летучая мышь задумалась — и наконец сказала:

— Потому что у неё серые глаза, чёрные волосы и бледные щёчки.

— Какая же это причина? — ответила Ночь. — Лети, глупышка, лети, я занята.

Она стряхнула Летучую мышь с руки и пошла дальше по лесу, а мышь мрачно повисла вниз головой на ветке.

Из дупла высунулась Сова и спросила:

— Ты говоришь, у неё серые глаза?

— Серые, как сумерки, — ответила Летучая мышь.

Мышка высунула носик из норки и спросила:

— Ты говоришь, у неё чёрные волосы?

— Чёрные, как тень, — отвечала Летучая мышь.

Ночной Мотылёк выглянул из-под листочка и спросил:

— Ты говоришь, бледные щёчки?

— Бледные, как сиянье звёзд, — отвечала Летучая мышь.

И тогда Сова сказала:

— Она нам сестра, и мы должны ей помочь. Если она хочет Луну, значит, нужно ей её достать. Ночь не права.

— Ночь не права! — повторила Мышка.

И Мотылёк откликнулся:

— Ночь не права!

А Лёгкий ветерок, что летел мимо, подхватил эти слова и разнёс по всему свету.

— Ночь не права... Ночь не права... Ночь не права...— слышалось в холмах и долинах.

И все Дети Темноты сошлись послушать его, из своих укрытий вышли и совы, и лисы, и ночные певцы — козодои, и соловьи, и мыши, и крысы, и ночные мотыльки, и летучие мыши, и кошки, что разгуливают ночами по крышам. Ветерок повторил эти слова трижды — и они тоже стали их повторять.

— Ночь не права! — залаляли лисы.

— Ночь не права! — затрещали козодои.

— Ты слышал новость? — пискнула Мышка, обращаясь к Мотыльку. — Ночь не права!

— Конечно, не права, — согласился Мотылёк. — Я всегда это говорил.

А соловьи так долго и звонко распевали эти слова, что звёзды услышали их и в голос закричали:

— Ночь не права!

— О чём это вы? — спросила Луна, выплывая на самую середину небосклона.

— Нет, мы будем снова и снова повторять, — отвечала Вечерняя звезда, — что Ночь не права. Так и будем говорить, пока всё вокруг не поси-неет.

— Конечно, — согласилась Луна. — Мне не хотелось раньше об этом говорить, но так, как я, никто Ночь не знает, а уж я-то уверена, что Ночь совершенно не права.

Никому и в голову не пришло спросить, чем так провинилась Ночь; достаточно было того, что все это повторяли. Ещё и рассвет не забрезжил, а Дети Темноты уже так взвинтили себя, что решили восстать против своей матери.

— Главное, действовать сообща, — говорила Луна. — Что толку, если где-то пискнет моты-

лѣк или поднимет голос кот? Если действовать, то действовать сообща. В назначенный час мы должны все — все до единого! — отказать Ночи в своей поддержке!

— Да, нужно выступить, нужно нанести удар, нужно отказать Ночи в поддержке! — закричали разом летучие мыши и кошки, совы и мотыльки, соловьи и звѣзды.

— Тише-тише! — одѣрнула их Луна. — Она может услышать. Надо пока делать вид, что ничего не случилось, а Первого апреля, когда всё будет готово, мы раз и навсегда покажем Ночи, что она не права.

3

Когда Дети Темноты разошлись по домам и наступил рассвет, Ласточка полетела искать День, чтобы сказать ему, что Королевская дочка плачет и просит Луну с неба. Она увидела День в тот миг, когда он выходил из моря, отирая свои золотые ступни о песок.

— Ты сегодня поднялась вместе с жаворонками, Ласточка! — сказал он. — Почему так рано?

— Потому что Королевская дочка плачет и просит Луну с неба, — отвечала Ласточка.

— Ну, это меня не касается, — отвечал День. — Не понимаю, почему это тебя так взволновало, дитя?

— «Не касается! Не касается!» — возмущѣнно зашебетала Ласточка.

Она задумалась, какую бы назвать причину, и наконец сказала:

— Ах, отец, как ты можешь так говорить? У Королевской дочки голубые глаза, золотые волосы и розовые щѣчки!

— Значит, у неё и так всё есть! Зачем же ей ещё Луну с неба? — возразил День. — Неужто ты хочешь поссорить меня с моей сестрой Ночью только для того, чтобы осушить слёзы Королевской дочки? Лети-ка по своим делам, глупышка щебетунья, а я займусь своими.

И он шагнул с берега моря в поля, позолотив на ходу травинки в поле.

Из заводи меж скал выставила носик Рыбка.

— Так у неё голубые глаза?

— Голубые, как небо! — отвечала Ласточка.

С утёса свесила головку Ромашка.

— И золотые волосы? — спросила она.

— Золотые, как солнечные лучи,— отвечала Ласточка.

В воздухе повисла Чайка и спросила:

— И розовые щёчки?

— Розовые, как рассвет,— отвечала Ласточка.

Чайка скользнула вниз и крикнула:

— Тогда она нам сестра, и, если она хочет Луну с неба, надо её достать! А если День не желает ей помочь, надо с ним покончить! Долой День!

— Долой День! — воскликнула Ромашка.

— Долой День! — выдохнули рыбки.

Маленькая волна, что набегала и набегала на песок, услышала эти слова, откатилась назад в море и зашелестела:

— Долой День... Долой День... Долой День...

Большие волны услышали её и подхватили, словно припев, эти слова; они громоздились одна на другую, падали с грохотом вниз и гремели:

— Долой День!

И вот уже всё море повторяло, бушуя, эти слова и несло их ко всем берегам земли.

— Долой День! — ревел прилив, заливая песчаный пляж.

И все твари во всех концах света на свой лад повторяли этот призыв: его свистели птицы-пересмешники в Америке, трубили слоны в Африке, шипели змеи в Азии, с хохотом кричали в Австралии шакалы, заливались, поднимаясь ввысь, жаворонки в Европе.

— О чём это вы? — спросило Солнце жаворонков, которые всегда были его любимцами.

— Долой День! Долой День! Мы поём: «Долой День!»

— Вот это правильно! — вскричало Солнце. — Как это нам раньше в голову не пришло! Долой День! Давно пора!

Стоило Солнцу произнести эти слова, как все Дети Света удивились, как это им раньше в голову не пришло, и принялись размышлять, как осуществить их план.

— Предоставьте это мне, — сказала Солнце. — Каждый должен выполнить свой долг, а общее дело будем делать вместе. Я составляю план решительных действий, а когда он будет готов, каждый узнает, что ему надо делать. Будьте готовы к Первому апреля, а пока запомните главное: в одном мы едины. Долой День!

— Долой День! — прокричали хором птицы, звери и рыбы, травы, цветы и деревья, скалы, леса и воды. — Долой День!

Все были полны решимости, но что именно делать, не знал никто.

4

Меж тем сыщики, переодевшись, чтобы их не узнали, пустились по городу на розыски Принцессы. Одни искали её на широких улицах, другие — в кривых переулках; одни — в парках, другие — в трущобах. Куда бы они ни шли, всюду им попадалось что-нибудь подозрительное, и они тотчас спешили во Дворец к Королю. Сыщик А, например, переодевшись Сторожем в парке, в первый же час обнаружил Бродягу в лохмотьях, крепко спавшего в траве. Бродяга к тому же еще и храпел в придачу!

«Подозрительный тип! — подумал Сыщик А. — Это у него прямо на лбу написано!»

Чтобы проверить свою теорию, он наклонился к спящему и крикнул ему прямо в ухо:

— А Королевская дочка где?

Бродяга приоткрыл один глаз, пробормотал: «Первый поворот направо, второй налево!» — и снова захрапел. А Сыщик помчался в указанном направлении, свернув направо, а потом налево, оказался перед трактиром под названием «Кабанья голова». У стойки сидели девятнадцать матросов и пили пиво, которое им подавал тощий Трактирщик со своей толстой Женой.

Сыщик А протиснулся к стойке и заказал для отвода глаз пинту портера. Проглотив портер, он отбросил притворство и, схватив одной рукой Трактирщика, а другой — Жену, грозно спросил:

— Где Королевская дочка?

— Мы-то откуда знаем? — отвечал Трактирщик. — Где-то она есть, но только не тут.

— А-а, так ты отрицать! — вскричал Сыщик.

— Эй, парень, не давай рукам воли! — сказала Жена и вырвалась из его цепкой хватки.

— А-а, так ты сопротивляться! — вскричал Сыщик.

Тут он распахнул куртку, показал свой значок и арестовал их обоих, а заодно (для спокойствия) и девятнадцать матросов и велел им следовать за собой ко Дворцу. По пути он зашёл (для спокойствия) в парк и арестовал Бродягу в лохмотьях. А потом привёл их всех к Королю.

— Это кто? — спросил Король.

— Тёмные личности, Ваше Величество, — отвечал Сыщик А. — Вот этот, — и он указал на Бродягу, — говорит, что ваша дочь в трактире у этих людей. — И он кивнул на Трактирщика

и его Жену. — А они отпираются. Кто-то из них лжёт!

— Какая жалость! — молвил Король. — А эти кто?

И он указал на девятнадцать матросов.

— Эти находились в момент ареста в трактире и, возможно, тоже состоят в заговоре. Я решил не рисковать.

— Похвально! — одобрил Король. — Ты будешь повышен в чине. А этих подозрительных личностей бросьте в тюрьму! Если к Первому апреля они не докажут, что невиновны, они умрут!

Пока Трактирщика с Женой и матросов отводили в тюрьму, Король отдал приказ повысить Сыщика А в чине. Только он распорядился, как появился Сыщик Б, переодетый Покупателем, а за ним — Торговец галантереей, сорок три продавщицы, Нянька и Младенец в коляске.

— Это кто? — спросил Король.

— Подозрительные личности, Ваше Величество, — отвечал Сыщик Б. — Я заметил, что коляска с этим Младенцем чуть не час стояла возле лавки этого Торговца, а Младенец всё время весьма подозрительно плакал, но на мои вопросы отвечать отказывался. Я шасть в лавку и вижу: Няньке у прилавка что-то метром отмеривают. «Это что?» — говорю. А она мне: «Не лезь не в своё дело!» — «Это моё дело и есть!» — говорю — и хвать с прилавка её покупку! Вот она...

И Сыщик Б вынул из кармана голубую резинку.

— Для чего это? — спросил Король.

— Вот и я её о том же спросил, Ваше Величество! А она говорит: «Мужчины об этом не

спрашивают!» И отказалась отвечать. Ну, раз не хочет сознаться, я её и арестовал, а для спокойствия прихватил всех, кто был в лавке, и Младенца в придачу.

— Правильно! — произнёс Король с широкой улыбкой. — А не докажут, что невиновны, так всем отрубим головы Первого апреля.

И он велел бросить в тюрьму Няньку, Младенца, Торговца галантереей и продавщиц, а Сыщика Б повесить в чине. Не успел он покончить с этим делом, как появился Сыщик В, переодетый Почтальоном, а за ним — четыреста два домовладельца.

— Это кто? — спросил Король.

— Скрытные личности, Ваше Величество, — отвечал Сыщик В. — Все они получили письма, адресованные не им, пометили, чтобы отвести подозрения, конверты: «По данному адресу не проживает» — и бросили опять в почтовый ящик. Я стукнул к ним в двери двойным перестуком, они отворили — и я тут же их арестовал. Вот они! Буду держать до тех пор, пока не признаются, от кого письма, кому посланы и что в них.

— Превосходно! — вскричал Король. — Если до Первого апреля не признаются, так всех казним! А тебя тоже ждёт повышение в чине. Ну, у какого короля были ещё такие сыщики?!

И часа не прошло, как явился Сыщик Г, переодетый Билетным контролёром, а с ним девятьсот семьдесят восемь пассажиров, купивших железнодорожные билеты, чтобы зачем-то уехать из города; а потом Сыщик Д, переодетый Библиотекарем, привёл две тысячи триста пятнадцать читателей, попросивших в публичной библиотеке книги о сыщиках. Все они, конечно, вызвали сильные подозрения — их тотчас отправили в тюрьму. Пусть объяснят своё поведение, а не то,

как сказал Король, Первого апреля все расстанутся с головами!

Так оно и шло всю ночь, и только Король отправился наконец спать, как раздался громкий крик, торопливые шаги — и в Тронный зал вбежала Экономка с перочинным ножиком в руках, а за нею — Младшая горничная. Отчаянно жестикулируя, Экономка бросилась к трону, но Младшая горничная подставила ей ножку, повалила, заткнула рот кляпом и защёлкнула на ней наручники.

— Господи, спаси и помилуй! — молвил Король. — Что это значит?

Младшая горничная поднялась с пола и сняла наколку; вместе с наколкой снялись и волосы, а под ними открылась обширная лысина Второго сыщика. Тяжело дыша, он указал на Экономку, которая молча барахталась на полу.

— Это крайне подозрительная личность, Ваше Величество, — сказал он. — Переодевшись Младшей горничной Вашего Величества, я решил обыскать комнату вашей дочери в поисках каких-то следов и улик. Я прокрался туда, когда вокруг не было ни души, и немедленно обнаружил, что там кто-то побывал. Ковёр был усыпан металлическими стружками, и все замки в шкафах и комодах Принцессы были взломаны. Видя, что дело неладно, я продолжал поиски. Осторожно заглянул за портьеры и одни за другими распахнул дверцы шкафов. Наконец я заглянул под кровать: там я увидел вдруг огромную войлочную туфлю, а в ней ногу, а рядом еще одну ногу в туфле. Я вытащил их из-под кровати на свет Божий, а за ними — Экономку Вашего Величества! Она кинулась бежать, я — за ней, а чем всё это кончилось, вы видели.

— Так-так, — молвил Король. — Только это не моя Экономка.

— Не ваша? — вскричал Второй сыщик. — Час от часу не легче! Это, верно, опасная преступница, — похитив вашу дочь, она вернулась за её драгоценностями! Теперь-то мы можем с уверенностью сказать, Ваше Величество, что напали на верный след!

Король пришёл в восторг; так называемую Экономку решили казнить Первого апреля, после чего весь Двор отправился спать.

Но больше в Городе не спал никто: все знали, что по улицам рыщет тысяча сыщиков и что в любую минуту они могут ни за что, ни про что арестовать любого. К утру половина Города заперлась у себя по домам, а вторая — бегала друг от друга по улицам.

5

Солдат Джонни Дженкинсон, служивший Барабанщиком в Королевской армии, шёл по тропинке, ведущей к хижине его матушки, и бил в барабан. Он не стал стучать в дверь, а выбил на барабане такую дробь, что его матушка тотчас распахнула дверь. Увидев сына на пороге, она всплеснула от радости руками, а потом обняла его и воскликнула, словно не могла поверить своим глазам:

— Неужто это ты, Джонни? Неужто ты?

— Да, мам, это я, — отвечал Джонни. — А что у нас сегодня на ужин?

— Отец, отец, иди сюда! — закричала миссис Джон Дженкинсон.

Из-за дома тотчас показался мистер Джон Дженкинсон с лопатой в руках. Увидев сына, он плюхнулся с размаху на третью ступеньку крыльца и принялся набивать трубку, чтобы скрыть своё волнение.

— Но, Джонни, как ты тут очутился? — спросила миссис Джон Дженкинсон. — Я-то полагала, что ты в Городе за двадцать миль отсюда!

— Меня отпустили на побывку, мам, — отвечал Джонни. — На неделю. И всех моих товарищей тоже, всех до единого!

— С чего это, Джонни?

— А-а! — протянул с важным видом Джонни. — Этого нам не сказали. Хотя мы и догадываемся... Что-то будет...

— Неужели война? — прошептал мистер Джон Дженкинсон.

— А что же ещё, пап? — отвечал Джонни. И вправду, что ещё?

— С кем же война, Джонни? — спросила миссис Джон Дженкинсон.

— Об этом нам, конечно, никто ни слова, мам, — сказал Джонни, — но разве людям запретить думать? Кто из нас думает, что война будет с Северным королём, а кто — с Южным. Но я-то думаю...

Он умолк, ибо сам ещё не решил, что думает.

— Ах, Джонни, неужели, — ахнула миссис Джон Дженкинсон, — неужели с обоими?

— А почему бы и нет? — отвечал Джонни, подмигивая.

И с этой минуты так он и думал.

— Вот ужаси! — выдохнула миссис Джон Дженкинсон. — Обоих-то нам никогда не одолеть, ну просто никогдашеньки!

— Положись на нас, мам! — браво бросил Джонни и выбил дробь на барабане. — Нас только надо как следует накормить, а там мы горы свернём. Так что у нас сегодня на ужин?

Миссис Джон Дженкинсон спрятала лицо в передник и разрыдалась:

— Ничего на ужин, Джонни, ну совсем ничегошеньки! Кухарка сказала, что уходит.

— При чём тут кухарка? — вскричал Джонни, и в глазах его впервые мелькнула тревога. — У нас ведь нет кухарки! У нас в доме стряпает ты, мам!

— Что ж с того? — возразила с вызовом мать Джонни и утёрла слёзы. — Кто стряпает, тот и кухарка, значит, и я могу сказать, что больше стряпать не буду. Чем я других хуже?

— Но почему, мам?

— Потому что такая сейчас мода пошла, Джонни. Кухарка Короля позавчера сказала, что уходит. И суток не прошло, как все кухарки по всему Королевству перестали стряпать. Если бы мы продолжали стряпать, когда Королевская кухарка отказалась, это бы смахивало на измену. Вот оно в чём дело.

Джонни с размаху плюхнулся рядом с отцом на третью ступеньку.

— Вот уж некстати! — воскликнул Джонни. — Это мне всю побывку испортит, право слово! И всем ребятам тоже. Ты, мам, даже представить себе не можешь, до чего для ребят на побывке важно поесть!

— И не только для ребят на побывке! — сказал мистер Джон Дженкинсон, попыхивая трубкой, чтоб скрыть своё волнение. — И для других тоже!

— А что ты делаешь, когда настанет время обеда, пап? — спросил Джонни.

— Иду в трактир и курю там свою трубку, — отвечал мистер Джон Дженкинсон.

— Что ж, тогда пойдём вместе, — сказал Джонни.

И отец с сыном грустно побрели по дорожке в трактир.

Там уже собралось всё мужское население деревни. Куда ж ещё деваться мужчинам, когда женщины перестали стряпать? Мужчины уже начали сердиться на женщин. По мере того, как голод их рос, гнев их разгорался; а женщины, со своей стороны, всё упорнее стояли на своём.

— На завтрак ничего?! На обед ничего?! И на ужин опять ничего?! — возмущались мужчины.

— Король же обходится без завтрака, обеда и ужина, — возражали женщины, — чем же вы лучше Короля?

По всему королевству мужчины собирались в трактирах и бранили женщин; наконец они решили, что раз женщины их не кормят, то они перестанут работать.

— Только надо действовать дружно, — заявил отец Джонни. — Давайте все бросим работать Первого апреля!

Весть об этом обежала, словно лесной пожар, все трактиры в Королевстве; и все мужчины до единого согласились, что бросят работать Первого апреля, если их не будут кормить.

Впрочем, в трактирах говорили не только о женщинах; после того как солдаты пришли домой на побывку, только и было толков, что о войне. Каждый солдат хранил важный вид, словно он один знал, что происходит; одни говорили, что война будет с Северным королём, другие — что с Южным.

— Ну, нет, — заявлял третий, — с Восточным.

— Враки! — говорил четвёртый. — С Западным!

— Всё мимо! — смеялся пятый. — Ни с одним из этих королей, а с Царём Чернокожих, мне сам капрал сказал!

— Капрал пусть окатит себе голову холодной водой, — восклицал с насмешкой шестой. — Мне сам сержант под честное слово сказал, что — с Царём Белокожих!

Споры разгорались; солдаты перебрали всех монархов на свете. А шпионы слушали эти разговоры и торопились донести своим государям о том, что слышали. В результате чего все короли во всех странах света велели своим армиям готовиться к наступлению Первого апреля, а кораблям — поднимать в этот день паруса.

6

Что же произошло Первого апреля?

Король отхлебнул кофе и сказал:

— Сегодня все подозрительные личности будут казнены.

Полковник намазал гренки маслом и сказал:

— Сегодня будет схвачен Мальчишка, что чистит Серебро.

Все мужчины в Королевстве сказали:

— Сегодня мы бросаем работать.

Все короли по всему свету сказали:

— Сегодня мы выступаем в поход.

Солнце снова призвало к себе Детей Света и сказало:

— Сегодня мы покончим с Днём.

А Луна призвала Детей Темноты и сказала:

— Сегодня мы докажем, что Ночь не права.

И тут такое всюду началось...

Сначала Полковник велел солдатам вернуться, чтобы арестовать Мальчишку, что чистит Серебро; но солдаты не явились. Тогда Полковник отправился к солдатам, выдернул шпагу из ножен и спросил:

— В чём дело?

А Джонни-Барабанщик ответил:

— Полковник, солдат не только солдат, но и мужчина, а сегодня все мужчины в королевстве бросили работу.

— Так точно, все до единого! — заорали солдаты.

Полковник щёлкнул шпорами и спросил:

— Но почему?

— А потому что, пока Королевская кухарка не готовит для Короля, женщины не готовят и для нас, а на голодный желудок ни один мужчина работать не станет. Как только Королевская кухарка вернётся и нас накормят досыта, мы тут же приступим к делу.

— Так точно, досыта! — заорали солдаты.

Полковник зазвенел медалями и отправился сказать Королю, что надо немедленно вернуть Королевскую кухарку.

Послали за Кухаркой; она взглянула на плиту в кухне и сказала, что из трубы всё каплет и так огонь ни за что не разжечь, а пока он не разожжётся, она вернуться отказывается.

Тогда Король велел позвать Печника. Но Печник прислал сказать, что печник он, конечно, печник, но только он ещё и мужчина, а все мужчины в королевстве бросили работу, и, пока жена не начнёт его снова кормить, он работать ни для кого не будет.

Тогда Король призвал Второго сыщика — потому что Главный сыщик исчез, как сквозь землю провалился, и никто не знал, где он. Когда Второй сыщик явился во Дворец, Король велел ему арестовать Кухарку за то, что та отказалась готовить, а Печника за то, что тот отказался чинить плиту, но Второй сыщик почесал подбородок и сказал:

— Извините, но я не могу.

— Но почему?

— Дело вот в чём, Ваше Величество. Сыщик он, конечно, сыщик, только он ещё и мужчина, а пока жена не начнёт его снова кормить, он ничего делать не будет.

— А как же быть с арестованными? Ведь сегодня им должны отрубить головы?

— Значит, не отрубят, — отвечал Сыщик. — Потому что Палач сказал, что палач он, конечно, палач, только он ещё и мужчина, правда? И пока жена не начнёт его снова кормить...

Король заткнул пальцами уши и залился слезами. Впрочем, через секунду вынул пальцы и спросил:

— Что это?

Немудрено! В воздухе загрохотали пушки и затрубили трубы; в зал вбежала Нянюшка и сообщила, что все монархи со всего света идут на Город, а вдоль берега выстроились их корабли.

— На помощь! На помощь! — вскричал Король. — Зовите солдат!

Но Полковник пожал плечами с эполетами и сказал:

— Они не придут!

— Тогда мы погибли, — простонал Король. — Ничто нас не спасёт.

И в этот миг погасло Солнце.

Жаворонки устремились не ввысь, а вниз, ромашки почернели, собаки замяукали по-кошачьи, звёзды спустились с небосвода и пошли гулять по земле, прибежала Мышка и столкнула Короля с трона, прилетела Чайка и села на его скамеечку, в полдень часы пробили полночь, заря занялась на западе, ветер подул в другую сторону, прилив побежал от берега, Луна взошла на небо не той стороной, показав всему свету,

что с изнанки она не серебряная, а вся чёрная, и День пропал, и Ночь была не в ночь.

И тут открылась дверь, и в зал вошла Королевская дочка в ночной рубашке.

7

Король бросился к ней и прижал её к сердцу со словами:

— Доченька, доченька! Где же ты пропадала?

— Сидела на крыше у трубы, папочка, — отвечала Принцесса.

— Зачем же ты там сидела, милая?

— Мне хотелось Луну, — отвечала Королевская дочка.

Нянюшка взяла её за плечи, встряхнула и сказала:

— У тебя вся рубашка отсырела, неслух ты этакий!

— Это от слёз, — отвечала Королевская дочка. — Я весь день и всю ночь плакала без остановки. Слёзы так и лились мне на грудь — и в трубу.

— Ах, вот оно что! — вскричала Кухарка и ринулась на кухню.

Из трубы больше не текло — она разожгла плиту и, не теряя ни минуты, принялась за готовку.

Меж тем Мышка и Чайка поспешили к Детям Темноты и Света и закричали в голос:

— У Королевской дочки волосы каштановые, глаза карие, а лицо загорелое!

Дети Темноты накинулись на Летучую мышь:

— Ты говорила, что у неё волосы чёрные, глаза серые, а лицо бледное!

— Видно, спутала в темноте, — пробормотала в ответ Летучая мышь.

— А ты нам говорила, что у неё волосы золотые, глаза голубые, а лицо розовое! — закричали Ласточке Дети Света.

— Видно, меня рассвет ослепил, — прощевала Ласточка в ответ.

Тогда Дети Света и Темноты заявили:

— В какое вы нас поставили положение! Выходит, она нам не сестра, а мы её поддерживали. Надо найти День и сказать Ночи, что она совершенно права.

Сказано — сделано! Звёзды вернулись на небосклон, прилив повернул к берегу, время исправилось, и всё пришло в порядок; и когда наконец поднялось Солнце, оно осветило корабли, на которых Короли Всего Света спешили убраться восвояси. Они говорили, что никогда в жизни не видели, чтобы всё переворачивалось вверх дном, а с этим ведь не повоюешь, верно?

Радостную весть сообщили Королю, который сидел во Дворце. Он захлопал в ладоши и сказал Полковнику:

— Раз они ушли, значит, для войны солдаты нам больше не потребуются, так что давай арестуем Мальчишку, что чистит Серебро.

— За что, Ваше Величество?

— За то, что украл Принцессу.

— Но он же меня не крал, — возразила Принцесса.

— Ах, да, верно, — согласился Король. — Тогда надо его простить! И кроме того, по-моему, надо простить всех, кого мы собирались казнить.

— Всех, кроме так называемой Экономки, которую я нашёл в спальне Принцессы, — возразил Второй сыщик. — Уж это явно очень подозрительная личность!

И он отправился в тюрьму и выпустил на волю Бродягу, матросов, Няньку, Младенца,

Торговца галантереей, продавщиц, домовладельцев, пассажиров, читателей и всех остальных, кто сидел под замком. Но так называемую Экономку он за волосы притащил к Королю, однако стоило им предстать перед Королём, как волосы у Экономки съехали — оказывается, это был парик! — и взорам открылась совершенно лысая голова Главного сыщика. Пришлось снять с него наручники и вынуть кляп изо рта. Отдышавшись, Главный сыщик сказал Королю:

— Хорошо я переоделся, правда? Меня никто не узнал, даже Второй сыщик!

— Ты получишь повышение в чине! — пообещал Король. — Но что ты делал в спальне Принцессы?

— Искал следы и улики, разумеется! Но когда я вскрыл там перочинным ножиком замки, послышались чьи-то шаги...

— Это был я! — вскричал Второй сыщик.

— Тут, конечно, я залез под кровать...

— А я тебя там нашёл! — объявил Второй сыщик хвастливо.

— Гм... да, но и я там кое-что нашёл! — воскликнул Главный сыщик. — Глядите!

И из-под длинных чёрных юбок он вытащил Серебряное Блюдце.

— Это оно! — вскричала Нянюшка. — Пропавшее блюдце! Если б оно не пропало, я бы никогда не заподозрила Мальчишку в том, что он украл Принцессу.

И она набросилась на Принцессу:

— Значит, это ты во всём виновата! Зачем ты его брала, непослушное ты дитя?

— Оно такое милое, такое круглое и блестящее, и мне так хотелось, чтобы оно было моим, — отвечала Принцесса. — Мне и теперь хочется.

— Оно будет твоим, — сказал Король, — если только ты мне кое-что пообещаешь.

— Конечно, пообещаю, — согласилась Принцесса. — А что?

— Обещай никогда не просить Луну с неба.

— Зачем она мне? — воскликнула маленькая Принцесса. — Луна такая противная. Я её видела с изнанки — с той стороны она вся чёрная. Поэтому я и спустилась с крыши. А что у нас сегодня на обед?

«А что у нас сегодня на обед?» — звучало во всех уголках Королевства. Женщины мешали в кастрюлях, мужчины трудились, Солнце вставало на востоке, а садилось на западе; и все уже позабыли о том, что бывает, когда Королевская дочка просит Луну с неба.

ЮНАЯ КЕЙТ

днажды, давным-давно, в домишке на окраине одного городка жила старушка. Звали её мисс До. И была у неё служанка Кейт. Раз послала её хозяйка протирать чердачные окна. И за этими окнами взгляду девочки открылся вдруг простор без конца и края: сразу за городом раскинулись зелёные луга. Справив всю работу, Кейт обратилась к мисс До:

— Хозяюшка, пусти на лужок погулять.

— Нет-нет, нельзя тебе на луга ходить.

— Отчего ж нельзя?

— А то, неровен час, Травницу повстречаешь. Запри-ка лучше ворота да садись чулки штопать.

Неделю спустя Кейт снова случилось протирать окна на чердаке. На этот раз она разглядела речку, что извивалась по дну долины. Выполнив всю работу, девочка сказала мисс До:

— Хозяюшка, а на речкупустишь?

— Нет-нет, нельзя тебе на речку ходить.

— Отчего ж нельзя?

— Там Речного Короля повстречаешь. Запри-ка лучше дверь на засов да копоть с медных чайников ототри.

Спустя ещё неделю, протирая чердачные окна, разглядела Кейт далёкий лес на склоне холма. Сделав всю работу, она попросила мисс До:

— Хозяюшка, отпусти хоть в лес погулять.

— Нет-нет,— сказала мисс До.— Нельзя тебе в лес, нипочём нельзя!

— Отчего же?

— Ты там Плясуна встретишь. Задёрни-ка шторы да начинай картошку чистить.

С той поры мисс До больше не посылала Кейт на чердак. Шесть долгих лет прожила у неё девочка: штопала чулки, оттирала от копоты медные чайники, чистила картошку. А потом мисс До умерла, и пришлось Кейт искать другую работу.

Прослышав, что за холмами, в соседнем городке, есть работа, Кейт засобиравлась туда. Денег на дорогу у неё не было, вот и пришлось пешком идти. Только пошла она не по дороге. Чуть за околицу — сразу свернула на луга. Не прошла и трёх шагов, глядь: Травница стоит, цветы сажает.

— С добрым утром, Кейт,— сказала она.— Куда путь держишь?

— Иду в городок, за холмы.

— Ты, коли торопишься, иди по дороге.

«Ослик из Коннемары»

«Всего за пени»

Я ведь напрямик, через луга, не всякого пропущу. Сперва придётся тебе цветок на лугу посадить.

— С радостью! — воскликнула девушка и, взяв у Травницы совок, посадила маргаритку.

— Спасибо, — сказала Травница. — А теперь нарви себе цветов сколько хочешь.

Кейт набрала букет. На прощанье Травница сказала:

— Запомни крепко: посадишь один цветок — тебе пятьдесят прибудет.

И Кейт пошла дальше, к реке, что извивалась по дну долины. На берегу, в камышах, она повстречала Речного Короля.

— С добрым утром, Кейт, — сказал он. — Куда путь держишь?

— За холмы, в город, — ответила девушка.

— Ты, верно, спешишь? Так шла бы по дороге. А то ведь я не всякого вдоль реки пропущу. Сперва присесть придётся да песенку повеселее спеть.

— Отчего ж не спеть? С удовольствием! — И, присев на берегу у камышей, Кейт спела песню.

— Спасибо, — сказал Речной Король. — А теперь послушай меня.

И он принялся петь для неё песню за песней. И перепел все до единой только к вечеру. Тогда он поцеловал Кейт и сказал:

— За каждую спетую песню услышишь ты пятьдесят новых.

И девушка отправилась дальше, к далёким лесам на склонах холмов. Там, едва войдя в лес, она повстречала Плясуна.

— Добрый вечер, Кейт, — сказал он. — Куда путь держишь?

— Иду за холмы, в город, — ответила Кейт.

— Хочешь дойти к утру — иди по дороге, — сказал Плясун. — Я через лес только тех пропускаю, кто сплясать для меня не откажется.

— Зачем же отказываться? Спляшу! — И Кейт станцевала легко и ловко, стараясь угодить Плясуну.

— Ну, спасибо! — сказал он. — А теперь гляди!

И он пустился в пляс. Взошла луна — а он всё плясал, луна закатилась — а он всё плясал. Лишь к утру остановился, поцеловал Кейт на прощанье и сказал:

— Разок спляшешь — все для тебя с радостью спляшут!

Пришла Кейт в город. Там, на самой окраине, её взяла в служанки старушка мисс Дрю. Хозяйка заперала домишко на закате и не пускала девушку ни на луг, ни к речке; ни в лес.

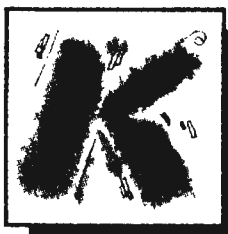
Но годы шли, Кейт совсем повзрослела, вышла замуж, появились у неё дети и даже своя маленькая служанка. Вечерами, когда вся работа по дому была справлена, Кейт отворяла дверь и говорила:

— Бегите, детки, бегите на лужок, бегите к речке, бегите в лес. Вдруг вам посчастливится и вы повстречаете Травницу, или Речного Короля, или Плясуна.

И дети со служанкой выбегали из дома...

А потом возвращались — с весёлыми песнями, с удалыми танцами и с охапками луговых цветов. И Кейт поджидала их на пороге.

БЕЗЫМЯННЫЙ ЦВЕТОК

Как-то раз крестьянская дочка Кристи отправилась на лужайку, которая зеленела позади матушкиного огорода, и сорвала там цветок. Случилось это давным-давно, но всё же на людской памяти: то есть не сегодня и не в первый день творения, а как раз посерединке.

Кристи очень обрадовалась цветку — он и в самом деле был очень красив — и побежала к матушке, поделиться своей радостью.

— Мама! Гляди, какой я цветок нашла!

Матушка поливала клумбу с гвоздиками. Но, услышав дочкин голос, она поставила кувшин и поспешила навстречу. Времени на ребёнка она никогда не жалела.

— Какой красивый! — воскликнула матушка, взяв цветок в руки.

— Я его на лужайке нашла! А как он называется? — спросила Кристи.

— Ну как же! Это... это... Ой, а я и не знаю! Спроси лучше отца.

Отец в это время чинил изгородь. Подбежав к нему, Кристи протянула цветок.

— Пап, как он называется?

— Дай-ка взглянуть... — И отец отложил молоток. Он рассматривал цветок со всех сторон, внимательно и долго, а потом почесал в затылке.

— Ну и ну! Забыл! А может, и вовсе не знал. Знаешь, я сегодня пойду к леснику за кротоловками. Он, верно, про цветок скажет, он про них всё знает.

Обсудив с лесником своё дело, крестьянин показал ему цветок.

— Как он называется?

Лесник поглядел, понюхал, подумал. И в конце концов произнёс:

— Я таких никогда не видел — ни в лесу, ни в поле, ни в суши, ни в хляби. Не знаю я его имени. Но ты мне его отдай: я пойду сегодня на помещичью усадьбу, так заодно спрошу у секретаря. Он малый смекалистый, и книгочей к тому же — недаром очки носит.

Секретарь знал о цветах всё. Или почти всё. Во всяком случае, он прочитал о цветах все книги со всего света, потому что они были собраны в хозяйской библиотеке. И едва лесник произнёс:

— У меня тут цветок есть, не знаю, как называется, — секретарь тут же ответил:

— Показывай, я тебе мигом скажу.

Но, взглянув на цветок, он понял, что потопился.

— Удивительно! — воскликнул секретарь. — Я знаю все цветы — и научные названия, и просторечные. Но этот мне незнаком! Оставь его здесь, я постараюсь выяснить.

Секретарь засушил цветок между страницами огромного фолианта. И целый год расспрашивал о цветке мудрейших учёных со всех концов королевства. Вскоре даже заморские мудрецы принялись ломать головы: как же он всё-таки называется? Но ответа так никто и не нашёл.

И вот, спустя год, секретарь пришёл к леснику и сказал:

— У твоего цветка нет никакого имени.

— У какого цветка? — Лесник к тому времени уже позабыл, о чём идёт речь. Секретарь, однако, продолжал:

— Мудрецы со всего света порешили так:

раз Адам дал имена всем цветам и травам, а этот цветок остался безымянным, значит, Господь сотворил его позже. Раз Адам не дал ему имени, значит, имени у него нету. Раз у него нет имени — его надо уничтожить. Нельзя же жить без имени! Так порешили мудрецы, и так они и сделали.

— Твоя правда,— отозвался лесник.— Без имени жить нельзя.

И, повстречав крестьянина, лесник сообщил ему:

— У твоего цветка имени вовсе не было.

— У какого цветка? — Крестьянин давно позабыл эту историю. Но лесник разъяснил ему суть дела и добавил, что мудрецы порешили уничтожить безымянный цветок.

— Что в мире ни делается — всё к лучшему,— вздохнул крестьянин, а за ужином сказал дочке:

— У твоего цветка так-таки не было имени.

— Но где он? — спросила Кристи.

— Мудрецы его уничтожили.

На том разговор и кончился. И все позабыли о прекрасном цветке. Все — кроме Кристи.

Всю жизнь, до самой старости, Кристи вспоминала:

— Я в детстве раз нашла очень, очень красивый цветок.

А когда люди спрашивали, как назывался её цветок, Кристи, улыбнувшись, отвечала:

— У него не было имени, но Господь знает, что творит.

ЗОЛОТАЯ РЫБКА

ила-была Золотая Рыбка, маленькая, совсем малёк. Жил наш Малёк в морских глубинах в те незапамятные времена, когда всем рыбам — и большим, и малым — там хватало места. Жилось Мальку мирно и счастливо, одна лишь была забота — не попасться в рыбацьи сети. Отец всех рыб, морской царь Нептун, наказал детям строго-настрою: к сетям не подплывать. И рыбы легко избегали опасность, а среди них и наш Золотой Малёк. Он резвился на просторе, в голубых и зелёных водах, а в жару спускался к самому дну, зарывался там в песок или медленно пробирался меж раковин, жемчужин и кораллов, возле огромных валунов, поросших анемонами, а вокруг извивались и колыхались разноцветные жёлто-зелёные водоросли. Иногда Золотой Малёк всплывал на поверхность, где по морской глади гнались друг за дружкой белые барашки или огромные валы, будто стеклянные горы, вздымались над бездной и — разбивались о скалы на бесчисленные тысячи брызг. Иногда, поднявшись наверх, Малёк замечал ещё выше, в ясных голубых водах, огромного Золотого Кита. Кит сверкал не хуже нашего Малька, но был велик и кругл, как Медуза. Порою же вместо Золотого Кита в вышине появлялась невиданная Серебряная Рыба. Небо тогда бывало тёмным, а Рыба то круглилась, то плыла боком, выставляя вперёд острые серебряные плавники. Наш Золотой Малёк завидовал огромному Золотому Кита и ревниво следил, как он плывёт в голубой

дали. Зато в Серебряную Рыбу он влюбился с первого взгляда и всё стремился к ней, в вышину. Но странное дело, Мальку всё время что-то мешало: только всплывёт на поверхность — дыхание тут же сбивается и Малька отбрасывает обратно в глубины, откуда Серебряной Рыбы даже не видно. Тогда Золотая Рыбка — малёк бросался в погоню, преодолевал весь бесконечный морской простор вслед за Серебряной Рыбой, а та опускалась всё ниже и ниже — вот-вот нырнёт в рыбкино море... Но — увы! — ни разу не довелось им встретиться.

Однажды ночью был полный штиль; наш Малёк плыл у самой поверхности и вдруг увидел над головой тень громадной тёмной рыбы. По её брюху тянулся длинный острый плавник, а сама рыба высилась над морем. Всех рыб — и больших и малых — знал наш Малёк, но такой не встречал никогда! Больше Кита! А черна-то, черна — точно чернила у каракатицы! Малёк поплавал вокруг, потыкался любопытным носом в брюхо громадной рыбы и наконец спросил:

— Ты что за рыба?

Огромная чёрная тень качнулась и засмеялась:

— Я вовсе не рыба. Я — Корабль.

— Что же ты делаешь в море, раз ты не рыба?

— Сейчас отдыхаю, поскольку ветер не дует в паруса. Но я дождусь попутного ветра и отправлюсь путешествовать по миру.

— Что такое мир?

— Всё, что есть вокруг — видимое и невидимое.

— Выходит, я тоже мир? — удивился Малёк.

— Разумеется.

Малёк весело плеснул хвостом:

— Вот так новость! Вот так радость!

Проплывавшая мимо Морская Свинья сделала Мальку выговор:

— Что это ты расшумелся?

— Я — свет! Я — мир! — не унимался Золотой Малёк.

— Кто тебе сказал?

— Рыба-Корабль, — ответил Малёк.

— Вздор! — отозвалась Морская Свинья. — Пускай докажет! — И она поплыла дальше.

Малёк присмирел, его радость омрачило сомнение.

— Как это мир может быть невидимым? — спросил он у Корабля. — Если мир — это я, значит, я должен видеть его целиком!

— Придётся поверить мне на слово. Такому малышу не увидеть целиком весь мир. За горизонтом всегда будет что-то скрываться — неведомые земли, невиданные чудеса. Наш мир круглый, как апельсин, но и этого тебе не увидеть и не понять.

И Корабль поведал Мальку о неведомых землях, что лежат за горизонтом, о мужчинах, женщинах и детях, о цветах и деревьях, о птицах с глазами на пёстрых хвостах, которые раскрываются, словно веер. Он рассказал о белых и чёрных слонах, о колокольнях с дивным перезвоном... А Золотой Малёк плакал от тоски, от того, что не заглянуть ему за горизонт, не понять, что мир кругл, не увидеть и не объять всего, что есть в этом мире.

Корабль посмеялся над его печалью:

— Дружочек, не плачь! Будь ты сама Луна или даже Солнце на небосклоне, тебе и то не удалось бы увидеть всё разом. Они тоже видят лишь свои полмира!

— Кто такая Луна?.. — спросил малёк.

— Вон та серебряная полоска на небе.

— На небе? — удивился малёк. — Я думал, это другое море. А Серебряная Рыба, значит, зовётся Луной?.. Ну, а Солнце что такое?

— Золотой шар, который катит по небу днём, — ответил Корабль. — Говорят, что он — возлюбленный Луны и дарит ей свой свет.

— А я... Я отдам ей весь мир! — воскликнул Золотой Малёк. И, пробив морскую гладь, взметнулся ввысь из всех сил. Но до Луны не допрыгнул, свалился обратно в море, золотым камешком опустился на самое дно и горько-горько заплакал. Он плакал много дней. Корабль рассказал ему слишком много, его маленький разум тщился разобраться — и не мог, но душа наполнилась тоской и желанием. Хотелось овладеть серебряной Луной, хотелось стать могущественней самого Солнца, хотелось увидеть весь мир — сверху донизу, до горизонта и за горизонтом...

Царю Нептуну, правителю морских глубин, случилось проплывать в тех краях меж белых и алых кораллов. Вдруг он услышал не то смех, не то храп, не то хрюк и увидел вдалеке жирную Морскую Свинью, бока её от хохота ходили ходуном. Невдалеке, среди своих слёз, грустил Золотой Малёк.

Царь Нептун, как всякий хороший отец, старался делить со своими детьми все беды и все радости. И он спросил Морскую Свинью:

— Что тебя развеселило?

— Ха-ха-ха! — хрюкала Свинья. — Золотой Малёк так горюет — обхохочешься.

— Что за горе у Золотого Малька? — спросил царь Нептун.

— Ха-ха-ха! Тоже мне горе! Он тут плачет

уже семь дней и семь ночей, все глаза заплакал! Ха-ха-ха! Хочет взять в жёны Луну, победить Солнце и завладеть миром!

— Ну, а ты? — промолвил Нептун. — Не доводилось тебе мечтать и горевать?

— Мечтать?! — фыркнула свинья. — Эти Луна и Солнце — простые светильники. Кому они нужны? И о мире нечего плакать — не потрогать его, не съесть... Нет, папенька! Вот если у меня обед из-под носа уплыл, я горюю. А на остальное — плевать!

— Что ж, — промолвил Нептун. — Всякой твари есть место в этом море.

Склонившись над Золотой Рыбкой-Мальком, он поднял его на руки и укоризненно погрозил пальцем:

— Ну, будет, детка. Хватит плакать. Слезами горю не поможешь. Ты и в самом деле хочешь взять в жёны Луну, победить Солнце и завладеть миром?

— Да, папа! Очень хочу! — восторженно воскликнул Золотой Малёк.

— Ну тогда решено! Полезай-ка ты в рыбацкие сети. Вон, видишь, темнеют над головой? Не боишься?

— Не боюсь! Если они помогут мне получить всё, о чём я так мечтаю!.. — отважно ответил Малёк.

— Что ж, рискни! Твои желания сбудутся! — пообещал Царь Нептун и выпустил Золотого Малька. Он вильнул плавниками и храбро устремился к разинутой сетчатой пасти. Когда сеть уже почти захлопнулась, Нептун запустил туда ещё одну рыбку и, погладив зелёную бороду, поплыл дальше по своим владениям среди своих чад — больших и малых.

Вы спросите, что же случилось с Мальком?

Рыбаки выбрали сети, и на дне лодки оказалась наша Золотая Рыбка-Малёк и ещё одна рыбка, Серебряная, — прелестная круглая рыбка с шелковистыми плавниками, так похожая на круглую Луну.

— Парочка — как на подбор! — восхитился Рыбак и отвёз рыбок на берег, своей маленькой дочке. Чтобы обрадовать малышку ещё больше, он купил большой круглый аквариум, посыпал дно песком, бросил туда ракушек, гальки, кораллов и посадил водоросли. Наполнив аквариум морской водой, он пустил туда рыбок и поставил этот маленький стеклянный мирок на подоконник.

Золотой Малёк обезумел от счастья. Он подплыл к Серебряной Рыбке и воскликнул:

— Ты — Луна, ты спустилась ко мне с неба! Погляди, как прекрасен и кругл мир! Он твой!

С одной стороны сквозь стекло аквариума виднелись цветы и деревья в саду, с другой — каминная полка, а на ней диковинные слоники, которых Рыбак привёз из дальних стран, один чёрный, эбеновый, а другой — из белой слоновой кости. На стене висел веер из павлиньих перьев с разноцветными сине-зелёно-золотыми глазами, а на другой стене, на полочке, стояла маленькая китайская пагода, увешанная колокольчиками. На дне аквариума был привычный песчано-коралловый мир, а сверху рыбкам светили три улыбки — мужская, женская и детская.

От радости Золотой Малёк плеснул хвостом и крикнул своей Серебряной невесте:

— О, рыба Луна! Я теперь могущественней Солнца! Ведь я дарю тебе не полмира, а весь мир — видимый и невидимый!

Царь Нептун, хоть и жил на дне морском,

умел слышать своих детей отовсюду. Он усмехнулся в бороду и сказал:

— Нечего такой мелюзге делать в огромном океане. Им надобен мир по плечу.

С тех пор золотые рыбки и не знают иного мира, кроме стеклянного аквариума.

ЩЕНОК-СПАНИЕЛЬ

I

Когда у Джо Джолли умер отец, в пору было по миру с сумой идти. Всего-то богатства в доме — одна табуретка. Дом и тот был чужим, владелец усадьбы сдавал его старику Джолли, своему леснику, в счёт жалованья.

А по пятницам старик получал остаток положенных ему денег — три шиллинга. Даже топор у отца — и тот был чужой.

Джо вырос в лесах, грамоты не знал, зато любое дело в его руках спорилось. И ещё он очень любил всякую живность, лесную и домашнюю, любил — как дышал, просто и бесхитростно; так же безыскусно любил он и отца и частенько помогал ему рубить дрова, хотя ни помещик, ни управляющий даже не подозревали, что Джо есть на свете.

Старик Джолли захворал в четверг вечером, когда всю недельную зарплату они уже проели. Отец присел на свою старую табуретку и сказал:

— Джо, пора мне, видно, на тот свет отправляться.

Наутро он уже не смог встать с постели. Джо сам нарубил дров — сколько положено за день, а на закате пришёл к управляющему за отцовскими шиллингами. Управляющий спросил:

— А ты кто таков?

— Сын Джона Джолли, — ответил парень.

— Почему Джон Джолли не пришёл сам?

— Заболел.

— Кто же будет за него работать?

— Я, — ответил Джо.

Управляющий отсчитал три шиллинга и больше вопросов не задавал. А про себя решил, что если — паче чаяния — Джон Джолли умрёт, он определит на его место дядьку своей жены, хватит старому хлеб задарма есть да на печи лежать.

Джон Джолли, однако, прохворал ещё без малого месяц. Джо ходил за ним, как нянька за малым ребёнком, и один справлял всю работу дровосека. Когда в доме больной, на три шиллинга не проживёшь. Чтобы облегчить страдания отца, Джо постепенно продавал мебель и на вырученные деньги покупал лекарства. Спустя месяц осталось в доме четыре угла, старая табуретка да материнское обручальное колечко, сделанное из меди, а Джон Джолли мирно покоился в земле и над ним шелестели травы. Тогда-то Джо впервые всерьёз задумался над своим будущим житьём-бытьём. Впрочем, размышлял он недолго. Восемнадцати лет от роду, проворный и ловкий, точно белка, стройный и загорелый, точно сосновый ствол, что золотится на закатном солнце, в общем, парень он был хоть куда. Но ничего, кроме отцовского ремесла, не знал и не умел. И решил проситься на отцовское место.

В пятницу, придя за деньгами, Джо сказал управляющему:

— Отец больше не будет рубить вам дрова.

— Отчего же? — спросил управляющий, втайне надеясь на лучшее.

— Его Бог прибрал, — ответил Джо.

— Вот как! Значит, освободилось место дровосека, и пятидесяти лет не прошло!

— Возьмите меня на его место, — попросил Джо.

Но управляющий твёрдо решил сбыть с рук постылого жениного дядьку. Он поджал губы, почесал нос и, покачав головой, произнёс:

— На это место нужен человек опытный.

Отсчитал три шиллинга, пожелал Джо удачи и отправил парня с глаз долой.

Спорщик из Джо был никудышный. Он-то знал, что опыта ему, несмотря на молодость, не занимать, но понимал и другое: раз управляющий порешил его не брать, значит, спорить без толку. Джо вернулся в свою хижину и подумал, взглянув на отцовскую табуретку:

— С собой её не взять, продавать не хочется, на дрова пустить тоже жалко, да и будущему дровосеку надо на чём-то сидеть... К тому же и табуретка наверняка хочет остаться в родных стенах — не меньше моего хочет... Только ей — оставаться, а мне — в путь отправляться. Прощай, старая!

И Джо пустился в путь-дорогу с тремя шиллингами да медным колечком в кармане.

II

Никогда прежде не доводилось Джо уходить так далеко от родных мест. Лес он любил пуще всего на свете, и не манили его чужие дали.

Но вот не прошло и двух дней со смерти отца, а он уже покинул отчий дом и идёт по широкой дороге — к новому и неведомому. Он не загадывал, куда идти, ноги несли его сами, отзываясь на первый клич и зов. Джо держал ушки на макушке и вот услышал слабый, едва различимый, но знакомый звук — стук топора, такой далёкий, будто стучали с того света. Джо, однако, услышал его явственно и пошёл в ту сторону.

В субботний полдень он услышал другой звук — тревожно и горестно заскулила собака. Джо ускорил шаг, и тропинка вывела его к деревенскому пруду. На берегу толпились мальчишки; один из них топил щенка и одновременно отбивался от красивой спаниелихи, которая непрерывно скулила и наскакивала на него, пытаясь защитить своё дитя. Прочие мальчишки с равнодушным любопытством ждали, кто же возьмёт верх. Наконец тот, кто топил щенка, потерял терпение и, ткнув собаку посильнее, размахнулся, чтобы забросить щенка на середину пруда. Но Джо перехватил его руку:

— Не смей!

Рассвирепевший юнец повернулся, досадуя на помеху, но увидел, что соперник выше и сильнее, и в драку не полез. Только сказал обиженно:

— Ты чего? Щенки на то и родятся, чтобы их топить.

— Щенков топить я никому не позволю, — сказал Джо.

— Так, может, купишь? — спросил юнец.

— Сколько просишь? — спросил Джо.

— А сколько у тебя есть?

— Три шиллинга.

— Сойдет.— Юнец отдал Джо вислоухого щенка, схватил деньги и дал дёру. Следом побежали его дружки. Они гоготали, а первый — пуще всех. Спаниелиха подбежала к Джо и, встав на задние лапы, оперлась передними ему на грудь и благодарно лизнула руки, которые держали её щенка так бережно и нежно.

Джо взглянул в её бархатные карие глаза и сказал:

— Пригляжу я за твоим сынком, не бойся, беги к хозяину.

Но один из мальчишек, отбежав подальше, крикнул:

— Он ей вовсе не хозяин! Он её утром на отцовском гумне нашёл, вместе со щенком! — И, всласть насмеявшись над простаком, который так бездарно расстался со своими денежками, мальчишки скрылись из виду.

— Не такая уж плохая покупка,— сказал Джо,— чудесный щенок и красавица сука. Что ж, дорогие, станем теперь все радости и невзгоды поровну делить!

Джо сунул щенка за пазуху, он там пошебуршился, пригрелся и затих. И Джо вдруг почувствовал, что это его собственный пёс, и дороже на всём свете нет и не будет. И отправился Джо дальше со щенком за пазухой да с пустыми карманами, а спаниелиха побежала следом.

III

Денег у Джо теперь не было, и пришлось ему целый день шагать, затянув потуже ремень на голодном брюхе. Он всё шел на стук топора, который звал его неустанно и слышался уже

совсем близко. Наконец Джо вышел к лесу. Покинув родной лес, Джо шёл всё время полями да лугами и радостно ступил сейчас под сень ветвей — он в любом лесу чувствовал себя как дома. Прошёл несколько шагов и услышал вдруг мяуканье — тихое, точно поскуливание его щен-

ка. Так Джо нашёл котёнка, совсем маленького, с блестящей золотистой шёрсткой, — весь он поблёскивал, точно солнечный блик на резво журчащей воде, а глаза мерцали жёлто, будто тягучий свежавыкачанный мёд. Котёнок дрожал, поджимая под себя то одну, то другую шаткую лапку, и явно обрадовался, когда Джо нахло-

нился и взял его на руки. Он был так мал, что Джо мог спрятать в ладонях его тщедушное пушистое тельце. Котёнок совсем продрог, и Джо сунул его к щенку, за пазуху. Котёнок заурчал там от радости и тепла.

Надвигалась ночь; стук топора становился всё громче, до дровосека оставалось не больше ста шагов. Стук этот был для Джо слаще музыки, он даже замер, заслушавшись. Вдруг раздался треск падающего дерева и стон! Джо бросился на выручку. Упавший ствол придавил дровосека. В сумерках Джо было принял его за отца — так сильно напоминал старик Джона Джолли. Но — чудес на свете не бывает! Подбежав ближе, Джо уверился, что дровосек походит на отца не больше, чем любой другой старик, — ведь старость роднит и равняет всех, а уж дровосеков и подавно.

— Сильно покалечились?

— Да поймёшь разве? Выберусь — разберёмся, — ответил старик.

Упавшее дерево пригвоздило к земле его правую руку. Джо нашёл чуть поодаль топор, разрубил ствол и освободил дровосека. Потом осторожно и умело осмотрел руку: не впервой было ему лечить переломы, сколько заячьих лапок и птичьих крылышек перевязал он в родном лесу!

Вскоре боль отпустила старика, и Джо, легко подняв его на руки, спросил:

— Куда вас отнести?

— Мой дом совсем близко, — ответил старик.

Джо прошёл не больше пятидесяти шагов, и они очутились возле хижины, привычной глазу хижины дровосека, только обставленной получше, чем бывший дом Джо Джолли. В углу

стояла узкая кровать, покрытая ярким лоскутным одеялом. Сюда-то Джо и уложил старика. И тут же, без лишних вопросов, принялся готовить ужин: развёл огонь, вскипятил воду; заглянув в буфет и на полку, нашёл кой-какую снедь в глиняных горшках. И вот уже вьётся парок над кружкой с чаем и лежит на блюде хлеб с салом. А старик всё не сводит с Джо острого, проницательного взгляда.

Приготовив дровосеку ужин, Джо расстегнул ворот и вытащил из-за пазухи щенка и котёнка. Спаниелиха устроилась около очага, детёныши принялись на пару сосать материнское молоко, а собака смотрела на Джо благодарно и преданно.

Джо спросил:

— Не найдётся ли воды и объедков для суки?

— Воды на дворе накачай, а косточка — на полке, — ответил старик.

Джо нашёл кость, принёс воды в миске и поставил возле спаниелихи.

— Ну, а теперь налей-ка и себе чаю да отрежь хлеба, — велел старик.

Джо так и сделал. И вмиг съел всё до последней крошки, ведь он был очень-очень голоден.

— Хочешь — располагайся прямо у очага и спи вволю, а если останешься, пока я не вылечу руку, можешь за меня поработать.

— А кем вы работаете?

— Королевским дровосеком.

— Откуда вам знать, что я справлюсь?

— Я же видел, как ты лихо топором владеешь. Дерево, что меня прижало, одним ударом разрубил. Так что сходи-ка ты утром к королю да скажи, что будешь работать вместо меня.

IV

На коврике у очага спалось крепко. Джо проснулся ранёхонько, накормил старика, собак и котёнка, убрал и подмёл пол. Переделав всю работу, он спросил дорогу к королевскому дворцу. Старик объяснил, что дворец стоит в центре города, а город — в трёх милях к северу от хижины. Он посоветовал Джо захватить с собой королевский топор с выжженной на древке коронной, чтоб ему поверили и не прогнали из дворца как самозванца. И Джо отправился навстречу новым приключениям.

Выйдя на опушку леса, он услышал за спиной тихое мяуканье и, оглянувшись, увидел, что золотистый котёнок увязался за ним следом. Не хотелось Джо возвращаться, снова сунул он пушистый комочек за пазуху и пошёл дальше. Вскоре вырос перед ним город — столица той страны, где он родился и прожил всю жизнь. Никогда прежде не видел Джо столько домов и магазинов, церквей и храмов, башен и колоколен, куполов, шпилей и флюгеров. Город копошился, точно огромный муравейник, люди сновали туда-сюда, всюду совали свой нос, заползали в каждую щель и трещину. У городских ворот высокий страж преградил Джо путь:

— Что за дело у тебя в столице?

— А какая разница? — поинтересовался Джо.

— Да никакой, — ответил страж. — Всё равно мне строго-настрого приказано никого не впускать и не выпускать.

— Что ж, нельзя так нельзя. — Джо решил, что такой, видно, в городах порядок: никуда нельзя. Только в лесах свобода — ходи куда

вздумается. Он повернул было назад, но страж схватил его за плечо:

— А откуда у тебя королевский топор?

Джо вкратце рассказал свою историю, и страж распахнул ворота:

— Твоё дело важное, королевское. Значит, ты должен войти. Если тебя остановят, покажи топор, он у тебя вместо пропуска.

Никто, однако, не останавливал Джо, люди были заняты своей суетой — шныряли, сновали, повсюду шмыгали; чем ближе подходил Джо ко дворцу, тем больше суетились вокруг люди. Дворец тоже жужжал, как пчелиный рой: придворные и пажи бегали взад-вперёд, вверх-вниз и ломали в отчаянье руки. Джо прошёл незамеченным по дворцовым коридорам и дошёл до тронного зала. Он был пуст, лишь красивая заплаканная девочка стояла возле трона. В белом платье, с шелковистыми светлыми волосами, она напомнила Джо его щенка. Пожалев девочку, он подошёл к ней и сказал:

— Может, у тебя болит что? Так покажи, я мигом вылечу.

И сквозь всхлипы едва расслышал ответ:

— Болит, да так, что мочи нет терпеть.

— Что болит? — спросил Джо.

— Душа.

— Да-а, душу лечить непросто. Почему же она разболелась?

— У меня котёнок потерялся, — сказала девочка и зарыдала пуще прежнего.

— Я тебе взамен своего дам, — предложил Джо.

— Мне только мой нужен! — всхлипывала девочка.

— Но у меня чудесный котёнок, я его вечером в лесу подобрал, — принялся уговари-

вать Джо. — Редкой, золотистой окраски, а глаза — словно тягучий мёд!

И Джо вытащил из-за пазухи котёнка.

— Это же и есть мой котёнок! — воскликнула девочка. И, мгновенно осушив слёзы, она выхватила золотистый комочек из рук Джо и осыпала поцелуями. Потом, потянув за золотую цепочку, позвонила в золотой колокол, что висел под потолком посреди тронного зала. Зал мгновенно заполнился людьми — все, от поварёнка до короля, сбегались посмотреть, что случилось. Ведь в золотой колокол звонили только по великим праздникам.

Принцесса — а девочка была самая настоящая принцесса — вскочила на трон и, показав всем котёнка, воскликнула:

— Этот юноша нашёл моего Медочка!

Все возликовали, новость со скоростью света облетела дворец и выплеснулась на улицы. Через пять минут город вернулся к повседневной жизни, распахнулись городские ворота, а Король спросил Джо Джолли, чем его наградить.

Джо с радостью попросил бы в награду саму Принцессу: она была совсем под стать его щенку — и волосы нежно-золотистые, точно уши щенка, и глядит умильно, точно маленький спаниель. Но Принцессы ему, понятно, не отдадут. Поэтому он ответил:

— Я хотел бы поработать королевским дровосеком, куда сам дровосек поправится.

— На твоём веку он вряд ли поправится, — сказал Король, чем немало озадачил Джо. Но парень побоялся спросить, что к чему, он решил, что короли вправе говорить как вздумается, даже загадками. — Дай-ка мне этот топор, — велел Король. — Я вижу, это королевский топор. Стань на колени и преклони голову.

Джо испугался: не вздумал ли Король отрубить ему голову? Но послушно стал на колени и почувствовал сзади, меж лопаток, холодноватый обух топора. Король, коснувшись его топором, произнёс:

— Встань, Королевский дровосек! Раз в месяц приходи за указаниями к Лесничему. И каждое утро перво-наперво отсылай отборные дрова для покоев Принцессы.

Джо очень обрадовался приказу. Он пригласил вихор на лбу и улыбнулся Принцессе, но она уже отвернулась и что-то нащёптывала котёнку в самое ушко. Тогда Джо снова пригласил вихор и откланялся.

В дровосековой хижине было всё по-прежнему.

— Как дела? — спросил старик.

— По-моему, отлично, — ответил Джо Джолли. — Котёнок оказался Принцессин, и Король поэтому назначил меня Королевским дровосеком, покуда вы болеете.

— Покуда болею? Так и сказал? — переспросил старик, таинственно усмехнувшись.

— Да вроде так, — неуверенно сказал Джо.

— Значит, так тому и быть, — произнёс старик. — А поскольку жить нам придётся вместе, зови-ка ты меня Папаней. Так меня сын называл, славный был сынок и добрый, мне приятно это слово услышать.

V

Джо не ожидал, что Папаня сляжет так надолго. Месяц шёл за месяцем, а сломанная рука всё никак не срасталась. Но рука — ещё полбеда. Старик вовсе не вставал с постели — сильно, видать, пошатнулось его здоровье.

И, устраиваясь на ночлег у очага, Джо уже не вспоминал, что во всякий день его новая жизнь может кончиться. Работа стала привычной, день шёл за днем. Так минул целый год. Щенок вырос в великолепного красавца спаниеля, ростом не меньше матери, но Джо всё кликал его щенком, всё он казался ему маленьким. Старая спаниелиха больше полёживала в доме, возле очага, или грелась на солнышке у порога. Зато щенок не отставал от Джо, бегал за ним по всему лесу, и парень любил его больше жизни. С тех пор как Джо получил работу, он из лесу не выбирался, лишь раз в месяц приходил на опушку, к дому королевского Лесничего. Джо появлялся там поутру в первый день месяца и всегда заставлял у Лесничего хорошенькую горничную по имени Бетти. Она служила во дворце и, похоже, обожала прогуляться по росистой травке перед дневными хлопотами.

Когда она уходила, Лесничий задавал Джо месячный урок. Где бы ни рубил Джо дрова, он всякий день начинал с вязанки для Принцессы, выбирая древесину, которая сладко пахнет, и прикреплял к вязанке маленький дар леса. В любое время года находил он для Принцессы букет: весной — подснежники и фиалки, летом — колокольчики, дикую розу и жимолость, осенью — разноцветные листья и ягоды, и даже зимой — вечнозелёные веточки.

Когда Джо стукнуло девятнадцать лет, а случилось это в первый день июня, он, по обыкновению, пошёл к Лесничему. А там, как водится, уже сидела Бетти в полосатом шелковом платье и сыпала слова ещё быстрее обычного.

— Да. Вот так. Представляешь? Она чего-то хочет, только никто не знает — что, а она не признаётся. То тоскует, то поёт, то дуется, то

смеётся, переменчива — как погода. Ни отцу не признаётся, ни матери, ни нянюшке. Даже мне не говорит! А доктор грозит, что если не получит она чего ей хочется — совсем зачахнет и умрёт от тоски.

— Что же делать? — спросил Лесничий.

— Король объявил: кто разгадает Принцессину тоску и подарит ей её мечту, сам получит всё, что пожелает! В последний день месяца во дворце соберётся Великий Сход, каждый что-нибудь предложит, потом обсудят... Ой! Колокол звонит! Уже восемь утра! А ты всё меня сплетничать заставляешь! Меня по твоей милости уволят!

Лесничий не стал её удерживать, только чмокнул на прощанье в щёчку, а она в ответ оттащила его за уши и убежала — аж каблучки засверкали. Засмеявшись, Лесничий сказал:

— Огонь девка!

И принялся объяснять Джо, где и что рубить ему в июне месяце. Наконец Джо отправился восвояси, пытаясь удержать в голове все наказания Лесничего, но в душе его, в самой глубине, поселилась тревога. Так сильно он тревожился и жалел Принцессу, что даже не заметил, что нет рядом щенка-спаниеля. Не резвился, не приплясывал вокруг Джо его любимец, даже на свист не прибежал, а на хозяйский свист, как известно, каждый приличный пёс обязан являться. Заплутал, значит, где-то щенок, играючи, и свиста не услышал.

К полудню, однако, спаниель объявился, прибежал на стук хозяйского топора — весёлый и довольный. Только дома, вечером, не притронулся к еде. Может, заболел? Нет, решил Джо, раз веселится щенок — значит, здоров.

В ту ночь приснился Джо чудный сон.

Только устроился он возле очага, где тлели последние угли, пришёл сон — словно явь, Джо показалось даже, что он вовсе не спит. Увидел он во сне щенка — нос к носу с мамой-спаниелихой, она положила морду меж шелковистых лап и глядела на сына искоса, приоткрыв умный карий глаз. Сон был воистину чуден: Джо услышал, как разговаривают между собой его собаки, и понял каждое слово.

— Что стряслось, сынок? Голодать вздумал?

— Да ни за что на свете! Я, матушка, сытёхонек!

— Где ж ты ел?

— У короля на заднем дворе.

— Что ты там делал?

— К подружке бегал.

— Что ещё за подружка?

— Кошечка.

— Кошка? Постыдился бы!

— Да это же моя молочная сестра!

— Ах, эта...

— Она теперь Принцессина кошка.

— Ну и как она выглядит?

— Золотая, точно мёд.

— Верно, шипит и фырчит, как все кошки.

— Да, шипит и заодно тайны вышёптывает.

— Чьи это?

— Принцессины.

— А она их откуда знает?

— Да она кладёт её на плечи и шепчет в самое ухо.

— Чьи плечи и чьё ухо?

— Принцессины плечи и кошкино ухо.

— Ну и что же у Принцессы за тайны?

— Она считает, что ей пора получить любовное послание.

— А-а-а... — зевнула спаниелиха и закрыла

глаза. Сам Джо, должно быть, тоже заснул поглубже, и чудный сон кончился.

Но поутру Джо отчётливо припомнил свой сон — так ясно и ярко, будто наяву. Может, это вовсе не сон? В замешательстве поднял он глаза на Папаню, и тот спросил:

— Что тебя гложет, сынок?

— Да сон мне странный приснился, — ответил Джо. — Вот и не знаю — делать ли, что сон велит.

— А хорошо ли выйдет, коли сделаешь?

— Может, барышне хорошей зачехнуть не дам.

— А не выйдет ли плохо?

— Вроде нет. Ничего плохого выйти не может.

— Тогда делай, что сон велит, — посоветовал Папаня.

И Джо тут же, до работы, уселся и написал любовное послание. Грамотей он был никудышный, и письмо поэтому получилось коротеньким, но зато очень содержательным. Написал он так:

«Моя любимая!

Я люблю тебя, потому что ты — как мой щенок.

Джо Джолли».

Затем Джо сложил письмо — закапанное чернилами и изрядно потрёпанное. Но слова вполне можно было разобрать, а это в любовных посланиях — самое главное. И Джо, довольный собой, взял письмо в лес, сунул его в букетик смолёвки, привязал букетик к Принцессиной вязанке... Да и выбросил всю эту историю из головы на целый месяц. Лишь Бетти, которую он застал у лесничего первого июля, напомнила ему о том, что случилось.

— Вот так всё и кончилось! — тараторила

она. — Слава тебе, Господи! Собрался вчера Великий Сход, а Принцесса возьми да и скажи: «Нечего вам головы ломать, я уже получила, что хотела!» — и смеётся. Но что это было, она так и не сказала. Конечно, теперь это уже не важно — ведь Принцесса порхает как птичка и доктор к нам дорогу забыл.

VI

Так мирно и безмятежно прошёл ещё год. Работа была в радость, собаки резвились, крыша не текла, еды всегда было вдоволь; правда, Папаня всё болел и с постели не поднимался, а Джо по-прежнему спал на полу. И вот первого июня, в день своего двадцатилетия, Джо со спаниелем, как водится, отправились к Лесничему, а Бетти — как водится — была уже там. «И впрямь любительница ранних прогулок по росе под птичье щебетанье», — подумал Джо. В то утро, однако, Бетти была грустней обычного, хотя тараторила без умолку:

— Да! Вот так! Всё как год назад! Снова здорово! Насилу допытались, что она опять чего-то хочет, но чего — ни в какую не скажет! И отец её спрашивает, и мать умоляет, и нянька улещивает, и я уговариваю! Доктор ходит каждый день, да всё без толку. Он говорит, что этак она у нас с тоски умрёт, если не получит, чего ей хочется. На последний день июня снова назначен Великий Сход, там и решат, чего же хочет Принцесса — раз сама не признаётся. Ну а тому, кто её желание исполнит, дадут всё, что пожелает, хоть... Ой, мамочки! Колокол-то восемь бьёт! Болтаю тут с тобой, болтаю, а Принцесса из-за тебя без шоколада останется!

И Бетти умчалась прочь. Но прежде-то, ко-

нечно, Лесничий её крепко поцеловал, за что и получил хорошую оплеуху. Глядя вслед Бетти, он проговорил:

— Ух и девка! Огонь!

Потом Джо выслушал все указания Лесничего и тоже ушёл. На сердце у него было тревожно. Если Принцесса ждёт ещё одно любовное послание, так ему и написать больше нечего! А первое письмо, похоже, уже отслужило своё... В смятении Джо опять не заметил, что щенок исчез. К полудню, однако, примчался: носился вокруг хозяина с радостным лаем и махал хвостом — Джо даже отбросил топор и устроил с ним весёлую потасовку. Но вечером спаниель к еде не притронулся. Тут-то Джо и вспомнил, что такое уже было раз, причём ровно год назад. События того дня припомнились так ясно, что Джо сам не заметил, как впал в первый дремотный полусон и снова услышал разговор спаниелихи с сыном:

— Эй, сынок, ты что это? Косточкой брезгуешь? Не захворал ли?

— Да ни за что на свете! Просто я мяса наелся.

— Где же ты его взял?

— На королевской кухне.

— А что, интересно, ты там делал?

— Подружку навещал.

— Какую такую подружку?

— Кошечку.

— Кошку?! Стыд-позор!

— Да это же твоя молочная дочь!

— Ах, эта... Ну и как она выглядит?

— Золотится, точно мёд.

— И шипит наверняка, как всё кошачье отродье?

— Конечно, шипит и тайны вышёптывает.

— Опять Принцессыны?
— Да. Принцесса ей все тайны поверяет.
— И что у неё нынче за тайны?
— Теперь ей хочется получить в подарок кольцо.

— А-а... — зевнула спаниелиха. Прикрыла глаз шелковистым ухом и заснула. На том сон и кончился.

Поутру вспомнил Джо собачью беседу до последнего слова. Может, они и впрямь разговаривали? То ли было, то ли нет? Никак Джо решить не мог. И тут Папаня с кровати окликает:

— В чём загвоздка?
— Да сон какой-то странный привиделся. Теперь не знаю, делать ли, что сон велит.
— Что будет, если сделаешь?
— Может, спасу от смерти хорошую ба-рышню.
— А если не сделаешь, что сон велит?
— Верно, умрёт.
— Тогда послушайся своего сна, — посоветовал Папаня.

И вот, нарубив дров для Принцессы, Джо надел материно медное колечко на стебель дикой розы, сунул букет в вязанку... И выбросил эту историю из головы на целый месяц. А первого июля Бетти, как всегда, сидела у Лесничего на пороге и трещала без умолку:

— Да, верно говорят: после дождя — ведро, а после ночи — ясный день. Собрался вчера Великий Сход, не успели и рта раскрыть, как Принцесса заявляет: «Нечего головы ломать, я уже получила, что хотела». А что получила, про то молчок. Так мы и не знаем, отчего она кручинилась, да и не важно. Доктора отослали, Король с Королевой успокоились, а Принцесса наша как птичка поёт.

VII

Увы! Год спустя, когда Джо стукнуло двадцать один, горничная снова принесла невесёлые вести. Джо застал её у Леснического в слезах и печали:

— И есть — не ест, и спать — не спит! Ходит белая, как полотно для наволочки! То в уголок забьётся и плачет, то в небо уставится и от всего отказывается, что ни предложи. На всё один ответ: «Спасибо, не надо». Сидит со своей кошкой в обнимку, а доктор уже волосы на голове рвёт, отец обезумел, мать в отчаянье, нянюшка твердит: «Господи, спаси!» Даже я не могу из Принцессы вытянуть, какая тоска её гложет! Одно знаю: не получит она чего хочет — в могилу сойдёт. Король назначил на конец июня Великий Сход. А уж кто Принцессино желание исполнит — проси, чего душе угодно! Ой, никак восемь бьёт? Мне же на работу пора! Вечно ты, Лесничий, со своими сплетнями!

Бетти припустила было бегом, но Лесничий перехватил её и поцеловал, а она в ответ оттащила его за чуб и умчалась.

— Вот это девка! Огонь! — поцокал языком Лесничий и объяснил Джо, что ему делать в июне месяце.

Солнце стояло уже высоко, Джо уже намахался топором, но ему все мерещилась могила, в которую сойдёт Принцесса. И он ничего кругом не замечал. Не заметил даже, что нет рядом щенка-спаниеля. А тот вскоре и появился, печально поджавши хвост. И Джо ничем его не мог развеселить. А поскольку Джо и сам был невесел, день не заладился. Домой они оба пришли хмурые, к еде ни один не притронулся. Джо растянулся на коврик у очага, и Папая,

чей глаз был по-прежнему остёр, спросил его:

— Аппетита нету?

— Да, вроде... — ответил Джо и заснул тяжело и беспокойно, а в его сне спаниелиха тоже спросила:

— Аппетита нету, сынок? Что стряслось? Может, в ухо надуло?

— Да, вроде...

— Верно, опять во дворце объелся?

— Ни косточки! Ни кусочка! Я просто подружку навещал.

— Что ещё за подружка?

— Кошечка.

— Какой срам! Позор на мою седую голову!

— Отчего же, матушка! Это же наша медовая кошечка.

— Ах, эта... Ну и как она?

— Точно мёд, золотится.

— И шипит, разумеется?

— Только секреты вышёптывает.

— Чьи же?

— Принцессыны.

— И что она желает получить на сей раз?

— Меня.

— Тебя? А откуда она тебя знает?

— Меня кошечка в Принцессин будуар водила.

— Да как она посмела?! Она мне больше не дочь! Отвести в будуар тебя — дворового пса! Позор!

Спаниелиха прикрыла глаза лапами, и разговор на этом закончился. Джо тревожно метался всю ночь, а наутро не мог решить: во сне или наяву привиделся ему этот ужасный разговор? Но сердце его болело уж точно наяву, и Папаня заметил беду сразу:

— Что с тобой, сынок? — спросил он.

— Да мне сегодня опять сон приснился. Не знаю, делать ли, что сон велит.

— Что будет, коли сделаешь?

— Может, барышню хорошую от могилы уберегу.

— А не сделаешь, что будет?

Джо потрепал спаниеля за шелковистые уши и ответил:

— Сам от тоски зачахну.

— И в могилу сойдёшь?

— Я же мужчина — переживу как-нибудь.

— Не тебе первому тоску в сердце носить — люди всяко живут. А вот кто в могилу сошёл, того не воротишь.

— Ясно, — сказал Джо.

И отправился на работу, свистнув щенку, чтоб бежал следом. Под вечер нарубил он для Принцессы лучших во всём лесу дров и привязал к ним своего спаниеля. Щенок глянул на Джо грустно, укоризненно, попытался было за ним побежать, волоча за собой вязанку. Но Джо Джолли строго сказал: «Сидеть!» — и ушёл побыстрей домой.

VIII

Горше того июня не было у Джо времени за всю жизнь. Он бодрился — ради Папани и спаниелихи, но Папаня и сам притих, а спаниелиха тосковала о щенке. И Джо перемогал свою боль один-одинёшенек. В последний день июня, когда лес стоял залитый солнцем, Папаня сказал:

— Джо, нельзя работать год напролёт без перерыва. Отдохни денёк.

— А зачем? — удивился Джо.

— В город сходишь: на людей посмотреть, себя показать.

И тут Джо осенило, что в городе не только людей увидеть можно, но и его любимого вислого щенка. Джо так захотелось заглянуть в его влажные карие глаза, услышать его весёлый лай — сердце чуть из груди не выпрыгнуло. И Джо решил последовать Папаниному совету — работу дневную он и завтра справит, можно и отдохнуть денёк.

Он немедленно отправился в путь. Вышел из лесу и поразился: дорога забита людьми, не протолкнёшься! Тут он вспомнил, что это день Великого Схода, и радостно влился в людской поток. Сегодня во дворец пускают всех подряд, он войдёт туда по праву, а уж там-то наверняка найдёт своего щенка! Второй раз в жизни вошёл он в дворцовые ворота, и вместе с толпой попал коридорами в тронный зал.

И вот все в сборе. Из людской гущи Джо видел только головы Короля и Королевы да пики королевских стражей. Взыграла труба, и глашатай попросил тишины. Все смолкли, и он провозгласил:

— Если кто-либо из подданных Короля знает, чего хочет Принцесса, пускай скажет.

Но никто не успел и рта раскрыть, как зазвенел Принцессин голосок-колокольчик:

— Нечего вам головы ломать! Я получила, что хотела!

— Что же? — воскликнул Король.

— От кого? — воскликнула Королева.

— Ничего больше не скажу, — ответила Принцесса, — и пускай все уходят.

Снова взыграла труба, и глашатай велел всем расходиться. Толпа рассеялась, и Джо остался один в опустевшем зале перед высоким двойным тронном, на котором сидели Король с Королевой. Принцесса же сидела у ног отца,

держа на коленях медовую кошечку, а рядом свернулся спаниель. Вдруг он радостно гавкнул, взвился в воздух, в два прыжка пересёк зал и принялся лизать лицо Джо, упершись шелковистыми передними лапами ему в плечи. Пёс скулил и тявкал, не в силах выразить свою безмерную радость. Джо обнял его и заплакал.

Переполох во дворце! Что это? Кто это? Что происходит? Принцесса встала и уткнулась носом в кошачью шёрстку — не то плачет, не то смеётся. Король спросил Джо:

— Кто ты?

— Я ваш Королевский дровосек, — ответил Джо.

— Верно. Я тебя вспомнил! Но Принцессин пёс тебя за хозяина принял.

— А он и был его хозяином, — объяснила Принцесса. — А теперь его хозяйка я! Этот юноша подарил мне своего спаниеля, потому что именно этого я и хотела.

— О, так я наконец могу выполнить обещание! — обрадовался Король и позвал Джо поближе.

— Чего ты желаешь, дровосек? Скажи, и я всё исполню.

Принцесса взглянула на Джо, Джо взглянул на Принцессу. Как и в первую встречу, она была в белом платье, с шелковистыми золотыми волосами. Но Джо знал: нельзя ему просить то, что он хочет больше всего на свете. И тогда он сказал:

— Может, у вас найдётся лишний матрас, чтобы мне на полу не спать?

— Я подарю тебе лучший матрас в королевстве, — объявил Король.

Но Принцесса поспешно сказала:

— Ему надо ещё что-нибудь дать, ведь он

и в прошлом году моё желание исполнил! — И она показала всем медное обручальное колечко.

Король своё слово держать умел, он снова повернулся к Джо и спросил:

— Чего ещё ты хочешь?

Джо крепко прижал спаниеля к груди, но попросить его назад он тоже не смел — Принцесса от тоски умрёт, если он заберёт щенка. И тогда Джо сказал:

— Там, где я жил раньше, осталась отцовская табуретка. Я бы хотел её забрать, если, конечно, новому дровосеку есть на чём сидеть.

Король благосклонно улыбнулся и сказал:

— Тебе доставят табуретку сегодня же, а на её место я пришлю лучшее кресло в королевстве.

Тут Король махнул рукой: иди, мол, дровосек восвояси.

Но Принцесса поспешно воскликнула:

— Нет, папенька, пусть он и третий подарок попросит, потому что он и в позапрошлом году моё желание выполнил. Он прислал мне вот это: и она вытянула из кармашка истёртое, заляпанное чернилами любовное послание. Теперь оно и вовсе было зачитано до дыр. Король с любопытством взял листок, развернул и прочитал во всеуслышанье:

«Моя любимая!

Я люблю тебя, потому что ты — как мой щенок.

Джо Джолли».

Зардевшись, Принцесса зарылась лицом в шёрстку медовой кошечки.

— Это ты Джо Джолли? — спросил король.

— Да, Ваше Величество.

— Это ты написал?

— Да, Ваше Величество.

— И это правда?

Джо перевёл взгляд с белого шелковистого спаниеля на Принцессу с шёлковой головкой и в белом платье — и в третий раз твёрдо сказал:

— Да, Ваше Величество.

— Тогда, — сказал Король, — снова проси, чего ты хочешь больше всего на свете.

Джо глянул на своего щенка. Но, увы, его не попросишь... Джо лишь крепко поцеловал его меж карих глаз и взглянул на Принцессу, но она отвернулась. Надо что-то попросить...

— Раз нельзя забрать щенка, я заберу медовую кошечку, — произнёс Джо.

— Нельзя мою кошку без меня забирать! — живо откликнулась Принцесса.

— И собаку мою без меня тоже нельзя забирать, — ещё живее ответил Джо.

— Да будет так! — перебил их Король. — Полгода живите в дровосековой хижине, а полгода — во дворце. И пёс с кошкой пускай с вами живут.

В тот же вечер Джо Джолли отвёл свою невесту в лесную хижину. Медовая кошечка урчала у Принцессы на руках, точно аэроплан, а счастливый щенок носился вокруг и всё норовил попасться под ноги счастливой паре. В очаге весело потрескивали поленья, стол был накрыт к ужину, на кровати лежал мягкий матрац, а у огня стояла табуретка старика Джона Джолли. Только спаниелихи нигде не было, и Папаня куда-то исчез... Когда же наутро Джо отправился на поиски, Лесничий рассказал ему, что прежний королевский дровосек умер за месяц до появления Джо в их краях и место его пустовало — всё поджидали ладного да рукастого парня, вроде Джо Джолли.

ЧУДО БЕДНОГО ОСТРОВА

одной Королевы был остров Утех. Когда она хотела повеселиться, от дворца, что стоял на самом берегу, летела по морю золочёная ладья, и шёлковые паруса трепетали на ветру. Королеву сопровождали все придворные, на палубе играли скрипачи и трубачи. И так — среди цветов и музыки — приплывали они на остров Утех. Там Королева проводила свои дни, пируя и танцуя под сенью деревьев. На остров в избытке привозили всё, чтоб становился он с каждым годом богаче и краше.

А ещё дальше от берега, в открытом море, высился бедный рыбацкий островок. Ничегошеньки тут не было — ни в избытке, ни в достатке, и жилось людям тяжело. Остров их был гол и пустынен, лишь скалы да топь — ни травинки, ни деревца, ни кустика, ни цветка. Впрочем, нет, рос там один цветок — маленький розовый куст, принадлежавший крошке Лоис. Лачуга её отца ютилась возле церквушки, а церквушка стояла как раз посреди скалистого острова. Отец Лоис набрал немного землицы — по горсточке — и в день свадьбы посадил для жены под окнами розовый куст. Молодая жена бережно ухаживала за розой, и та росла вопреки ветрам и непогоде. А после смерти матери роза стала заботой Лоис — они родились почти одновременно и были друг дружке вроде родни. Куст рос не велик и не ветвист, бутонов на нём распустилось мало, да и те ёжились под солёным морским ветром. Однако жители острова горди-

лись своим единственным цветком. Заботилась о нём Лоис, но принадлежал он как бы всем. То был Цветок Бедного острова.

Страшные утёсы громоздились вокруг острова и вольно гуляли по нему штормовые ветра. Иногда много дней кряду рыбацкие судёнышки не отваживались выйти в море и никто не смел приблизиться к его берегам. Жители острова прокормить себя не могли: они были слишком бедны, чтобы закупать еду впрок, а на голых скалах ничего не росло. И потому в непогоду, когда баркасы лежали кверху днищем на отмели, на Бедном острове свирепствовал голод. А в погожие дни рыбаки спешили закинуть сети и всегда возвращались с хорошим уловом. Женщины солили и вялили рыбу для своих семей, а остатки несли на рынок, на большую землю. И там на вырученные за рыбу гроши покупали муки, соли и крепких ниток, чтоб чинить сети. Лодок на всех не хватало, владели ими артельно, и потому рыбаки уходили на промысел с рассветом, а возвращались за полночь. Некогда им было возить жён взад-вперёд по морю. И приходилось женщинам ждать отлива. Отлив в тех краях был необычный: раз в месяц, в полнолуние, море отступало и обнажалось дно между островом и Большой землёй. Отлив длился долго, женщины успевали дойти с тяжёлыми плетёными корзинами до другого берега, продать рыбу перекупщикам и приобрести всё необходимое для своих семей. А после по дну — где скалистому, где песчаному — они успевали вернуться на Бедный остров, а следом возвращалось и море. Покупки поэтому делались наспех — а то ещё застанет в пути прилив, накатит и смоеет навеки.

Однажды вечером, во время отлива, Королева взглянула с Острова Утех на обнажившееся

морское дно и увидела женщин, торопливо семенивших к своему острову. Прежде Королева их не замечала и не задумывалась об их участии. Но в тот вечер её пронзила острая жалость. Вокруг простирались пески, мелкие солёные лужицы красно поблёскивали на закатном солнце, а среди этого уныния сиял её собственный остров — с дворцом, садами, фонтанами и беседками, — сиял, точно драгоценный камень, а сама она — в шелках и серебре — сияла, точно королева какой-то сказочной страны. Вдали же, взвалив на спину корзины, босоногие рыбаки в линялых платьях тянулись среди унылой пустыни к Бедному острову, а он лежал на горизонте, как камень, но уже не драгоценный: обычный, траченный морем голыш. И все-таки, подумалось Королеве, и на этом острове наверняка есть своя драгоценность. Хотя жизнь, должно быть, протекает там тяжело и безрадостно. Королева вдруг прижала руку к сердцу и вздохнула. Ибо и у королев есть свои печали, порой не меньшие, чем у бедного люда.

Она смотрела вдаль и пыталась вообразить ту, иную жизнь. А крошка Лоис стояла в эту минуту на берегу Бедного острова и тоже пыталась вообразить иную жизнь. В туманной дымке сиял перед ней остров Утех — точно самоцвет. Посвёркивали вдали яркие шпили, и купола, и дворцовые башни, лёгкий ветерок доносил до неё слабые звуки музыки и даже запах цветов. «Как чудесно, как удивительно, должно быть, протекает жизнь на острове Утех», — подумала Лоис. И склонилась вдруг понюхать свою розу. Она решила, что и у Королевы наверняка нет цветка красивей.

Королева же вызвала Камергера и сказала:
— Я бы хотела посетить Бедный остров.

— Это, несомненно, развлечёт Ваше Величество,— не перечил ей Камергер.— Когда желаете ехать?

— Послезавтра,— решила Королева.

На следующий день Камергер послал на Бедный остров весть о приезде Королевы. Королева его об этом не просила, но он счёл, что островитяне захотят устроить торжественный приём и оправдать оказанную им великую честь. Честь показалась им воистину велика. Неслыханное дело — приезжает сама Королева! Как же принимать её? И где?

— Мы устроим приём в церкви,— сказал Пастор.

А чем развлечь её? Может, в честь Королевы разукрасить церковь? И вот рыбаки и их жёны собрались на совет. Украсить церковь им было нечем. Конечно, у них была роза — Цветок Бедного острова,— но какой от неё прок? Не тратить же её белые бутоны на украшение церкви? К тому же их совсем мало.

— Розу трогать нельзя,— твёрдо сказал отец Лоис.— А то спросит нас Королева: «Что у вас на острове самое красивое?» А нам и показать-то будет нечего. А так — отведём её к Розе, ей наверняка понравится.

Когда взрослые держали совет, Лоис уже лежала в постели и мечтала, как совсем скоро, завтра утром, она увидит Королеву.

С рассветом жители острова во главе с Пастором вышли на берег. Лоис немного задержалась: она протирала после ночного дождя забрызганные грязью церковные ступени. Но вот, боясь опоздать, она тоже бросилась к морю и вдруг... Плюх! По щиколотку увязла посреди тропинки в огромной грязной луже. Она растерянно глядела на свои мокрые ноги. Ноги-то обсохнут,

не беда, но здесь идти самой Королеве, а лужа большая — не перешагнуть, не вычерпать! Однако как бы ни был беден их Бедный остров, негоже заставлять Королеву месить грязь. А вдали уже виднеются паруса золочёной ладьи! Надо что-то делать! Ведь Королева скоро причалит!.. Наконец Лоис прибежала на берег. Пастор уже разговаривал с Королевой и называл ей имена ребятишек, что толпились вокруг. Королева же нежно целовала каждого. Затем, вместе с придворными, она двинулась к церкви по неровной тропе. Лоис услышала, как один придворный, споткнувшись о камень, шепнул другому:

— Вот уж Богом забытая дыра!

Сердечко девочки сжалось, когда процессия дошла до топкого места. Конечно, Лоис залатала его как могла, но помогут ли её старания? Ура, Королева прошла, не замочив ног!

В церкви люди запели. Органа тут не было, Пастор дал первую ноту, и хор вознёс под купол хвалебную песнь. А потом Пастор долго благодарил Бога за то, что Он ниспослал им такую прекрасную Королеву. Лоис не могла отвести глаз от её нежного, тонкого лица. Но оно было залито слезами! Лоис хотела уберечь её от лужи, но от слёз никого не уберечь — даже Королеву...

Люди пропели напоследок ещё одну песню и снова вышли на улицу. Королева спросила:

— Нельзя ли взглянуть на ваши дома? Вам, должно быть, тут тяжело живётся?

Пастор собирался было ответить «да», но отец Лоис, выйдя вперёд, сказал уверенно и жизнерадостно:

— Жизнь, мне думается, везде нелегка. Но она легче становится, коли есть в ней отрада — красота. Вот и у нас, на Бедном острове, отрада есть.

— Что же у вас красивого? — спросила Королева. — Посмотреть можно?

— С радостью, Ваше Величество. Пойдёмте, мы покажем наш розовый куст.

Люди обступили Королеву ещё теснее и наперебой рассказывали:

— Вы таких роз в жизни не видывали!

— Она белая!

— Это наш единственный цветок!

— Он нынче как раз в цвету!

— Девять бутонов уже распустились, а три распускаются не сегодня завтра.

— В нём счастье нашего острова.

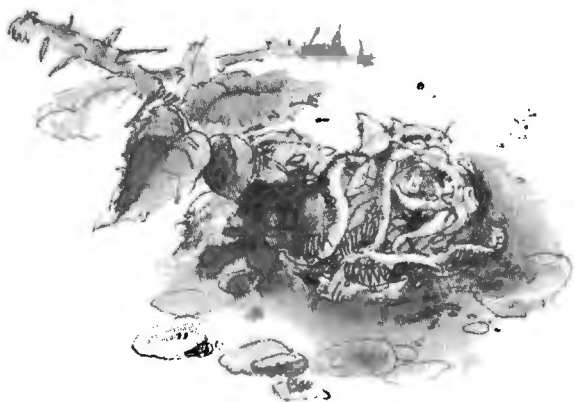
— Пойдёмте, он совсем близко.

— Сразу за церковью.

И гордые бедняки повели Королеву к домику Лоис, а богачи придворные поплелись сзади. И вот всей толпой они обошли церковь, отец Лоис провёл Королеву под окна, но... Показывать было нечего. На месте вырванного с корнями куста чернела рыхлая земля. Бедняки охнули, богачи хихикнули, а Лоис забилась в уголок и горько расплакалась, глядя на втоптаные в землю цветы и листья, что виднелись вдали, прикрывая лужу на тропинке. Зато Королева прошла там, не замочив ног!

Уплыла Королева на золочёной ладье, и жизнь на Бедном острове потекла по-старому. Королева, однако, задумала облегчить его долю: она подарит прихожанам орган, прикажет вымостить дороги и починить лачуги рыбаков, на скалистый остров завезут настоящей земли и возле каждого домика зазеленеет сад. Она задумала много хорошего. Но, не успев ничего сделать, умерла.

На Бедный остров дошли слухи, что она умерла от тайной боли, точившей её долгие годы. Вместе с ней ушли в землю и те слёзы, что стояли в её глазах тогда, на Бедном острове, — слёзы жалости и сострадания. Но теперь они были позабыты. Позабытым оказался и

остров, никто не жалел рыбаков, никто и не подумал осуществить замыслы Королевы. Жизнь на Бедном острове текла по-старому, только Цветка у них больше не было.

Лоис никто не ругал за содеянное. «Всё она сделала правильно, — говорили люди. — Мы на её месте поступили бы так же — нельзя, чтоб Королева по грязи шлёпала». Они горевали, что Королева ушла в мир иной, но по-прежнему радовались, что она не замочила ног на их острове. Лоис горевала очень сильно — и о Цветке, и о Королеве. В утешение отец обещал купить ей другую розу, чего бы это ни стоило.

И вот снова выплыла на небосклон полная луна. Снова откатилось море и рыбацкие жёны потянулись редкой цепочкой по обнажившемуся

песчаному дну к Большой земле. На этот раз с ними отправился и отец Лоис. Карман его тяжелили монеты, добытые тяжким, изнурительным трудом. Они продали рыбу и закупили всякой всячины, а отец Лоис купил розовый кустик, тоже белый, — будущую отраду Бедного острова. Он как раз отдавал цветочнику деньги, когда рыбацки прокричали на бегу:

— Скорей! Небо хмурится!

Он взглянул на потемневшее, набрякшее небо и понял, что надо торопиться. Такое небо он видел прежде только раз, когда из-за непогоды прилив нахлынул раньше времени и застал рыбацек врасплох. Женщины перепуганной стайкой неслись по песчаной ряби. Рыбак бросился следом. Главное — успеть на остров до прилива.

На самом же острове оставалось лишь несколько девушек, ребятишки да Пастор. Рыбаки были в море, вдали от родного берега. На острове тоже заметили тревожные тучи; стихший, предгрозово́й воздух дышал бедой. Все, столпившись на кромке берега, высматривали своих матерей. А Лоис щурилась, надеясь разглядеть отца. Вот вдали, на мокром песке, показались те, кого они ждали. Люди ползли, точно муравьи, они уже далеко от Большой земли, но до острова тоже не близко! И вдруг прихлынуло и разом вспенилось вокруг Бедного острова море, волны бешено взревели и рванулись, точно дикие лошади, навстречу горстке людей, шагавших по песчаному дну. Надеяться не на что — им уже не помочь, их не спасти.

На скалистом берегу Пастор опустился на колени и принялся молить Господа о спасении путников. Ребятишки молились и плакали вместе с ним. Лишь Лоис стояла и глядела во все глаза.

Заброшенный после смерти Королевы остров Утех излучал теперь бледное сияние, но видела его, похоже, одна только Лоис. Там, в столбе света, явилась ей сама Королева. Далёкая, точно прекрасный сон, и видная притом ясно-ясно, до последней чёрточки — как тогда в церкви, во время песнопений. Только теперь в её глазах не стояли слёзы. Она улыбалась Лоис и прости-рала над морем девять белых роз. И вдруг бросила их на ревущие зелёные волны с белыми пенистыми гребнями, когда они уже готовы были поглотить путников с Бедного острова. Прилив накатил, затопив всё пространство меж островами, но — чудо! Вода стала листьями, а барашки — белыми розами, и женщины по морю цветов, как посуху, добрались до своих детишек. А отец Лоис вручил дочке новый розовый куст.

Молва твердит об этом чуде и по сей день. Не верите? Приезжайте на Бедный остров, поглядите на белую розу и убедитесь во всём сами.

ДЕВОЧКА, КОТОРАЯ ПОЦЕЛОВАЛА ПЕРСИКОВОЕ ДЕРЕВЦЕ

Сицилии, в Лингваглоссе, жила однажды деревенская девочка по имени Мариэтта. В том краю росли во множестве фруктовые деревья — персики, абрикосы и хурма с яркими блестящими плодами; были там и оливы с вечно-зелёными листьями, и миндаль, который цвёл раньше всех — нежным розовым цветом, и вино-

градники, где в своё время зрели белые и тёмно-лиловые гроздья. Жизнь крестьян зависела от фруктовых деревьев; фруктовые деревья были всё их достояние.

Край этот раскинулся у подножия горы с огнём в сердцевине и жерлом на верхушке. Временами гора сердилась и плевала огнём и раскалёнными камнями; если же гнев её был очень велик, то из жерла текла, словно перекипающая на огне каша, расплавленная лава; языки пламени вздымались высоко в воздух, а красные от жара камни летели сквозь пламя и падали где придётся. Огненная река меж тем сползала по склону горы, уничтожая всё на своём пути и превращая крестьянскую землю в пустыню; там, где она прошла, воздух так раскалялся, что невозможно было даже дышать. Вот почему крестьяне, что возделывали землю в тени горы, жили в вечном страхе — не заворчит ли гора? Когда же гора начинала ворчать, они молились святому Антонию, чтобы он успокоил её гнев и спас их деревья.

Однако гора гневалась не так уж часто, и Мариэтте сравнялось семь лет, прежде чем она услышала сердитый ропот горы. В то утро её старший брат Джиакомо вернулся на побывку домой; Мариэтта играла одна в том конце сада, где росло её собственное персиковое деревце. Оно стояло на самом краю участка, который принадлежал её брату, и из всех деревьев было ближайшим к горе. Джиакомо посадил его в день рождения Мариэтты, и девочка любила деревце больше всего на свете. Она разговаривала с ним, словно оно было ей подружкой, и Джиакомо не раз дразнил её и спрашивал, как поживает её маленькая приятельница.

— Сегодня она очень счастлива, — отвечала Мариэтта, когда деревце стояло в цвету.

А когда на нём появлялись персики, Мариэтта говорила:

— Моя подружка такая сильная!

А позже, когда персики бывали сняты и съедены, Мариэтта сообщала:

— Моя подружка уехала, она не выходит больше поиграть.

— А какая она, твоя подружка? — спрашивал Джиакомо.

— До того красивая! Всё время смеётся, поёт и танцует. На ней зелёное платье, а на голове — цветы. Она ушла в гости к Королю Горы — только ей не хотелось туда идти.

Джиакомо смеялся и дёргал Мариэтту за чёрные пряди, а старая бабушка Лючия, которая жила вместе с ними и готовила им, трясла головой и бормотала:

— Может быть... может быть... кто знает?

В этот день Джиакомо куда-то ушёл, а Мариэтта собирала цветы и болтала с деревцем, как вдруг земля дрогнула и в воздухе прозвучал глухой ропот. Такое случалось и раньше, и поэтому Мариэтта только подумала: «Король Горы сердится на что-то». Но крестьяне, работавшие меж деревьев, остановились как вкопанные; со страхом в сердцах вглядывались они в гору.

Спустя немного стало ясно, что сейчас случится то, чего они боялись больше всего на свете. Они знали, что скоро гора извергнет реку огня на их плодородную равнину.

В этот вечер старая Лючия сказала Мариэтте:

— Идём.

— Куда? — спросила Мариэтта.

— В деревню. Помолимся святому Антонию. Возьми с собой цветов.

Мариэтта наполнила фартучек цветами, которые собрала поутру, и пошла с Люцией в деревню. Со всех сторон туда стекались крестьяне, шли все, и стар и млад; те же, что жили в деревне, оставили свои дома и стояли на коленях в церкви. Все принесли с собой цветы и положили их к ногам статуи святого Антония.

Мариэтта тоже высыпала перед ним свои цветы и, опустившись на колени рядом с Люцией, приготовилась молиться.

— О чём мне просить, бабушка Люция? — спросила она.

— Проси, чтобы огненная река нас миновала.

И Мариэтта молилась, пока у неё не заболели колени; тогда она поднялась. Увидав, что в церкви в тени высоких колонн играют деревенские дети, она стала играть с ними, а потом задремала; а когда проснулась, увидела, что в церковь идут ещё крестьяне, те, кто жили на склоне горы, — женщины в шaliaх, мужчины в алых плащах, подбитых мехом, и с ними дети. Некоторые несли узлы с одеждой и домашним скарбом, собранным впопыхах перед бегством от огненной реки, которая угрожала их домам.

Всю ночь люди молились в церкви, чтобы огненная река остановилась или свернула со своего пути, а на рассвете вышли из церкви и подняли глаза на гору. С первого же взгляда они увидели, что молитвы не помогли и что огненная река вот-вот обрушится на их земли. В воздухе уже чувствовался жар от её приближения.

Старая Люция всплеснула руками и зарыдала в голос, а за ней зарыдали и многие другие. Тогда священник сказал:

— Мужайтесь, дети мои!

И велел мужчинам вынести из церкви статую святого Антония и поместить её под открытым небом на пути огненной реки. Мужчины вошли в церковь и вынесли статую; они пронесли её деревней и поставили на дорогу — там, где указал священник. Женщины и дети шли за ними следом; они осыпали статую святого Антония цветами и собрали ещё, чтобы укрыть ими его ноги.

В ясном предутреннем свете, овеваемые волнами горячего воздуха, которые накатывали всё ближе и ближе, люди преклонили на дороге колени; священник воздел к небу руки и молился, чтобы огонь миновал их.

Но огонь всё приближался.

Наконец священник повернулся к людям и со слезами на глазах произнёс:

— Дети мои, хотя нас может ещё спасти чудо, я должен сказать вам: здесь дольше нельзя оставаться. Опасность слишком велика. Покиньте на милость неба свои дома и деревья и уходите.

Крестьяне поднялись с горестью в сердцах. Они разошлись по домам и собрали кое-какие вещи, чтобы взять с собой; но прежде чем покинуть дома, они пошли в сады и поцеловали деревья. А потом, выйдя толпой на дорогу, поспешили прочь от своих домов, которые не чаяли уже больше увидеть. Поток людей уходил от потока огня. Лючия и Мариэтта шли вместе со всеми.

Внезапно Лючия почувствовала, что Мариэтта тянет её за подол.

— Бабушка, бабушка!

Лючия опустила глаза.

— В чём дело, малышка?

— Бабушка, почему они целовали деревья?

— Чтобы благословить их и спасти, если будет на то Господня воля.

— Бабушка, а я не поцеловала своё деревце!

— Бедное деревце! — вздохнула старая Лючия. — Оно погибнет первым.

— Бабушка, я должна вернуться и поцеловать его.

— Нет, нет, и не думай! Ничего уже не поделаешь. Смотри-ка, воздух всё горячее. Нам надо спешить.

И старая Лючия заспешила изо всех сил. Теснимая толпой, она не различала, кто там держится за её юбку; она чувствовала детскую руку и больше ни о чём не думала. Надо торопиться, билось у неё в голове. Внезапно она услышала, что люди, идущие по дороге, выкрикивают её имя.

— Бабушка! Где ты? Ты здесь? Где ты, бабушка?

— Вот я, вот я! — откликнулась старушка. Несколько голосов закричали:

— Вот она!

Чьи-то руки вытолкнули её из толпы, и она оказалась лицом к лицу с Джаакомо, который возвращался домой и вдруг увидел огромную толпу и огненный поток на склоне горы, готовый поглотить его дом и земли. В этот миг он не думал о доме, он думал о своей сестрёнке Мариэтте.

При виде Люции лицо его просветлело и он воскликнул:

— Слава Всевышнему! А где малышка?

— Да вот она, — отвечала старушка и подтолкнула вперёд ребёнка, который крепко

держался за её юбку. Но оказалось, что то была не Мариэтта, а сынишка горбуна Стефано.

— Как?! Что такое?! — вскричала с изумлением Лючия. — Где же Мариэтта?

И она принялась звать Мариэтту; все её звали, но только напрасно, Мариэтты нигде не было.

Внезапно Лючия всплеснула руками.

— Я знаю! Знаю! — воскликнула она. — Святые угодники, спасите! Она побежала целовать своё деревце!

Старая Лючия поспешно повернулась и стала пробираться сквозь толпу, пропустившую её и Джиакомо, у которого сердце сильно забилося от страха. Не замечая зноя, который веял им в лицо, рослый мужчина и маленькая старушка быстро зашагали по дороге, ведущей к горе. Они миновали деревню, миновали статую святого Антония в цветах, миновали сады и виноградники, принадлежащие их соседям, и, наконец, вот он, их сад у самого подножия горы. Они не стали заходить в дом; несмотря на жар, которым дышало всё кругом, они побежали в конец сада, туда, где росло деревце Мариэтты.

Там они и нашли её — она лежала на земле, обняв деревце руками и прижавшись щекой к его стволу; глаза её были закрыты. Возле неё стояла статуэтка святого Антония, которую она взяла из комнаты старой Люции — Мариэтта поставила её перед деревом и положила к его ногам немного цветов.

Джиакомо наклонился к сестрёнке.

— Она спит! Лоб у неё прохладный!

— Слава Всевышнему! — воскликнула старая Лючия. — И воздух вокруг прохладный!

Они снова взглянули на гору и с изумлением увидели, что у самого её подножия огнен-

ный поток свернул в сторону, а пройдя немного вдоль границы их земли, остановился.

— Это чудо, — сказала старая Лючия.

Мариэтта повернулась, открыла глаза и увидела, что над ней склонился её большой брат. Она вскочила и повисла у него на шее.

— Джаакомо! Ах, как я рада! Джаакомо, знаешь, что тут случилось, пока тебя не было? Король Горы разгневался и наслал на долину огненную реку. Я пошла в церковь и отнесла святому Антонию цветы — я всю ночь там провела, Джаакомо, вместе со всеми! А утром мы вышли, поставили святого Антония на дороге, опустили на колени, и стояли, пока не стало слишком жарко, а тогда все поцеловали на прощание деревья и убежали. Только я своё деревце забыла поцеловать, Джаакомо! Тогда я вернулась, вынесла из дома святого Антония, чтобы он его защитил, и поцеловала деревце. Было так жарко, что я испугалась, но тогда моя подруга, моё деревце, мне сказала: «Не бойся, Мариэтта! Король Горы говорит, что уйдёт, если и я с ним уйду. Что ж! Я согласна — ты ведь пришла меня поцеловать! Так что спи, спи, засыпай, не бойся, Мариэтта». Я и заснула. А где же Король Горы?

Джаакомо ответил:

— Он ушёл, Мариэтта.

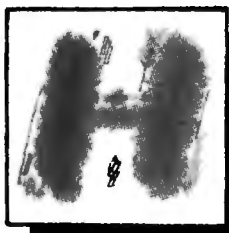
Обнял её, прижал к груди и взглянул через её плечо на старую Лючию. А Лючия взглянула не него и на Мариэтту, на персиковое деревце и на гору и пробормотала:

— Может быть... может быть... кто знает?

ЛИСТВИЯ

Ты нежнее согретого солнцем цветка,
Ты светлее звезды, что в ночных облаках
Одинокó сияет. Цветок и звезду
Я повсюду ищу, но нигде не найду.
О тебе — все моления мои и мечты!
Но когда же, когда же мне встретишься ты?..¹

I

е успел молодой Король страны Велико-Трудании дописать стихотворение, как в дверь постучали. На пороге стояла горничная Селина.

— В чем дело, Селина? — нетерпеливо спросил Король.

- Вас министры зовут.
- Зачем?
- Они мне не докладывали.
- Но я занят! Я сочиняю.
- А они велели непременно сейчас.
- Ну так передай им...
- Недосуг мне взад-вперёд ходить. Лестницу мыть надо.

Король со стоном отложил перо.

— Уберу-ка я в вашей комнате, покуда вы с министрами лясы точите, — проговорила Селина ему вслед.

— Убери, сделай милость, только на столе ничего не трогай. Ни единой бумажки, слышишь?!

— Да ладно, ладно. Под ноги смотрите, не то за ковёр зацепитесь.

¹ Стихи перевела Т. Тульчинская.

— Как же я зацеплюсь, если ты его сняла?

— Вот и я говорю, что сняла, — сказала Селина.

«Иногда мне кажется, что Селина глупа как пробка», — сказал себе молодой Король. Порой его так и подмывало уволить горничную, но он тут же вспоминал, что Селина — подкидыш и найдёныш. Ей был всего месяц от роду, когда её нашли на ступенях Приюта. Там её вырастили, кой-чему научили, и в возрасте четырнадцати лет она пришла во дворец с жестяной коробкой под мышкой. В коробке помещался весь её нехитрый скарб. Сперва Селина была посудомойкой, но за пять лет дослужилась до великой чести — убирать королевские покои. И если он, Король, Селину уволит, ей в жизни не найти другого места. Придётся бедняжке вернуться в Приют и прозябать там до конца дней своих... Поэтому Король лишь глянул на Селину поостроже и спустился в зал заседаний, стараясь не зацепиться за ковёр, которого вовсе не было!

Королю Велико-Трудании пришла пора жениться. Именно это и сказали министры хором — все как один. И они, разумеется, считали, что Королевой Велико-Трудании вправе стать только настоящая Принцесса!

— Какие принцессы имеются в наличии? — спросил молодой Король, которого звали Джон. Его батюшка, старый Король, знал, что если наречь сына Джоном, он вырастет простым и трудолюбивым Королём, а не каким-нибудь сумасбродом. Сумасбродство в Велико-Трудании было не в чести. Зато работу свою тут каждый выполнял исправно. Министрам по долгу службы надлежало женить Короля, а Королю надлежало жениться — такая работа. Король сыз-

мальства приучился ставить работу превыше всего, поэтому он беспрекословно спросил:

— Какие принцессы имеются в наличии?

Премьер-министр заглянул в список:

— Есть Принцесса Сугробии, эта страна лежит от Велико-Трудании к северу. Есть Принцесса Баобабии, эта страна граничит с нами на юге. И на востоке, в Трясинии, тоже есть Принцесса. Так что выбор велик, Ваше Величество.

— А на западе, в Листвии, разве нет Принцессы? — спросил Джон.

Министры сразу помрачнели:

— Ваше Величество! Что находится на западе, мы не знаем. Листвия испокон веков отделена от нас забором, туда не проникал никто и никогда. Говорят, что в этой глухой чащобе живут одни ведьмы.

— А вдруг это богатая, зелёная страна, сплошь населённая Принцессами?! — воскликнул Король. — Завтра я съезжу в Листвию на охоту и всё выясню.

— Но Ваше Величество! Это запрещено! — встревожились министры.

— Запрещено?.. — задумчиво повторил Джон. И тут же вспомнил, как в детстве родители строго-настрого запрещали ему ходить в Листвию.

«Даже приближаться не смей», — говорила матушка.

«Но почему?» — спрашивал он.

«Там очень опасно!»

«Что там опасного?»

«Этого я и сама не знаю», — признавалась Королева.

«Откуда же ты знаешь, что там опасно?»

«Это все знают. Все матери в королевстве

предупреждают своих детей об этой опасности. Листвия — страна неведомая».

«Но может быть, вовсе не опасная», — говорил Принц Джон, нынешний Король Велико-Трудании. С детства запала ему в душу мечта о неведомом крае, однажды он даже решился туда проникнуть, но высокий деревянный забор оказался неодолимым препятствием — не перелезть, не подлезть. У забора Принц повстречал множество ребятишек — они становились на карачки, привставали на цыпочки, искали щёлки и дырочки. Принц тоже гнулся в три погибели и тянул шею, искал и наконец отчаялся. Все было без толку: забор слишком высок и доски приколочены слишком плотно. Горько разочарованный Джон вернулся во дворец.

«Кто отгородил от нас Листвию?» — спросил он у матушки.

«Неужели ты ходил туда? — испугалась Королева. — Кто и когда отгородил Листвию неизвестно, даже старики не помнят».

«Я хочу сломать забор!» — воскликнул Принц.

«Но он построен, чтоб защитить тебя!»

«От кого и от чего?» — спросил Принц.

Этого Королева не знала и ответить на вопрос не могла. Она лишь покачала головой и приложила палец к губам:

«Тсс!»

Забор хоть и был хорошим защитником, но матери постоянно стращали детей опасностями, которые кроются за забором, а дети тут же бежали, чтобы найти хоть маленькую щёлочку и заглянуть в неведомое. Так и росли ребятишки в Велико-Трудании — с сокровенной мечтой о таинственной Листвии. А потом вырастали, обзаводились семьями и — всё начиналось

сызнова. Повзрослевшие дети принимались страшать своих народившихся детей опасностями, которые никто никогда не видел.

Потому-то и перепугались министры, услышав, что Джон намерен поохотиться в Листвии. Потому-то и закричали они наперебой:

— Это запрещено! Запрещено! Запрещено!

— Да-да, матушка мне говорила,— подтвердил Джон.— Но мы всё же поедem завтра на охоту в Листвию.

— Ваше Величество! Не вздумайте снести забор! Против вас восстанут все матери и отцы, во всех концах королевства!

— А мы через забор перескочим! И поохотимся в Листвии! — Настояв на своём, молодой Король отправился наверх — предупредить Селину, чтобы подготовила к утру охотничий костюм. Селина стояла возле письменного стола и, опершись на швабру, читала стишок, написанный Королем.

— Не смей читать! — сердито сказал Джон.

— Ну и не надо! — Селина принялась из всех сил тереть каминную полку.

Король ждал, что она скажет про стихи хоть слово, но Селина молчала. Тогда Король холодно произнёс:

— Я еду завтра на охоту. Будь добра подготовить всё необходимое.

— Для чего необходимое? — спросила Селина.

— Для охоты, разумеется! — ответил Король и в который раз подумал: «Глупей девушки я не видывал».

— Ах, вот оно что,— протянула Селина.— Вы, значит, поохотиться решили?

— Я же тебе только что сказал!

— Ну и куда вы поедете?

— В Листвию.
— Что-то не верится...
— Надеюсь,— вскипел Джон,— ты поймёшь когда-нибудь, что я слов на ветер не бросаю.

Селина принялась стирать пыль со стола, да так размахалась тряпкой, что листок с королевскими виршами слетел на пол. Поспешно подобрав его, Король покраснел до корней волос и промолвил:

— Так ты, значит, это читала?

— Угу,— ответила Селина.

Воцарилось долгое молчание.

— Ну и? — робко спросил Король.

— Это у вас вроде как стишок? — уточнила Селина.

— Да.

— Я так и подумала... Что ж, комната убрана! — решительно сказала горничная и — ушла!

Король так рассердился, что смял листок со стихами и бросил бумажный шарик в только что вычищенную корзину для бумаг. Уж очень ему хотелось досадить Селине хоть чем-нибудь!

II

Настало утро, и кавалькада охотников устремилась в Листвию.

Нетерпеливый молодой Король на белом жеребце скакал впереди, а за ним — егеря и придворные. Вот показался вдали забор, и Король почудилось, что он словно бы уменьшился со времён его детства. Забор облепили ребята: кто подлезть пытался, кто шеи тянул, чтобы поверх заглянуть, кто щёлку искал — да всё без толку.

— Эй, ребяташки, посторонись! — воскликнул Король и, пустив коня в галоп, перелетел

через забор, точно на огромной белой птице. Сзади застучали копыта, но — перед самым забором все всадники осадили лошадей. Некоторые были отцами и успели так настрашать своих детей, что и сами теперь боялись неведомой страны пуще всего на свете. А некоторые, хоть и выросли большими, оставались по-прежнему чьими-то сыновьями, и в то утро матери снова строго-настрого запретили им ехать с Королём в Листвию. Короче, отцы и сыновья, все как один, повернули назад. Лишь Король — сирота и холостяк, не отец, не сын, — пришпорив коня, перескочил через забор и очутился в Листвии.

И стало ему очень-очень грустно — ведь он ждал совсем другого! Приземлившись, конь утоп в палой листве по самые стремяна. Впереди виднелся завал: сухие сучья и ветки, пожухлая трава, отмерший папоротник — всё вперемешку, всё заплесневелое и гнилое. Там же валялись кучи мусора — обрывки картинок, сломанные куклы, битые сервизы, ржавые трубы, старые птичьи гнёзда, выцветшие венки, лохмотья, расколотые стеклянные шарики, разрисованные книжки без обложек, коробки с остатками красок — потрескавшихся и непригодных для рисования. И ещё уйма всякой всячины — старой, грязной и рваной. Кое-что Король взял в руки: юлу с перетянутой пружиной и бесхвостого воздушного змея. Попытался было раскрутить юлу, запустить змея, но безуспешно. Рассерженный и озадаченный, он решил перебраться через завал — не может же вся страна состоять из одной бесконечной свалки!

За свалкой тянулась бескрайняя серая пустошь, ровная, как доска, и огромная, как пустыня. Пустошь длилась — ни конца ни краю. Король ехал без малого час, но ничего вокруг не менялось. Он вдруг испугался, что будет ехать

среди этой пустоты вечно. Оглянувшись, он едва различил на горизонте завал, маячивший в невозвратной дали маленькой чёрной точкой. А вдруг он скроется из виду?! Как выбраться тогда из этой пустыни? Перепуганный Король повернул вспять и, нахлёстывая коня изо всей мочи, поскакал к завалу. Спустя час он приземлился за забором, в Велико-Трудании. И с облегчением вздохнул.

Ребятишки, прилипшие носами к забору, встретили его восторженными криками.

— Что вы видели там? Что вы видели?

— Ничего. Только кучу мусора, — ответил Джон.

Дети недоверчиво уставились на Короля.

— А в листе-то кто прячется? — спросил какой-то мальчик.

— Да нет там никакой листы, только палая, — проговорил Джон. Дети смотрели на Короля, точно он отъявленный лгун. И он поспешил во дворец, к министрам.

— Слава Богу, Ваше Величество! — закричали они радостно. — Вы целы и невредимы! — И тут же, словно малые дети, спросили:

— Что вы там видели?

— Ничего и никого, — ответил Джон.

— Ни единой ведьмы?

— И ни единой принцессы. Итак, завтра я еду свататься в Сугробию.

Наверху, в своих покоях, Король велел Селине собрать чемодан.

— Куда едете? — поинтересовалась Селина.

— В Сугробию, к Принцессе свататься.

— А-а, тогда вам понадобится шуба и шерстяные варежки, — и Селина отправилась укладывать вещи. Король решил, что и стихотворение захватить не мешает, но мусорная корзинка была

снова пуста. Чистоплотность горничной страшно разозлила Короля. Он даже не пожелал Селине «спокойной ночи», когда она принесла ему в кровать стакан горячего молока.

III

В Сугробии Джона никто не встречал, и он был немало этим удивлён. «Их же предупредили о моём приезде! Или, может, к ним сюда короли каждый день заглядывают?» — подумал он. Воздух был весьма свеж. Да нет, если честно — стоял трескучий мороз! На улицах Джону встречались прохожие, в окнах домов и магазинов тоже виднелись люди, но на него никто не обращал ни малейшего внимания. А если кто и бросит случайный взгляд — в лице его ничто не отразится. «Да и немудрено, — думал Джон. — Такие холодные, заиндевелые лица не исказит ни печаль, ни радость. Брр, до костей пробирает — и люди ледяные, и воздух ледяной... Не очень-то обнадёживающее начало».

Молодой Король всё же добрался до дворца, стоявшего на самой вершине горы, на сияющем леднике. Да и сам дворец сверкал, точно сделанный из чистого льда. Копыта коня то и дело срывались на скользком склоне, подъём длился долго, и к концу руки у Короля покраснели, а нос посинел от холода и ветра.

У дверей высокий, молчаливый привратник спросил его имя и жестом пригласил Джона следовать за ним в Тронный зал. Король шёл, переживая, что выглядит не лучшим образом. Тронный зал сиял белизной: стены, пол, потолок — всё белым-бело, а холод стоял, точно в холодильнике. Окоченевший Джон искал глазами камин. Но огромный камин был забит ле-

дышками. В дальнем конце зала сидел на троне Король Сугробии, по обеим сторонам трона недвижно, точно статуи, замерли придворные. Все женщины были в белых платьях, мужчины — в блестящих, как зеркало, доспехах, сам же Король был в бороде, длинной белой бороде, обрамлявшей его лицо и ниспадавшей волнами до самого пола. Борода эта вовсе скрывала одежду Короля. У ног его сидела Принцесса Севера, покрытая с головы до пят снеговой вуалью.

Остановившись у дверей, привратник прошептал:

— Король Джон Велико-Труданский.

Слабый звук его голоса не нарушил тишины Тронного зала. Никто не шевельнулся, никто не произнес ни слова. Привратник удалился, а молодой Король ступил в зал. Теперь он твёрдо знал, что чувствует кусок баранины, когда его засовывают в морозильник. Но — делать нечего! — он собрался с духом и заскользил к подножию трона. Он и рад был бы идти твёрдым шагом, но на ледяном полу это никак не получалось. Старый Король холодно и вопросительно взглянул на молодого. Прокашлявшись, Джон просипел:

— Я приехал просить руки вашей дочери.

Король едва заметно кивнул в сторону Принцессы, сидевшей у его ног, что, вероятно, означало: «Ну и проси, не тяни». Но Джон мучительно подыскивал слова, не зная, как начать. Вот бы стишок вспомнить — он пришёлся бы как нельзя кстати! Джон напряг память, но — увы! — для поэта главное — вдохновение. Утерянных строк не воротишь, дважды одно стихотворение не напишешь. Всё же молодой Король опустил на колени перед безмолвной Принцессой и прошептал:

Как снежинка, бела ты, как лёд, холодна.
Ах, согреет ли сердце такая жена?
Сколько б я ни смотрел сквозь метельный покров,
Не пойму — ты красива ль, Хозяйка Снегов?
Наступает пора твой услышать ответ,
И надеюсь я втайне, что скажешь ты «нет».

Воцарилась ледяная тишина, и Джон понял, что он, должно быть, переврал слова. Подождав минут пять, он поклонился и заскользил вон из Тронного зала. Выбравшись на улицу, он поёжился и сказал: «Бр-р-р». Повторив «брр» несколько раз, он вскочил на коня и во весь опор поскакал в Велико-Труданию.

— Успешно съездили? — спросили министры.

— Вполне успешно, — ответил Джон.

Довольно потирая руки, министры спросили:

— И когда же свадьба?

— Никогда! — сказал Джон и ушёл в свои покои. Там, наверху, он кликнул Селину и велел ей развести огонь в камине. В этом деле Селина была великая мастерица, и в мгновение ока огонь вспыхнул весело и жарко. А Селина принялась сметать попавшую на пол золу.

— Ну, приглянулась вам Принцесса Севера? — спросила горничная.

— Вовсе нет, — ответил Король.

— Вы, верно, ей сами не приглянулись.

— Селина, ты забываешься! — одёрнул её Король.

— Ладно, молчу. Вам ещё что-нибудь нужно?

— Да. Распакуй чемодан и упакуй его заново. Завтра я еду в Баобабию, к Принцессе Юга.

— Тогда вам понадобится соломенная шляпа и льняная пижама, — заключила Селина и направилась к двери. Но Король остановил её:

— Э-э... Селина... гм...

Селина помедлила у порога.

— Селина... Ты случаем не помнишь стихок... слова моего стихотворения? Ты ведь... читала?

— Что, у меня забот, что ли, мало? Недосуг мне голову стихами забивать,— сказала Селина.

И вышла. А Король страшно рассердился. Он даже не удосужился поблагодарить горничную, когда она принесла ему горячую-прегорячую грелку для постели.

IV

Наутро молодой Король отправился в Баобабию. Путешествие оказалось столь приятным, что Джон преисполнился радужных надежд. Над головой — лазурное небо, в воздухе — ни ветерка, и всё вокруг залито солнцем. Небо, однако, становилось всё лазурнее и лазурнее, воздух всё недвижней, а солнце припекало всё сильнее. И к концу пути Короля охватила истома. По земле стелился тяжёлый запах роз, солнце палило всё нестерпимей и ярче — до боли в глазах, а земля так раскалилась, что у королевского коня плавилась подковы. Конь плёлся еле-еле, бока его лоснились от пота, и хозяину его пот тоже застилал глаза.

Гонца с вестью о приезде Короля Велико-Трудании посылали и сюда. Но в Баобабии, так же как и в Сугробии, его никто не встретил.

Страна была точно сонное царство: окна плотно зашторены, на улице ни единого человека. Дорогу спрашивать было не у кого. Да и незачем: весь золотой, с золотыми куполами и шпилями, дворец сиял не хуже солнца. Конь доплёлся до ворот и, изнурённый, опустился на землю. Собрав

последние силы, Король выбрался из седла и промямлил своё имя толстому привратнику. Но тот лишь зевнул в ответ. Пришлось Джону искать Тронный зал самому. Там, на огромном золотом диване, возлежал Король Баобабии. У его ног, на золотых тюфяках, развалилась Принцесса. Повсюду в зале, откинувшись на высокие подушки, нежились на позолоченных кушетках придворные. Они были в шитых золотом одеждах, и Джон едва различал, где люди, где подушки — всё было пухлым и золотым. Лишь Король с красавицей Принцессой выделялись среди всех. Принцесса и вправду была красива — только безмерно толста! А отец её — ещё толще. Когда Джон приблизился, на лице Короля Баобабии появилась ленивая, толстая, сонная улыбка, но он даже не оторвал головы от подушки.

— Я приехал просить руки вашей дочери, — промямлил Джон.

Улыбка Короля стала ещё толще и ещё сонливей, он как бы говорил: «Проси, я не против». Все, похоже, ждали, что Джон сделает дальше. Он понял, что пора предложить Принцессе руку и сердце. Но он враз позабыл все слова, и его покинули последние силы. В отчаянии Джон решил припомнить потерянный стишок — он наверняка тронет сердце Принцессы. У молодого Короля кружилась голова, но он что-то смутно припомнил и, упав на колени перед лежавшей как куль Принцессой, пробормотал:

Ты уж слишком толста, ты уж слишком кругла,
Мне жена-колобок вряд ли будет мила.
Ты как будто вся таеть на жарком огне,
И решимость моя тоже тает во мне.
Я не знаю, какой ты объявишь ответ,
Хорошо б ты, подумав, промолвила «нет».

Принцесса широко зевнула.

Поскольку больше не происходило ровным счётом ничего, молодой Король поднялся и выбрался из дворца. Поставив конягу на все четыре ноги, он взгромоздился в седло и неспешно потрусил в Велико-Труданию. «Должно быть, я опять слова переврал», — подумал он, и эта мысль неотвязно преследовала его всю дорогу.

Министры с нетерпением ожидали Короля.

— Свершилось? — спросили они. — Пришли вы с Принцессой Юга к взаимному согласию?

— К полному согласию! — подтвердил Джон.

Министры просияли от радости.

— И когда же объявят о помолвке?

— Никогда! — сказал Джон и ушёл в свои покои. Там он попросил Селину принести ему апельсинового сока со льдом. Оранжеды Селина готовила весьма искусно; вскоре перед Королем стоял высокий бокал с торчащими из него соломинками, а сверху плавал оранжевый ледяной шарик. Пока Король потягивал сок, Селина спросила:

— Ну как, поладили вы с Принцессой Юга?

— Нет, — коротко ответил Джон.

— Верно, не вы, а она с вами поладить не захотела.

— Селина, не забывайтесь!

— Ладно-ладно, молчу. Ещё чего-нибудь желаете?

— Нет. Завтра я поеду к Принцессе Трясинии.

— Тогда вам надо приготовить галоши и плащ, — сказала Селина и, прихватив чемодан Короля, направилась к двери.

— Селина, погоди! — окликнул Король.

Она остановилась.

— Куда ты деваешь мусор из корзины? — спросил Джон.

- В мусорный бак.
- Его опорожняли на этой неделе?
- Я даже специально за мусорщиком посы-
лала, — ответила Селина. — Бак был полнѐхонек.

Её ответ поверг Короля в глубокое уныние. Когда горничная вернулась сообщить, что его ждёт прохладный душ, Король даже головы не повернул — продолжал напевать песенку и барабанить пальцами по оконному стеклу, словно Селины вовсе не было рядом.

V

Третье путешествие сильно отличалось от путешествий в Сугробию и Баобабию. На подъезде к Трясинии в лицо молодому Королю ударил шквальный ветер, едва не выбив путника из седла. Похоже, все ветра задули-завыли разом, взревели и засвистали страшным посвистом. Деревья качались и гнулись, стуча друг об друга ветвями, столбы и изгороди валились и ломались, точно спички. В ушах у Джона стоял шум и треск, и было у него две заботы: как бы шляпа не слетела и как бы самому из седла не вылететь. Смотреть на окрестности было некогда. Он понял лишь, что природа в Трясинии скудна и невзрачна, кругом сырость, а столица показалась Джону уродливым нагромождением серых камней.

«Зато жизнь тут бьёт ключом», — подумал молодой Король. Трясиния и вправду не походила на безжизненную Сугробию и изнывающую от зноя Баобабию. Люди сновали взад-вперёд как оголтелые и каждый норовил обогнать и перекричать другого. Стучали рамы, хлопали двери, лаяли собаки, кошки точно молнии гоняли по улицам, распустив хвост трубой, а люди с грохотом и топотом носились по своим неотложным делам.

«Похоже, меня и тут не ждѹт», — подумал Джон. В Трясинию накануне был послан королевский гонец, но Короля опять никто не встречал. Однако, подъехав к дворцу, сложенному из огромных гранитных глыб, Джон с радостью увидел, что двери распахнулись и навстречу ему хлынула толпа. Впереди бежала растрѣпанная девушка в короткой юбке. Размахивая клюшкой, она подскочила к Джону и схватила его коня за гриву.

— Эй, в хоккей играть умеешь? — заорала девица молодому Королѹ.

Джон не успел и слова вымолвить, как она завопила:

— Нам как раз игрока не хватает! Пошли! — И стащила его на землю. В руки Королѹ сунули клюшку и поволокли его, совершенно ошалевшего, на огромное заболоченное поле позади дворца; за полем был обрыв, а внизу холодные злые волны немилосердно били и перекатывали, точно гальку, огромные валуны. Ветер наверху тоже не отставал: трепал и разбрасывал людей, точно щепки.

Игра началась. Джон так и не уяснил её суть, не понял даже, за кого и против кого играет, но целый час кряду его трепало ветром, било клюшками и обдавало солѣными брызгами. Вокруг все кричали — аж в ушах звенело, чьи-то руки толкали Джона взад и вперѣд, а в грязи он вывалился с ног до головы. Наконец игра вроде бы закончилась. Джон устало опустился на землю. Но и теперь ему не дали отдохнуть. Всѣ та же девица, ударив его по плечу, сказала:

— Вставай-ка! Ты кто такой?

Джон ответил слабым голосом:

— Я — Король Велико-Трудании.

— Во даѣт! А что тебе тут надо?

— Я приехал свататься к Принцессе.
— Да ну?! Валяй!
— Но вы же не... — голос Короля совсем угас.

— Принцесса я, Принцесса! Валяй, сватайся!
Джон отчаянно пытался собраться с мыслями или хотя бы вспомнить потерянное стихотворение. Но с губ его слетело совсем другое:

Ты шумлива, как гром, ты горчицы острей,
Никогда не встречал я девицы шустрей.
Ты такой родилась, я тебя не виню,
Но и жизни своей для тебя не сменю.
Вот сейчас прозвучит наконец твой ответ.
Сделай милость, скажи мне решительно «нет».

— О-го-го! — гаркнула Принцесса и, подняв клюшку, ринулась к Джону. За ней, размахивая клюшками, устремилась толпа возмущённых придворных. При виде этой грязной хулиганской шайки Джон бросился наутёк. И, чудом увернувшись от ударов, успел сесть в седло и пустить коня в галоп. Он скакал без остановки, пока негодующие вопли жителей Трясины не смешались с воем ветра. Наконец стих и ветер, и Король, обессиленный, в грязи и пыли, подъехал к воротам собственного дворца. Министры встречали его на пороге.

— Приветствуем Вас, Ваше Величество! — закричали они. — Ну что, нашли Вы с Принцессой Востока общий язык?

— О, да... — задыхаясь проговорил Джон.

Министры от радости пустились в пляс.

— И когда же она назовёт счастливый день свадьбы?

— Никогда! — взревел Джон.

Наверху в своих покоях он кликнул Селину — чтобы приготовила ему постель. Она взбила

перины и подушки, постелила простыни и выложила для Короля ночную рубашку и тапочки — проворно и бесшумно. Кровать ждала и манила его усталое тело. Селина спросила:

— Как вам Принцесса Востока — понравилась?

— Нет! — насупился Джон.

— Верно, вы ей не понравились...

— Вы забываетесь, Селина!

— Ладно, молчу. Вам больше ничего не надо?

— Надо! Очень надо! Больше всего на свете надо...

— Что?

— Найти моё стихотворение.

— Стихотворение? Стишок, что ли?

— Ну да, стишок!

— Чего ж вы раньше не сказали? — И Селина, пожав плечами, вытащила из кармана памятный листок.

VI

Молодой Король даже ногами затопал от гнева.

— Так, ты, значит, его припрятала?!

— А разве нельзя? Вы же его выбросили.

— Но ты сама говорила, что оно в мусорном баке!

— Чего не было, того не было.

— И говорила, будто не помнишь, что там написано.

— И сейчас не помню. Я в школе ни одного стишка не могла наизусть выучить.

— Но ведь ты его зачем-то хранишь?

— Так не учу же.

— А хранишь зачем?

— Это моя забота. И вообще, разве так обра-

щаются с делом рук своих? — сурово сказала Селина. — Если человек свой труд не уважает, пускай не берётся вовсе!

— Я уважаю свой труд, Селина, — произнёс Король. — Поверь мне, уважаю. И очень жалел, что смял и выбросил этот листок — оттого что стихотворение тебе не понравилось.

— Разве?

— Так, может... понравилось?

— Неплохой стишок.

— Правда, Селина? Правда?! Селина, а ведь я позабыл его! Прочти мне!

— Вот ещё. Может, хоть теперь научитесь сперва запоминать, что пишете, а потом уж выбрасывать.

— Вспомнил! — воскликнул вдруг Король. — Селина, я вспомнил. Слушай! — И, взяв её за руку, Джон проговорил:

Ты нежней, чем голубка, и слаще, чем мёд,
Когда тихой струёй он в уста потечёт.
Как тебя не любить? Все сомнения прочь!
Без тебя мне и день точно тёмная ночь.
Жду решения — и в небе зажжётся звезда,
Коли ты улыбнёшься и скажешь мне «да».

Он замолчал. Селина, опустив голову, отряхивала оборки на фартуке.

— Разве не так? — встревожился Король.

— Похоже...

— Селина, скажи «да»! Скажи «да», Селина!

— Попросите меня завтра, в Листвии.

— В Листвии? — удивился Джон. — Ты разве не знаешь, что туда запрещено ходить?

— Кто запретил?

— Наши отцы и матери.

— Ну, у меня-то их никогда не было, — сказала Селина. — Я же приютская.

— И ты, значит, ходишь в Листвию? — спросил Король.

— Хожу, и очень часто. По выходным. А завтра у меня полдня свободных. Если хотите, подождите меня у чёрного хода, и я отведу вас в Листвию.

— Как же мы туда попадём?

— Через дырку в заборе.

— А что надо взять с собой?

— Только это, — проговорила Селина и положила стихотворение обратно в карман.

VII

На следующий день после обеда Селина, справив всю работу, принарядилась: надела розовую кофточку с оборками и шляпку с лентами. С Королем они встретились у чёрного хода и рука об руку направились к забору, что стоял на границе Листвии с Велико-Труданией.

Там, как обычно, толпились ребятишки, и каждый норовил заглянуть за забор — кто снизу, кто сверху, кто сквозь. Дети вопросительно уставились на Короля с Селиной, а они пошли вдоль забора. Селина бормотала себе под нос, она считала доски и тыкала пальцем в каждую. Эти двое взрослых вели себя так по-детски, что дети устремились следом за ними: интересно, что будет? Король же с Селиной их не замечали вовсе, они были слишком взволнованы. Добравшись до семьсот семьдесят седьмой доски, Селина сказала: «Нам сюда». Сунув палец в дырочку, она повернула маленький сучок, державший доску изнутри, и вошла в Листвию через эту узкую дверцу, а следом — Король и все ребятишки.

Изумлённый Король протёр глаза, поскольку поверить им не мог. Перед ним снова был завал

из веток и листьев, но ветки ожили, в зелени щебетали птицы, залитые солнцем листья трепетали на лёгком ветерке, а цветы... Цветы источали тончайший, сладчайший аромат! Селина взяла Джона за руку, они легко пробрались сквозь зелёные благоухающие дебри, — и пришлось Королю снова протереть глаза! Вместо бескрайней серой пустоши его взору предстала столь же бескрайняя зелёная долина, с весело журчащими ручейками, водопадами и цветущими рощицами. Меж деревьев темнели домики и белели церквушки, среди мха виднелись лиловые фиалки, в воздухе носились чудесные пёстрые птицы, из ручьёв пили воду пятнистые оленята, на траве резвились белки. И все они ничуть не боялись ни Джона, ни Селины, ни ватаги ребятишек.

За рощами золотился песчаный берег, усыпанный разноцветными ракушками и блестящими морскими камешками. Вода в бухточке, синезумрудная, прозрачная, точно стекло, чуть рябила и набегала на сияющие белизной утёсы с пещерами и гротами. Над морской гладью серебряными стрелами носились чайки, а лебеди прихорашивались на берегу, перебирая пёрышки клювом. Они тоже не испугались людей.

Всё кругом было залито лучезарным светом, словно разом светили и Солнце, и Луна. И мир этот походил на чудесный сон, на мечту.

— Селина! — воскликнул ошеломлённый Король. — Я никогда прежде не видел такой красоты!

— Вы уверены?

Нет, Король не был уверен... Когда-то он уже бродил по этим берегам, вдыхал этот аромат, слушал журчание этих ручьёв — но когда? Ах, верно, в раннем-раннем детстве. А потом, пока

он рос в Велико-Трудании, краски мало-помалу поблёкли, листья высохли; когда же он вырос, кто-то и вовсе перекинул всё это за высокий, неприступный забор.

Чудесам Листвии не было конца. Дети бегали по траве, прыгали на упругом мху, барахтались в ручейках и на мелководье, пересыпали песок, собирали ракушки, плели венки, лазили по утёсам и гротам, заглядывали в домики. Скоро каждый раздобыл себе по сокровищу: кто куклу, кто трубу, кто игрушечный сервиз, кто книжку с картинками. Куклы были прекрасны, точно феи, трубы трубили, точно небесные ангелы, кушанья в тарелках и напитки в чашках годились разве что для королевского пира. А со страниц книг соскакивали эльфы и рыцари — поиграть с детьми. Тут Король, словно что-то вспомнив, бросился в часовенку, стоявшую неподалёку, и, вернувшись со своей юлой, запустил её в траве. Юла завертелась, и зазвучали милые сердцу колыбельные песенки, которые матушка пела Джо-ну в детстве.

— Селина! Отчего родители запрещают детям ходить сюда? — воскликнул Король.

— Оттого, что всё позабыли, — ответила Селина. — Они помнят лишь, что здесь таится опасность для Велико-Трудании.

— Какая же?

— Здесь живут мечты.

— Почему я ничего не увидел, когда приехал сюда в прошлый раз?

— А вы с собой никого и ничего не взяли.

— На этот раз я взял своё стихотворение!

— И меня, — добавила Селина.

Впервые с тех пор, как они попали в Листвию, Король взглянул на Селину. И увидел самую прелестную девушку на свете, и к тому же Прин-

цессу! Её волосы золотились, глаза сияли неведомым мягким светом. Нежная улыбка, лёгкое касание руки, чудный голос... У Джона даже голова закружилась. А как прекрасен был её наряд: платье из лепестков роз с серебряной, сахарной оторочкой, а вокруг головы плыла радуга.

— Селина! Ты самая красивая девушка на свете! — произнёс Король.

— Разумеется. Но только здесь, в Листвии.

— Где моё стихотворение?

Селина протянула ему листок, и Джон громко прочёл:

Ты нежнее согретого солнцем цветка,
Ты светлее звезды, что в ночных облаках
Одинокó сияет. Цветок и звезду
Я повсюду ищу, но нигде не найду.
О тебе — все моления мои и мечты!
Но когда же, когда же мне встретишься ты?..

— Селина! — воскликнул Король. — Ты и вправду Принцесса?

— Конечно. Но только здесь, в Листвии.

— А ты пойдёшь за меня замуж?

— Да, — ответила Селина. — Но только здесь, в Листвии.

— И там — в Велико-Трудании! — радостно закричал Король и, схватив Селину за руку, побежал меж цветов и порхающих птиц обратно к забору.

Очутившись в Велико-Трудании, Джон, задыхаясь, спросил снова:

— Ну, Селина. Пойдёшь?

— Куда ещё?

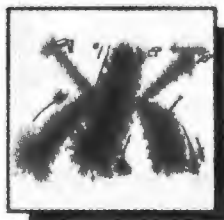
— За меня замуж!

— Ладно уж, — согласилась Селина. И стала Королевой. А поскольку она любую работу вы-

полняла исправно, она и Королевой стала очень хорошей.

В день свадьбы Король отодрал семьсот семьдесят седьмую доску и открыл дорогу из Велико-Трудании в Листвию. С тех пор любой житель страны — и ребёнок, и взрослый — мог проскользнуть в узкую щель в любую минуту без всякого труда. Главное — не растолстеть, а это, увы, случается нередко.

ШАРМАНКА

ил да был Путник, и лежал ему далёкий путь. Настигла его ночь, но он всё шёл и шёл.

Дорога вилась по лесам, по горам: ни городка, ни дымка деревенского, ни огонька из одинокого оконца. Тьма стояла крошечная — ни зги не видно, и Путник сбился с пути.

Кругом темнота и тишина, ничего Путнику не видно, ничего не слышно. И стал он тогда сам с собой разговаривать.

— Что же мне теперь делать? — спросил сам себя Путник. — То ли дальше идти, то ли утра дожидаться? Пойду дальше — да вдруг не в ту сторону? И придётся потом обратно идти. А на месте останусь — так уж точно никуда к утру не доберусь и завтракать придётся не раньше полудня. Что же делать-то мне? Ну, допустим, останусь я здесь... Опять вопрос: то ли на землю лечь, то ли стоя спать? Лягу — так непременно на колючку наткнуусь, а стоя спать — ноги затекут. Что же делать?

И на этих самых словах услышал вдруг Путник музыку. И умолк. Раз есть что послушать, можно и помолчать. Чудно — музыка в лесу! Причём не пение, не свист, не свирель и не скрипка — эти звуки в лесах по ночам дело самое привычное. Но наш Путник глухой ночью в глухом лесу услышал звуки шарманки.

И сразу повеселел. Позабыл даже, что сбился с пути, и решил отчего-то, что дом родной совсем рядом — рукой подать. Пошёл он на звуки шарманки, а под ногами зашелестела трава, и листья затрепетали возле самых щёк. И вот шарманка играет совсем близко. Путник спросил:

— Где ты?

Он был уверен, что кто-нибудь да отзовётся. Не может же шарманка — даже в глухом лесу — крутить свою ручку сама. И Путник оказался прав. Ему ответил бодрый голосок:

— Вот он я, господин хороший.

Путник вытянул вперёд руку и нашарил в темноте шарманку.

— Погодите, — остановил его бодрый голосок. — Сперва я доиграю. А вы танцуйте, коли хотите. — Музыка грянула ещё громче и веселей, и Путник пустился в пляс.

Наконец он откинул последнее коленце и застыл. Музыка кончилась.

— У-уф! Последний раз я танцевал под шарманку в бедняцких переулках, и было мне тогда десять лет от роду.

— Верно говорите, — отозвался Шарманщик.

— Вот, возьми-ка монетку.

— Спасибо. Давненько мне монеток не кидали.

— Куда путь держишь? — спросил Путник.

— Иду куда глаза глядят, — промолвил Шарманщик. — Все пути едины. Что здесь шарманку крутить, что там...

— А как же без домов, без окон? Откуда людям монетки кидать?

— Мне на прожитьё хватает,— сказал Шарманщик.

— А как же без переулков, где танцуют под шарманку нищие ребятишки?

— Вот тут ты угадал. Мне этих переулков очень недостаёт. Давным-давно играл я под окнами каждое утро, покуда не наберу шиллинг, а потом — до поздней ночи — играл задаром в переулках, где ютится беднота. На себя я тратил полшиллинга в день, а остальное откладывал.

Но потом случилось мне заболеть — всерьёз и надолго. А поднялся с постели, гляжу: в одном переулке шарманку крутят, в другом — граммофон играет, а в третий даже арфу с корнетом притащили. Понял я, что пора на покой. Брожу теперь с шарманкой куда ноги несут. Музыка — то одна, что там, что тут...

— А кто же танцует? — спросил Путник.

— За танцорами дело не станет, — ответил Шарманщик и крутанул ручку.

Заиграла музыка, и опять зашелестела под ногами Путника трава, затрепетали листья, воздух вмиг наполнился мотыльками и светляками, на небо высыпали звёзды — и все пустились в пляс, точно ребятишки в бедняцких переулках. Зажурчали ручки-игруны, и прямо на глазах у Путника, при свете танцующих звёзд, расцвели лесные цветы. Они торопливо пробились сквозь мох, чтобы покачать головками весёлой музыке в такт. Путник знал, что танцует всё кругом — даже то, что не видно глазу. Лес полнился танцем: танцевал каждый листок на макушках деревьев, каждый корешок в глубине земли. И тьма рассеялась — ведь сама Луна выпрыгнула из-за туч и в плавном танце закружилась по небу.

Сам Путник тоже танцевал — весело, отчаянно, точно ему снова было десять лет от роду.

А потом замерли в отдалении звуки шарманки... Путник очутился на опушке леса, под ногами вилась дорога, а впереди сияли городские огни. Там был конец его пути.

МАЛЕНЬКАЯ ПОРТНИХА

ила-была Маленькая портниха, и ходила она в подмастерьях у Большой портнихи. На самом-то деле она давно уже стала лучшей мастерицей во всём королевстве: шила прекрасно, кроила чудесно, а платья выдумывала прямо-таки сказочные — никому, кроме неё, не выдумать. И Большая портниха отлично об этом знала. Однако смекнула, что пока девочка мала да скромна, нечего ей нос задирать.

— Не скажу Лотте, что она лучше меня шьёт, она и не узнает, — думала Большая портниха. — А скажу, так сразу уйдёт и откроет свою мастерскую. Мне соперницы не надобны!

И Большая портниха помалкивала. Даже перестала хвалить Лотту, когда платье удавалось ей особенно хорошо, зато часто бранила — без всякой причины. Лотта, впрочем, не унывала, но истинной цены себе, конечно, не знала. А Большая портниха, как получит важный заказ, сразу к Лотте за советом бежит:

— Маркиза Гоголь-Моголь заказала шёлковое бальное платье. И думает, что ей к лицу нежный персиковый цвет.

— Какая досада! — воскликнет Лотта. — Ей куда лучше не в шёлке, а в бархате, и не в персиковом, а в сливовом!

— Именно так я ей и сказала, — подхватит Большая портниха. — А на юбке она хочет семнадцать оборок.

— Бог ты мой! — вздохнёт Лотта. — Ей же надо гладкую юбку, только гладкую, и очень благородного покроя!

— Вот именно! — подхватит Большая портниха. — Так я маркизе и сказала — главное покрой! Значит, платье сделаем гладкое-гладкое!

И вместо шёлкового персикового платья в оборках маркизе Гоголь-Могольшили строгое бархатное платье цвета сливы. Дамы на королевском балу ахали от зависти и изумления:

— Большая портниха — просто гений!

Но мы-то с вами знаем, что платье придумала Лотта.

Королева любила балы и праздники. Ей уже стукнуло семьдесят, и была она безмужняя и бездетная. А значит, не было в этой стране прямых наследников короны и трона. Впрочем, хоть и не довелось Королеве стать матерью, она зато стала тёткой — целых двадцать пять лет назад. Племянник её правил соседним королевством. Но тётка понимала, что со временем оба королевства сольются в одно и править ими суждено молодому королю Ричарду. Если верить молве, он вырос красивым и статным, но знала Королева об этом только понаслышке, поскольку не видала его целых двадцать лет. Семьи у Ричарда тоже не было. Королева-тётя не на шутку беспокоилась о наследниках и дважды в год — на Рождество и на день рожденья — отправляла племяннику вместе с подарками строгие, внушительные письма. Но он неизменно отвечал:

«Дорогая тётя Георгина!

Большое спасибо за чудесный пенальчик.

Ваш любящий племянник

Дик.

P.S. Впереди ещё много времени».

Молодому королю Ричарду было всего двадцать пять лет, а тётке его — целых семьдесят. Пожилым королевам вовсе не кажется, что впе-

реди очень много времени. И однажды наша Королева, женщина волевая и решительная, послала племяннику особое письмо — не на Рождество и не на день рождения. Она повелела Дикю прибыть к её двору и выбрать себе невесту среди придворных дам, поскольку она, королева, по уши сыта его отговорками. И даже пенала ему на этот раз не послала — чтоб не отделался по привычке благодарственным письмом, чтоб ответил всерьёз — намерен он жениться или нет. Он и ответил:

«Дорогая тётя Георгина!

Как Вам будет угодно.

Ваш любящий племянник

Дик.

PS. А женюсь я только на девушке девятнадцати с половиной лет от роду и с талией в девятнадцать с половиной дюймов. Других не предлагайте».

Королева безотлагательно собрала всех придворных дам девятнадцати с половиной лет и, перемерив им талии, нашла три подходящие. Тогда Королева написала племяннику новое письмо.

«Мой дорогой Ричард!

Герцогине Ванилине, графине Карамели и леди Бланш Бланманже в декабре исполнится по двадцать лет. Значит, сейчас, в июне, — им девятнадцать с половиной. Все три — очаровательные девушки, и талии у них как раз нужного размера. Приезжай и выбирай сам.

*Твоя любящая тётя
королева Георгина».*

Король на это ответил:

«Дорогая тётя Георгина!

Как Вам будет угодно. Я приеду в понедельник. Прошу Вас устроить три бала: во вторник, в среду и в четверг. Пускай каждая из дам

потанцует со мной на балу. В пятницу я женюсь на той, которая мне понравится, а в субботу уеду домой.

*Ваш любящий племянник
Дик.*

P.S. Непременно устройте балы-маскарады, у меня есть отличный маскарадный костюм».

Письмо это Королева получила только в понедельник утром, а король намеревался приехать в тот же вечер! Представляете, как все засуетились, а в особенности — три дамы с осиными талиями! И они, конечно же, бросились за помощью к Большой портнихе.

Герцогиня Ванилина сказала:

— Сшейте-ка мне самый лучший маскарадный костюм не позже вторника — к Первому балу. Да не забудьте прислать манекенщицу, пусть покажет, как его носить.

Графиня Карамель сказала:

— Сшейте мне, пожалуйста, самый удивительный маскарадный костюм, какой только бывает на свете, — это чрезвычайно важно! Доставьте его не позднее среды, ко Второму балу. И пускай самая стройная из ваших учениц покажет все его достоинства.

Леди Бланш Бланманже сказала:

— Я умру от горя, если к четвергу, к Третьему балу, вы не сошьёте для меня самый очаровательный маскарадный костюм в мире. Наденьте его на самую грациозную маленькую портняжку, дабы я могла воочию убедиться во всех его прелестях.

Большая портниха пообещала по костюму всем трем и, едва дамы удалились, кинулась к Лотте — поделиться новостью.

— Надо мозгами пораскинуть да руками поработать, себя не жалеючи, не то не успеем к сроку.

— Я наверняка успею, — бодро сказала Лотта. — Шить буду по очереди: сперва герцогине — к завтрашнему вечеру, потом графине — к послезавтрашнему, а уж после — леди Бланш, к четвергу. Я всё успею. Подумаешь, пару ночей не поспать!

— Отлично, Лотта, — промолвила Портниха. — Теперь надо придумать сами платья.

— Герцогиню лучше нарядить Солнечным лучом, ей будет очень к лицу, — сказала Лотта.

— Как раз об этом я и подумала, — встала Портниха.

— Зато графиню лучше нарядить Лунным лучом, она будет просто обворожительна.

— Ты читаешь мои мысли! — воскликнула Большая портниха.

— Ну, а леди Бланш нарядим Радугой, и она будет неотразима!

— Мы с тобой просто думаем хором! — обрадовалась Большая портниха. — А теперь... Выкрой-ка все три платья да принимайся за шитье.

Выкроила Лотта три платья и принялась шить первое — ярко-золотистое, чтоб сияло и переливалось, будто солнечный луч, от каждого движения танцующей герцогини.

Лотта шила весь день и всю ночь, не видела даже, как в город торжественно въехал король Ричард. Наконец во вторник, за час до начала бала, платье было готово.

— Внизу ждёт карета! — сказала ученицам Большая портниха. — Кому-то из вас придётся поехать во дворец и показать герцогине, как носить это платье. Но кого же послать, ума не приложу? Талия-то всего девятнадцать с половиной дюймов...

— Это мой размер, госпожа, — промолвила Лотта.

— Как это кстати! Ну, Лотта, поторапливайся, надевай платье и в карету!

Лотта надела ослепительной красоты платье, золотые туфельки, маленькую золотую корону с сияющими лучами и, накинув поверх праздничных нарядов свой старый чёрный плащ, побежала к королевской карете. Кучер взмахнул кнутом, и они понеслись. Во дворце Лотте встретился ливрейный лакей. Он и проводил её в маленькую приёмную.

— Подождите здесь, — сказал он. — Скоро в соседние покои придёт герцогиня и вызовет вас колокольчиком. Я гляжу, у вас под плащом чудесное платье!

— Это герцогинино, — оживилась Лотта. — В нём она будет покорять сердце Короля. Хотите, покажу?

— Ещё бы!

Лотта сбросила с плеч чёрный плащ и засверкала, точно солнечный луч, пробившийся сквозь чёрную тучу.

— Правда, красивое? — радовалась Лотта. — Как вы думаете, устоит Король против такой красоты?

— Конечно, нет! — уверенно сказал Лакей. И, изящно склонившись, произнёс:

— Герцогиня, позвольте пригласить вас на этот танец! Окажите мне честь своим согласием.

— О, Ваше Величество! — засмеялась Лотта. — Напротив, это вы оказываете мне честь таким приглашением.

Лакей положил руку Лотте на пояс, и они закружились в танце. Жаль только, колокольчик зазвенел некстати — Лакей как раз нашёптывал Лотте, что она сверкает ярче солнечного луча! Но — пришлось Лотте отправляться к герцогине Ванилине. Той платье очень понравилось. Лотта

показала, как сидеть в нём, как стоять, как кланяться и танцевать. Потом герцогиня надела платье и вплыла в бальную залу.

А Лотта завернулась в старый плащ и, выходя на улицу, услышала напоследок гром аплодисментов: так встретили в зале сияющую, как солнце, маленькую герцогиню.

Лотта подумала:

— Нет, не устоять Королю перед такой красотой!

И побежала обратно в мастерскую — шить маскарадный наряд «Лунный луч».

Ночь напролёт, а потом день напролёт шила она тончайшее серебряное платье, и к вечеру, когда к дверям подъехала дворцовая карета, оно было готово. Как и накануне, Лотта надела новое платье, накинула сверху плащ и укатила. Как и накануне, молодой ливрейный лакей проводил её в приемную и велел подождать.

— Как вчера прошёл бал? — спросила Лотта.

— Король весь вечер танцевал с Солнечной герцогиней, — ответил Лакей. — Вряд ли графине так повезёт.

— А я в её удаче не сомневаюсь! — воскликнула Лотта и, распахнув чёрный плащ, вышла из него, точно сияющий месяц из полуночной тьмы.

— О, графиня! — сказал лакей и поцеловал ей руку. — Если вы потанцуете со мной, я стану счастливейшим человеком на свете!

— Напротив, Ваше Величество, это мне выпало счастье! — нежно улыбаясь, ответила Лотта, и они опять закружились в тесноте приёмной, а потом уселись и разговорились. Лотта рассказала, что ей девятнадцать с половиной лет, что матушка её горничная, отец сапожничает, а сама она — подмастерье у портнихи. Лакею оказалось двадцать пять лет, отец его работал переплёт-

чиком, а мать — прачкой. Сам же он служил лакеем у молодого Короля. И в субботу, после свадьбы, ему предстояло вернуться домой, в соседнее королевство. Эта новость повергла Лотту в глубокую печаль. Лакей спросил, отчего она погрустнела, а Лотта и сама толком не знала. И опять звонок зазвенел очень не вовремя — Лакей, взяв Лотту за руку, говорил ей, что она прекрасней Лунного луча.

Графиня Карамель была очарована платьем. Лотта всё показала и рассказала, и графиня отправилась на бал. До Лотты донеслись восторженные восклицания, сама же она, закутавшись в старый плащ, поспешила в мастерскую — шить костюм «Радуга».

Она шила с вечера до утра, а потом с утра до вечера, глаза её слипались, веки налились тяжестью. На сердце тоже лежала тяжесть, а отчего — она и сама не ведала. За час до Третьего бала платье было готово. Карета уже ждала у порога. Лотта надела последнее, многоцветное платье, завернулась в старый плащ и укатила. В последний раз на ступенях дворца встретил её Лакей и проводил в приёмную. Там Лотта устало опустилась в глубокое кресло и спросила:

— Как прошёл вчерашний бал?

— Король весь вечер не отходил от Серебряной графини, глаз с неё не сводил, — ответил Лакей. — По-моему, леди Бланш не на что надеяться.

— Кто знает, — ответила Лотта. Но её сковала усталость, не было даже сил снять чёрный плащ и показать новое платье. Тогда Лакей, сняв с неё плащ, осторожно повесил его на спинку стула. И Лотта засияла, точно маленькая радуга на фоне чёрных туч. Восхищённый Лакей упал перед ней на колени:

— О, леди! — прошептал он. — Я приглашаю вас на этот танец. И на все остальные тоже!

Но Лотта лишь покачала головой: она слишком устала, даже улыбнуться не было сил — только огромные слёзы вдруг полились по щекам. Лакей не спросил, отчего она плачет, — ведь радуга всегда сокрыта слезами-дождинками. Он просто обнял её и поцеловал. Поцелуй длился и длился, но тут прозвенел колокольчик, и Лотта, вытирая глаза, поднялась и пошла к леди Бланш Бланманже.

Леди Бланш пришла в восторг от платья. Лотта покрутилась и так и сяк, показала, как его носить. И леди Бланш, надев платье, побежала на бал. Лотта услышала потрясённое «ах», когда в залу впорхнуло чудесное видение! Лотта же зябко закуталась в плащ и побрела домой. Она надеялась наконец-то лечь и спать, спать, спать...

Но на пороге её встретила Большая портниха. Она чуть не плакала от отчаяния.

— Ты представляешь! Только что прислали заказ от Королевы на лучшее в мире свадебное платье — ведь завтра молодой Король женится. Свадьба назначена на полдень. Ну, Лотта, теперь думай — в чём венчаться невесте?

И Лотта придумала платье — белое и воздушное, словно падающий снег.

Начала было кроить, но забеспокоилась:

— Госпожа, мы же не знаем, на кого шить это платье!

— Шей на себя, — ответила Портниха. — У тебя тот же размер.

— Ну а всё-таки, кто невеста, как вы думаете?

— Никому не известно. Говорят, Королю равно полюбились и Солнце, и Луна. И Радуга сегодня ему наверняка понравится.

— А какой наряд у самого Короля? — спросила Лотта. Спросила просто так, чтоб не заснуть.

— Совершенно не подходящий для Короля наряд! Надел ливрею собственного лакея!

Больше Лотта вопросов не задавала. Склонив усталую головку совсем низко над снежно-белой тканью, она шила и шила. Шила до боли в пальцах, до боли в глазах.

Прошла ночь, настало утро. За час до полудня платье было готово.

— Карета уже здесь, — сказала Портниха. — Надевай платье, Лотта. Невеста наверняка захочет взглянуть на него со стороны.

— Но кто же невеста? — спросила Лотта.

— Всё ещё никому не известно. Говорят, Король как раз сейчас выбирает. Как только решит — ударят свадебные колокола.

Лотта надела подвенечное платье и возле кареты увидела вдруг своего знакомого Лакея! Он посадил её, а Лотта серьёзно посмотрела ему в глаза и спросила:

— Ведь вы не Король?

— С чего это вы взяли? — ответил Лакей и, захлопнув дверцу, вскочил на запятки кареты. Лошади пустились в галоп. Лотта откинулась на подушки и крепко заснула. И снилось ей, будто она едет на свою собственную свадьбу.

Лотта проснулась, когда карета подкатила к дверям — но не к дворцовым дверям, а к деревянной церквушке.

Лакей соскочил с запяток и помог Лотте выйти. Сон словно бы продолжался, и рука об руку с Лакеем в снежно-белом подвенечном платье прошла она к алтарю, где уже ждал священник. Через две минуты их обвенчали, и Лотта, с обручальным кольцом на пальце, пошла обратно к карете. На этот раз Лакей сел в карету вместе

с ней и завершил поцелуй, который был так неуместно прерван накануне вечером. А потом Лотта снова заснула, склонив головку на плечо мужа.

Так и проспала всю дорогу до столицы соседнего королевства — пока карета не остановилась у дворцовых ворот. Там, в туманном полусне, поднялась она об руку с мужем по лестнице. Вокруг толпились радостные придворные, а на верхних ступенях, весело улыбаясь, встречал их сам Король.

Да-да! Лакей-то и в самом деле был лакеем. Королю совершенно не хотелось жениться, вот он и послал к тётке своего Лакея. А тот влюбился в Лотту с первого взгляда, так что герцогиня Ванилина, графиня Карамель и леди Бланш Бланманже были заранее обречены на неудачу. Всё, конечно, к лучшему. Останови Лакей свой выбор на знатной даме, старая Королева непременно бы рассердилась. А представьте досаду невесты!

Когда эта шутка достигла ушей Королевы, она написала Королю нижеследующее:

«Мой дорогой Ричард!

Подарок прилагаю с лучшими пожеланиями. Одновременно довожу до твоего сведения, что я тобой крайне недовольна и впредь не намерена принимать участия в устройстве твоей женитьбы.

*Любящая тебя тётя
королева Георгина».*

На что Король ответил:

*«Дорогая тётя Георгина,
Премного благодарен.*

Ваш любящий племянник

Дик.

PS. Да, за пенальчик тоже большое спасибо».

СЕДЬМАЯ ПРИНЦЕССА

ы слышали когда-нибудь сказку о шести принцессах, у которых не было в жизни другой заботы, кроме своих волос? Нет? Тогда слушайте!

Жил да был Король, и женился он на цыганке. Берёг её пуше глаза, дунуть боялся — словно на вазу хрустальную. Чтоб не убежала — цыгане-то, известно, народ бродячий, — поселил он жену во дворце посреди огромного парка. Вокруг парка тянулась изгородь, и дальше Королеву не пускали. Она очень любила мужа, не хотела его огорчать, вот и не плакалась ему, не рассказывала, до чего ей хочется на вольную волю. Только часами сидела на дворцовой крыше да глядела на восток, где раскинулись луга, на юг, где струилась речка, на запад, где громоздились горы, и на север — где шумели в городах рыночные торговцы.

Со временем родила Королева двух дочек-близняшек, ясноглазых, точно утренние лучи солнца. В день крестин Король на радостях расщедрился и велел Королеве просить всё, что душе угодно.

Взглянула Королева с крыши на восток, увидела цветущие майские луга и сказала:

— Подари мне Весну.

Кликнул Король пятьдесят тысяч садовников и повелел каждому принести дикий цветок или молодую берёзку и посадить в дворцовом парке. И вот — дело сделано. Вышел Король об руку с Королевой в парк, а там — многоцветье, разнотравье...

— Дорогая моя жена, вот тебе Весна!

Но Королева лишь вздохнула в ответ.

Через год родились ещё две принцессы, нежные, как утренняя роса, и снова в день крестин Король предложил Королеве выбрать подарок. На этот раз взглянула Королева с крыши на юг и, увидев блеснувшую на дне долины воду, сказала:

— Подари мне речку.

Кликнул Король пятьдесят тысяч землекопов и повелел направить реку прямо в парк, чтобы там, где гуляет Королева, вечно бил чудесный фонтан. И вот — он подвёл жену к великолепному мраморному фонтану и сказал:

— Вот твоя река.

Но Королева лишь взглянула на воду-пленницу, которая так рвалась ввысь, но снова опала на холодный мрамор. Взглянула, — и голова её грустно поникла.

На следующий год родились еще две принцессы, светлые, как солнечный день, и Королева, выбирая подарок, взглянула с крыши на шумящий на севере город и сказала:

— Подари мне людей.

Послал тогда Король пятьдесят тысяч глашатаев в город. Вскоре они вернулись и привели с собой прямо с базара шесть честных торговков.

— Вот тебе люди, дорогая моя Королева, — сказал Король.

Королева украдкой вытерла слёзы и поручила шесть своих дочерей заботам этих пышнотелых женщин. Каждой принцессе досталось по няньке.

На четвёртый год родила Королева только одну дочь, совсем маленькую и по-цыгански смуглую, точно мать. Сам-то Король был высок и светловолос.

— Что подарить тебе на этот раз? — спросил

Король, поднявшись с Королевой на крышу в день крестин седьмой дочери.

Королева обратила глаза к западу и увидела дику голубку и шесть лебедей, пролетающих над горами.

— Подари мне этих вольных птиц! — воскликнула Королева.

Король тут же снарядил пятьдесят тысяч птицеловов на поимку птиц. Тем временем Королева сказала:

— Дорогой Король, сейчас мои дети ещё в колыбелях, а я на троне, но однажды они вырастут. Трон же мой опустеет. Скажи, кто из наших семи дочерей взойдёт на трон вместо меня?

Король ещё не успел ответить, а птицеловы уже вернулись. Король посмотрел на робкую голубку, втянувшую маленькую круглую головку в серые перья, и тут же перевёл взгляд на королевских лебедей с длинными белыми шеями.

— Королевой станет та принцесса, чьи волосы окажутся длиннее.

Позвала Королева шесть нянек и передала им королевскую волю.

— Помните, — добавила она, — следует неустанно мыть и расчёсывать девочкам волосы. Кому-то из них предстоит — благодаря вашим стараниям — взойти на престол.

— А кто будет мыть и расчёсывать волосы седьмой принцессы? — спросили они.

— Я сама, — ответила Королева.

Расстарались няньки, каждой хотелось, чтоб именно её питомица стала королевой. Во всякий погожий день отводили они детей на усыпанный цветами лужок, мыли их волосы в фонтане и сушили на солнце. Они чесали и чесали дивные золотистые кудри, вплетали в косы ленты и цветы. И не было на всём свете волос краше. И никто

во всём свете не потрудился столько ради красоты волос, сколько няньки шести принцесс. Так и ходили: шесть светловолосых девочек, шесть нянек, а следом — шесть белых лебедей. Повсюду вместе.

Зато седьмая принцесса, смугляночка, никогда не мыла голову в фонтане. Её волосы были спрятаны под красной шалью. Королева расчёсывала их сама — втайне от всех, когда сидела вдвоём с дочкой на крыше и играла с дикой голубкой.

Но вот почувяла Королева, что настал её последний час. Собрала дочерей, благословила и попросила отнести её на крышу. Окинула взглядом луга и реку, города и горы... И закрыла глаза.

Король был безутешен. Но тут взыграли у дворцовых ворот трубы, вбежал королевский паж и возвестил о приезде Владыки Мира. Король распахнул двери, — и появился Владыка, а следом его слуга. Одежды Владыки были шиты золотом, а мантия так длинна, что сам он уже прошёл весь зал и стал перед Королём, а мантия ещё тянулась из-за двери. И султан на его шляпе возвышался до самого потолка. Слуга Владыки — молодой парень в лохмотьях — забежал вперёд, к самому трону.

Король произнёс:

— Добро пожаловать, Владыка Мира! — и протянул руку.

Но Владыка не ответил, стоял по-прежнему молча, глядя под ноги. Зато Слуга-оборванец сказал:

— Спасибо тебе, Король этой страны! — и сердечно пожал руку Короля.

Король немало удивился.

— Неужели Владыка не может ответить сам? — спросил он.

— Кто знает?.. — ответил Слуга-оборванец. — Во всяком случае, никто ещё не слышал его голоса. Известно, в этом мире есть место всякому: и говорящему, и молчащему; и богатому, и бедному; и тому, кто думает, и тому, кто делает; и тому, чей взор устремлён ввысь, и тому, кто опускает очи долу. Хозяин выбрал меня в слуги недаром: мы с ним единое целое, мы вместе — тот самый Мир, которому он — Владыка. Он богач, а я бедняк, он задумывает — я исполняю, он смотрит под ноги, а я — в небо, он молчит, а я говорю.

— Зачем он приехал? — спросил Король.

— Чтобы жениться на твоей дочери, — ответил Слуга-оборванец. — Ведь в этом мире есть место всякому, в нём должны быть и мужчины, и женщины.

— Разумеется. Но у меня семь дочерей. Не может же он взять в жёны всех.

— Он возьмёт ту, которая станет Королевой, — объяснил Слуга-оборванец.

— Позовите дочерей, — приказал Король слугам. — Настало время измерить им волосы.

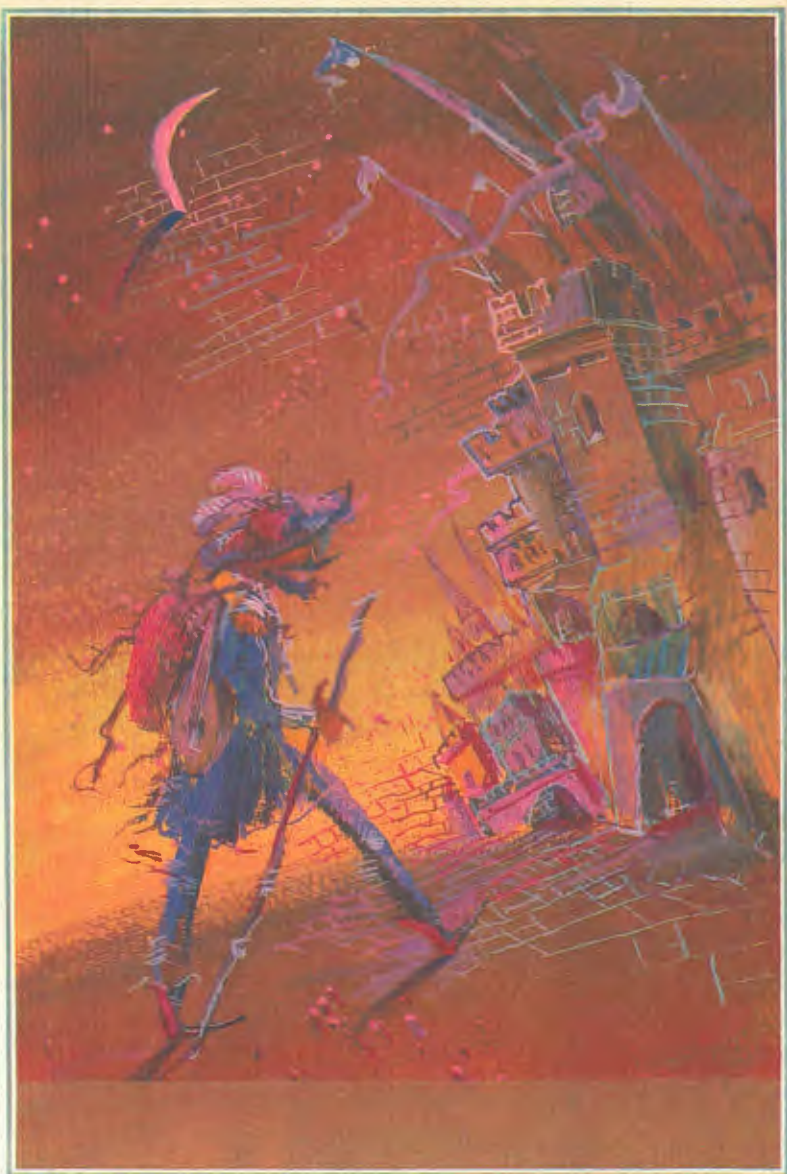
И вот семь принцесс предстали перед троном. Шестеро старших, светловолосых, пришли с няньками, а смугляночка — одна. Слуга-оборванец окинул девушек быстрым, но пристальным взглядом, Владыка же и не подумал поднять глаз.

Кликнул Король придворного портного — чтоб пришёл с мерной лентой да измерил принцессам волосы. Шесть принцесс расплели косы, и золотые волны устлали весь пол.

Пока мерили волосы, няньки горделиво переглядывались — это их трудами и заботами выращена такая роскошь. Но, увы! Все потрудились одинаково — у всех шести принцесс волосы оказались точнёхонько одной длины.

«Как Альфред мир установил»

«Как Альфред мир установил»

Потрясённые придворные всплеснули руками, огорчённые няньки всплеснули руками, Король натянул корону на уши, Владыка Мира стоял, не поднимая глаз, а Слуга-оборванец устремил свой взор на Седьмую Принцессу.

— Что делать, если и у младшей дочери окажутся волосы той же длины? — спросил Король.

— Вряд ли, Ваше Величество, — произнесла Седьмая принцесса и принялась разматывать шаль. Сёстры беспокойно переглянулись.

Волосы Седьмой Принцессы и впрямь оказались совсем иной длины — девушка была острижена коротко, под мальчишку.

— Кто остриг тебя, дитя мое? — спросил Король.

— Меня стригла матушка, Ваше Величество, — ответила Седьмая Принцесса. — Каждый день мы поднимались на крышу, и она щёлкала ножницами, чтоб не отросла ни единая прядь.

— Удивительно! — воскликнул король. — Но во всяком случае, королевой тебе определённо не быть.

Такая вот история приключилась с шестью принцессами, которые всю жизнь только и думали, что о своих волосах. Остаток дней они провели в прежних трудах — няньки мыли и расчёсывали их локоны: сперва золотые, потом поблёкшие, а потом и вовсе белоснежные — под цвет их любимцев лебедей.

Владыка Мира провёл остаток дней, опустив очи долу, он ждал, покуда одна из принцесс отрастит волосы длиннее, чем у сестёр, и станет королевой.

А Седьмая Принцесса снова замотала голову красной шалью и убежала из дворца — к реке и горам, к лугам и шумным рыночным площа-

дям; с нею полетела дикая голубка, а следом устремился и Слуга-оборванец.

— Что же станется без тебя с Владыкой Мира? — спросила Принцесса.

— Сам справится, — ответил Слуга-оборванец. — Ведь в этом мире есть место всякому — и тому, кто сидит во дворце, взаперти, и тому, кто бродит на просторах, на вольной воле...

ПОКИНУТЫЙ РАЙ

французов есть странная считалочка, подобная нашей, знакомой всем:

Эни, бени, раба,
Квинтер, винтер, жаба.

Я услышала её в Нормандии — её пели две девчушки, дочери хозяина маленькой гостиницы, что белела меж яблонь; там я провела как-то несколько дней. Младшая — её звали Ивонна — была весёлая кроха, она всё играла в мячик, и больше её ничто не занимало. Старшая, Женевьева, была серьёзна и умна; однажды она спросила меня, есть ли в Англии феи, и, когда я сказала, что, по-моему, есть, передёрнула плечами, пробормотав:

— Невозможно!

А меж тем на поле, принадлежавшем её отцу, стояла странная маленькая хижина (такие увидишь повсюду в нормандских садах), и там могла бы жить ведьма; а через дорогу за калиткой простирался сад с такими дивными цветами, словно

вырастила их фея. Мне так и не удалось попасть ни в хижину, ни в сад за калиткой — оставалось довольствоваться догадками.

Вскоре после того, как Женевьева спросила меня о феях, я и услышала, как она пела вместе с Ивонной песенку, которая в переводе звучит примерно так:

Трое принцев шли из рая,
Рты до неба разевая,
Кларинетта, Кларинетт,
Мне — сабо, тебе — лорнет,
Яблоко и апельсин,
Кто-то лишний здесь один,
Персик, абрикос, лимон,
Выходи отсюда вон!

Я не стала допытываться у Женевьевы, о чём это; она бы мне, конечно, не сумела ответить. Она бы только сказала, что всю жизнь пела эту смешную считалочку, когда играла с Ивонной в разные игры.

В чём её суть — кто знает? Послушай, Женевьева, а вдруг она значит, что во Франции всё же есть феи и что это не так уж невозможно?

I

Жили-были однажды три маленьких Принца, и жили они в Раю. Звали их Феликс, Криспин и Теодор; а если тебе интересно, как там в Раю, то я отвечу: там росли яблони, абрикосы, груши и персики; цветы покрывали ковром чудные лужайки, разделяемые, словно зелёным пологом, рядами густых тополей; в полях золотились скирды хлеба, а среди полей текли серебристые реки. У Феликса, Криспина и Теодора был свой беленький домик и свой садик, где они и ели

и спали; но, будучи вольны поступать, как им вздумается, то один, то другой из них уходил на денёк — или на месяц, или на сотню-другую лет — побродить, поиграть, поесть и поспать в одном из беленьких домиков, что были рассыпаны, как грибы, меж плодовых деревьев. Домики выглядели столь уютно, что в них так и манило заглянуть. А ведь там были ещё и заросшие цветами лужайки, мимо которых мало кто мог пройти равнодушно — так и хотелось задержаться, чтобы набрать дивных ярких цветов и отнести их Ивонне. Ещё там текли реки, в которых обязательно хотелось искупаться, стояли вечно шумящие тополя, на которые хотелось залезть, — словом, ты бы решил, что маленькие Принцы жили счастливо, словно жаворонки. Так оно и было.

И немудрено — ведь у них была Ивонна, которая следила за ними. Она следила, чтобы комнаты были подметены, постели постелены, ужин приготовлен. И всё это она делала с помощью трёх хрустальных шариков. Подбросит какой-нибудь вверх, хлопнет в ладоши и крикнет всего одно слово: «Ложка!», к примеру, или: «Одеяла!», или: «Штопальная игла!» Поймает шарик — а уж ложка мешает в горшке, стоящем на огне, и выкладывает на тарелку сладкие плоды — пальчики оближешь! — Теодору на ужин; одеяла уютно подтыкаются на кровати у Криспина; нитка сама вдвается в иглу и штопает дырку, которую протёр на коленке Феликс, влезая на самое высокое дерево в Раю. А вот Принцезы башмаки никогда не нуждались в починке — ведь все трое ходили в деревянных сабо, которым не было сносу.

Во всём Раю был всего один сад, куда Принцы никогда не заходили, и один домик, а вернее,

хижина, в которой они так и не обнаружили дверцы. Сад был самым красивым из всех, а хижина — самой странной. Принцы частенько прижимались носами к калитке, ведущей в сад, или к запylённому окошку в хижине, чтобы увидеть, что там внутри, но видели лишь море цветов, доходящих до самой ограды, да паутину на стекле.

Однажды Теодор сидел возле своего домика и строгал кораблик, чтобы пустить его по реке. Вдруг слышит: за кустами кто-то смеётся: «Хи-хи-хи! Хо-хо-хо!» Он поднял глаза и увидел странную старушонку с блестящими глазками и острым носом — раньше он её никогда не встречал.

— Над чем ты смеёшься? — спросил Теодор.

— Над тобой, — отвечала старушонка с блестящими глазками.

— Почему? — удивился Теодор.

— Потому что кончик носа у тебя чёрный, как уголёк.

— И у тебя был бы чёрный, если б ты прижималась к грязному стеклу.

— И не подумала бы! Разве что имела бы на то серьёзную причину!

— У меня она была, — сказал Теодор.

— Какая же, скажи на милость?

— Мне хотелось узнать, кто там живёт.

— И кто же?

— Я не видел — и потому не знаю.

— Какая жалость! Ах, какая жалость! — воскликнула странная старушонка.

— Да? — спросил Теодор.

— Будь я на твоём месте, — продолжала старушонка, — я бы ни за что не успокоилась, пока не узнала!

Теодор поглядел на неё — ему и впрямь стало

жаль, что он не знает, кто живёт в хижине. Впервые в жизни сердце у него сжалось.

— Может, ты мне скажешь, кто там живёт?

— Только не я, Теодор.

— Как! Ты знаешь моё имя?

— Конечно, знаю. Ведь ты Теодор — как же мне его не знать. А я Кларинетт.

Теодор взгляделся и тут же понял, что, конечно, это Кларинетт.

— Нет, правда, Кларинетт, почему ты мне не скажешь?

— Про Рай я ничего не могу тебе рассказать, потому что я здесь чужая. Ведь я живу в самом большом Городе на свете, знаю всё-всё-всё про весь мир! Ах, как хорошо знать, во что верить, а во что не верить!

— Во что же ты веришь, Кларинетт?

— В прекрасную одежду, во-первых, — отвечала Кларинетт. — Глянь-ка!

И она вскочила на скамейку, стоявшую на дороге, чтобы Теодор разглядел роскошное кружевное платье и богатый меховой плащ, ниспадавший с её плеч. Она выставила кончик расшитой туфельки на высоком каблуке и взмахнула ножкой.

— Хи-хи-хи! — захихикала Кларинетт. — Вот как мы одеваемся в Городе, где все знают вещам цену. А в Раю-то — хи-хи-хи! — вы бродите в деревянных башмаках и в окошко ничего не можете рассмотреть!

С этими словами она соскочила со скамейки и, стуча каблуками, со смехом заспешила прочь.

В тот вечер Теодор пришёл к ужину босиком. Три маленьких Принца уселись вокруг стола со своими ложками и плошками и стали ждать, что будет на ужин. Только Ивонна собралась подбросить вверх хрустальный шарик, как Теодор спросил:

— Ивонна, кто живёт в хижине?

Ивонна сжала в кулачке шарик и сказала:

— Зачем ты задаёшь вопросы, маленький Принц?

— Я только хотел узнать, — отвечал Теодор.

— Ну, и хотя себе на здоровье!

— Я голоден, Ивонна! — закричал Криспин и застучал плоской по столу.

— Минутку! — воскликнула Ивонна и опять приготовилась подбросить шарик.

Но Теодор снова спросил:

— Так кто ж там живёт?

И снова Ивонна остановилась.

— Ты хочешь покинуть Рай, маленький Принц? — спросила она.

— Нет, конечно, не хочу.

— Тогда ни о чём не спрашивай.

— Я только хочу знать, — не отступался Теодор.

— Увы! — вздохнула Ивонна.

— Где мой ужин, Ивонна? — закричал Феликс и заколотил плоской по столу.

— Сию минуту! — ответила Ивонна, подбирая шарик.

— Ужин! — крикнула она и хлопнула в ладоши.

Но в этот миг Теодор завопил во весь голос:

— Кто живёт в хижине?

Ивонна вздрогнула — хрустальный шарик упал к её ногам и вдребезги разбился. И вместо ароматных плодов, которые черпала ложка из горшка, оттуда вылетел один-единственный персик и плюхнулся в плоску Теодора — тот от удивления только рот раскрыл. Блестящая слеза скатилась у Ивонны по правой щеке, и она промолвила:

— Здесь кто-то лишний! Ах, зачем только ты

меня расспрашивал? Если тебе так хочется знать, то в хижине живёт Ведьма. А теперь, Теодор, тебе надо идти.

— Куда идти?

— Из Рая.

Теодор покраснел, как индюк, и закричал:

— Ну и уйду! Кому он нужен, ваш Рай? Я пойду в величайший Город на свете, где все ходят в мехах и шелках и умеют отвечать на вопросы!

Ивонна печально кивнула.

— Прощай, маленький Принц, — молвила она. — Не забудь надеть свои сабо.

— Ну уж нет! — заявил Теодор. — Грубые деревяшки! Там я не буду их носить! У меня будут вышитые туфли с золотыми каблуками!

— Ну хоть сейчас надень свои деревянные башмаки, — попросила Ивонна. — Дорога туда каменистая, да и обратно не лучше!

— Я не вернусь до завтрашнего полудня, — воскликнул Теодор. — А это значит: никогда! Ведь завтра никогда не наступает.

— Пока не вернёшься, будешь ходить голодным, — проговорила Ивонна и протянула Теодору сабо.

Но Теодор оттолкнул их и выскочил из домика с открытым ртом — ведь он так и не поужинал. Криспин и Феликс смотрели ему вслед, пока он не исчез за калиткой, а потом забарабанили площадками по столу и закричали:

— Мы голодны, Ивонна! Мы голодны!

— Сию минутку! — отвечала Ивонна.

Вынула второй хрустальный шарик, подбросила вверх, хлопнула в ладоши и крикнула:

— Ложка!

В ту же минуту из горшка поднялся чудный аромат, ложка зачерпнула сладкие плоды с сиро-

пом и до краёв наполнила Принцевы площадки. А пока они ели, Ивонна собрала осколки хрустального шарика, положила их в деревянные башмаки Теодора, завернула и убрала в шкаф на полку.

Прошёл год. Раз как-то Криспин сидел у калитки и мастерил стрелы для своего лука — как вдруг слышит: кто-то тихо смеётся за кустами. Пришлось ему оторваться от дела — глянь, а там стоит странная старушонка с острым носиком и блестящими глазками. Стоит и смеётся, ну просто заливается.

— Хи-хи-хи! Ха-ха-ха!

— Над чем ты смеёшься? — спросил Криспин, которому тоже хотелось посмеяться.

— Над тобой! — отвечала остроносая старушонка.

— Почему надо мной?

— Потому что у тебя по всему лбу чёрные полосы, словно тени на дороге.

— Это, верно, оттого, что я прижимался к калитке, хотел увидеть ту особу в саду.

— Какую особу?

— Я не увидел — так что не знаю.

— Вот незадача! — молвила старушонка.

— Ты так думаешь? — спросил Криспин.

— Не увидеть то, что хочешь? Конечно! — отвечала, всплеснув руками, старушонка.

И поражённый Криспин подумал, что это и впрямь грустно. Ведь ему так и не удалось узнать, кто живёт в саду.

И на душе у него впервые стало грустно.

— Тогда ты мне скажи! — попросил он.

— Только не я, Криспин!

— Откуда ты знаешь, что я Криспин?

— Потому что так оно и есть. А я Кларинетт.

— Да, верно, ты Кларинетт. Прошу тебя, скажи, кто там живёт?

— Всё, что угодно, только не это! Я могу тебе сказать только то, о чём сама хочу знать. Но мне неинтересно, кто там живёт в Райском саду.

— А что же тебе интересно? — спросил Криспин.

— Мне интересно, как идут дела у моей соседки в Городе, сколько у неё денег и может ли она одеться наряднее, чем я. Погляди-ка!

Она вскочила на скамью, взмахнув своими нарядами, и выставила кончик роскошной туфельки.

— Хи-хи-хи! — веселилась Кларинетт. — Вот что надо знать! Это самое главное в жизни! А ты тут в Раю ковыляешь в сабо и даже калитку открыть не умеешь!

С этими словами она спрыгнула со скамейки и удалилась, стуча каблуками.

Криспин тут же сбросил сабо и весь день их больше не надевал. Так и за ужин босой уселся, а когда Ивонна приготовилась подбросить вверх хрустальный шарик, он вдруг спросил:

— Кто же всё-таки живёт в том саду через дорогу, Ивонна?

Ивонна сжала в руке шарик и сказала:

— К чему расспрашивать, маленький Принц?

— Просто мне интересно.

— Пусть так и будет, — молвила Ивонна.

— А где же ужин? — спросил Феликс и стукнул плоской по столу.

— Сейчас, — отвечала Ивонна.

Но она не успела подбросить шарик — Криспин потребовал:

— Нет, ты всё-таки скажи!

Не выпуская шарика из рук, Ивонна спросила:

— Разве тебе не нравится в Раю, маленький Принц?

— Конечно, нравится.

— Тогда не надо вопросов.

— Но почему?.. Кто?.. Что?.. — забормотал, запинаясь, Криспин.

— Увы! — вздохнула Ивонна.

— А как там ужин? — завопил Феликс, катая плошку по столу.

— Сейчас-сейчас! — воскликнула Ивонна.

Подбросила шарик, хлопнула в ладоши и крикнула:

— Ужин!

Но в тот же миг Криспин завопил:

— Но почему? Почему-почему-почему?

И это так огорчило Ивонну, что она не поймала шарик и он разлетелся по полу на мелкие осколки. Тут из горшка выпрыгнуло одно-единственное яблоко и плюхнулось прямо Криспину в плошку — он только рот раскрыл от удивления. Блестящая слеза покатилась у Ивонны по левой щеке.

— Один здесь лишний! — молвила она. — Ах, зачем ты задавал вопросы, Криспин! Если хочешь знать, в саду живёт фея. А теперь, Криспин, выходи!

— Почему? — удивился Криспин.

— Потому что в Раю вопросы не задают.

— Но почему?

— Потому что тогда это уже будет не Рай.

— Но объясни же почему, Ивонна!

— Ну, хватит!

— Ах, так! — вскричал Криспин и, вскинув голову, зашагал по комнате. — Тогда я пойду в Город и спрошу Кларинетт. Она даст мне

роскошное платье, чтобы я выглядел лучше, чем её сосед!

Ивонна печально покачала головой и сказала:

— Прощай, маленький Принц. Не забудь надеть свои сабо.

— Зачем?

— Дорога туда и обратно нелёгкая.

— Я уйду, но обратно не вернусь, — объявил Криспин. — Или нет: я вернусь завтра в полдень — а ведь завтра никогда не приходит!

— Ты будешь голодным, пока не вернёшься, — сказала Ивонна и протянула ему его сабо.

Но Криспин на них даже не взглянул и выбежал из дома, так и не закрыв широко раскрытый рот. Только он скрылся из виду, как Феликс хлопнул по столу ладонью и крикнул во весь голос:

— Я голоден, Ивонна! Я голоден!

— Что ж, вот твой ужин! — ответила Ивонна.

Вынула третий — и последний — шарик, подкинула его вверх, хлопнула в ладоши и крикнула:

— Ужин!

В тот же миг большая ложка наполнила Феликсову плошку до краёв, а пока он ел, Ивонна собрала хрустальные осколки в башмаки Криспина и поставила их в шкаф рядом с Теодоровыми.

Прошёл год. Как-то Феликс, сидя у калитки, лепил из песка пирожки, и вдруг услышал за кустами тихое хихиканье. Поднял глаза — а там странная старушонка с острым носиком и блестящими глазками так и заливается от смеха.

Феликс расхохотался — и она тут же смолкла.

— Ты чего смеёшься? — спросила старушонка.

— Я как ты, — ответил Феликс весело.

— А ты не хочешь узнать, почему я смеюсь? — настаивала старушонка.

— Смеяться так хорошо! — сказал Феликс.

— Ну, это как когда, — возразила она резко. — Сказать, почему я смеялась?

— Скажи, если хочешь.

— Потому что у тебя на одной щеке грязное пятно, а другая — вся в чёрных полосах.

— Вот потеха! — воскликнул Феликс и расхохотался от всей души.

Старушонка, похоже, рассердилась.

— Почему ты такой грязный? — спросила она с раздражением.

— Верно, потому, что слушал у окошка и возле калитки.

— А, вот видишь! Что же ты хотел услышать?

— Просто слушал, — отвечал Феликс и слепил ещё один пирожок из песка.

— Ты, верно, хотел узнать, кто там живёт? — вкрадчиво спросила старушонка.

Феликс широко открыл глаза и таинственно произнёс:

— Я ни звука не услышал. Ни единого! А вот тебе мороженое!

— Какое это мороженое, глупышка? Это пирожок из песка!

Феликс так и залился весёлым смехом.

— Нет, это мороженое, а на нём засахаренные вишни, зелёные фисташки, и всё залито шоколадом, видишь?

— Нет, Феликс, не вижу! — отвечала в сердцах старушонка.

— Бедная Кларинетт! — воскликнул Феликс.

— Откуда ты знаешь, что я Кларинетт? — удивилась старушонка.

— Потому что ты и есть Кларинетт, — отве-

чал Феликс и протянул ей ещё пирожок. — А вот тебе цыплёнок в сметане.

— Никакой это не цыплёнок!

— А вот ди-ивный суп с красным вином!

— Никакой это не суп! Сколько раз тебе повторять! Это просто песок — и больше ничего!

— Вот вкуснотища-то! — вскричал Феликс, облизываясь и поглаживая живот.

— Пойдём со мной — я тебя накормлю настоящим супом, настоящим цыплёнком и настоящим мороженым, как я кормлю твоих братьев. Я одену тебя в роскошные одежды и покажу тебе весь мир.

— Ой, как я наелся! — вздохнул Феликс и блаженно перекатился на живот.

— Вот идиот! — закричала пронзительно Кларинетт, вскакивая на скамейку. — Разве ты не хочешь узнать о своих братьях? Не хочешь отведать всяких яств и примерить роскошные одежды? Не хочешь повидать белый свет? Почему ты меня ни о чём не расспрашиваешь? Почему только я тебя расспрашиваю?

— Верно, потому, что хочешь что-то узнать, — сказал Феликс.

— Что же мне узнавать, скажи на милость? — в гневе вскричала Кларинетт.

— Верно, кто там живёт за калиткой и в хижине за окном.

— И кто же? — взвизгнула Кларинетт.

Феликс широко открыл глаза и пискнул:

— Я ни звука не услышал — ни единого!

Кларинетт закричала от ярости, спрыгнула со скамейки и побежала, клацая каблуками, прочь по дорожке, словно пони.

Вечером Феликс уселся к столу с пустой тарелкой в руках. Только Ивонна приготовилась

подбросить вверх хрустальный шарик и попросить ужин, как он произнёс:

— Видать, надо и мне уходить из Рая, Ивонна.

Ивонна прижала шарик к сердцу.

— Феликс! Неужто и ты начнёшь задавать мне вопросы? Ты-то что хочешь узнать?

— Я,— сказал Феликс,— пойду за своими братьями.

— И ты тоже! — вздохнула Ивонна.

— И приведу их назад,— сказал Феликс.

В тот же миг из горшка выскочил абрикос и плюхнулся к нему в плоску. Феликс открыл было рот, чтобы съесть его, но Ивонна весело закричала:

— Рано, рано! Один здесь всё равно лишний! Иди же, Феликс! А где твои сабо? Дорога домой тяжела!

— Они у меня на ногах, Ивонна. Мне, верно, лучше забрать с собой и братнины башмаки.

— Вот они,— сказала Ивонна.— Прощай, маленький Принц! Возвращайся домой побыстрее, ведь до того ты будешь голодным.

— Завтра к полудню, Ивонна, я обязательно вернусь.

И с этими словами третий из маленьких Принцев покинул Рай с разинутым ртом.

2

От Рая до всего мира рукой подать — стоит только решиться, и вот, ещё не стемнело, а Феликс уже стоит у ворот Города. Посреди Города текла река с перекинутыми через неё мостами, она делила Город на две половины. В одной вдоль берега шли деревья и цветы в клумбах, дворцы с декоративными водоёмами, сады, где

можно было посидеть и поужинать или потанцевать и повеселиться под открытым небом. Эту часть Города освещали тысячи золотых фонариков. Другая часть была темнее. Феликс бродил меж деревьев и размышлял, в какой половине искать братьев. Мимо катились экипажи, запряжённые гарцующими лошадьми, кучеры щёлкали кнутах и покрикивали на прохожих.

От восторга Феликс так и застыл посреди дороги: шум и суета вокруг захватили его. Вдруг кто-то громко закричал, возникло замешательство — высокий мужчина с палкой схватил Феликса за плечо.

— Эй, мальчик, ты хочешь попасть под колёса? — спросил он.

— Нет, — отвечал Феликс.

— Тогда не стой посреди дороги! Беги-ка ты лучше домой!

— Пока не могу, — сказал Феликс.

— Почему же? Ты заблудился?

— Вовсе нет. Я очень хорошо знаю, что я в Городе, а не в Раю.

Высокий человек так и затрясся от смеха.

— Это ты верно заметил, право слово, — согласился он. — Что ж ты здесь делаешь?

— Ищу братьев.

— Значит, ты всё-таки заблудился.

— Вовсе нет, — повторил Феликс. — Просто я их потерял и должен обязательно найти завтра к полудню. Где они?

— Откуда мне знать?

— Ах, верно, ведь я вам не сказал, — спохватился Феликс, — их зовут Теодор и Криспин.

— Вот как! — вскричал высокий человек и подмигнул собравшимся вокруг прохожим. — Теодор и Криспин! Ты наверняка найдёшь их на вершине Эйфелевой башни.

— Спасибо, — поблагодарил Феликс.

Прохожие, смеясь, объяснили Феликсу, где нужно перейти реку, и он зашагал по берегу мимо деревьев и огней, а толпа последовала за ним.

Не успел Феликс дойти до моста, как в воздухе чем-то вкусно запахло; он вспомнил, что голоден — ведь в тот вечер он так и не поужинал. Пошёл на запах — и оказался в саду, где веселились люди, как веселились всюду в этом весёлом Городе. Под разноцветными тентами, разбросанными меж деревьев, виднелись столики, уставленные всякими яствами; мелькали в листве фонарики, музыка неслась из белого павильона, где бегали официанты с подносами, нагруженными фруктами, мороженым и графинами с вином. За столиками сидели мужчины и женщины в роскошных платьях, с драгоценными камнями на пальцах и в волосах. Кто-то танцевал, другие ели и пили; в воздухе звучали обрывки песен и речей, звенел смех. Ничто, казалось, не напоминало о том, что на свете есть и печаль. Но рядом со всем этим весельем и роскошью, в густой тени ближайшего дерева, сидели трое нищих — старуха и двое её сыновей. Никем не замечаемые, они наслаждались отсветами фонариков, музыкой и запахами, которые доносились до них. Музыка и весёлые крики звучали всё громче, и тогда один из попрошаек сказал:

— Вот это жизнь!

— Да, жить можно только в Городе! — подхватил другой.

А нищенка хмыкнула и закивала головой.

— Что я вам говорила, а? Помните, что я говорила?

И она посмотрела на веселившихся в старый лорнет, который иногда давала мальчишкам, что-

бы и они в него глянули. Казалось, больше им ничего не нужно — только смотреть, и всё!

Но Феликсу этого было мало. Он шагнул к столику, уставленному яствами, и потянулся к кисти винограда. Не успел он её коснуться, как мужчина, сидевший за столиком с другими гостями, схватил его за руку.

— Эй, что ты делаешь? — спросил он.

Почему люди здесь задают такие простые вопросы? Феликс удивился. Впрочем, он вежливо ответил:

— Беру виноград.

— Зачем?

— Потому что я не ужинал.

— Вот как?! — воскликнул мужчина.

Кто-то из гостей сказал, обращаясь к остальным:

— Нет, вы только послушайте!

Одна из дам засмеялась, кто-то возмущённо фыркнул, а из павильона к ним тотчас подбежал хозяин — выяснить, что здесь происходит. Все заговорили разом.

— Этот мальчишка подошёл к нашему столику и схватил виноград!

— Говорит, он не ужинал!

— Вот и вся причина!

— Нет, вы подумайте!

Хозяин посмотрел на Феликса, который стоял рядом, раскрыв рот.

— Так нельзя! — сказал он.

— Дома я всегда так делаю, — возразил Феликс.

— Здесь тебе не отцовский виноградник! Здесь, если хочешь винограду, надо за него заплатить. А что у тебя в карманах?

Феликс вытащил две пары деревянных башмаков и показал их хозяину.

— Это сабо. Я несу их братьям. Но у вас на ногах ботинки — значит, вам сабо не нужны.

Все вокруг расхохотались, да так громко, что и Феликс поневоле засмеялся.

Какая-то дама подала ему гроздь винограда и мягко спросила:

— А где твои братья? И как их зовут?

— Их зовут Теодор и Криспин — они сидят на вершине Эйфелевой башни.

— Кто это тебе сказал? — поинтересовался Хозяин.

Феликс поглядел на людей, толпившихся позади, и ответил:

— Эти добрые люди.

— Как вам не стыдно! — вскричала дама.

Из толпы выступил мужчина и сказал:

— Вы правы. Это была просто шутка. Но мы поможем мальчику найти братьев.

— Мы тоже поможем! — закричали люди, сидевшие за столиками.

— И мы! И мы! — подхватили остальные.

— Благодарю вас, — сказал Феликс. — Найти их нетрудно: они живут с Кларинетт, которая носит кружевное платье, меховой плащ и расшитые туфли.

— Кларинетт? Значит, нужно найти Кларинетт, — воскликнула дама, взяла Феликса за руку и пошла вперёд.

Все последовали за ними. Ибо все начали понимать, как важно Феликсу найти братьев.

И вот они стали искать по всему Городу; прочесали эту сторону реки и ту сторону, поднялись на вершину холма Монмартр¹, обошли вокруг Эйфелеву башню. Одни говорили:

¹ Монмартр, Эйфелева башня, Триумфальная арка и Булонский лес находятся в Париже.

— Надо сходить к Триумфальной арке!

А другие:

— Попробуйте поискать в Булонском лесу!

Или:

— А возле цирка вы смотрели?

Предложения сыпались со всех сторон — они побывали во всех частях Города. Куда бы они ни шли, вокруг собиралась толпа; люди выбегали из лавок, домов и увеселительных заведений посмотреть, что происходит.

— Мы ищем Кларинетт, — говорили им, — которая одевается в кружево и меха. Теодор и Криспин, братья этого мальчика, сейчас у неё.

И, взглянув на Феликса, люди разом восклицали:

— Да, да, надо найти его братьев, а не то мальчик потеряется в Городе!

И каждый раз Феликс объяснял:

— Я не потерялся — я только братьев потерял. Я очень хорошо знаю, что здесь не Рай.

Кончилось тем, что весь Город пустился на поиски Феликсовых братьев; все чувствовали, что не смогут спать спокойно, пока их не найдут. Феликс же всё больше и больше дивился тому, что никто из горожан ни разу не видел ни Криспина, ни Теодора, ни Кларинетт.

— Криспин, Теодор и Кларинетт, — повторял он, — это они и есть.

И кто-то говорил:

— Ах, дитя, кто бы они ни были, в Городе так легко затеряться!

— А в Раю, — объяснял Феликс, — все друг друга знают.

Они искали до рассвета, наконец, измученные и запыхавшиеся, остановились передохнуть в тени деревьев, от которых начали свой путь, — серый свет упал на столики с остатками еды

и на трёх нищих, скорчившихся под деревом.

— Бесполезно, — сказал хозяин. — Давайте лучше позавтракаем!

— Увы, вы правы, — вздохнула дама, которая держала Феликса за руку. — Придётся отказаться от поисков и позавтракать.

— Пусть все войдут! — крикнул Хозяин щедро и указал на павильон: у него было такое чувство, будто, проведя ночь в поисках, все они породнились. И один за другим люди входили в сад — всем хотелось кофе и свежих булочек.

Они рассаживались за столики под яркими тентами, и даже трое нищих выползли из-под дерева — ведь Хозяин пригласил всех. Но когда он увидел трёх нищих — а они единственные не принимали участия в ночных поисках, — он грубо крикнул:

— Не вы! Не вы!

И оттолкнул их.

Тут взоры всех присутствовавших обратились на нищих — Феликс выхватил у дамы руку, подбежал к старухе с двумя оборванцами и весело крикнул:

— Теодор! Криспин! Кларинетт!

Обнял их и расцеловал.

Как все удивились! Как зароптали!

— Он сказал: «Теодор!» И «Криспин»!

— Это и есть его знаменитые братья?

— И Кларинетт, которая носит меха и кружево?

— Нет, вы только посмотрите на её лохмотья!

— А мальчишки! Подлинные оборванцы!

— И даже этот мальчик, который всю ночь водил нас по Городу, не намного их лучше!

Когда серое утро посветлело и в воздухе повеяло прохладой, горожане протёрли глаза

и увидели, что Феликс — всего-навсего мальчишка с растрёпанными волосами и дырками в чулках от лазания по деревьям. И вдруг всему Городу стало стыдно, что их так провели.

— Кто вы такие? — закричали горожане. — Вы, трое мальчишек?

И Феликс, обняв братьев за плечи, ответил:

— В Раю мы три маленьких Принца.

Толпа так и покатилась со смеху.

— А кто эта старая ведьма? — спросили горожане.

Но Феликс не стал отвечать. Он улыбнулся Кларинетт и поднял палец, словно, стоя у окна, прислушивался к чему-то.

Тогда горожане пожали плечами, фыркнули и вернулись в павильон, оставив наших друзей одних. Вскоре сквозь ветки деревьев до них донёсся аромат кофе. Трое братьев сидели с открытыми ртами и жадно вдыхали его. Кларинетт усмехнулась.

— Ах, что за жизнь у нас в Городе! Уж мы-то знаем всему цену!

— Да, верно, — согласился Теодор, дрожа в своих лохмотьях. — Я так рад, что пришёл сюда!

— И я, — подхватил Криспин. — Вы только понюхайте, как пахнет кофе! Дай-ка мне твой лорнет, Кларинетт, я хочу рассмотреть, что там на столах. А то мне кажется, там просто пирожки из песка!

— Не дам, — заворчала Кларинетт. — Мне он самой нужен. Вечно вы, мальчишки, всё хватаете!

— Когда я разбогатею, у меня будут золотые очки, — похвастался Теодор.

— И у меня, — подхватил Криспин. — С алмазами! Вот только разбогатею!

— Тогда я всё на свете смогу увидеть собственными глазами,— сказал Теодор.

— Всё увидеть, как оно есть на самом деле,— прибавил Криспин.

— Вы и сейчас можете всё увидеть собственными глазами,— сказал Феликс.

— Что же мы, по-твоему, увидим? — спросил Теодор.

— Меня, например.

— Ну и что? Кто ты такой?

— Я Феликс,— ответил с изумлением Феликс.

— Феликс? Это кто? — спросил Теодор.

— Ваш брат.

— Невозможно! — воскликнул Теодор.

Феликс ещё больше изумился.

— И ещё вы можете увидеть Рай.

— Рая нет,— заявил Теодор.

— Невозможно! — вскричал Криспин.

— Я пришёл забрать вас домой, туда, где растут яблони и тополя, где Ивонна по вечерам бросает хрустальный шарик, где есть хижина с Ведьмой и сад Феи.

— Но ведьм нет,— заявил Теодор.

— И фей тоже нет,— подхватил Криспин.

Кларинетт взглянула на Феликса своими блестящими хитрыми глазками.

— Ведьмы в Раю? — спросила она.

— В Раю что ведьмы, что феи — всё одно,— ответил Феликс.

И Кларинетт пробормотала:

— Неужто?

— Пойдёмте со мной, прошу вас,— сказал Феликс.— Вот, взгляните, я принёс ваши сабо. Только не надевайте, пока я не вытряхну из них осколки.

Он вытащил из карманов деревянные баш-

маки и перевернул их подошвами кверху; но, к его удивлению, они оказались пусты. Только у каждого башмака в подошве протёрлась дырочка, не больше глазного яблока, а в дырочке застряло круглое стёклышко, чистое, как кристалл.

Теодор и Криспин выхватили башмаки у Феликса из рук.

— Это мои сабо? — вскричал один.

— А это — мои? — подхватил другой.

И оба закричали разом:

— Значит, у нас есть очки! Кларинетт, глянька, Кларинетт, наши сабо теперь как очки! Теперь мы можем всё увидеть собственными глазами!

Они с восторгом прильнули к сабо и стали глядеть сквозь стёклышко в подошве.

— Ах! — воскликнул Теодор. — Я вижу свою любимую яблоньку!

— А я — самый высокий тополь! — обрадовался Криспин.

— Вон серебристая река!

— И золотые скирды хлеба!

— Вон Ведьмино окошко!

— И Феина калитка!

— Вон горшок со сладкими плодами!

— Вон Ивонна с хрустальным шариком!

А потом Теодор и Криспин закричали в один голос:

— Вон наш братец Феликс!

И троё братьев бросились в объятья друг другу.

Теодор и Криспин сунули ноги в деревянные башмаки. Горожане, выйдя из павильона, увидели лишь трёх маленьких оборванцев — это три маленьких Принца со всех ног бежали назад в Рай. А от Кларинетт — старухи, которую они

называли ведьмой, — не осталось и следа. Нет ни следа — и ни звука!

Три маленьких Принца вернулись назавтра ровно в полдень — минута в минуту! Ивонна ждала их на пороге — как же она смеялась, увидав, что они так и вернулись с открытыми ртами!

— Мы голодны, Ивонна! Мы есть хотим! — закричали они наперебой. — Обед готов?

— Сию минутку! — пропела Ивонна. — А пока я готовлю, доешьте-ка лучше то, что оставили в плошках.

Братья бросились к плошкам и съели райские плоды: Теодор — свой персик, Криспин — яблоко, а Феликс — абрикос.

— Теперь всё в порядке! — сказала Ивонна, подбросила хрустальный шарик, хлопнула в ладоши и крикнула: — Обед!

И в ту же минуту большая ложка наполнила плошки до краёв. Братья так и накинулись на еду. Но Теодор вдруг остановился, не донеся ложки до рта, и сказал:

— А я что знаю!

— Что же? — засмеялась Ивонна.

— Я знаю, что в хижине живёт Ведьма, — ты сама мне сказала!

— И я кое-что знаю! — проговорил с полным ртом Криспин.

— Что же? — спросила Ивонна.

— Я знаю, что в саду живёт Фея, — ты сама мне сказала!

— Правда, как их зовут, мы не знаем, — признался Феликс.

— У них на двоих одно имя, — сказала Ивонна. — Только его нельзя назвать, его надо услышать.

Три Принца прислушались, и Феликс, подняв палец, прошептал:

— Мне кажется, я что-то слышу.

— Что-то скрипучее, — сказал Теодор, — словно ржавая оконная петля.

— Что-то сладкое, — сказал Криспин, — словно капелька цветочного нектара.

— Что-то протяжное, — сказал Феликс, — словно звуки флейты.

— Возможно, — кивнула Ивонна.

— Ах, — вскричали три маленьких Принца, — что бы это могло быть?

— Что ж, подумайте, подумайте, — ответила Ивонна и подбросила вверх хрустальный шарик, чтобы дать всем троим добавки.

ОСЛИК ИЗ КОННЕМАРЫ

Оутру мама Денни О'Тула застёгивала сыну пальтецо, поправляла зелёный берет — чтобы в уши не надуло — и провожала до двери. Остальной путь до школы он одолевал сам, поскольку было ему целых семь лет, а улицу надо переходить только один раз.

В тот день, отправляя Денни в школу, мама, по обыкновению, приговаривала:

— Переходи осторожно. Налево-направо посмотреть не забудь.

— Не забуду, — обещал Денни.

Мистер О'Тул ещё не кончил завтракать, но тут же встрепенулся:

— Сын, имей в виду, тебе дадут самый муд-

рый совет всех времён и народов. Смотри налево-направо, и ничего не пропустишь — ни кошку бездомную, ни короля со свитой.

— Не нужны нам кошки и короли, — прервала его миссис О'Тул. — Ты, сынок, сторонись машин и велосипедов.

— Ладно, — пообещал Денни и отправился на Лиственничную улицу, в начальную школу.

А миссис О'Тул вернулась на кухню. Муж набивал первую утреннюю трубку.

— Вечно ты ребёнку голову морочишь, — с улыбкой укорила жена. — Набиваешь ему голову рассказами, точно трубку табаком.

— А чем ещё набивать прикажешь? Табачку место в трубке, а сказкам — в ребячьей голове. — Мистер О'Тул был ирландцем, а жена его — англичанкой, и понимать друг друга им зачастую бывало ох как непросто. Однако и англичане, как известно, бывают разные: одни, не понимая, улыбаются, другие, не понимая, сердятся. Переехав жить в Англию, мистер О'Тул предусмотрительно выбрал в жёны такую, чтоб непременно улыбалась. Вот и сейчас она улыбалась, составляя в раковину гору грязной посуды. А мистер О'Тул собирался на работу. Работал он за углом, в театре Коронации. Дома одевался просто, как все, зато на работе ходил разодетый, блестящий — не подступись. В прошлом году Денни впервые был в театре на рождественской пантомиме. Как хорош Дик Уиттингтон, будущий мэр Лондона! А Кот каков! Просто чудо! А семь волшебниц! А девушка-билетёрша, которая купила ему в антракте ванильное мороженое!.. Но в душу мальчика западали не только герои пантомимы. Денни в тот вечер долго лежал без сна, а потом всё-таки заснул, и все эти чудеса пригрезились ему заново,

а среди них его собственный папка: распахивает дверцы автомобилей, свистком подзывает такси! И надето на нём что-то совершенно удивительное — дома он такого никогда не носит...

— У моего папы золотое пальто! — похвастался Денни в школе.

— Так я тебе и поверил! — сказал Альберт Бриггс, к которому Денни относился без особой нежности. — Всё это басни. Добро тому врать, кто за морем бывал! — Альберт недавно слышал эту поговорку от своего дядюшки, а он верил каждому дядюшкиному слову — точь-в-точь как Денни, который верил всему, что говорил папа. — Ишь, выдумал! «Пальто золотое»... — издевался Альберт. — Не ври, коль за морем не бывал!

Но Денни стоял на своём:

— У папы на плечах золото и спереди, по обеим сторонам.

— Ты, Денни, скажи-ка лучше, где твой папа родился, — хихикнула Мейзи Боннингтон.

— Мой папа родился в Коннемаре! — выкрикнул Денни.

Так неизменно заканчивался любой разговор об его отце. Нелепая для английского уха «Коннемара» веселила детей, и они хохотали до упаду. Школьный поэт даже сочинил на эту тему стишок:

Тары-бары, тары-бары
Врёшь, что он из Коннемары!

— Нет, не вру! — кричал Денни. — Теперь он живёт здесь, а раньше в Коннемаре!

— Раньше чего? — дразнила его Мейзи. — Никакой Коннемары на свете нет!

— Есть!

— Ты всё выдумал.

— Нет, не выдумал. А пальто у папы всё равно золотое!

— Добро тому врать, кто за морем бывал,— твердил своё Альберт Бриггс.

— За морем бывали моряки! Любой моряк тебе скажет, что я говорю правду! — вдохновенно произнёс Денни однажды.

Надо же! Говорит о моряках, точно они его лучшие друзья! Альберт Бриггс даже онемел от возмущения. Но звонок на урок положил конец их спору. Случилось всё это сразу после зимних каникул, когда в театре каждый вечер играли рождественскую пантомиму. А насчет королей и бродячих кошек мистер О'Тул упомянул уже летом. Теперь на носу были летние каникулы, дети хвастали, кто куда поедет, а те, кому предстояло сидеть всё лето дома, делились несбыточными мечтами или вспоминали свои прежние путешествия...

На переходе Денни внимательно посмотрел в обе стороны. Вот дорога опустела, и в мгновение ока Денни был уже у начальной школы, что на Лиственничной улице. У дверей стояла Мейзи Боннингтон, а у нее на руках... Это же надо, чтоб папа вспомнил о кошках именно сегодня! На руках у Мейзи был дымчатый котёнок с лиловым бантом на шейке! А вокруг них толпились одноклассники, и множество рук тянулось, чтоб погладить пушистую шёрстку. На ровно-дымчатой шёрстке попадались молочно-белые и тёмные пятнышки, котёнок испуганно таранил голубые глаза, он боялся протянутых к нему рук и всё тыкался носиком куда-то под мышку Мейзи, точно хотел спрятаться понадежнее.

— Это шиншилловый котёнок! — гордо пояснила Мейзи.

— Дай посмотреть, — попросил Денни О'Тул.

— Дайте Денни посмотреть! — подхватил Альберт Бриггс. — Он в жизни не видел шиншилловых котов, у них в Коннемаре таких нет!

— У нас и почище есть, — уверенно сказал Денни.

— Ну и что же у вас есть?

— Не скажу!

— Сам не знаешь, — презрительно фыркнул Альберт Бриггс.

Так оно и было. И Денни решил отложить спор, пока не выяснит все из первых рук.

— Я тебе завтра скажу, — пообещал он.

— Да куда тебе!

— Скажу, вот увидишь!

— Не скажешь! — победоносно завопил Альберт. — Потому что никакой Конне-оне-мары на свете нет!

Все вокруг радостно загикали, да так громко, что даже мисс Дейли выглянула: отчего такой переполох. Пришла она в школу совсем недавно и была очень-очень молодая. Ребятишки любили мисс Дейли несказанно, ловили каждое её слово, а когда учительница молчала, дети всё равно не сводили с неё глаз. Мисс Дейли захлопала в ладоши:

— Все в класс, все в класс, делу время, потехе час. Что там у тебя, Мейзи?

— Мисс, это шиншилловый котёнок. Мне вчера надарили.

— По-далили, Мейзи. Какой милый! Но знаешь, по-моему, не стоит носить его в школу.

— Ну, мисс, пожалуйста...

Мисс Дейли решительно замотала головой:

— Нет-нет, учиться ему пока рано.

Дети прыснули.

— А сегодня, — продолжила мисс Дейли, —

мы устроим его поудобнее здесь, у дверей, и даже раздобудем молока. Ах ты, маленький...— Мисс Дейли почесала котёнка за ушком и тут же опомнилась:

— Бог мой! Давно пора на урок! Быстро все в класс!

— А вдруг он убежит? — Мейзи всё ещё надеялась отвоевать котёнка.

— Останется твой котик цел и невредим. В обед заберёшь его домой,— успокоила девочку мисс Дейли.

Уроки в то утро шли наперекосяк, все думали только о котёнке. Мейзи Боннингтон купалась в лучах славы — одноклассники завидовали обладательнице такого чуда и всячески к ней подлизывались: вдруг даст подержать котёнка?

Вечером, за чаем, Денни спросил отца:

— Пап, а что там есть — в Коннемаре?

— Самые зелёные холмы во всей Ирландии и самые бездонные трясины на болотах, а озёра что твоё зеркало — всё в воде отражается, до последнего облачка.

— А котята там есть?

— погоди, сам увидишь!

— Когда?

— Когда-нибудь...— Мистер О'Тул задумчиво помешивал ложечкой чай.— Когда-нибудь мы с тобой поедem на дедушкину ферму, туда, где я родился.

Папа обещал это не впервые. Но Денни было уже некогда ждать:

— Так есть там кошки с котятами?

— Кошки, говоришь? С котятами? Да их там столько, что ступить некуда.

— И все твои?

— Если пожелаю. Да зачем они мне? У меня же есть свой ослик.

— Ослик?
— Белый, точно яблоневый цвет.
— Настоящий ослик... — ошеломлённо выдохнул Денни.

— А глаза красные, точно рубины.
— Теренс! — остерегающе промолвила миссис О'Тул.

— А у Мейзиного котёнка голубые глаза. Он шиловый. Она его в школу сегодня приносила, — сказал Денни.

— Да ну... — По рассеянности мистер О'Тул снова принялся размешивать сахар. Но краешком глаза видел, как обиженно дрожат у сына губы.

— Альберт говорит, что в Коннемаре нет шиловых котят.

Мистер О'Тул всё крутил и крутил ложечкой в чашке.

— Передай этому Альберту мои наилучшие пожелания и скажи, что у тебя в Коннемаре есть собственный ослик.

— У меня?

— А у кого ж ещё? Я же тебе его дарю.

— У меня... есть... ослик!.. — Денни задохнулся от восторга.

— Самый что ни на есть настоящий! — Мистер О'Тул встал из-за стола. Пора обратно в театр, ведь он просто улучил минутку, чтобы выпить чаю в семейном кругу, — благо работает неподалёку. Денни увязался за ним, провожать.

— Пап, а он большой?

— Примерно такой. — Рука мистера О'Тула изобразила в воздухе осла. — Тебе как раз по росту.

— А я его увижу?

— Когда-нибудь увидишь...

— И верхом покатаюсь?

«День рождения Розауры»

«День рождения Розауры»

се
ка
хо
во
с
ва
п
о
о
ва
д
д
л
с
о
с
с
п
о
23

— Ещё бы!

— А он быстро бегаёт?

— Быстрее ветра.

— У него есть седло?

— А как же? Плюшевое, небесно-голубое, серебряные заклёпки, точно звезды, горят. Иди-ка домой. Мать рассердится, если улицу переходить вздумаешь.

— А поводья у него есть? — крикнул Денни вслед отцу.

— Алые, из кожи, — отозвался мистер О'Тул с середины улицы.

— Пап, погоди, пап!

Мистер О'Тул перешёл улицу и остановился.

— Как его зовут? — закричал Денни.

— Его зовут Финниган О'Фланнаган! А теперь бегом домой..

— Что с тобой? — воскликнула миссис О'Тул, когда Денни вбежал в дом, пританцовывая от счастья. Мальчик покраснелся, глаза его возбуждённо блеснули.

— Горло не болит? — мама тревожно оглядывала сына, боясь увидеть признаки болезни.

— Финниган О'Фланнаган!!! — крикнул Денни.

Миссис О'Тул тут же заподозрила, что у сына лёгкий бред.

— Мама! Так зовут моего ослика! Финниган О'Фланнаган!

— А, всё ясно, — засмеялась мама. Признаки отцовской болезни были налицо. — Марш в постель! И помолиться не забудь.

Денни пошёл спать и мысленно уложил рядом своего ослика. Вся его молитва, от первого до последнего слова, была о здоровье Финнигана О'Фланнагана.

Наутро он, запыхавшись, прибежал в школу и перехватил Альберта Бриггса возле класса.

— В Коннемаре есть ослики!

— Чего?

— И у меня там есть свой ослик!

— Чего?

— Ос-лик! Мой собственный ослик! Его зовут Финниган...

Тут прозвенел звонок, но ещё до первой перемены все кругом узнали, что у Денни О'Тула есть в Коннемаре собственный осёл. Если Денни не врёт. Но ведь Коннемары на свете нет? Значит у Денни нет никакого осла! Так ему и было заявлено на площадке во время перемены. Денни решил предъявить вещественные доказательства:

— У него есть голубое седло!

— Ура! — закричали сторонники Денни.

— А ещё красные поводья и серебряные заклёпки на седле! — продолжал Денни.

— Врёшь! — заорали его противники.

— Он весь белый!

— Белых ослов не бывает, — уверенно заявил Альберт Бриггс.

— А мой — белый. С рубиновыми глазами. Его зовут Финниган О'Фланнаган!

— Финниган О'Фланнаган! Ха-ха-ха! — Альберт уже откровенно издевался. — Не бывал за морем, так не ври!

Противники Денни победили — их попросту оказалось больше. Дети носились по площадке, выкрикивая смешное, бессмысленное имя. Финниган О'Флан-на-ган! Белый осёл с рубиновыми глазами! Такого ни один моряк не выдумает! Школьного поэта посетила Муза и решительно взяла его за горло.

Денни слабак,
А ослик дурак!

— провозгласил он.

— Денни слабак, а ослик дурак! — повторили все, как один. И не унимались до самого звонка.

В классе мисс Дейли сказала:

— Денни! Платок!

Ибо Денни, сидя на первой парте прямо у неё под носом, принялся вытирать нос рукавом и рукой. Он старался не шмыгать и вытирать нос понезаметней — хотел скрыть от мисс Дейли, что сердце его разбито. Но теперь, под пристальным взглядом её голубых гдаз, Денни извлёк из кармана платок, высморкался и одновременно промокнул глаза.

Глаза он, конечно, промокнул украдкой. Одно дело — хорошенько высморкаться, ничего в этом стыдного нет. И совсем иное дело — вытереть глаза. Он же не слабак, нельзя ему плакать!.. Между тем мисс Дейли, ободряюще улынувшись Денни, продолжила урок. Что же стряслось у её любимца Денни О'Тула?

Мисс Дейли втайне любила его больше других учеников, и на то были свои причины. Впрочем, любимчики есть почти у каждого учителя, только негоже, чтобы об этом прознали дети. А слёзы... Что ж, учителям детские слёзы не в диковинку. На большой перемене мисс Дейли подозвала к себе Денни и сунула ему в петлицу зелёный трилистник. Трилистник — символ Ирландии, мисс Дейли получила его в то утро по почте — в подарок.

— Это на счастье, Денни.

— Спасибо, мисс... Мисс Дейли!

— Что, Денни?

— А вы видали белых ослов?

- Белых ослов? Где?
- Ну, бывают на свете белые ослики?
- Конечно, бывают. Сама я, правда, не видела. Они очень редкие.
- Что такое редкие? — спросил Денни.
- Ну, значит — особенные, чудесные.

И Денни с гордым видом отправился на перемену, трилистник придал ему сил. Проходя недалеко от Альберта Бриггса, он закричал:

— Мисс Дейли говорит, что белые ослы бывают! Просто они особенные, чудесные. Финниган О'Фланнаган чудесный, ясно?

На следующий день вещественных доказательств прибавилось:

— Его копыта сияют, точно позолоченные.
А в хвост вплетена роза!

— Ура!

— Врёшь!

Каждый день Денни добавлял все новые штрихи к портрету Финнигана О'Фланнагана. Их по вечерам сообщал ему папа. И Сторонники и Противники толпились вокруг Денни и слушали, как Финниган О'Фланнаган принимал участие в гонках и обскакал всех ослят и жеребят на три корпуса! А однажды Финниган О'Фланнаган повстречал на дороге бешеного быка и так браво закричал «Иа-иа», что бык попятился и убежал, поджавши хвост. Так Финниган О'Фланнаган спас жизнь Гальвитской принцессы и получил от самого Мэра медаль за храбрость. Рёв Финнигана О'Фланнагана распугал всех духов и привидений, их теперь в Коннемаре нет! Финниган О'Фланнаган смел, как лев, кроток, как голубица, и мудр, как сова. Он умеет пронести спящего ребёнка по рытвинам и ухабам — тот даже не проснётся. Финниган запросто распознает подлеца среди честных лю-

дей. Если вздумает подлец сесть на Финнигана, ему несдобровать: ни «тпру», ни «ну» сказать не успеет, а ослик уже скинет его в болото.

— Ура! — кричали Сторонники.

— Враньё! — орали Противники.

Но все ждали новых и новых рассказов об ослике. Правдива ли, нет ли — хорошая сказка детям всегда в радость... Конечно, Финниган О'Фланнаган не стал в школе общеизвестной истиной, но общеизвестной сказкой безусловно стал.

Учебный год подходил к концу. Интерес к ослику из Коннемары постепенно угасал — ведь впереди маячили каникулы!

— Ты куда едешь?

— А ты, Мейзи?

— Неужели ты никуда не поедешь, Берт?

— В Саутэнд, на две недели.

— Вот счастливый! — вздохнула мисс Дейли, пробегая мимо со стопками тетрадей в руках.

— А вы куда едете, мисс Дейли?

— В Баллинахинч. — И мисс Дейли поспешила дальше, а ребяташки весело захихикали над незнакомым, смешным названием.

Наконец, в последний школьный день, одноклассники подступили и к Денни:

— Ну, а ты куда поедешь?

— Никуда.

— Значит, он собрался в Коннемару, — фыркнул Альберт Бриггс. — Он едет в никуда, а Коннемары на свете нет. Вот и выходит, что он едет в Коннемару.

— Сейчас как дам! — Денни сжал кулаки.

— Ну-ка ты, заткнись! — неожиданно сказала Мейзи Альберту Бриггсу. Мейзи была сегодня щедра, ведь ей предстоит ехать к тётке в Шорхем, а не скучать дома. Вот она и решила

утешить Денни и даже пошла с ним рядом, когда дети гурьбой хлынули в класс.

— Расскажи, что нового у Финнигана? — спросила Мейзи.

И Денни попался на удочку.

— Однажды папа потерялся на болоте. Стояла кромешная тьма, у него погасла лампа, а кругом болото... И тогда у Финнигана глаза засверкали, точно красные фары, и светили всю дорогу, целых сто миль. Папа был очень голодный, он умер бы с голоду, если бы Финниган не...

— Он же мог кроликов настрелять, — ввернул словцо Альберт Бриггс.

— Нет, не мог. У него ружья не было.

— Куда же оно делось?

— Он тогда был маленький.

— Когда потерялся?

— Ну да! И Финниган...

— А сколько сейчас твоему папе лет? — снова встрял Альберт Бриггс.

И Денни честно ответил:

— Пятьдесят два.

— Значит, твой Финниган давным-давно сдох!

Денни обернулся и посмотрел на Альберта в упор. Тот ухмылялся из ребячьей толпы:

— Ослы живут по двадцать лет! И Финниган давно сдох! Нет у Денни никакого осла. Денни — слабак!

— А ослик дурак! — подхватил школьный поэт.

— Денни — слабак! А ослик дурак! — завопили мальчишки.

Это неправда! Неправда! Всё он врёт, этот Бриггс! Папа никогда не обманывает! Денни сжал кулаки, готовый броситься на Бриггса,

но вдруг круто развернулся и, заливаясь слезами, стремглав бросился домой.

В тот день, перебегая улицу, он забыл посмотреть сперва налево, а потом направо...

На следующее утро Мейзи рассказала мисс Дейли, что стряслось с Денни накануне.

В тот же вечер учительница зашла к О'Тулам.

— Миссис О'Тул, я пришла проведать Денни. Мы все очень сочувствуем вашей беде... Как он сейчас?

— Ох, мисс, и не спрашивайте. Очень плох. Да вы зайдите к нему в комнату.

Но Денни не узнал мисс Дейли. Он непрерывно разговаривал с кем-то другим, невидимым, по имени Финниган. Вдруг он глянул на мисс Дейли и сжал кулаки:

— Финниган не сдох! Сейчас получишь! — закричал он.

— Лучше мне уйти, — прошептала мисс Дейли. — Нет-нет, не провожайте. Я найду дорогу.

Она вышла от О'Тулов очень расстроенная. Мистер О'Тул ходил по дорожке от калитки до крыльца — взад-вперёд, взад-вперёд. Он рассеянно глянул на девушку.

— Вы, должно быть, сиделка?

Мисс Дейли тут же распознала дорогой её сердцу ирландский говор, и душа её по-родственному потянулась к старшему О'Тулу, как тянулась к его рыжему сыну.

— Я учительница Денни, меня зовут Китти Дейли, — сказала она. — Мистер О'Тул, скажите, кто такой Финниган?

И мистер О'Тул рассказал о Финнигане всё, без утайки. И о розе, вплетённой в хвост, и о том, что Финнигана, конечно же, нет на свете.

— Я-то старый болван! Заморочил ему голову сказками, — горевал отец. — Он спрашивал, спрашивал, каждое слово ловил, вот я и выдумывал небылицы, всё остановиться не мог!.. — Тут мистер О'Тул расплакался, а с ним и мисс Дейли.

— Я вам непременно напишу, — сказала она. — Завтра я уезжаю домой, а оттуда напишу. И вы мне пришлите весточку — как там Денни.

Мисс Дейли и в самом деле написала, только не сразу. Когда возвращаешься домой после долгого перерыва, у тебя заполнен каждый день, каждый час. Да и сам Ирландский пролив — это не просто мили за кормой, тут кончается Англия и начинается совсем другая жизнь. Да ещё, как на грех, вслед за ней в деревушку приехал молодой морской офицер по имени Фрэнк. Китти знала его прежде: он служил на одном корабле с её братом. И надо же — такое совпадение! — приехал в отпуск в её родные края. Всю первую неделю оба через слово восклицали:

— Надо же такое совпадение!

Фрэнк любил фотографировать, он снимал всё подряд — всё, что показывала ему мисс Дейли. Только сама мисс Дейли ни разу не попала в кадр. Уж как он её уламывал, как упрашивал — Китти не соглашалась ни в какую.

Как-то, на исходе недели, они стояли у загона и кормили чертополохом старого серого ослика Падди, который возил в деревню торф с болота.

Вдруг мисс Дейли воскликнула:

— Бог ты мой!

— Что случилось? — беспокоился Фрэнк.

— Я же не написала!

— Кому?

— Денни, моему дорогому Денни!
— Кто такой Денни? — сурово поинтересовался Фрэнк.

— Мой любимый ученик. Он под машину попал! Сегодня же напишу!

А через три дня Фрэнк застал мисс Дейли в слезах. В руках она держала письмо из Англии.

— Китти! Китти, дорогая, что случилось?

— Денни... — рыдала она.

— Неужели?

— Нет, но очень плох, его отвезли в больницу! И он всё плачет по своему Финнигану.

— Что за Финниган?

Мисс Дейли рассказала Фрэнку всё, что рассказал ей мистер О'Тул: как любил Денни этого ослика из Коннемары, белоснежного ослика с рубиновыми глазами, золочёными копытами и розой в хвосте — его собственного ослика, которого он никогда не видел.

— Конечно же, нет на самом деле никакого ослика, — всхлипывала мисс Дейли, — и не было никогда. Но Денни, бедняжка, всё плачет, что ослик умер. А отец ничем, ничем не может его утешить. Был бы у меня белый ослик... Я бы его тут же подарила Денни!

Моряк нежно погладил руку мисс Дейли.

— Ты очень добр, — вздохнула она. — Спасибо, что жалеешь бедняжку Денни. Но его ничто не утешит, только белый ослик.

— Значит, раздобудем белого ослика! — воскликнул Фрэнк. Он готов был достать звезду с неба, лишь бы не катились слёзы из прекрасных синих глаз Китти Дейли.

Слёзы и впрямь тут же высохли, а синие глаза удивлённо уставились в карие глаза Фрэнка.

— Что ты задумал?

— Увидишь! — ответил Фрэнк. — Приходи завтра к загону ровно в полдень и... Китти!

— Что?

— Молись, чтобы завтра было солнце!

Мисс Дейли, должно быть, молилась ночь напролёт, потому что день выдался погожий, солнечный, как никогда. Даже не дождавшись полудня, Китти прибежала к загону. Фрэнк, однако, был на месте, и Падди тоже. Но, погодите... Разве это Падди? Должно быть, добытки торфа завели ещё одного осла — белого, точно снег, сияющий под солнцем на горных вершинах. Китти подошла поближе. Фрэнк привязывал к хвосту этого невиданного чуда пышную махровую розу. Лента была синей, под цвет глаз мисс Дейли.

— Позвольте представить вам Финнигана О'Фланнагана, — торжественно произнес Фрэнк. — Только не подходи близко, он ещё не высох. Ну как, нравится?

— Какой красавец! — прошептала мисс Дейли. — Где твой фотоаппарат? — Она уже поняла затею Фрэнка. — Сфотографируй его на фоне чёрного сарая, он засияет как ангел небесный!

— Только бы постоял спокойно, — сказал Фрэнк. — Он меня уже два раза лягнул и ведёрко с краской опрокинул.

— Меня он лягать не будет, мы с ним старинные друзья. Правда, Падди? — обратилась к ослику мисс Дейли.

— Вот и отлично! — обрадовался Фрэнк. — Тогда стой с ним рядом, чтобы он не шелохнулся.

— Опять ты за своё! Не хочу я фотографироваться!

— Даже ради бедняжки Денни?

— Он же не по мне тоскует.

— Но если ты будешь в кадре, он поверит, что ослик настоящий.

Мисс Дейли заколебалась. И тут Фрэнка осенило.

— Я придумал отличный кадр! Подними ослу хвост и нюхай розу!

Тут уж мисс Дейли сдалась. Давясь от смеха, она двумя пальцами приподняла ослику хвост и принялась нюхать махровую розу. Щёлкнул затвор аппарата.

— Готово! — крикнул Фрэнк. — Ещё один кадр сделаю, чтоб уж наверняка! — Затвор снова щёлкнул. — Мы увеличим лучший кадр и отправим авиапочтой.

— Ой! — воскликнула Китти Дейли. — Так бы тебя и расцеловала!

— Так за чем же дело стало? — улыбнулся Фрэнк.

Один ослик из Коннемары с розой в хвосте улетел в Англию, а другой поселился у Фрэнка в нагрудном кармане.

Осенью Денни не пришёл в начальную школу на Лиственничной улице. Но к середине учебного года он уже достаточно окреп, и врачи разрешили ему учиться. Одноклассники ждали Денни с нетерпением. Мисс Дейли уже навестила его дома и знала, что принесёт он с собой в первый день. Она отошла в сторонку. А Денни выложил на парту плоский коричневый свёрток, такой большой, что даже в портфель не влезал, и Денни нёс его под мышкой.

— Что это? — немедленно поинтересовался Альберт Бриггс.

— Это мой ослик, Финниган О'Фланнаган, — ответил Денни.

Дети столпились вокруг Денни, а он снял

обёртку, вынул большой твёрдый конверт и извлёк оттуда фотографию ослика — белого, точно яблоневый цвет, точно снег на горных вершинах, точно белила. Дети изумлённо охнули. Ангелоподобный ослик белел на фоне чёрного сарая, глаза его сверкали как рубины, а копыта золотились — Фрэнк выкрасил их светящейся краской. Чтоб развеять последние сомнения, подле ослика стояла их собственная учительница и нюхала розу, вплетённую в Финниганов хвост, а её улыбка озаряла лужайку, как шаловливый солнечный лучик.

— Ура! — воскликнули хором Сторонники и Противники.

— Это же мисс Дейли! — сказала Мейзи Боннингтон и подскочила к учительнице. — Мисс! Мисс! Это вы на фотографии?

— Конечно я!

— А это... правда — Финниган?

— А кто же ещё? Финниган О'Фланнаган. Другого такого в мире не сыщешь!

И мисс Дейли принялась сочинять почище мистера О'Тула. Её сказкам, однако, верили больше, ведь речь шла о живом ослике, которого она своими глазами видела летом, совсем недавно, а не пятьдесят лет назад. Дети пораскрывали рты от восторга. Лишь Альберта Бриггса грыз червь сомнения. И стоило мисс Дейли перевести дух, как Бриггс встрял с вопросом.

— Мисс, ведь Денни сказал, что его ослик в Коннемаре!

— Так оно и есть, — сказал Денни.

— Но мисс, вы же сказали, что едете в какой-то Баллинич.

— Правильно, глупыш. Баллинахинч — это и есть Коннемара. Просто другое название, — засмеялась мисс Дейли.

— Так, значит, есть такое место — Конне-мара? — спросила Мейзи.

— Ещё бы! Я же там родилась!

Альберт Бриггс понял, что его карта бита. Поняли это и все ученики начальной школы на Лиственничной улице. Видя такой расклад, школьный поэт тут же изменил курс:

— Берт — слабак,

Берт — дурак!

И все вокруг подхватили новый стишок. То была первая, но далеко не последняя победа Денни О'Тула.

Из Ирландии мисс Дейли вернулась с колечком на левой руке, прежде она его не носила. А однажды по классу пополз слух, что к мисс Дейли пришёл лейтенант, морской офицер, который побывал за всеми морями на свете. Все бросились смотреть. И точно: моряк сидит в учительской и болтает с мисс Дейли. Потом он вышел поговорить с ребятами, и они плотно обступили моряка, а некоторые даже отважились до него дотронуться. Чего только не рассказал он о Финнигане О'Фланнагане! Он переплюнул мистера О'Тула и мисс Дейли, вместе взятых. Оказывается, тот, кто побывал за морем, умеет рассказывать такую правду, которая почище любого вранья! А ещё он сообщил им очень-очень печальное известие: мисс Дейли после Нового года от них уходит.

— Будет теперь меня вместо вас учить, — вздохнул моряк. — Ох, я не выдержу — один в целом классе!.. Она же с меня три шкуры спустит!

Дети засмеялись. А Мейзи Боннингтон поспешила его успокоить:

— Сэр, она очень добрая и почти никогда не сердится.

— Правда? Ну, тогда проживу как-нибудь, — сказал моряк. А потом сообщил им другое известие, на сей раз очень радостное. На Рождество они с мисс Дейли дарят всему классу билеты на пантомиму в театр Коронации. Встреча — у школы в первую субботу января.

Моряк своё слово сдержал. «Алладин» в театре Коронации превзошёл все ожидания. Альберт Бриггс запомнил все золотые чудеса в Алладиновой пещере. Но больше всего его ослепил блеск золотых галунов на пальто важного человека, который распоряжался при входе. Человек этот с серьёзным видом подмигнул Денни, а Денни, проходя мимо, шепнул ему:

— Привет, папа!

Альберт понял, что это и есть отец Денни О'Тула. На плечах и рукавах у него сверкало золото...

ТИМЫ

овно сто лет назад — а может, годом раньше или позже — точнѐхонько посреди Англии — а может, к северу или к югу — стояла счастливая деревушка. И счастливой была она оттого, что жили тут Тимы.

В семействе их было пятеро: Старый Тим, Большой Тим, Юный Тим, Маленький Тим и Крошка Тим. И все они уродились мудрецами. Что бы в деревне ни случилось, что бы ни стряслось — засуха, пропажа или ещё какая напасть, — люди говорили:

— Надо спросить у Тимов, они наверняка знают, как беде помочь. Недаром мудрецами уродились.

Проведал раз Фермер Джон, что цыгане облюбовали его сарай для ночлега. Вы, верно, думаете, будто он сразу позвал констебля и упёк непрощенных гостей в тюрьму? Ничего подобного. Фермер Джон подумал: «Пойду-ка я, посоветуюсь со Старым Тимом».

И он отправился к Старому Тиму, а тому было от роду восемьдесят лет. Старый Тим сидел у камина и попыхивал глиняной трубкой.

— Утро доброе, Старый Тим,— приветствовал его Фермер Джон.

— Доброе, доброе,— согласился Старый Тим, вынув изо рта трубку.

— У меня в сарае опять цыгане ночевать повадились,— пожаловался Фермер Джон.

— Неужто опять? — посочувствовал Старый Тим.

— Да вот напасть какая,— разохался Фермер Джон.

— Поди ж ты! — подивился Старый Тим.

— Ты у нас мудрецом уродился,— сказал Фермер Джон.— Что б ты сделал на моём месте?

Старый Тим снова принялся сосать трубку. И произнёс:

— Будь я на твоём месте, я бы спросил Большого Тима. Он тоже мудрецом уродился, но ему от роду всего шестьдесят. Значит, он на целых двадцать лет ближе к мудрости.

Пошёл Фермер Джон искать Большого Тима, который Старому Тиму доводился сыном. Большой Тим сидел на заборе и покуривал вересковую трубку.

— Утро доброе, Большой Тим,— сказал Фермер Джон.

— Доброе, доброе,— сказал Большой Тим, вытащив трубку из рта.

— У меня в сарае опять цыгане ночевать повадились,— пожаловался Фермер Джон.— И Старый Тим велел у тебя спросить, что б ты сделал на моём месте. Ты ж у нас мудрецом уродился.

Большой Тим снова вынул из рта трубку и промолвил:

— На твоём месте я бы спросил Юного Тима. Он тоже мудрецом уродился, но ему всего сорок. Значит, он на двадцать лет ближе к мудрости.

Отправился Фермер Джон искать Юного Тима, а был он не кто иной, как Большого Тима родной сын. Юный Тим лежал в стогу и жевал соломинку.

— Утро доброе, Юный Тим,— сказал Фермер Джон.

— Доброе, доброе,— согласился Юный Тим, вынув соломинку из рта.

Фермер Джон пожаловался ему на свою беду и под конец добавил:

— Меня к тебе Большой Тим прислал. Ты ж у нас мудрецом уродился.

Сунув соломинку обратно в рот, Юный Тим сказал:

— Маленький Тим тоже мудрецом уродился, но ему всего двадцать. Значит и мудрость его на двадцать лет свежее.

Отправился Фермер Джон к Маленькому Тиму, который доводился Юному Тиму родным сыном, и застал его на берегу мельничного пруда. Маленький Тим жевал яблоко.

— Доброе утро, Маленький Тим,— сказал Фермер Джон.

— Доброе, доброе,— согласился Маленький Тим, прожевав кусок яблока.

В четвёртый раз поведал Фермер Джон о своей беде и напоследок добавил:

— Юный Тим считает, что ты подскажешь, что мне делать. Ты ведь у нас мудрым уродился.

Но Маленький Тим откусил ещё яблока и сказал:

— Моему сыну от роду месяц. И он тоже мудрым уродился. Он пока у самых истоков мудрости. Пойди к нему.

Фермер Джон нашёл Крошку Тима — сына Маленького Тима — в колыбели. Он сосал большой палец.

— Утро доброе, Крошка Тим, — сказал Фермер Джон.

Крошка Тим вытащил палец изо рта и ничего не сказал.

— Крошка Тим, у меня в сарае опять цыгане ночевать повадились, — сказал Фермер Джон. — Маленький Тим велел к тебе за советом идти. Ты, говорят, мудрым уродился. Что б ты сделал на моём месте? Как скажешь, так и сделаю.

Крошка Тим снова сунул палец в рот и промолчал.

А Фермер Джон пошёл домой и сделал то же самое.

Цыгане вскоре перекочевали в другую деревню и заночевали в сарае у Фермера Джорджа. И Фермер Джордж позвал констебля и упёк цыган в тюрьму. А в отместку у него и сарай, и стога дотла спалили да ещё и рябую несущку украли — недели не прошло.

Зато счастливая деревня жила по-прежнему счастливо. Ничегошеньки деревенские не делали, ничего не предпринимали. Конечно, и в счастливой деревне не всякий день гладко шёл. Как-то Мельничиха в сердцах оттаскала Мельника за

уши; другой раз бродячий торговец дал Молли Браун фальшивую монетку, а однажды сам преподобный отец хлебнул лишку и горланил песни на всю округу. Только деревенские ни во что не вмешивались. И всё потихоньку налаживалось.

Но вот пришёл день, когда Крошка Тим, так и не женившись, умер, дожив до ста лет. И счастливая деревня стала совсем обычной. Деревенские, оставшись без советчиков, стали поступать как все.

ВСЕГО ЗА ПЕННИ

I

о дороге из школы Джонни Мун нашёл пенни. Мейбл Барнард заметила, как он поднимает монетку, и воскликнула:

— Вот везучий! А что ты с ней сделаешь, Джонни?

Джонни твёрдо знал, чего хочет:

— Куплю шоколадку.

II

Обедать Джонни Мун не пришёл, к чаю тоже не явился. Под вечер миссис Мун была в полном отчаянии. В школу она сбегала ещё в полдень, а теперь не знала, что и делать. От дома до школы пять минут, городишко невелик, и обычно она с лёгким сердцем отпускала Джонни одного. Многие соседские ребяташки ходили той же дорогой, да и смешно провожать

такого взрослого парня — ему же целых пять лет!

Соседи, а с ними и Мейбл Барнард, быстро узнали о пропаже. Расспросив Мейбл, миссис Мун обежала все кондитерские. Но Джонни никто не видел. Продавцы бы его непременно запомнили!

Где же он? Что с ним? Неужели под машину попал? Однако ни в полицейском участке, ни в больнице ничего о Джонни не знали. Может, цыгане увели? И скоро вся округа знала, что Джонни Мун украли цыгане.

На самом деле цыгане были ни при чём. Просто Джонни Мун нашёл пенни и решил потратить его с толком.

III

Купить шоколадку в городе — проще простого. Зайди в «Кондитерскую» Портера, в «Пирожковую» или в магазинчик «Сладости», положи на прилавок пенни, и тут же получишь плитку шоколада. Но однажды, давным-давно, Джонни Мун побывал на вокзале на окраине города — они встречали дядю Тома из Портсмута. Ни до, ни после Джонни там не был, но помнил всё. Народ кругом спешит, суетится; они с мамой, как водится, опаздывают, потому что у миссис Мун всегда полно неотложных дел. И в сумрачном зале возле касс их встречает новый, незнакомый ещё дядя с обветренным, загорелым лицом. Запыхавшаяся миссис Мун долго отдувается, а рядом, за загородкой, пыхтит паровоз — ещё громче, чем миссис Мун. Потом, с победоносным свистом, проносится мимо другой паровоз; над составом, точно знамя, полощется густой белый дым. Джонни запомнил всё. Но больше

всего запала ему в душу такая картина: какой-то маленький мальчик подходит к высокому автомату, суёт в прорезь монетку, тянет за рычажок, и прямо ему в руки выскакивает плитка шоколада! Вот уж чудо так чудо! И шоколад тут, должно быть, совсем другой, вкусней, чем в «Кондитерской», в «Сладостях» или в «Пирожковой»! С того дня заветной мечтой Джонни стал вокзальный автомат. Когда-нибудь и он сунет монетку в прорезь, потянет рычажок и получит самый вкусный шоколад на свете. В пенни четыре фартинга. За счастье потянуть рычажок целого фартинга не жалко! А если рядом будет пыхтеть паровоз, а другой с гиком и свистом пронесётся мимо — счастья ещё на два фартинга. А сама шоколадка!.. Короче, когда Джонни Мун нашёл пенни, он без колебаний потопал на вокзал, чтоб без взрослой указки и надзора потратить монету в своё удовольствие. И коротенькие пухлые ножки в самом деле привели его на вокзал, а миссис Мун некого было накормить обедом.

IV

Вот они — автоматы. Сейчас исполнится заветная мечта Джонни Муна! Малыш бросился к крайнему автомату и сунул монетку в прорезь. Сердце бешено колотилось. Он схватился за рычажок, потянул изо всей мочи, — и ему в руки выскочил маленький картонный билет...

Джонни глазам своим не поверил. Неужели волшебный автомат его обманул? Но это же подло! Гадко! Он снова потянул рычажок, но автомат не отозвался. Проглотил его монетку и молчит! Не видать Джонни самого вкусного на свете шоколада. Что же делать ему теперь? Только плакать...

К плачущему мальчику подошла дама. Наклонившись, она рассмотрела билет и промокнула слёзы Джонни носовым платком.

— Что случилось, детка? Ну, не плачь! Ты боишься один идти на платформу? Там очень шумно? Пойдём со мной. Я как раз встречаю дочку из Лондона. А ты кого встречаешь?

— Дядю Тома из Полсмута, — находчиво ответил Джонни Мун.

Слёзы мгновенно высохли. Его возьмут на платформу! Какая удача! Уцепившись за руку дамы, он прошёл сквозь толпу через какие-то воротца в огромный дворец с крышей, но без стен. Здесь, в своём особом мире, жили паровозы, здесь иначе пахло и даже голоса звучали иначе — гулко и странно. Кругом двери, двери — в лавки, в магазинчики, к лестницам, что вели куда-то наверх, к стеклянной крыше, и вниз, в тёмные каменные пещеры. Впереди друг за дружкой тянулось множество тротуаров, а между ними зияли ямы. В одной такой яме, вдалеке, недвижно стоял поезд. И вдруг к тротуару, где стоял Джонни, с ужасным рёвом и грохотом подкатил другой состав и, пыхтя, остановился, закрыв собой все тротуары и поезда.

Ухватив Джонни покрепче, дама принялась отчаянно размахивать свободной рукой:

— Вон моя дочка! Видишь! Гледис! Гледис! Эй, носильщик! Гледис, дорогая, мы тут! Носильщик! Чемодан там, в вагоне. Послушайте, носильщик, куда прибывает ближайший портсмутский поезд? К пятой платформе?

И дама подтолкнула Джонни:

— Беги, малыш, пока не увидишь цифру пять. Ты ведь знаешь цифры?

— Знаю, — ответил Джонни и побежал по каменным ступенькам в таинственную подземную пещеру, он очень торопился: вдруг его остановят и он так и не узнает, что же там внизу, под землёй.

VI

В пещере он пробыл очень долго. Там было так хорошо, что и уходить не хотелось. Шаги звучали иначе, а кругом прохлада и сумрак. Можно расхаживать важно, по-взрослому, топать сколько душе угодно или бегать взад-вперёд, можно притвориться, будто ты — паровоз и тащишь целый поезд. Ты рычишь, и урчишь, и кричишь «хо-хо!», и не узнаёшь собственного голоса. Ты носишься из конца в конец, кричишь всё громче, топаешь всё уверенней, бегаешь всё быстрее. И никто тебя не останавливает, все спешат, лишь оглянется редкий неторопливый пассажир да улыбнётся. А иногда ты остаёшься вдруг в пещере совсем один. И снова бежишь мимо щелей, куда уходят все лестницы, откуда проникает дневной свет. Возле каждой лестницы большие цифры, и ты считаешь:

— Один! Два! Тли! Четыле! Пять! Сесть! — и несёшься дальше.

А цифры отскакивают от стен и набегают снова чужим, незнакомым голосом.

Вдруг Джонни услышал голос носильщика:

— Эй, парень, по-о-остранись!

Носильщик глянул на Джонни очень сердито — тот даже вжался в стенку, а когда носильщик с тележкой скрылся из виду, мальчик ринулся вверх по первой попавшейся лестнице.

Снова день, снова солнце, но он уже на другой платформе. Воротца, через которые он вхо-

дил, теперь далеко — через две платформы и две ямы. А Джонни оказался в самом центре вокзального мира. Вокруг люди, люди — стоят, сидят на скамейках, а то и на чемоданах. Невдалеке, в загончике, телёнок. Подойдя поближе, Джонни сказал: «Му-у» — и погладил телёнка по носу. Нос оказался тёплым. Телёнок прыгнул и отозвался: «Му-у», точно эхо внизу, в туннеле. Посредине этой платформы светился стеклянный домик, там продавали еду и чай в прозрачных коробочках и стаканчиках. У Джонни вдруг засосало под ложечкой, он вспомнил, что не обедал, и подошёл поближе. Стоял он долго и не сводил глаз с булочек в прозрачной упаковке, а девушка за прилавком болтала с моряком. Наконец она обратилась к Джонни:

— Ну, что ты выбрал?

Джонни побрёл прочь. Неожиданно его догнал моряк:

— Держи-ка, друг! — и моряк сунул в руку Джонни липкую от сахара булочку.

Схватив булку, Джонни тут же шмыгнул прочь, а то ещё продавщица опомнится и заберёт назад. Он даже решил съесть булочку на другой платформе и направился обратно в пещеру. У подножья лестницы он повстречал, а точнее, наткнулся на маленькую девочку с ведёрком и лопаткой, она семенила позади большого семейства: вслед за родителями, сестрёнками и братишками. Девочка сказала:

— Плостите! — точно не Джонни налетел на неё, а наоборот.

— Площаю! — сказал Джонни.

— Я ездила в Лиллалктон, — сообщила девочка. — А тепель возвращаюсь в Клепхем. Хочешь леденцов? — Она протянула Джонни пакетик. Мальчик взял два леденца.

— Меня зовут Долинда,— продолжала девочка.— Ой, до свиданья, а то я потеляюсь!

— До свиданья,— ответил Джонни Мун и направился на Шестую платформу, а Доринда поплелась на Первую.

Над Шестой платформой не было даже крыши, зато тут стоял поезд с маленькими вагончиками. Вокруг никого не было, и Джонни залез в пустой вагончик и примостился в уголке на пыльном ворсистом сиденье. Он ел свою булочку, сосал леденцы и глядел в окошко на огромную угольную гору и чахлые зелёные деревца. Он досасывал второй леденец, уголь смешался с деревьями, выплыло загорелое лицо дяди Тома, он беседовал с девушкой-булочкой прямо у Джонни в классе, только девушка была уже не булочка, а Доринда, а телёнок объяснял у доски урок...

А потом Джонни враз очнулся и понял, что поезд тронулся с места! Он ехал медленно, но вот угольная гора осталась позади, чахлые деревца уступили место зелёному полю с великолепной кучей мусора посередине. Тут поезд остановился.

— Полтсмут! — объявил себе Джонни и захотел вылезти из вагона, потому что узрел на свалке отличное гнутое колесо от велосипеда. Но дверь оказалась заперта, и прежде чем Джонни добрался до другого конца вагона, поезд уже попятился и покатил назад так же неспешно, как ехал вперёд. Снова показалась угольная гора. Какие-то люди кидали уголь в грузовики. Джонни выбрался из вагона и, перебравшись через пути по деревянным мосткам — вниз, а потом вверх,— очутился возле самой горы и стал смотреть за погрузкой. Тут собралось много ребятни. Один паренёк, постарше, кинул в кузов

пригоршню угля. Мужчины улыбнулись. Тогда и другие мальчишки, а с ними и Джонни, тоже принялись помогать. Джонни успел бросить целых пять пригоршней, но тут один из грузчиков гикнул:

— Эй, пацаны, по домам.

Мальчишки, хохоча, порскнули во все стороны, а Джонни возвратился в паровозный дворец. Спустившись в туннель, снова поиграл в поезд, поднялся по лестнице номер четыре и нашёл под скамейкой засаленный бумажный пакет. А в нём бутерброды с ветчиной, один целый и ещё два объединенных: мясо съели, а жир остался. Джонни съел всё до крошки, только жир есть не стал — вынул его из хлеба и бросил обратно в пакет, жир от его пальцев превратился из белого в чёрный. Потом Джонни сходил к телёнку, хотел отдать ему жир, но телёнка уже не было.

Тут Джонни заметил, что совсем стемнело. Поезда бегали взад-вперёд и сияли, как витрины. Джонни забрался на мост под самой крышей и глядел сверху на огни и искры, летевшие из паровозных труб. Далеко-далеко заалело и за-сверкало — приближался еще один поезд. Джонни смотрел как завороченный.

Тут чья-то рука крепко схватила его за шиворот. Джонни попытался вывернуться, но носильщик не отпускал.

— Слышь, парень, я тебя уже видел! Ты чего тут бродишь?

— Я встречаю дядю Тома из Полсмута, — объяснил Джонни.

— Портсмутский поезд давно пришёл и ушёл, — сказал носильщик. — Беги-ка ты отсюда, да поживее, дома небось уже перёполох!

И Джонни понял, что за свою монетку на-смотрелся сполна.

В сумрачном кассовом зале тускло горели фонари. Джонни уже шёл к выходу, как вдруг увидел возле автоматов мужчину с мальчиком. Мальчик опустил монетку, но мужчина тянул его к двери.

— Идём скорей! — торопил он сына.

— Но, папа, я же...

— Идём! А то опоздаем! — И, схватив мальчика за руку, отец поволок его дальше.

Джонни подошёл к автомату, потянул рычажок... Рычажок легко поддался, и в руки Джонни скользнула плитка шоколада.

А потом довольный Джонни Мун побрёл домой. И на ходу жевал шоколад вперемешку с угольной пылью.

ДОБРЫЙ ФЕРМЕР

ы, верно, слышали, что закоренелые трезвенники, не бравшие в рот ни капли спиртного, не выносившие даже винного духа, иногда вдруг попробуют пива на скло-не лет да сделаются горькими пьяницами. Случается это нередко, и люди уже перестали удивляться таким превращениям.

История, которую я хочу вам поведать, тоже вас вряд ли удивит.

Началось это так. Фермер Роберт Чердон объявил Уильяму Стоу, что увольняет его — якобы за безделье. Несчастный, дрожащий от ужаса Билл принялся уговаривать хозяина:

— Побойтесь Бога, мистер Чердон. Не губите мою жену и детишек. Одумайтесь!

— Ты, никак, меня за дурака принимаешь? — воскликнул Роберт Чердон. — Я уже подумал, и предостаточно. Я ни времени, ни денег зря не трачу! Пшёл вон!

И тут бедняга Билл промолвил:

— Когда тебе, жене или деткам твоим во мне нужда придёт, мне тоже не захочется тратить денег и времени.

— В бездельниках не нуждаюсь, — оборвал его Чердон. — И на старость у меня деньги отложены. Кабы я в жизни на бездельников полагался, не было б у меня сейчас хлебобродных полей, сочных пастбищ и двухсот голов скота, не было б лавки на Костном рынке, трактира в Подкостье, мельниц на Медвяной речке... И кругленькой суммы в Костаунском банке тоже бы не было. В тебе, Стоу, и тебе подобных я никогда нуждаться не буду. Ты тут деток моих поминал, так у меня их нету. Хотя я бы десяток запросто прокормил и не охнул. И на внуков бы хватило. Не мне, а тебе нужда грозит, да не когда рак на горе свистнет, а сегодня, сейчас. Иди хоть по миру с сумой, от меня жалости не дождёшься.

С тем Стоу и ушёл. В тот вечер в Подкостье только и разговоров было, что о жестокосердном богате.

Деревенька состояла из полусотни домишек, и едва ли не в каждом могли припомнить Чердону зло или обиду. Батраков своих он гонял с рассвета до полуночи за жалкие гроши — так мало никто в округе не платил за работу. Сделки заключал бесчестные, не моргнув глазом обводил соседей вокруг пальца, в церковную кружку ни единой монетки не бросил и приходской школе

ничего не пожертвовал. Трактирщиком у него служил запуганный старикашка, его старый знакомец, и Чердон помыкал им как хотел и запрещал продавать пиво в долг — ни кружки, ни даже полкружки. Слуг своих он рассчитывал за малейшую провинность, а подвернётся кухарка подешевле — он прогонит прежнюю просто так: мол, суп пересолила или мясо недожарила. Один крестьянин брал у него снятое молоко — свинью кормить. Так пришлось ему за это продать Чердону полсвиньи — иначе богатей молока не продавал. Чердон даже колоски на своих полях не разрешал после жатвы подбирать, а нищих гнал от ворот прочь. И процветал. С каждым годом становилось у Чердона больше золота и земли, больше скота и птицы. Его сено, зерно и фрукты считались лучшими в округе, он всегда заламывал за них баснословно высокую цену. И грёб деньги лопатой. А соседи и батраки боялись Чердона и ненавидели его лютой ненавистью. Да и немудрено. Ведь, пока он процветал, деревня приходила в упадок. Фруктовые сады глохли, крыши протекали, дети плакали от голода. Всю деревню вверх он в нужду. И повсюду — от Подкостья до Костауна и дальше, вниз по Медвяной речке, люди винили в своих тяжких бедах Роберта Чердона. Ведь это их денежки — за пиво в трактире, за помол на мельнице, за малое и большое — перетекали в его карманы, а оттуда — на счет в Костаунский банк.

Может, так бы всё и шло, но жалкие угрозы бедняги Билла Стоу запали в душу богача. И переменили его судьбу. Так и стучало порой в голову:

«Когда тебе, жене или деткам твоим придёт во мне нужда...»

Разумеется, не грядущая нужда заботила Ро-

берта Чердона. «Жена и детки» — вот те слова, что всплывали в памяти фермера, когда он обходил свои бескрайние поля, когда листал свою чековую книжку... Не столько задумывался он о смысле этих слов, сколько просто повторял их — бесконечно, точно припев к чудесной песенке о золотых колосьях и мешках, набитых золотом. Если бы не выговаривались, не выпевались в душе заветные слова, Роберт Чердон и на Костаунской скотной ярмарке разглядывал бы лишь жеребцов да тёлочек. Он и глаз бы не поднял на хорошенькое личико Джейн Лили. Но он поднял. И впервые в жизни отчаянно захотел получить что-то насовсем — что нельзя будет потом продать за звонкую монету. Впрочем, звонкая монета никогда не повредит, решил Роберт Чердон. Попробуем купить желаемое!

Ещё утром он не знал, что такая девушка есть на свете. Но теперь в его душе что-то строилось — едва он увидел блестящие светло-русые волосы, улыбку алых губ, усыпанный веснушками носик и серые невинные глаза. Какой-то покупатель приценивался к корове, которую девушка держала на поводу, он расспрашивал, девушка отвечала, и звук её голоса для стоявшего поодаль Чердона был точно журчание ручья для томимого жаждой путника. Жажду эту он ощутил внезапно и неодолимо. А времени Роберт Чердон, как известно, терять не любил.

Подойдя поближе, он тоже осмотрел корову.

— Я скупаю скот, — сказал он. — Сколько вы хотите?

— Ой, простите, — ответила Джейн Лили. — Вот только продала!

— И за сколько же?

Джейн назвала цену.

И вдруг, к собственному удивлению, Чердон произнёс:

— Заплачу на фунт больше.
— Вы очень добры, господин фермер, — сказала Джейн. — Но ведь она продана.

Добрым Роберта Чердона назвали впервые в жизни!

— А деньги вам отдали? — спросил он.

— Нет, но скоро принесут.

— Значит, сделка пока недействительна. Продайте мне — получите больше.

— Но мы уже договорились, господин фермер, я пообещала... Нельзя же нарушать данное слово, правда? Но вам всё равно большое спасибо!

— У вас отличная корова, а платят за неё слишком мало,— продолжал Роберт Чердон.— Я вас тут прежде не видел,— неожиданно произнёс он.

— Вы, верно, видели моего отца. Я дочка Джона Лили из Камстока. Отец теперь болен, денег в доме вовсе нет, вот я и привела Красулю на ярмарку. А вон и её новый хозяин идет. Вроде добрый человек, не обидит мою коровушку. Ну, прощай, Красуля.— И девушка поцеловала корову меж рогов. Говорила она весело, а глядела печально — у Чердона снова сжалось сердце. На миг он возненавидел корову, которой достался столь нежный поцелуй. Подошёл покупатель и, отсчитав деньги, отдал Джейн. Она сунула их в карман, попрощалась и ушла. Чердон глядел ей вслед. Что ж, и ему прикажете сказать: «Прощай, краса моя»? Нет, он эту девушку так не отпустит! Повернувшись к новому хозяину коровы, он презрительно сказал:

— Ну и доходягу ты купил! У тебя что, глаз нету? — и перечислил опечаленному покупателю все недостатки Красули.

В тот же вечер фермер Чердон постучался к Джону Лили. Дверь распахнулась, и на пороге показалась Джейн. Она сбежала по крутым ступенькам, но всё ещё не узнавала гостя — лицо его было в тени, а ей прямо в глаза било закатное солнце. И вот она уже возле Чердона.

— Это вы...— сказала Джейн и протянула руку...

Никто и никогда не приветствовал Роберта Чердона так нежно, никто прежде не радовался его приходу. Он пожал руку Джейн, и вдруг, заметив что-то у него за спиной, она вскрикнула и взволнованно, по-детски, сжала его пальцы.

— Забирайте вашу Красулю, мисс Лили, — сказал фермер. — Она вернулась домой.

— Но почему?

— Я перекупил её. Она снова ваша. Ведите в хлев.

Джейн онемела от счастья. И бросилась обнимать Красулю. Но Чердон больше не ревновал к корове, Красуля теперь стала его полноправным заместителем.

Отведя корову в хлев, Джейн стала уговаривать Чердона зайти в дом и познакомиться с её отцом.

— Я уже рассказала батюшке, как вы были добры ко мне поутру, на ярмарке. Но не смогла объяснить, кто вы, ведь я не знаю вашего имени. Зайдите! Батюшка отблагодарит вас лучше моего.

Чердон твердо знал, что лишь сама Джейн может отблагодарить его так, как он рассчитывает. Но в дом он всё же зашёл. Джон Лили глядел на них, откинувшись на подушки, а Джейн торопливо рассказывала, как добр, как бесконечно добр к ним новый знакомец. Старик пробормотал «спасибо», собрался было сказать ещё что-то, но Чердон оборвал его и вскоре ушёл. Джона Лили он отлично знал. Да и старик, верно, знал фермера и его дурную славу. Джейн проводила Чердона до ворот.

— Не знаю, что и сказать вам, — произнесла она просто. — Надо бы вернуть вам деньги за корову. Но мы продали её как раз из-за денег.

— А мне они и не нужны, — ответил Чердон. Кстати, корову он выторговал задешево — на фунт дешевле, чем продала её Джейн.

— Тогда, быть может, вы хотите забрать её к себе на ферму?

«Том Кобл и Уна»

«Элси Пиддок прыгает во сне»

— Поживём — увидим, — сказал Роберт Чердон.

— Забирайте, как захотите, — ответила Джейн. — И большое вам спасибо за доброту вашу.

Спустя три месяца, когда Джон Лили умер, Чердон и в самом деле забрал Красулю к себе на ферму. Деревенские высыпали на улицу и изумлённо глазели на Джейн — счастливую невесту Роберта Чердона. Жених вёз её в церковь, и девушка прямо сияла от счастья! Удивительно! Бывают же чудеса на белом свете! Не первой бедным девушкам выходить за богачей, да только радости в том мало — не сияют они, не румянятся, точно розы в июне!

А Джейн сияла от счастья целый год — весь недолгий год, что была женой Роберта Чердона.

Для чужих людей муж по-прежнему был жесток и неумолим, зато дома всё старался угодить жене, чтоб расцвела она улыбкой, чтоб сказала:

— Как ты добр!

Он вскоре обнаружил, что её радость — а его прихоть! — обходится ему совсем дёшево, задаром. Ведь жена радовалась любой мелочи, и дорогое слово легко слетало с её губ, когда муж приносил найденную в траве землянику. Порой он всё же выкладывал на ярмарке денежки за цветастый платок и пакетик сладостей. Чердон радовал жену чем мог, носил ей подарки — она, бедняжка, и не подозревала, каков он на самом деле. А на исходе года Джейн родила ему дочку да и умерла в родах. Свою короткую замужнюю жизнь она знала мужа лишь добрым и иначе никогда не называла.

Роберт Чердон нарёк дочку Джейн — в честь

матери, но кликал её непременно Маленькая Джейн. Он так напирал на слово «маленькая», точно большая Джейн была жива, и ему надо было их как-то различать. Так, верно, ему мечталось...

— Как спалось Маленькой Джейн? — спрашивал он поутру у няньки.

— А где Маленькая Джейн? — спрашивал он садовника, когда дочка гуляла.

И через несколько лет люди тоже стали называть девочку Маленькая Джейн. Слова слились в одно длинное слово.

Недоброжелатели предвидели, что фермер невзлюбит ребенка за смерть матери. Но девочка с первых дней заняла место покойницы в его сердце, и ему снова захотелось делать добро. Впрочем, сам он понял это, лишь когда малышка заговорила. Вначале же он просто просиживал часами возле её колыбели или привязывал дочь себе на спину — как носят младенцев женщины-индианки — и обходил с нею свои угодья. Отец был немногословен, но, глядя на дочку, ощущая в руках её хрупкое тельце, он вспоминал снова и снова: «Ты и твои детки...» Как много, оказывается, кроется за простыми словами!

— Па-па! — произнесла однажды девочка. Это было её первое слово. А после ещё слова, много-много слов пробились, словно молодые побеги из земли, согретой весенним солнышком. Первые слова ребёнка — настоящее чудо, но прежде фермеру Чердону не приходилось об этом задумываться. Теперь же дочкин лепет радовал его, как первые колоски на поле. Чуткое ухо отца ловило всё новые и новые слова, они удивительным образом складывались в знакомые сочетания, но теперь в них пела иная музыка, теперь они светились иным светом. Однажды

в июне, незадолго до дочкиного двухлетия, Чердон нашёл на лугу первую землянику и принёс Маленькой Джейн — совсем как её матери когда-то. Девочка схватила свёрнутый листок, в котором катались красные шарики, и восторженно сказала:

— Папа добрый!

Где услышала это слово девочка? Откуда взяла?.. Отцовское сердце защемило. Откуда, как не от матери, досталось дочке чудесное слово?..

Оно ласкало отцовский слух, Чердон хотел бы слышать его днём и ночью. Он даже пускался на уловки, лишь бы выманить его у дочки. Таскал ей игрушки с ярмарки, водил с собой по полям, показывал птичьи гнёзда, муравейники и прочие разности, которые так любы детскому сердцу. Он стал замечать то, на что прежде не обращал внимания, что принимал как должное. Теперь всё было иначе — вдруг да вымолвит дочка заветное словечко, вдруг похвалит отца за находку? Если же Джейн забывала, подолгу не произносила слово «добрый», фермеру казалось, будто рушится мир и ничто вокруг он уже не вправе принимать как должное. О значении самого слова он не задумывался. Он не знал, добр ли он на самом деле. Да его это и не заботило особенно. Он хотел лишь, чтобы Маленькая Джейн неустанно повторяла «Добрый папа».

Как-то раз фермер услышал у ворот плач ребёнка. Решив, что плачет Маленькая Джейн, он побежал успокоить дочку, осушить её слёзы во что бы то ни стало! Она в самом деле оказалась у ворот, но не плакала, а утешала другую девчурку, годом старше, которая заливалась горькими слезами. Маленькая Джейн подбежала к отцу и объяснила, что подружка потеряла

пенни. А потом просеменила обратно и радостно заявила:

— Мой папа добрый, он даст тебе пенни!

И уверенно оглянулась на отца. И фермер Роберт Чердон, сам себе удивляясь, тут же извлёк из кармана монетку и отдал заплаканному ребёнку. Так дал трещину главнейший из его жизненных устоев. Ведь прежде он считал, что деньги зарабатывают вовсе не для того, чтобы раздавать их направо и налево. Фермеру стало не по себе, точно из рук уплыла не одна монетка, а целое состояние. Кто знает, может, в тот час и отвернулась от него удача? Однако Маленькая Джейн глядела на него с благодарным обожанием, а вторая девочка, мгновенно осушив слёзы, припустилась по улице, зажав в кулаке своё богатство.

— Чья это девочка? — спросил фермер.

— Это Молли!

— Чья же дочка твоя Молли?

— Она просто Молли, так её зовут, — объяснила Маленькая Джейн.

Так Роберт Чердон и не добился ответа. Но в тот вечер в пятидесяти двух домишках, что составляли деревеньку Подкостье, только и разговоров было, что о скаредном фермере, который впервые в жизни отдал монету даром, не получив ничего взамен. И кому бы, вы думали? Молли! Дочке того самого Билла Стоу!

Через несколько дней новый слух заметался от порога к порогу. Нищего бродягу занесло на ферму к Чердону, и хозяин дал ему хлеба и свои старые башмаки! Слухи множились. Вроде не только хлеба, но и мяса! Не только башмаки, но и шляпу! Врёшь! На что спорим? Точно говорю! Да ещё бутылку пива в придачу! Не может быть! И старое пальто! Ого! Видел бро-

дягу Сэл Винтер. Бродяга рассказал ему, что у заднего крыльца повстречал он хозяйскую дочку, а она отвела его напрямик к хозяину и говорит:

— Папа, он голоден!

Так вот прямо и сказала. А фермер дал ему кучу еды и одел с головы до ног. Что это нашло на Роберта Чердона? Того и гляди, пожертвует деньги на школьный праздник! И верно, не меньше шиллинга.

Так оно и случилось. На угощение ребяташек он отвалил целых два шиллинга. И Маленькая Джейн Чердон тоже отправилась на праздник, хотя была ещё мала и в школу не ходила. После праздника Роберт Чердон нетерпеливо поджидал дочку и, выловив её из весело гомонящей толпы, понёс домой на руках.

— Ну, доченька, понравился тебе праздник?

— Очень! Спасибо, папа! Ты такой добрый!

Она уткнулась отцу в плечо и повторила:

— Мой добрый, добрый папа...

Дома отец бережно уложил ребёнка в постель. Он тоже был счастлив, но в душе его поселилось смутное беспокойство.

А вскоре деревню ошарашила новая весть: Маленькая Джейн Чердон тоже устраивает праздник — не хуже школьного — и приглашает детей со всей округи! Она затеяла это сама. Взобравшись на колени к отцу, она разобъяснила, чем угощали на школьном празднике, во что играли, какие песни пели. Большие дети были к ней очень добры — значит, надо им добром отплатить. Вот она, Джейн, и устроит им новый праздник. Только не на лесной поляне, а на отцовском лужке, за сеновалом. Хорошо, папа?

— Конечно, устроим,— отозвался Роберт Чердон, а сам прикинул в уме, что угощение обойдётся ему ох как недёшево.

Деревенские ушам своим не верили. Нет ли тут подвоха? Не обидит ли богач их детей, не обделит ли? Но праздник удался на славу: дети пришли все до единого, ели-пили вдоволь, и никто не ушёл голодным. А маленькая хозяйка бегала от одного гостя к другому радостная и счастливая. Надкусит пирожок — бросит, схватит яблоко — оставит. Она была сыта своим счастьем.

Дети ласкали Джейн, хотели играть с ней: малышка полюбила всех за доброту и весёлый нрав, а вовсе не за отцовское богатство. Отовсюду слышалось:

— Эй, Маленькая Джейн, иди сюда! Я устрою тебе гнёздышко в сене!

— Давай скатимся с этого стога, Джейн! Не бойся, я тебя крепко держу!

— Сейчас очередь Маленькой Джейн! Прыгай, а мы покрутим скакалку.

— Сыграем в дочки-матери! Чур, Джейн моя дочка!

Роберт Чердон меж тем в задумчивости стоял на краю лужайки. Прежнее смутное беспокойство усилилось и прочертило на его лбу глубокую морщину.

Не прошло и недели, как Роберт Чердон с дочкой снова оказались у всех на устах. Девчушке теперь не сиделось дома, она целыми днями пропадала в деревне, и её тепло привлекали в каждой семье. А вечерами она устраивалась у отца на коленях и принималась болтать. У Томми Робинсона больна мама, она даже с постели не встаёт, и Томми совсем нечего есть... А у Сьюзи Мор промок топчан, потому что как

раз над ним протекает крыша... А Гаффер Дженнингз целый день плачет, потому что ястреб утащил двух кур, и теперь им негде брать яйца. Конечно, папа отдаст им двух наших кур, нельзя же, чтобы Гаффер плакал ещё и целую ночь! Маленькая Джейн рассказывала о деревенских бедах безмятежно, твёрдо зная, что её добрый папа найдёт выход из любой беды, поможет любому несчастью. Он наполнит зерном все амбары и починит все крыши. Маленькой Джейн и её друзьям не придётся горевать, ведь добрый папа спасёт их от всех напастей. И Роберт Чердон помогал, наполнял, чинил и спасал — он не мог огорчить Джейн, не мог её подвести. Прежде в деревушке Подкостье была лишь одна справная ферма, и принадлежала она богачу Роберту Чердону. Теперь деревенские потихоньку выбрались из нищеты, обстроились. Сон каждого ребёнка охраняли крепкие стены и надёжная крыша — не хуже, чем у самой Джейн Чердон. У крестьян стало вдоволь пахотной земли, хватало и зёрен, чтоб её засеять. Неказистые окрестные деревушки завидовали благоденствию Подкостья.

Но стоило оно уйму денег! И наследство Джейн понемногу растрачивалось. Отец понимал это, давал себе слово остановиться, клялся, что эта трата — последняя. Разве не обязан человек думать в первую очередь о своём ребёнке? Разве не должен обеспечить его будущее? Но снова и снова не мог Роберт Чердон устоять перед дочкиной просьбой. И сам себя успокаивал: «Не беда, в сундуках ещё много денег». Он уже не волен был остановиться, его влекло неудержимо — дарить, отдавать... Так вот — помните? — и становятся запойными пьяницами... Деревенские теперь кликали его Боб Чердон и здоро-

вались приветливо, по-соседски. Каждому тут он сделал добро.

Однажды Маленькая Джейн заболела, и её отвезли в Детскую больницу. На Чердона и взглянуть было страшно: он совсем обезумел. Джейн, к счастью, быстро вернулась домой — весёлая и здоровая. А вскоре в Детской больнице случился пожар. Детей успели вынести из огня, но здание сгорело дотла. В тот же день Роберт Чердон продал мельницы на Медвяной речке, чтобы отстроить больницу заново. Продавал наспех, а значит — себе в убыток. Покупатель довольно ухмылялся, радуясь Чердовой дури, деревенские онемели от изумления, больница благословляла доброту Роберта Чердона, а сам он прижимал к своей груди Маленькую Джейн и думал о грозящей им нищете.

Впрочем, в те дни тревожиться было ещё рано. Но Чердон, видно, знал, что его страсть, его болезнь уже неизлечима. Он обречён отдавать. Он готов был подарить своей девочке весь мир, но её добрая душа стремилась к счастью для всех. И отец одаривал всех, причём — чем меньше оставалось у него денег, тем легче расставался он с ними. Он искренне желал избавиться от порока, но не мог и безмерно от этого мучился. Его сбережения таяли не по дням, а по часам, люди славил его доброту, а он ходил понурый, точно знал за собой серьёзную вину. Но и тогда не отложил он для дочери даже малой толики от быстро таявшего состояния. А его хохотушка Джейн по-прежнему радовалась жизни. Она верила в отца, верила в людей, и всё ей было нипочём. Она, разумеется, не знала, что отцовская лавка на Костном рынке пошла с молотка, не знала, что Чердон продал последние акции, что в трактире теперь новый хозяин.

А если б знала? Грустить бы не стала! Однажды отец спросил:

— Маленькая Джейн, не пожить ли нам в маленьком домике вместо этой огромной фермы?

— В хижине в лесу? — воскликнула Джейн. — Ой, папа, я очень хочу!!! Мне там так нравится!

И они перебрались в хижину. Тучные хлеба Роберта Чердона убрал с полей кто-то другой, а Приют получил от неизвестного дарителя чек на громадную сумму.

На самом деле Боб Чердон почуял, что его подкосили тревоги и точит его тяжёлый недуг. Никому он об этом не рассказывал, денег на доктора тратить не хотел. Вот и думал невольно, что в скором времени Маленькая Джейн останется круглой сиротой, и одарил Приют на свои последние деньги.

Около года прожил Роберт Чердон с дочкой в хижине дровосека. Затеям его пришёл конец, поскольку тратить больше было нечего. Однако именно в этот год тревожная морщинка на его лбу разгладилась. Он был гол как сокол. Ничто в этой жизни от него теперь не зависело, и, перестав с замиранием сердца думать о будущем Джейн, отец верил её Господу. Роберт Чердон нанялся батраком на свою бывшую ферму, зарабатывал на хлеб да кашу для двоих, а по воскресеньям они с Джейн шли гулять и остатки зарплаты раздавали нищим на дороге. Отец шёл следом за дочкой по лесной тропе к дому, и карманы его были пусты. Он глядел на Джейн новым, просветлённым взглядом, а она, пританцовывая, бежала впереди, стучалась в собственную дверь, склонив головку набок, ждала ответа, отвечала себе строгим голосом: «Войдите», а потом усаживалась и нетерпеливо ждала отцовского стука.

— Входи, папа!
— Добрый вечер, мисс Маленькая Джейн.
— Добрый вечер. Ты ходил на прогулку?
— Да. Славно прогулялся.
— Кого ты встретил?
— Пару нищих.
— Что ты им дал?
— Пару монет.
— А что они сказали?
— Спасибо и привет.
— Ты всё забыл, папа! Они сказали: «Спасибо, сэр, вы очень добры!»

Потом отец с дочкой ужинали. Кроме каши и хлеба на столе у них всегда оказывалось ещё что-нибудь: люди то и дело совали девочке еду — то яблок корзинку, то мёд в сотах. Если где свинью заколют — непременно отнесут кусок Бобу Чердону, или просто «Бобу». Матери частенько отправляли ребятню в дровосекову хижину:

— Беги-ка, Томми, снеси Бобу этой требухи.
— Лу, занеси Бобу яйца, тебе по дороге.

Но вот однажды, рано утром, Маленькая Джейн постучала в дом Уильяма Стоу и сказала:

— Я не могу папу добудиться.

Билл вскочил:

— Маленькая Джейн, ты садись, завтракай с Молли, а я посмотрю, что там с Бобом.

Джейн провела у Стоу целый день, а потом ночь, и ещё день, и ещё ночь. А на третий день Боба Чердона похоронили. Вся деревня провожала его в последний путь. Люди уже знали, что Боб умер в нищете и у Джейн не осталось ни гроша за душой. Кто-то заикнулся о Приюте, но вы бы видели, как вспыхнул от гнева Уильям Стоу.

— Отправить ребёнка Боба Чердона в при-

ют? Да ни за что на свете! Только с моими вместе, когда я сам ноги протяну! Маленькая Джейн пришла ко мне в дом — тут она и останется. Мое слово твёрдое!

Тут заговорили все наперебой: он меня спас, он мне помог, он то, он сё. Загубил себя Боб ради наших детей! Что же, теперь его ребёнку за доброту пропадать? Да мы все перед ним в долгу! И Джейн теперь наша дочка, мы её в обиду не дадим!

Так и порешили. Стала деревня для Джейн и отцом, и матерью. Домов тут было около полусотни, как раз по числу недель в году. И Джейн жила поочерёдно в каждом. Хотя любой хозяин — от священника до каменотёса — с радостью оставил бы девочку хоть на целый год. Джейн переходила из семьи в семью и в каждом доме слышала об отце доброе слово. Остался он в памяти людской как Добрый Фермер, а молва разнесла эту историю в самые дальние края. Подкостье тем и прославилось, что жил там когда-то Добрый Фермер, который обездолил родную дочку ради чужих детей. Деревня помнила о Чердоне и гордилась им. Джейн не осталась обездоленной — отец оставил ей людскую доброту и благодарность, любой дом в деревне был теперь её домом, у любого очага ей было тепло.

ЭЛИНОР ФАРДЖОН

Сказки, рассказы,
притчи

ИЗ СБОРНИКА

КНИГА
ЭЛИНОР ФАРДЖОН

ЦАРИЦА ЭСФИРЬ

расскажу вам сказку о царе, у которого было два имени. Под именем Артаксеркс он известен нам из Ветхозаветных книг. А в древнегреческих мифах его называют короче — Ксеркс.

Теперь же — слушайте сказку.

Ксеркс царил в Азии и правил там многими странами — общим счётом было их сто двадцать семь: от смуглокожих индусов до чернокожих негров. Ксеркс был богат и могуч. Он очень гордился своими богатствами и хотел, чтоб все вокруг тоже восхищались и неустанно твердили, как он богат и могуч. Раз он задумал устроить пир для всех знатных людей со всех концов своих обширных владений. Вот съехались принцы, и он принялся хвастать перед ними своими сокровищами. Не только знать, но всех подряд — даже простой люд — пускали поглядеть на несметные богатства. Во внутреннем дворике дворца накрыли столы. Пирующие возлежали на золотых и серебряных ложах среди мраморных колонн; вокруг шелестели белые, зелёные и голубые занавески с серебряными кольцами наверху и лиловыми кистями внизу; пол тоже был выложен мрамором — красным, голубым, белым и чёрным. Так пировали они семь дней,

то и дело поднимая золотые бокалы во славу царя.

На седьмой день царь, опьянев от выпитого вина, приказал своим слугам:

— Ступайте за царицей Астинь. Я покажу мою царицу знатым принцам и прочему люду во всей её несказанной красоте. Ибо все мои сокровища блекнут рядом с нею.

Но царица Астинь рассердилась и не пожелала, чтоб на неё глазели люди.

Однако перечить Ксерксу не так-то просто. В гневе царь закричал:

— Отныне Астинь не царица! Я прогоню её прочь и выберу себе другую царицу среди прекраснейших дев моего царства.

И он прогнал Астинь и отправил гонцов во все концы, чтобы созвали прекрасных дев пред царские очи.

Прекраснейшей из прекрасных оказалась Эсфирь, молодая иудейка, которая жила в доме своего дяди, старика Мардохея. Иудейский народ к тому времени разметало по всему свету. Другие люди крепко их не любили и обращались с ними плохо. Поэтому Мардохей посоветовал Эсфири скрыть на царских смотринах, что она иудейка. Эсфирь так и сделала. Она была так прекрасна, что царь полюбил её с первого взгляда и сделал своей царицей. А старый Мардохей смиренно сидел теперь у царских врат и провожал её взглядом, когда она входила и выходила из дворца.

Раз, когда Мардохей сидел у царских врат, он услышал, как двое слуг стоваривались убить царя. И, встретив Эсфирь, Мардохей заступил ей дорогу и всё рассказал. Царица Эсфирь успела предупредить царя о заговоре, и он приказал повесить непокорных.

Среди придворных был человек, царский любимец, по имени Аман, люто ненавидевший иудеев. Царь Ксеркс оказывал Аману всяческие почести. Он повелел всем своим слугам, чуть завидев Амана, вставать и кланяться. Но Мардохей никогда не кланялся Аману. Когда тот выходил из царских врат, Мардохей сидел не шелохнувшись. Аман очень злился. Зная, что Мардохей иудей, он задумал примерно наказать всех иудеев, а среди них и Мардохея. Аман пришёл к царю и сказал:

— Есть такой народ, они зовутся иудеями. Страны своей у них нет, и там и сям увидишь их — во всех твоих землях. Но повинуются они только своим собственным законам, а твои попирают. Так что лучше тебе от этих людей избавиться. Разошли приказ их убить, и я сам тебе дам десять тысяч серебряных талантов, чтобы заплатить палачам.

Тогда царь дал Аману свой перстень с печатью — знак царской власти — и велел ему написать приказы. Согласно этим приказам, иудеев надлежало убить на тринадцатый день двенадцатого месяца. Аман разослал приказы с царской печатью во все концы. И все иудеи узнали, какая горькая участь их ожидает. Одна царица Эсфирь ничего не знала об опасности, подстерегавшей её народ.

Мардохей же, прочитав приказ, оделся в рубище, посыпал голову пеплом и пошел по всему городу; громко и безутешно плача, дошёл он до царских врат. Мардохей послал Эсфири записку: рассказал о коварных замыслах против иудеев и велел Эсфири просить за народ свой и умолить царя о помиловании.

Эсфирь сказала:

— Я не смею пойти к царю незваной. Ведь

по закону каждого, кто войдёт к царю незванным, ждёт смерть. Его может спасти лишь сам царь, протянув к несчастному свой золотой скипетр. Но я всё же попробую. Я пойду к царю, хоть он меня и не звал. Смерть так смерть!

Эсфирь оделась по-царски и направилась к Ксерксу. Едва завидев прекрасную Эсфирь — а была она несказанно хороша, — царь протянул золотой скипетр и спросил:

— Чего желаешь ты, царица Эсфирь? Какая просьба твоя? Я клянусь исполнить её, хотя бы это стоило полцарства.

Эсфирь ответила:

— Я прошу царя и Амана пожаловать вечером ко мне на праздничный ужин.

Вечером, когда царь и Аман ужинали у царицы Эсфири, царь, выпив вина, снова спросил:

— Чего желаешь ты, царица Эсфирь? Какая просьба твоя? Ты получишь всё, хоть полцарства отдам.

Но Эсфирь сказала только одно:

— Я прошу царя и Амана отужинать со мной и завтра.

Аман ушёл, раздувшись от гордости: никого прежде не звали ужинать с царём и царицей — да ещё дважды!

Он радовался и другому: уже взметнулись ввысь виселицы, на которых вздёрнут Мардохей и его народ.

В тот вечер царь как раз разбирал бумаги и прочёл в одной из них, как Мардохей спас его однажды от заговора. Царь подумал:

— Мардохей спас мне жизнь, а я никак не отблагодарил его.

Царь тут же послал за Аманом и спросил:

— Аман, что сделать для человека, которому царь хочет оказать великие почести?

Во глубине души Аман был уверен: «Царь думает обо мне!» — и ответил так:

— Такого человека надо облачить в царские одежды, надеть ему на голову царскую корону, пускай проедет по всему городу верхом на царской лошади. А знатнейший из придворных пусть бежит впереди и громко объявляет народу: вот человек, которого почитает сам царь!

Тогда царь сказал:

— Этот человек — Мардохей. Сделай всё, как ты сказал, и сам беги впереди по улицам и кричи, что этого человека почитает сам царь.

Аман преисполнился стыда и злости. Но делать нечего — пришлось выполнить царское повеление. Мардохей проехал по городу верхом, в царских одеждах и короне.

А потом Мардохей снова уселся у царских врат, а Аман поспешил домой в страшной злобе.

На следующий вечер царь и Аман снова ужинали у царицы Эсфири. И снова царь спросил:

— Чего желаешь ты, царица Эсфирь? Какая просьба твоя? Я выполню всё, хотя бы это стоило полцарства.

Тогда Эсфирь опустилась на колени перед царём и сказала:

— О царь! Я молю тебя даровать жизнь мне и моему народу, ибо есть враг, желающий погубить нас.

Царь воскликнул:

— Кто же осмелился угрожать тебе?

И Эсфирь ответила:

— Нам угрожает вот этот злой человек — Аман.

В гнев царь вскочил и ушёл в сад. Там, за стеной, он увидел десять виселиц, которые возвели накануне по велению Амана.

— Что это? — спросил царь у слуги.

Слуга ответил:

— На этой виселице Аман хочет повесить Мардохея — того, кто спас царю жизнь.

И царь сказал:

— Повесить на ней самого Амана!

И Амана повесили на высокой — в 50 локтей — виселице, которую он готовил другому. А царь позвал Мардохея во дворец, вручил ему царский перстень с печатью, который он отобрал у Амана, и сделал Мардохея вторым человеком в своём царстве.

ТАЙНАЯ ТРОПА

А вот и другая сказка о царе Артаксерксе, или просто Ксерксе, как называли его древние греки. Однажды все греческие города облетела весть, что их вознамерился завоевать персидский царь Ксеркс. Говорили, что он уже выступил в поход, а впереди войска разослал гонцов. Гонцы эти просили у каждого города земли и воды. Где получают — те города Ксеркс не тронет, стороной обойдёт. Зато неуступчивым городам грозило разорение.

Трусливые правители раболепно отдавали Ксерксу и землю, и воду. Но всё же нашлись в Греции смельчаки, которые не испугались царя Ксеркса и его огромной армии. Самым отважным правителем оказался царь Спарты Леонид. Вообще среди всех греков спартанцы выделялись величайшей храбростью. Любые тя-

готы и боль переносили они стойко — умирали, но не сдавались.

Леонид знал, что врагам придётся идти меж гор, по теснине. Место это называется Фермопилы, Горячие ворота, поскольку как раз там из земли бьют горячие ключи. Другой дороги через горы тогда не было, лишь узкая пастушья тропка вилась высоко, почти у самой вершины, но немногие греки знали, где её искать. Леонид призвал к себе всех воинов с разных концов Греции. Одни были готовы стоять насмерть, другие же испугались Ксеркса и его несметного войска. Под началом Леонида оказались лишь четыре тысячи воинов — из них триста его сограждан, спартанцев. Леонид, однако, не унывал:

— Горячие ворота узки. И десятка солдат хватит, чтобы преградить путь миллионной армии Ксеркса.

Леонид во главе своего немногочисленного войска перекрыл Фермопилы. На пастушьей тропе он тоже выставил караул, хотя прознать о ней Ксерксу было неоткуда.

Ксеркс глазам своим не поверил, когда увидел горстку греков, заступивших ему дорогу. Неужели они надеются одолеть его великую армию? Ксеркс разбил лагерь у подножия горы и приказал выстроить для себя роскошный высокий трон, чтобы наблюдать за ходом боя. Потом Ксеркс повелел одному из своих всадников:

— Отправляйся к грекам, взгляни, чем занят Леонид.

Всадник поскакал к ущелью. Вскоре он вернулся.

— Спартанцы стоят у стены, — сказал он.

— И что делают?

— О Царь, ты не поверишь, они расчёсывают волосы.

Повернувшись к своему союзнику, который был когда-то царём Спарты, Ксеркс спросил:

— Что это означает?

— О Царь! Спартанцы расчёсывают волосы перед великой битвой, — ответил его друг. — Они хотят сражаться не на жизнь, а на смерть. Помни, это лучшие воины Греции! Непросто будет их победить!

— Чепуха! — самонадеянно заявил Ксеркс. — Не может маленькая армия тягаться с большой. Я простою здесь ещё несколько дней, и Леонид со своими людьми уберётся восвояси, поджавши хвост. Скоро путь будет открыт, сам увидишь!

Но прошло четыре дня, а греки не отступили от Горячих ворот. На пятый день Ксеркс послал свои полки в атаку. Однако греки выдержали натиск врага почти без потерь. Персы же оставили половину рати на поле брани. На шестой день Ксеркс сказал:

— Пошлю-ка я против них десять тысяч Бессмертных!

Но Бессмертные тоже не сладили с греками, которых Леонид умело расставил в узком ущелье. Глядя, как погибают лучшие воины, цвет и гордость его армии, царь Ксеркс беспокойно ёрзал на троне. Его снедали гнев и страх.

На рассвете седьмого дня персы снова пошли в наступление, и снова пришлось им вернуться на прежние позиции.

Уединившись в своём шатре, царь Ксеркс тилился придумать, как перехитрить греков. А тут как раз явился один из них, маленький хилый человечек, и заявил, что хочет продать царю важный секрет.

— Кто ты? — спросил Ксеркс.

— Грек, — коротко ответил человечек.

— Ну и что у тебя за секрет?

И грек сказал:

— Горячие ворота не единственный путь через горы. Наверху есть тайная тропа, и за деньги я, пожалуй, провёл бы вас через перевал.

Обрадованный Ксеркс заплатил предателю золотом, и, едва опустилась ночь, захватчики двинулись в горы, в обход Фермопил. Ночь была тишайшая, но огромные дубы, что росли на склонах, скрывали персов под своей сенью, а шаги их сливались с шелестом листвы. Потому-то и удалось им застать врасплох греков, карауливших тропинку. От неожиданности греки ошарашены, а потом бросились наутёк. Дорога была свободна. Ксеркс не стал преследовать караульных. Он неуклонно двигался к одной цели, желая ударить с тыла по защитникам Фермопил.

Среди ночи к Леониду прибежал караульный.

— О Леонид, нас предали! Персы прошли через перевал пастушьей тропой, и утром нам придётся принять бой.

Царь Леонид произнёс твердо:

— Надежды на победу нет. Я и триста моих спартанцев останемся здесь на верную смерть. Остальные пускай возвращаются в родные города. Для нас же смерть лучше бесчестия.

Один из его сподвижников сказал:

— Леонид, мои люди тоже останутся у Горячих ворот. Умрём вместе.

Леонид поблагодарил его. Остальные греки вернулись в родные края.

С первыми лучами солнца началось сражение. Ксеркс вознёс молитву богам, попросив у них помощи для своих воинов. И несметные полчища свирепых азиатов налетели на горстку отважных греков. Капитаны атакующих гнали их в бой кнутом и плетью, назад им пути не было.

Замешкавшихся сбивали с ног и затапывали те, кто шёл позади. Ксеркс людей не жалел: вместо павших в его шеренги тут же вставляли новые солдаты.

Греки дрались, как львы. Они накалывали врагов на копья и сбрасывали со склона горы в море. Когда же греческие копья превратились в щепки, персы ринулись на безоружных — и исход битвы был предreshён. Одним из первых пал Леонид, царь Спарты.

Так Ксеркс выиграл сражение. Но люди не славят его победу. Зато подвиг Леонида и трёхсот спартанцев остался в людской памяти на долгие века. А вскоре после Фермопильской битвы греческий флот встретился с Ксерксом у острова Саламис, и персы были разбиты наголову. В Грецию царь Ксеркс приплыл во главе миллионного войска, на галере под золотым парусом. Обрато же в Персию он плыл в утлой лодчонке с одним-единственным гребцом.

КАК АЛЬФРЕД МИР УСТАНОВИЛ

авным давно, в стародавние времена, приплыли в Англию датчане. Родом из страны Дании. Были они велики ростом, грубы и неотёсаны, златоволосы, рыжебороды и голубоглазы. Их лица и руки докрасна просолились на морских ветрах и посмугтели от яркого солнца.

Датчане эти были пиратами. Они добирались морем до чужих земель и бороздили при-

брежные воды, преследуя мирные корабли, обирая моряков и торговцев до последней нитки. Иногда пираты ненадолго выходили на берег, нападали на приморские деревушки, подчистую забирали добро и скот и убирались восвояси. Их корабли, осевшие в воде по самые борта под тяжестью награбленного, сотрясались от ругани и смеха.

А иногда они надолго задерживались в чужих краях, вынуждая короля откупаться от них золотом. Датчане разбогатели, и мирные жители прибрежных стран трепетали пред их силой.

Но вот наконец и разбойникам надоело бесприютно скитаться по бурным волнам, захотелось обрести свой дом и землю. Отбирать у других стало для них делом привычным, и они решили, что отобрать землю тоже не составит труда. Один датский пират со своей дружиной отправился в Исландию и обосновался там; другой датский пират, по имени Ролло, отправился со своей дружиной к северным берегам Франции и обосновался там — в местах, что зовутся Нормандией. А третий датский пират, по имени Гутрум, привёл свою дружину к восточным берегам Англии. А оттуда они расселились повсюду — к югу, к северу, к западу. Шныряли по всей стране, точно крысы в старом амбаре.

Саксы, которым в те времена принадлежала Англия, отступали под натиском датчан — всё дальше и дальше к западу и к югу. В конце концов пришельцы вытеснили их отовсюду кроме Уэссекса.

— Эта землишка тоже достанется нам, — заявил Гутрум Датчанин. — Тогда весь остров наш! Саксонский король, говорят, умер, а его брат Альфред всего лишь жалкий юнец двадцати трёх лет от роду. Ему ли одолеть моих молодцов?

Молодцы тут же закричали, что, уж конечно, не юнец Альфред взойдёт на английский престол. Они нападут на него, убьют, захватят Уэссекс и водрузят английскую корону на голову Гутрума.

Но Альфред Саксонский оказался не по годам мудр. К тому же он любил Англию, как ни один сакс прежде. В те времена королей больше заботили войны, они не стремились к миру. Но Альфред был иным. Он твёрдо знал: ничто не вырастет в саду, если постоянно перекапывать землю и обрубать ветви. Чтоб расцвели цветы и созрели плоды, саду нужен покой. Родная Англия представлялась Альфреду таким садом: земля её изрыта войнами, ветви обрублены междоусобными дрязгами. Он мечтал о мире для своей страны, для всех саксов. Чтоб жилось им свободно и счастливо на своей земле. Он мечтал положить конец дерзким набегам Гутрума и сделать датчан, жаждавших его, Альфредовой, крови, своими братьями во Христе. Он мечтал о затишье, чтоб жизнь людская расцвела, точно цветы, чтоб стала эта жизнь сладкой и прекрасной, точно спелые плоды во фруктовом саду.

Но — увы! Войны, как видно, не миновать. Только став королём Англии, сможет Альфред бросить в землю первые семена для будущего сада.

И собрал Альфред всех своих друзей и соратников в Уэссексе, чтобы дать неприятелю достойный отпор. В восьми сражениях выстояли они и наконец прогнали датчан от границ Уэссекса. Лишь тогда взойшёл Альфред на английский престол.

Но Альфред знал, что датчане непременно вернутся, что до мира ещё далеко. А без мира

он не в силах помочь своей любимой Англии! Он выставил сторожевые посты вдоль всей границы Уэссекса, чтобы датчане не проникли туда тайком. Но граница длинна, преданных друзей мало, а Гутрум Датчанин — хитёр, как лиса.

— Этот юнец Альфред, — сказал Гутрум, — сторожит в основном берега реки Темзы. А мы по Темзе не пойдём. Продвинемся на запад до Уэхема и нагрянем к Альфреду неожиданно-негаданно.

Уэхем в самом деле охранялся слабо, и датчане прорвались в Уэссекс. Много пришлось сражаться, много крови пролить, пока друзья Альфреда не выгнали датчан снова. Он победил уже во второй раз, но надеяться на мирную жизнь для Англии было ещё рано.

Гутрум Датчанин поклялся:

— В третьей схватке я разобью этого юнца наголову. Или погибну.

И он созвал дружину для новой битвы.

На этот раз удача улыбнулась Гутруму, а не Альфреду. Под натиском датчан саксы бросились врассыпную. Кому удалось добраться до моря — уплыли; многие пали на поле брани; иные затаились в глухих лесах или на болотах Сомерсетшира. Остался Альфред без друзей и соратников, всех разметала война. Теперь Альфред совсем один: король — без подданных, правитель — без страны.

Ему тоже пришлось спастись от свирепых датчан в лесной чаще, скитаться голодному по вязким болотам. Однажды случилось Альфреду набрести в лесу на пастушью хижину. Он вошёл. Жена пастуха переворачивала лепёшки, присев у очага.

— Кто здесь? — испуганно вскинулась она. Но у порога стоял не грабитель, а оборванный,

грязный человек и смотрел на неё мягко и печально. Ей и невдомёк было, что перед ней сам король Альфред.

— Я устал, добрая женщина, — сказал оборванец. — Разреши мне присесть.

— Садись уж, — ворчливо ответила она. — Я пойду за козами пригляжу. А ты без дела не сиди, следи, чтоб лепёшки мои не подгорели.

Она ушла. Альфред уселся у очага. Но глядел он в огонь, а про лепешки позабыл. Он глядел в огонь и думал о милой его сердцу Англии, помочь которой он теперь не в силах.

«Моих друзей разметало по свету, но — Бог даст! — они живы, — думал он. — Найти бы... сперва одного, потом другого, третьего... Горстка людей — уже сила. Кто знает, быть может, мне ещё удастся превратить Англию в цветущий сад?..»

Бах! От удара по уху у Альфреда даже искры из глаз посыпались. Это хозяйка вернулась и обнаружила вместо лепёшек обугленные головёшки. Король, задумавшись, совсем о них позабыл.

Трах! Удар пришёлся теперь на другое ухо.

— Вот тебе, разиня! — вопила разъярённая женщина. — Получай за мои лепешки, бездельник!

Но чего-чего, а дел у «бездельника» хватало. И всё, что он замыслил, сидя у очага, он выполнил. Сперва одного, потом другого, третьего — нашёл он своих друзей. Вместе они воздвигли крепость на острове Ательней в Сомерсетшире и затаились там. Каждый день расходились они украдкой по английской земле и, повстречав людей, шептали им на ухо: «Король Альфред». Скоро в Западной Англии у Альфреда снова

появились друзья-соратники, готовые по первому зову идти за ним на бой.

Пока Альфредовы люди копили силы и выжидали, сам он, надев рубище странствующего певца, отправился с лютней за спиною в стан Гутрума. В старину народ привечал странствующих певцов: не было тогда ни книг, ни нот. Из уст в уста передавали люди песни и сказки, услышанные от бродячих певцов и сказителей. И датчане встретили Альфреда радостно, они не знали, кто он на самом деле. Он пел для них песни, а они, не таясь, обсуждали при нём свои планы. Альфред всё мотал на ус и наконец понял, как перехитрить врага.

Вернувшись к друзьям на Ательней, он сказал, что час битвы пробил. Эта весть вмиг собрала соратников Альфреда в условленном месте. Увидев короля Альфреда целым и невредимым, саксы возликовали. Два дня спустя, полные решимости победить, они двинулись на Этандум, выиграли сражение и наголову разбили датчан.

Но на этот раз они не просто выдворили датчан из Уэссекса. Король Альфред шёл за ними по пятам и две недели держал в осаде крепость, где схоронились остатки дружины Гутрума. Наконец Датчанин прислал записку:

«Сдаюсь. Ты победил. Ставь свои условия».

Альфред ответил кратко:

«Мир для Англии».

И тогда король Альфред и король Гутрум заключили Уэдморский мир: «Для себя и детей своих, рождённых и нерождённых». Вечный мир. Датчанам отводилась земля по одному берегу Темзы, Ли и Уза, а саксам — по другому. Кроме того, Гутрум перестал поклоняться прежним, языческим богам. Он стал христианином.

Гутрума окрестили, отныне он звался Атель-

стан. Крёстным отцом его был Альфред. В честь такого события в Уэдморском дворце объявили Большой Праздник для датчан и саксов.

Длился он восемь дней, а на девятый Гутрум отправился на восточный берег трёх рек, а Альфред остался на западном.

И принялся наконец издавать мудрые законы для любимой Англии. Благо теперь тут воцарился мир.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ РОЗАУРЫ

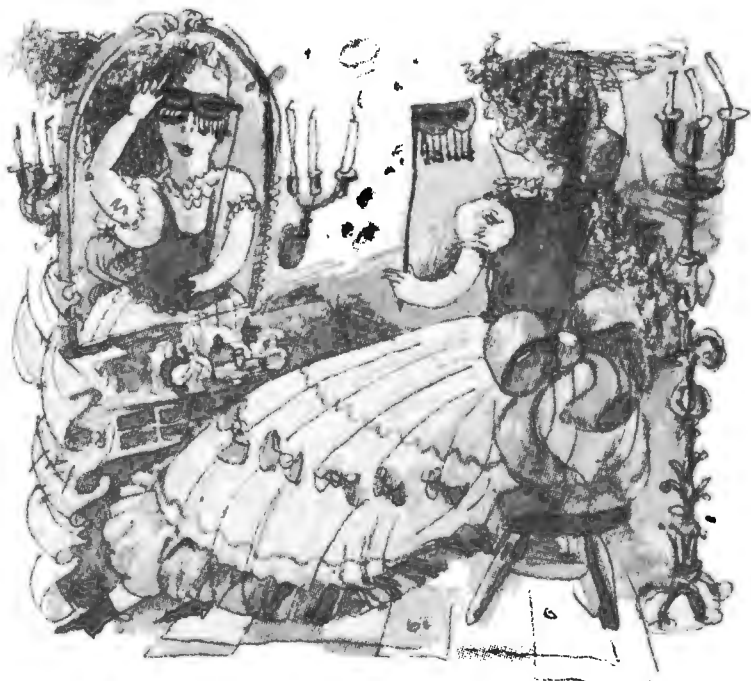

свои девятнадцать лет Розаура была ещё не замужем. Но другой такой, милой девушки во всей Сиене не сыскать. Жилось ей весело и счастливо. Так весело и так счастливо, что все женихи — а от них отбою не было — получали от ворот поворот.

— Зачем мне замуж? — рассуждала Розаура. — Покуда не замужем — танцую вволю, а как выйду замуж — с утра до вечера стряпать придётся. Сегодня минестроне, завтра макароны: мужа-то кормить надо. А когда веселиться да радоваться? Нет, такая жизнь не по мне. Лучше уж натанцуюсь, пока молода. А замечу первый седой волосок — в тот же день выйду замуж за тебя, Флориндо.

Флориндо из её ухажёров самый красивый, и Розауре по сердцу. Господин Панталоне, конечно, богаче, но он уже старый совсем, сморщился весь. Мавританец Бригелла, разумеется, кавалер хоть куда — почище Флориндо, но,

говорят, он страшно ревнив. Учёный Доктор Савио, безусловно, очень мудр, но Розауре не понять и половины заумных слов, которые он произносит. А у Флориндо денег вдоволь, он и обходителен, и любезен. А главное — молод, почти так же молод, как сама Розаура.

— Как прекрасно быть молодой! — восклицала Розаура. Надевала маскарадный костюм, полумаску и отправлялась вместе с Флориндо на Карнавал. А глубокой ночью, уже в постели, она слушала, как проходят по улице музыканты; отблески их фонариков скользили по потолку её комнаты, и под окнами звучала Песнь Юности. А ещё позже на пустынной улице появлялся одинокий певец с мандолиной и пел серенаду — любовную песнь итальянцев:

Цветок души моей!
Люби и будь счастливой!
Жизнь наша без любви — ничто!

«Как это верно, — думала Розаура. — И завтра Флориндо снова пригласит меня на Карнавал... А будь я замужем, пришлось бы сидеть дома и стряпать макароны».

Тщетно звенел кошельками с золотом над ухом Розауры старик Панталоне. Тщетно размахивал сверкающим ятаганом мавританец Бригелла. Тщетно рассказывал о своей любви по-латински и гречески учёный Доктор Савио. Лишь Флориндо не торопил её с замужеством. Он любил молодость не меньше самой Розауры. И не требовал макарон. Пока Розаура с ним танцует — он доволен и счастлив. И готов отложить свадьбу до первой седины.

Каждый вечер отправлялись они на Карнавал. Воздух шелестел гирляндами бумажных цветов, сверкал золотыми блёстками и мишурой, угощал пирожными и лимонадом; вокруг мелькали маски и маскарадные костюмы, мигали фонарики, звенели струны мандолин. Жизнь напролёт гуляки пели, танцевали и расходились по домам при свете звёзд. Однажды Розаура вернулась домой так поздно, что было уже рано — наступило раннее утро. На пороге дома она повстречала разносчика молока. Ей не доводилось видеть его прежде. Молоко-то она пила каждый день, но совершенно не задумывалась, откуда оно берётся. Может, из крана течёт? Разносчик оказался весёлым старичком со смуглыми морщинистыми руками, спутанными седыми волосами, в потёртом пиджачке. Глаза его задорно сияли.

— С добрым утром, милая барышня!

— С добрым утром, — ответила Розаура. —
А вы кто?

— Разносчик я, милая, молоко разношу.

— Вы так на Карнавал оделись? Забавный костюм!

— Нет, милая барышня, эта одежонка не для Карнавала, — ответил старик. — Я в ней на работу хожу.

— На работу? Что такое — работа?

— Работа это то, что поможет тебе остаться молодой, когда молодость уже позади. Если только не состарит тебя прежде старости.

— Непонятно, — сказала Розаура. — Мне, чтоб остаться молодой, нужны танцы.

— Верно говоришь. Только от одних танцев устать можно. Ты танцуй да работай — вот молодой и останешься.

— Но вы-то старый!

— Я только на вид старый, — сказал Разносчик. — Да и тебе морщин не миновать, никуда, милая, не денешься. Но дай тебе Бог в мои годы не хуже меня танцевать. Только знай: не найдёшь кроме танцев другого дела — тебе и танцы наскучат. Не успеешь оглянуться — станешь старой старухой на веки вечные.

Тут, распевая Песнь Юности, на улице показались припозднившиеся певцы. И старый Разносчик подхватил Розауру и пустился с нею в пляс. Никто и никогда не танцевал с нею так весело!

Но вот он простился, потянул ослика за поводья, тележка тронулась... Розаура вбежала в дом, бросилась ничком на диван и горько расплакалась. За окном разгорался день, солнце золотило потолок и стены, а Розаура всё плакала и плакала. В полдень пришёл Флориндо с огромным букетом. И застал Розауру в слезах. Карнавальные платье измято, чёрная полумаска валяется на полу.

«Элси Пиддок прыгает во сне»

«Великан из Вильмингтона»

Ф
м
Я
с
о
п
я
и
р
р
н
т
ч
к
п
п
ч
н
д
И
к
о
о
н
д
н
и
д
р
в
р
29

— Розаура! Ты плачешь?! — воскликнул Флориндо. — Что с тобой? Ну, объясни! И я мигом всё исправлю. Кто тебя обидел? Назови! Я поражу его шпагой в самое сердце!

Розаура подняла головку: пудра на щёчках смазана, локоны сбились набок, глаза распухли от слёз.

— Увы, — промолвила она. — Тут ничем не поможешь, и в сердце поражать некого. Просто я боюсь постареть. Я слишком много танцую и слишком мало работаю. То есть я вообще не работаю. Я даже толком не знаю, что такое работа. А ты знаешь, Флориндо?

— Нет. Но я не отступлюсь, пока не выясню, — пылко воскликнул Флориндо.

— Спасибо, дорогой! Выясни! И времени не теряй — до дня моего рождения осталось всего четыре дня. Мне стукнет двадцать лет. Ты только представь — целых двадцать! От одного слова поседеешь. Мне надо, надо работать! — Розаура поднялась, отряхнула мятое платье. — Какие чудные цветы ты принёс. Я возьму их сегодня на Карнавал. Зайди за мной, да не опаздывай.

Все ухажёры Розауры побывали у неё в этот день. И каждому она поведала о своей беде. И даже пообещала отдать руку и сердце тому, кто найдёт для неё работу, — такую работу, чтоб оставаться вечно молодой. Ухажёры были весьма озадачены: всяк представлял работу по-своему, но ни одна работа, по их мнению, не годилась для очаровательной Розауры. Однако работу надо найти, ибо таково желание дамы. Панталоне преисполнился сладких надежд и пообещал Розауре дать ей работу завтра же. Когда под вечер Флориндо зашёл, чтобы идти с Розаурой на Карнавал, он застал её прежней — весёлой и жизнерадостной.

— Я ещё не выяснил, что такое работа,— признался Флориндо.

— Не страшно,— утешила Розаура.— Это знает господин Панталоне. Он мне завтра покажет. Пойдём танцевать.

Наутро она пришла в дом Панталоне. Старик провёл её на кухню, к слугам.

— Смотрите,— сказал он.— Эти люди работают на меня от темна до темна. Но одна из служанок неделю назад вышла замуж. Поработайте вместо неё. Засим я препоручаю вас моей домоправительнице, она покажет, что делать.

Он ушёл. Домоправительница неодобрительно оглядела Розауру с головы до пят.

— Да кто ж работает в шёлковом платье и с цветами в волосах? Надевай-ка передник, а волосы под косынку спрячь.

Розаура повиновалась. Сперва ей дали швабру и щётку, заставили мести и скрести. Потом она протирала плиту, варила овощи, чистила золотые и серебряные блюда, застилала кровати, накрывала на стол, мыла посуду, жарила на вертеле рыбу, сбивала масло, чинила бельё, пекла хлеб и делала ещё тысячу всяких дел. Сноровки у неё не было, и к концу дня руки, ноги, спина Розауры болели так, что впору упасть замертво.

Вечером пришёл сияющий старик Панталоне.

— Ну, очаровательница! Я ли не заслужил награды? Став моей женой, вы сможете так работать с утра до вечера. Вот и останетесь юной и прелестной.

Но Розаура возмущённо топнула усталой ножкой:

— Я никогда ещё не чувствовала себя такой старой! — И, дав Панталоне увесистую пощёчину, она поплелась домой, шатаясь от усталости.

Там уже поджидал Флориндо, он собрался на Карнавал.

— Танцевать? — вздохнула Розаура устало. — Ах, я никогда больше не захочу танцевать... — И она тут же заснула.

Наутро к ней явился мавританец Бригелла и сказал:

— Несравненная Розаура! Ваша прихоть весьма странна. Но если вы и в самом деле ищете работу — у меня её предостаточно.

— Я возьмусь за любую, — обрадовалась Розаура, — лишь бы остаться молодой. А мыть полы и чистить кастрюли не придётся?

— Чистить кастрюли совершенно недостойное вас занятие, — воскликнул Бригелла. — Вчера у меня сбежал мальчишка-конюх. И вы будете вместо него ухаживать за моими арабскими скакунами.

Он привёл Розауру на конюшню с прекрасными арабскими лошадами, вручил ей стальной гребень и ушёл, сказав напоследок:

— Расчешите им гривы.

Тут было пятьдесят лошадей, и каждая с норовом, — одна горячеей другой. Первая хлестнула Розауру хвостом, вторая заржала ей в лицо, третья косилась и прыдала, четвёртая лягнула Розауру, пятая злобно всхрапнула — и так без конца. День клонился к вечеру, а Розаура всё не решалась к ним подступить. Она съёжилась и, стуча зубами от страха, забилась в угол конюшни. Там её и нашёл Бригелла.

— Ну что, красавица? — вскричал Мавританец. — Положена мне награда? Став моей невестой, вы сможете расчёсывать скакунам гривы с утра до вечера. Вот и не состаритесь!

— Ой, бедная я, бедная, — заплакала Розаура. — Видно, мне никогда больше не быть моло-

дой. — Она швырнула гребень в лицо Бригелле и устремилась домой так поспешно, словно за ней гнался табун диких лошадей. У порога дожидался Флориндо, готовый вести Розауру на Карнавал.

— Танцевать?! — воскликнула она. — Но я до сих пор дрожу от страха! Ах, Флориндо, я верно совсем разлюбила танцы. — И она бросилась на постель и заснула, позабыв раздеться.

На третье утро, накануне дня рождения, к Розауре пришёл учёный Доктор.

— О Розаура, великолепнейшая из великолепных! Неужели правда, что вы намерены сохранить свою ювенильность посредством усиленной деятельности?

— Что-что? — переспросила Розаура. — Может, вы спрашиваете, хочу ли я работать, чтобы остаться молодой? Да, хочу. Только скажите сперва: не держите ли вы, часом, лошадей?

— Я питаю отвращение к четвероногим, — отозвался учёный Доктор.

— А, так, значит, мне придётся пол мести?

— Ни в коем случае. Подметание пола и вытирание пыли в моём доме находятся под строжайшим запретом. А то перепутаются фолианты и рукописи.

Оказавшись в его доме, Розаура тут же расчихалась — всё тут было покрыто толстым слоем пыли. Учёный Доктор усадил её за стол, заваленный книгами, дал чернил, стопу писчей бумаги, двенадцать очищенных гусиных перьев и старинную, стотомную энциклопедию. Розауре надлежало за день выписать из энциклопедии всё касательно древних ассирийцев. Под вечер учёный Доктор появился вновь, радостно посверкивая стёклышками очков.

— Ну что, дитя мое? Освежили ваш дух сии труды? — спросил он. — Согласны ли вы навеки стать моей сподвижницей и секретарем?

— Освежили? — переспросила измученная Розаура. — У меня так болит голова, что я ничего не соображаю. — Она разом смахнула со стола книги, бумаги, чернила с перьями и поспешила домой. Там, по обыкновению, поджидал её Флориндо в карнавальном костюме.

— Флориндо! У меня голова раскалывается! — И вместо танцев Розаура заснула, едва её большая головка коснулась подушки.

А наутро настал день рождения Розауры и вдобавок Большой Карнавальный Праздник. Проснувшись, Розаура увидела возле кровати чудесные подарки: Панталоне прислал золотой браслет, Бригелла — арабского пони, учёный Доктор Савио — латинский словарь в переплёте из телячьей кожи. Флориндо прислал целую корзину цветов, а среди цветов притаились прелестные туфельки на высоких каблуках. Кроме того, Розаура обнаружила смешную деревянную корову, к её ногам были привязаны верёвочки: подёргай — и корова пустится в пляс. Никто в доме не знал, кто прислал этот подарок.

Флориндо застал Розауру в новых туфельках — она танцевала.

— Флориндо, дорогой, — воскликнула она. — Мне целых двадцать лет! Я выгляжу очень старой? А работу, чтоб сохранить мне молодость, ты нашёл?

— Увы! Пока нет! Но ты ни капельки не постарела! — Он поцеловал ей руку.

— По-моему, сегодня, в день рождения, мне не обязательно работать, — решила Розаура. — Какие чудесные туфельки! Прямо не знаю, как тебя благодарить!

— Пойдём-ка на Карнавал, и ты в них потанцуешь, — предложил Флориндо. — Там веселье в полном разгаре.

И они отправились танцевать — очаровательная Розаура и юный прекрасный Флориндо. Они танцевали с полудня до полуночи и с полу-

ночи до утра, танцевали без усталости на главной площади в Сиене, среди множества людей в масках и карнавальных костюмах. Весельчаки закидывали их серпантин и бумажными цветами, угощали пирогами с миндалём и изюмом, все вокруг ели взбитый крем и поднимали бокалы за здоровье Розауры.

Уже светало, когда Розаура, танцуя, возвращалась домой. Её сопровождали Флориндо и прочие ухажёры, а следом шли маски: Король, Королева, Арлекин, Коломбина, Скарамуш, Пульчинелла и много-много других. У дверей стоял весёлый старик Разносчик с осликом и тележкой.

— С добрым утром, милая барышня, — сказал он.

— С добрым утром!

— Вы справляли день рождения прямо на Карнавале?

— Да, и притом самый счастливый в жизни! — воскликнула Розаура. — Хоть бы он никогда не кончался! Но теперь я скоро состарюсь, ведь мне уже целых двадцать лет.

— А работать вы пробовали?

— Я на этой работе сперва с ног сбилась, потом перепугалась до смерти, потом чуть от головной боли не умерла. Даже танцевать расхотела!

— Значит, вы переработали, — сказал Разносчик. — А нынче как вы себя чувствуете? Вы ведь танцевали ночь напролёт.

— Я свежа, как утренний цветок!

— Значит, такая работа вам и нужна, — сказал старик.

Розаура была счастлива:

— Флориндо, слышишь! Оказывается, танцы — это тоже работа.

— А то как же, — подтвердил Разносчик. — Посложнее других. Только и гляди, чтоб ноги не перетрудить, от усталости не свалиться.

— Я никогда не устану! — воскликнула Розаура. — Флориндо, ты, сам того не зная, нашёл для меня самую лучшую работу. Я мечтаю танцевать с тобой всегда, без усталости и остаться молодой навечно.

— Пожалуй, это можно устроить, — промолвил Разносчик. — Дайте-ка деревянную корову, что я принёс поутру. И чашку захватите.

Розаура всё быстро принесла, и Разносчик подоил корову в чашку. Молоко текло, словно сыпались деревянные опилки. Наконец чашка полна до краёв.

— Сейчас, милая, исполнятся ваше желание.

Кто сделает хоть один глоток — останется таким, каков он есть, на веки вечные. Так что прежде подумайте хорошенько, все подумайте!

— Я уже подумала! — перебила его Розаура. — Кто же откажется остаться навеки молодым, красивым и счастливым? Кто откажется от шёлкового платья, от туфель на высоких каблучках, от танцев до утра?!

И она глотнула деревянного молока. Флориндо воскликнул:

— Дай и мне, Розаура! Я тоже хочу остаться молодым и красивым, хочу танцевать с тобой без усталости.

Он сделал глоток. Тогда Панталоне закричал:

— И мне дайте! Я хочу быть всегда богатым и танцевать на Карнавале!

— И мне, — закричал Доктор. — Хочу вечно постигать науки и танцевать на Карнавале!

— И мне дайте! — прогремел Бригелла. — Я навеки останусь сильным и отважным и буду танцевать на Карнавале!

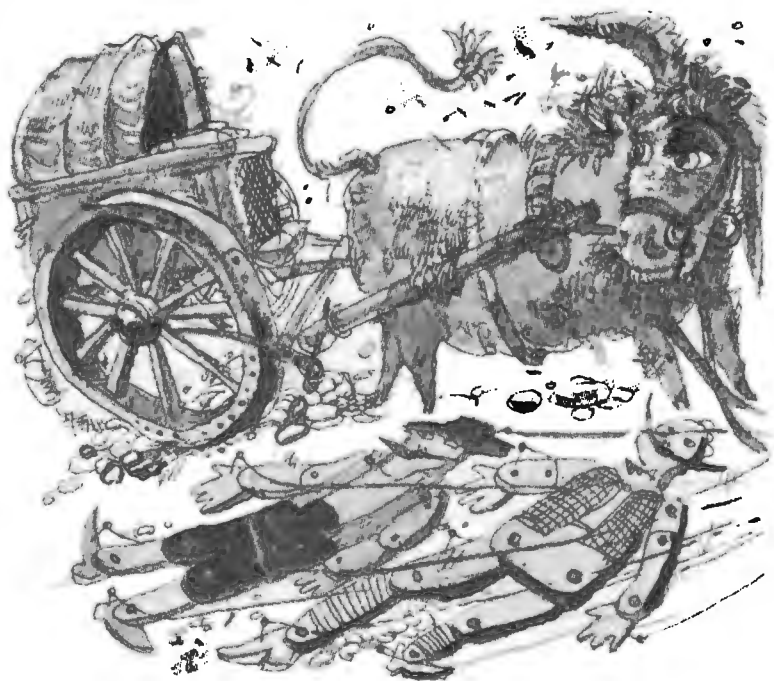
— И мне! И мне! И мне! — разом закричали Король и Арлекин, Королева и Коломбина, всем захотелось вечно танцевать на Карнавале. И каждый отведал молока деревянной коровы... Пока они пили, старик Разносчик тихонько посмеивался, а когда в чашке показалось дно, он воскликнул:

— Танцуйте, милая барышня! Танцуйте со мной! Танцуйте все — без усталости — да будет вечный Карнавал!

Он схватил Розауру за руки и пустился с нею в пляс по улицам Сиены, а следом — весь Карнавал. Они танцевали и становились всё меньше и меньше, их руки и ноги деревенели, в коленках и локтях появились проволоочки... И когда Раз-

носчик наконец остановился, все повалились в кучу, а Розаура, точно кукла, безвольно повисла в его руках. Да она и была теперь куклой!

Разносчик подержал её на весу, зажав между указательным и большим пальцами:

— Так-то, милая барышня. Исполнилось ваше желание. И сто лет вам стукнет, а всё будете молодой. Танцуй день и ночь, Розаура, никогда не устанешь.

С этими словами он сгрёб всех кукол — старика Панталоне, темнокожего Бригеллу, очкастого Доктора, прекрасного Флориндо, очаровательную Розауру и всех остальных, — сгрёб, положил на тележку и укатил прочь.

ЭЛИНОР ФАРДЖОН

Сказки, рассказы,
притчи

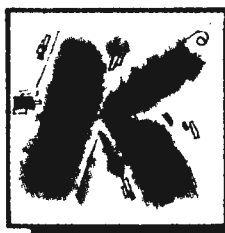

ИЗ КНИГИ

**МАРТИН ПИППИН
НА ЛУГУ**

ТОМ КОБЛ И УНА

огда Тому Коблу из Югопута стукнуло семь лет, его украли феи. Вернее сказать, он сам укрался, поскольку отдался им в руки по доброй воле.

А приключилось это оттого, что разобиделся Том Кобл на весь белый свет. Жил он с дедом-лесником, который охранял герцогские угодья. Огромный парк простирался вширь по полям и вверх по холмам, а вокруг бежала стена длиною двадцать миль. Там и сям стояли избушки лесников: одни — возле проезжих дорог и узких тропинок, другие — в лесной чаще на тенистых опушках. Тому Коблу посчастливилось: дедова избушка стояла около речки. Вечерами к берегу стягивались рыболовы. Расставят фонари и позеленевшие от влаги корзины, пошуршат в камышах и затаятся. Фонари светят ярко, приманивают рыбу. Едва услышит Том дедушкин храп — вылезет в окошко и бегом на бережок, с рыболовами разговаривать. Да вот беда — молчат они, точно воды в рот набрали. А у Тома язык так и чешется: порасспросить да порассказать.

— И что вы тут, впотьмах, ловите? — рассуждал Том Кобл. — Нету тут по ночам рыбы, вон она — в небе гуляет. А червяков и мошек зачем на крючок цепляете? Ух, не люблю я мошек,

страсть как не люблю. Лучше б на петрушку-сельдерешку ловили. Ну а в камышах почему попрятались? Знаете историю? Жил да был один ловорыб, сидел вот так же в тростнике да и пустил корни. Так на том месте и остался, пророс. Я ему еду носил. Бывало заколет дедуля свинью — я требухи на берег тащу. Раз пришёл, глядь — нет ловорыба, тростник скосили весь, чтобы крыши крыть. Ловорыб теперь с крыши у Бетси Вэр рыбу ловит.

Рыболовы ничего не отвечали Тому и пропустили все его байки мимо ушей. Однако в камышах вечно шелестел ветерок, тут и там слышалось:

— Ш-ш-ш! Тсс-тсс-тсс!

Том Кобл решил, что ему затыкают рот, и разобиделся.

Неподалёку от дедовых ворот была кочковатая, поросшая травой ложбинка. Тут росли фруктовые деревья, куры похаживали между пёстрых грядок, а возле прудика, затянутого ряской, валялось бесхозное зелёное ведро — краем в воде, краем на суше. Том обыкновенно играл в этой ложбинке, а дальше ему ходить не позволялось. У подножья холма начинались заросли бука и дикой вишни; вишня вскоре отступала, ей крутой склон не по нраву, зато буки добирались до самой вершины. А с ними, тайком, и Том Кобл. Непростое дело — одолеть прогалины и острые каменистые выступы, того и гляди, упадёшь. В прогалинах толстым слоем лежали палые листья — бурые, точно трёпанный ветром брезент, почти чёрные, точно скорлупки грецких орехов с изнанки. За долгие годы тут скопились горы листьев, Том проваливался в них, как в сугробы, по самую макушку. Листья застревали в волосах, попадали за шиво-

рот, прилипали к одежде спереди и сзади, а ладони и коленки Тома становились черным-черны, словно их натёрли орехом. И дед безошибочно узнавал, откуда вернулся его непоседа внук. Мог бы и не спрашивать:

— Том, где ты был?

Но разве дед смолчит?

Приходилось Тому объяснять:

— Вижу — кролик бежит рогатый, ну и я за ним. Как схвачу за хвост, хвост и оторвался! Тут пришёл сам Герцог в золотых ботинках

и сказал, что хвостик надо в палой листве посадить, тогда там на Михайлов день новый кролик вырастет. Пойдём, дедуля, покажу, где я хвост посадил!

Только дед отчего-то не шёл. А брал вместо этого свои шлёпанцы с каминной полки, клал внука себе на колено кверху задницей и шлёпанцем со всего размаху — шлёп! шлёп! После очередной порки Том Кобл обиделся вконец. Ну чем он виноват, если видит мир так, а не этак, не как все люди?

Такая вот тяжёлая жизнь и заставила Тома Кобла подстроить собственную кражу.

Угодить в руки феям — дело нехитрое. Однажды вечером, перед восходом луны, Том отправился на грибную полянку и улёгся в траве, не прочитав молитвы. Когда луна выкатилась на небо, появились феи и — сцапали Тома.

— Бесполезно плакать, Том Кобл! — заявили феи, когда он проснулся в недрах холма, в подземном царстве. — Нечего слезы лить! Теперь ты наш, на целых семь лет!

— Вовсе я не плачу, — проворчал Том Кобл. — Это старуха Бетси Вэр ревела в три ручья, когда лиса у неё цыплят потаскала. Уж так она убивалась, так ревела, что из герцогского замка приехал дворецкий в атласной розовой карете и привёз золотой жёлоб, чтоб туда старухины слёзы стекали. На конце жёлоба был прудик с золотыми рыбками. Да только слёзы оказались слишком горячими, рыбки зажарились, словно в масле на сковороде. Бетси их и съела. Мне тоже одна рыбёшка досталась, вкусная, на пудинг с патокой похожа.

Выслушав Тома от слова до слова, феи забеспокоились.

— С таким намаешься!

— Может, отпустим?

— Никак нельзя, он на целых семь лет наш! Кто знает, вдруг и научится чему-нибудь путному за это время? С такими задатками он, пожалуй, самого чертяку околпачит!

— Вот, погодите, подучится немножко...

— Чему подучусь? — спросил Том Кобл.

— Колдовству, — бездумно ответил маленький эльф и тут же, опомнившись, закрыл рот ладошкой.

— А мы с дедом вашего чертяку без всякого колдовства околпачили! — сказал Том Кобл. — На части разделали, окорок в дымоходе повесили — подкоптиться, потроха сейчас дедуля разбирает, а копыта с рогами мы засолили, получилась полная кадка.

Тут вышел вперёд старый хромой Волшебник и сказал:

— Отдайте-ка мне паршивца. Я найду на него управу. Пускай у меня на кухне послужит, а научится — чему научу, не больше.

Феи охотно сдали Тома Кобла с рук на руки Волшебнику и отправились дальше, петь и танцевать.

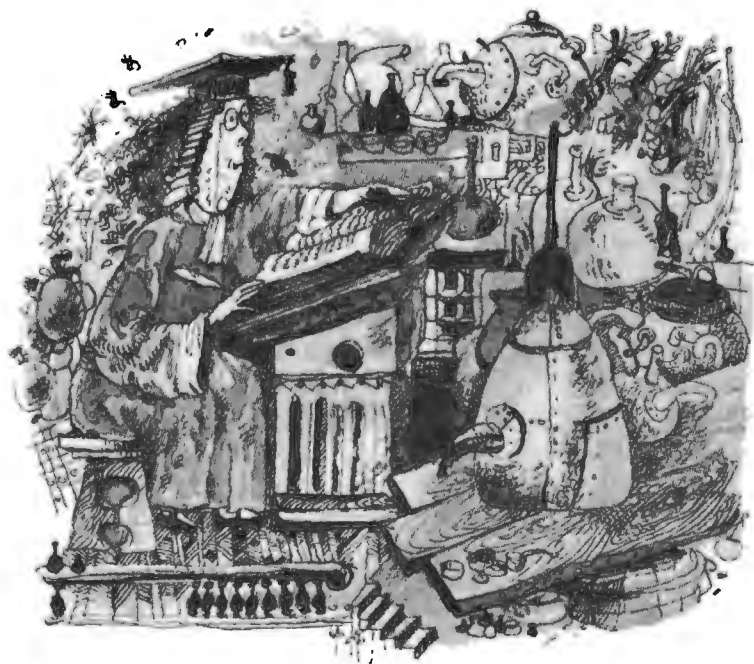
Волшебник повёл Тома в самую глубь горы. Его убежище состояло из трёх пещер. Первая — кухня — была уставлена кастрюлями, горшочками и мисочками, под которыми весело пел разноцветный огонь — розовый, алый, золотистый, голубой, зелёный, а из-под крышек струился пахучий парок. Волшебник поручил Тому присматривать за очагами и оттирать с горшков грязь и копоть.

— Мы тут колдовские снадобья на ужин готовим? — осведомился Том.

— Нет,— ответил Волшебник.— Мы ужина не готовим вовсе.

— Неужто так и спать — на голодный желудок? — возмутился Тём.

— Отчего же? — возразил Волшебник.— Взмахну рукой — и ужин готов!

Тому поставили топчан прямо на кухне.

Во второй пещере он увидел обеденный стол, а ещё тут жила Уна, дочь Волшебника, очень красивая девушка лет шестнадцати. На ней было сотканное из лунного света платье — обычный наряд фей, а поверх его большой клетчатый передник с карманами. Уна сметала со стола крошки пучком птичьих перьев. На пол, однако, падали не хлебные крошки — они превраща-

лись на лету в звонкие серебряные монеты. Волшебник укоризненно поглядел на дочку:

— Вечно мне лишнюю работу придумаешь!

— Не могу же я сидеть сложа руки, — ответила Уна.

Тогда Волшебник махнул рукой: вмиг исчезли и крошки, и монетки, а передник Уны развязался сам собой и повис на гвоздике. Однако Уна повязала его снова, вынула из кармана кусочек кожи и принялась яростно тереть стол — до блеска.

— Кого ты привёл, папа? — спросила она, бросив взгляд на Тома Кобла.

Между тем стол под руками Уны защебетал, засвистал нежно, по-соловьиному. Том прямо заслушался, но Уна досадливо сказала столу:

— Ну-ка, прекрати! Немедленно прекрати, слышишь?!

Но стол и не подумал умолкнуть. Поняв, что его не переспоришь, Уна снова обратилась к отцу:

— Так кого же ты привёл?

— Это Том Кобл из Югопута, — ответил Волшебник. — Мы его сегодня украли на семь лет.

— А у Бетси Вэр тоже стоял стол, — вступил в беседу Том. — Одноногий стол, вместо ножки — львиная лапа. Бетси тоже тёрла-тёрла и стёрла крышку дочиста, только ножка осталась. И убежала тогда ножка в рощу, и повстречала льва — совсем безногого. Все его ноги остались в капканах, которые Вильям Дженкс на зайцев ставил. Вот и уселся безногий лев на львиную ногу, а она побежала домой, к Бетси. Теперь старуха обедает на львиной спине, а как поест — лев обернётся и все крошки дочиста языком слижет.

Господин Волшебник, а что у вас в дальней комнате?

— Это моя комната, — сказал Волшебник. — И не советую совать туда нос.

За все годы, что Том прослужил у Волшебника, ему не довелось заглянуть в дальнюю

комнату даже краешком глаза. Волшебник хранил там ворожбу, чары и колдовство. Иногда он выносил из комнаты книгу в коричневом переплёте и читал её, помешивая кипящие в горшочках зелья. Потом он говорил:

— Том Кобл, дай-ка мне семян папоротника.

— Налей-ка полчашки росы из большой бутыли.

— Взвесь-ка одну унцию прошлогоднего пуха.

— Отмерь-ка полтора ярда шёлковой паутины, да побыстрее.

Том всё расторопно выполнял, а между делом примечал, как колдует его хозяин. И многое понял. Но всегда оставалась какая-то колдовская закавыка, а какая — Тому и невдомёк.

Зато он прекрасно разводил огонь под кастрюлями, и не простой, а разноцветный. Только я вам сейчас его секреты не открою, чтобы пробовать не вздумали. А то кто знает, чем это грозит? Одно дело — сварить на завтрак яйцо на обычном огненном огне, каким горят уголь, дрова или торф. Яйцо яйцом и останется. Но совсем иное дело — варить яйцо на голубом, зелёном или лиловом огне, как научил Тома старый Волшебник. Яйцо может стать золотым или резиновым, а то ещё расправит крылышки и улетит восвояси. Короче, съесть на завтрак яйцо вам вряд ли удастся.

На исходе семилетней службы Том превратился в красивого долговязого подростка четырнадцати лет, а Уна так и осталась прелестной шестнадцатилетней феечкой. О Томе она заботилась рьяно, точно старшая сестра о братишке. И умывала его, и причёсывала, и одежду чинила. Том всегда ходил стираный-глаженный. Частенько после Униных умываний он узнавал себя с трудом, но ему это очень нравилось. То заблестит лицо, точно позолоченное, то вместо носа клюв отрастёт, острый, как у дрозда. Причесет его Уна, а волосы торчком встанут, так и потянутся вверх, как цветы к солнышку. А то ещё и вправду вместо волос зазеленеет травка и зажелтеют лютики. Штопала Уна прекрасно, но за-

латает дыру на пиджачке — глядь, а пиджачок превратился в синий бархатный камзол с медными пуговицами, или в бронзовую кольчугу, или в простое рубище, как у Дейви, старшего пастуха, который смотрит за стадами Герцога. Какой бы наряд ни сотворила Уна, Том наплевывал его беспрекословно, ведь другой одежки у него не было. Да и Униных чудес хватало ненадолго — попадётся Том на глаза Волшебнику, тот взмахнёт рукой и вернёт Тому прежнее обличье и одежду. А потом, сердито сдвинув брови, скажет Уне:

— Опять ты мне работёнку придумала?

— Папа, должен же кто-то за мальчиком приглядеть!

Но вот истёк семилетний срок. На прощание Волшебник сказал:

— Ты исправно служил мне, Том Кобл. Проси в награду всё, что сможешь унести в кармане.

И Том, не раздумывая, выпалил:

— Хочу вашу коричневую книжку.

Волшебник растерялся.

— Возьми лучше Бездонный Кошелёк!

— Спасибо, не надо.

— Возьми Шапку-Невидимку!

— Спасибо, в другой раз.

— Возьми Сапоги-Скороступы!

Но Том стоял на своём:

— Хочу коричневую книжку!

Понял Волшебник, что опростоволосился. Но делать нечего — отдал Тому волшебную книгу. А напоследок дунул мальчику в левый глаз.

И Том отправился в родной Югопут.

В Югопуте ничегошеньки за это время не изменилось. В такое захолустье перемены прихо-

дят раз в сто лет, когда хозяйка трактира «Гирлянда» поменяет пёстрые ситцевые занавески на красные, однотонные, а на тусклой витрине магазинчика вместо леденцов появятся бомбошки с ликёром. Все было по-прежнему... Но — удивительное дело! — Том шёл по улице и никого не узнавал. Ни одного знакомого лица! Заглянув в магазинчик купить бомбошек, он увидел за прилавком вовсе не тетушку Грин, а совсем другую женщину. Она взвесила конфеты, Том полез в карман за деньгами и обнаружил, что денег-то у него и нет. Он сказал:

— Погодите минуточку, — и принялся лизать волшебную книжку. Потом вынул из пакетика конфету, помудрил, пошептал, и конфета превратилась в монету! Вручив её продавщице, Том получил два пенса сдачи, а вместо заколдованной конфетки честная женщина подложила в пакетик другую — ведь она продавала товар на вес. Том сунул конфету за щёку и зашагал по тропинке к реке, к дедовой избушке. Тут тоже ничего не изменилось: в траве похаживали куры, зелёное ведро лежало набоку возле прудика. Только вот высокую костлявую старуху, которая развешивала бельё на верёвке, Том, убей Бог, не узнавал.

Он вошёл в ворота и хотел было поискать деда или старшую сестру, но старуха грозно окликнула его:

— Эй, ты куда?!

Том остановился.

— Если тебя из бакалеи прислали, — продолжала старуха, — так давай товар сюда, погляжу, что принёс, а в дом сама отнесу.

— Ничего я не принёс, — сказал Том. — А что вы заказывали?

— Ишь ты, он ещё спрашивает! — возму-

щённо воскликнула старуха.— Где моя овсянка? Где соль? Где кофе? Куда сахар дел и пудру сахарную? Где, скажи на милость, хозяйственное мыло и свечи? Небось всё растерял по дороге!

— Погодите,— сказал Том Кобл. Усевшись на землю, он раскрыл свою книгу, а потом собрал, что под руку подвернулось — веточки, камешки, сухие листья,— помудрил, пошептал и протянул старухе семь аккуратных свёртков в голубой глянцевой бумаге со звёздами. Старуха опасливо взяла первый:

— Что это?

— Должно быть, сахар,— ответил Том.

Старуха раскрыла свёрток. Там и в самом деле оказался сахар, но не кусочками, а одним большим куском в виде утки. Утка трижды крикнула и отложила сахарное яйцо прямо в старухину ладонь. Недоверчиво покачав головой, старуха раскрыла другой свёрток. Там оказались кофейные зерна — вроде совсем обычные, но, почуввав свободу, они превратились в пчелиный рой и жужжа перелетели на сливовое деревце, что росло поодаль. Хмыкнув, старуха взяла соломенную корзину, загнала туда кофейных пчёл и поставила на лавку к другим ульям. Пчёлы тут же перестали жужжать, а заурчали, точно зёрна в кофемолке. В воздухе приятно запахло кофе. Все свертки оказались с чудинкой. Овсянка, например, сверкала, точно золотая пыль, но Том заверил старуху, что варится она не хуже обычной. Хозяйственное мыло было не жёлтым, а разноцветным, будто радуга, и на нём читался стишок — по строчке на каждой цветной полоске. Соль на вкус оказалась сладкой, как сахарная пудра, а сахарная пудра — солёной, точно соль. Ну а из последнего пакета старуха вынула только

одну свечку, свечка тянулась и тянулась, и конца ей всё не было. Вытянув ярдов двадцать, старуха уморилась и, уперев руки в боки, взглянула на Тома.

— Что, в бакалее других разносчиков нету?

— Вовсе я не разносчик, — сказал Том Кобл.

— Чего ж тебя сюда занесло? — озадаченно спросила старуха.

— Хочу повидать деда и старшую сестру.

— Тут живем только мы с сыном. А как твоего деда зовут?

— Барнаби Кобл.

Старуха пристально взглянула на Тома.

— А сестру твою как зовут?

— Молли Кобл. Но она выйдет замуж за Вильяма Дженкса, когда он браконьерить перестанет.

Старуха взглянула на Тома ещё пристальней.

— Вот те и на! Ну а тебя-то как звать-величать?

— Том Кобл, — ответил Том Кобл.

Старуха так и сверлила его взглядом:

— Тот самый Том Кобл? Которого феи украли?

— Да, семь лет назад, — подтвердил Том.

— Семьдесят, — поправила его старуха.

Она закинула на верёвку мокрый фартук и вздохнула:

— Что ж, вернулся так вернулся, ничего не поделаешь. Дед твой умер пятьдесят лет назад, сестра Молли — сорок лет назад. А я её дочь, твоя племянница. Сперва мой отец, Вильям Дженкс, работал лесником, но и он уж тридцать лет как помер. А после и мой муж, Боб Дрейк. Двадцать лет с тех пор прошло. Зовут меня

Салли Дрейк, а сына моего Джек, он у Герцога старшим Лесничим служит. Что ж, дядюшка, снеси-ка это добро на кухню да положи в буфет. Свечку нарежь как положено, да не тяни её больше, Бога ради! Хватит.

Том послушно исполнил приказания племянницы. А потом пришёл его внучатый племянник Джек Дрейк — крепкий мужичок лет тридцати пяти, и Салли поведала ему, что юный дядька Том вернулся наконец от фей из волшебного царства и будет теперь жить с ними — в тесноте, да не в обиде.

Возвращение Тома вызвало в деревне живейший интерес, и хватило его на целых два дня. Люди, чьи деды лежали в колыбели, когда Том попал к феям, останавливали его на улице и расспрашивали про здоровье, про жизнь-бытьё у фей, а самые любопытные повторяли излюбленный вопрос Салли Дрейк — что он намерен делать дальше. Том приноровился отвечать так:

— Спасибо, здоров.

— Неплохо пожил.

— Ещё не решил.

А через два дня в Югопут приехал цирк принца Карло и раскинул шатёр на пустыре под названием «полумесяц». Все позабыли о Томе Кoble, только и слышались разговоры, что о красотах, обсыпанных блёстками, о чёрно-белых пони, о бело-рыжих клоунах, о силачах, которые могут поднять весь земной шар, о стройных гимнастах, которые порхают с трапеции на трапецию, точно птички с ветки на ветку. Все наострили уши, нетерпеливо ожидая, когда же грянет духовой оркестр, все искали глазами цепочки весёлых разноцветных лампочек, все

раздували ноздри от запаха сена и опилок. Том тоже купил себе билет на галёрку за два пенса и пришёл от цирка в полный восторг. Разговоров о цирковых чудесах хватило на неделю, а о Томе с тех пор никто и не вспоминал. И никого, кроме старухи Салли Дрейк, не волновало теперь, чем и как он заработает себе на хлеб.

— Пора, дядюшка, остепениться, — говорила старуха. — Смышлёному, рукастому парню семидесяти семи лет от роду пора браться за дело.

— Не к спеху, — отвечал Том. — Я, когда подрасту, поступлю к Герцогу в лесники. Хорошо бы Джек меня по лесу поводил, показал тайные стёжки-дорожки.

Джек согласился, и они теперь целыми днями пропадали в герцогском парке. На самом деле это был настоящий дикий лес. Джек учил Тома обращаться с ружьём, различать следы и разбираться во всякой иной премудрости, которая ведома лишь лесникам. Я в этом ничего не понимаю и рассказать не берусь. Знаю только, что однажды утром они повстречали в парке самого Герцога. Он обратился к Джеку:

— Здравствуй, Дрейк. Что-то неладное творится в парке, заметил?

— Разве, Ваша Светлость? — удивился Джек Дрейк. — Вам почудилось.

— Пойдём покажу.

Все втроём направились они к кроличьему загону и увидели сотни кроликов, крольчих и крольчат, серых и белых, старых и малых; как оголтелые носились они по вытоптанному склону холма, и у каждого на голове красовались... рога!

— Вот так диво! — Джейк Дрейк протёр глаза.

— Это ещё не всё,— сказал Герцог и двинулся дальше — на полянку, которую издавна облюбовали олени. Все олени до единого — и мышастые, и пятнистые — сгрудились в то утро на полянке, и все, даже тонконогие оленята, хлопали крыльями!

— Вот уж диво дивное! — Джек Дрейк недоумённо почесал в затылке.

— Ну а это тебе как понравится? — спросил Герцог и повёл его к высокому кургану. Там, на вершине, стояла красивая ножка от стола — красного дерева, с точёной когтистой лапой у основания, а сверху к ней точно прирос красавец лев. Вполне живой, только безногий, он дружелюбно ревел и приветливо помахивал хвостом.

Джек Дрейк поскрёб подбородок и сказал:

— Каких только чудес на свете не бывает!

— Мне эти чудеса совсем ни к чему,— промолвил Герцог.— Ты тут старший Лесничий, вот и позаботься, чтобы такого больше не было.

— Не беспокойтесь, Ваша Светлость, сделаем,— заверил Герцога Джек Дрейк. Он так пристально смотрел на ботинки Герцога, что тот тоже взглянул вниз... Ботинки стали золотыми! Великолепные с виду, но тяжеленные и неуклюжие, они приковали Герцога к земле, каждый шаг давался ему с трудом. Кое-как добравшись до замка, Герцог надел тапочки и заказал сапожнику новые кожаные ботинки. Так с тех пор и повелось: стоило Герцогу войти в парк, его обувь превращалась в чистое золото. Вскоре целый шкаф в замке наполнился сверкающими ботинками и туфлями.

Однако чудеса в Югопуте только начались.

Когда летом заиграла на стремнинах рыба, к берегу с удочками, корзинами и фонарями потянулись рыболовы, как две капли воды похожие на рыболовов из Томова детства, хотя приходились им внуками, а то и правнуками. Они устраивались в камышах, точь в точь как те, прежние, и сразу — уши заткнут, язык прикусят.

Том Кобл, как встарь, приходил, глядел на них, но вопросов не задавал. Они себе рыбку удят, а он лежит на бережке, книжку коричневую почитывает. И вот, как-то раз зазевался рыболов, и жирный пескарь у него червяка утащил. Полез рыболов за новой наживкой, глядь — а в банке вместо мошек с червяками сок петрушки. И у дружков его такая же беда. Так и разошлись в тот вечер по домам без улова.

Назавтра снова пришли, удочки закинули. И Том Кобл тут как тут — сидит в камышах, книжку читает. Вечер выдался славный, дождливый, рыба клевала беспрестанно. Но вдруг дождик кончился, выкатилась луна, словно серебряное блюдо, а рыбки выпрыгнули из воды и — прыг, прыг — прямиком на небо. Заплясали, захороводинились вокруг луны — кто плавно, кто шустро. Поблёскивают плотвички, изгибаются в танце уклейки, пескари плавниками играют. Полдеревни выбежало на улицу — взглянуть на небывальщину. Ну а кто спал без просыпу, узнал о чуде только поутру... Незадачливые рыбаки снова разошлись несолоно хлебавши.

Но они верили в удачу. И назавтра снова сошлись на берегу: Том — с книжкой под мышкой, а рыболовы — с удочками. Ничто им в ту ночь не помешало, тихо-мирно таскали плотву до самого рассвета. Однако, собравшись домой, они не смогли вылезти из камышей, поскольку

пустили там прочные, цепкие корни! И остались горе-рыболовы у реки на веки вечные.

Деревенские ребяташки их не забывали, угощали лакричными конфетками. А как плеснёт на стремнине рыбка, рыболовы закинут удочки и — рады-радёшеньки. Так что доля им досталась вполне завидная. Только одному бедняге не повезло: недосмотрел кровельщик Джем Тёрнер, срезал его вместе с камышом и примостил на крыше коровника-развалюхи, под самый гребень. Впрочем, рыболов и тут не унывал. Наберёт детвора ведёрко дождевой водицы, поставит под коровником, а он закинет удочку — благо руки свободны — и счастлив.

Конечно, это далеко не все проказы Тома Кобла, но все и не перечислишь, ведь чудеса случались в Югопуте каждый Божий день, семь лет кряду. Наколдует Том, накудесит, да только всё у него как-то нескладно, кривобоко выходит. Нелепые какие-то чудеса! Старуха Салли Дрейк сразу заподозрила, что дело тут нечисто, и велела Джеку не брать дядьку Тома в лесники, а определить учеником к деревенскому сапожнику.

Сапожник взял парня на год, и Том Кобл справно шил ботинки и туфли; но в них непременно находился какой-то изъян. Правый ботинок всем хорош, а левый — с придурью. Первую пару Том сшил для Гарри Блоссомы — подручного из трактира «Гирлянда». Надел Гарри туфли за стойкой, шагнул к Джиму Тёрнеру с кружкой пива — сперва правой ногой шагнул, потом левой — и очутился среди лука, на огороде доктора Дейли, который жил в полумиле от трактира. Направился Гарри назад, шагнул правой, шагнул левой и — приземлился в классе под дружный детский хор:

— Дважды один — два!

— Я в этом не уверен,— отозвался Гарри Блоссом и быстренько сел на пол, чтобы — не дай Бог! — еще куда-нибудь не шагнуть. Он снял злополучные ботинки и вернулся в трактор босиком.

Следующую пару Том Кобл сшил для пастора. Преподобный отец надел новые туфли на воскресную службу. Правая вела себя вполне пристойно, зато левая так и норовила пуститься в пляс. Едва коснувшись земли, она вскидывала ногу пастора вверх, будто ножку танцовщицы. Пастор вышел из дому поздно, и возвращаться времени не было. Ему удалось незаметно пробраться в церковь к началу службы, и прихожане ничего не заподозрили. Зато каково же было их изумление, когда преподобный отец выпорхнул на кафедру, точно Коломбина на сцену. Вот и пришлось ему, бедному, изловчиться и читать проповедь, стоя на одной ноге.

Иногда сшитые Томом левые ботинки умели летать, туфли иногда щипали за пятки своих хозяев-врунов, стоило им сказать хоть одно лживое словечко — сам Том Кобл был очень правдив. А некоторые левые тапочки оказывались прозрачными и хрупкими — из самого настоящего стекла.

В конце концов сапожник передал Тома Кобла кузнецу. Здесь Том принялся ковать подковы, которые сами соскакивали с наковальни и галопом мчались на вершину холма, даже не познакомившись со своей будущей хозяйкой-лошадью. Она так и стояла в кузне, перебирая неподкованными ногами, а раскалённая подкова скакала по лугам, перемахивала через изгороди и канавы, сама приходила на конюшню и, остывая в стойле, поджидала свою лошадь. Тогда кузнец передал Тома фермеру. Хлеба

и клевер поднялись в тот год густые, из чистого шёлка, а в шелку там и сям краснели ситцевые головки мака. Короче, не поле, а воскресная дамская шляпка. В один прекрасный день пёстрая курица, лучшая на ферме несушка, не заклохоталась, как обычно, во дворе, а гордо прошествовала на кухню и объявила остолбеневшей фермерше:

— Хозяйка, хочу сообщить вам, что я только что снесла великолепное яйцо.

Тут Тома Кобла и рассчитали.

Вернувшись к Салли Дрейк, он снова взялся за свою коричневую книжку. И кудесил помаленьку: то у него речка вспять потечёт, то снег сахарной глазурью заблестит, то школа на верхушку дуба взгромоздится, и дети примутся, точно белки, на урок лазить. Погнал фермер Джолли овец на скотобойню, а они, увидев мясника, превратились в белые облачка и растаяли в голубом небе. С той поры, едва на небе появлялось белое облако, деревенские непременно говорили друг дружке:

— Вот Джоллина овечка гуляет.

Так и минуло семь лет с тех пор, как Том вернулся из волшебной страны. И был он теперь совсем взрослым парнем, ему исполнился двадцать один год.

Как раз в день своего рождения Том гулял возле реки и повстречал хорошенькую незнакомую девушку. Она сидела среди высокой травы в серебряном переливчатом платье и клетчатом переднике. Распущенные волосы волнами струились из-под венка, сплетённого из звезд, а сверху красовалась шляпка с пышными цветами. Девушка тщательно пропалывала лютики на берегу — руками и маленьким садовым совком. Выта-

щит сорняк — и на этом месте остаётся золотое колечко. Берег был уже усеян колечками — на всех югопутских невест с лихвой хватит. Понаблюдав за девушкой, Том сказал:

— С добрым утром.

— С добрым утром,— отозвалась девушка, всадив совок в землю.

— Что ты делаешь? — спросил Том.

— Белый свет пропалываю,— ответила девушка.

— На это же потребуется уйма времени! — воскликнул Том.— Погоди-ка!

Он заглянул в коричневую книгу, оторвал молодой побег, трижды махнул им во все стороны, и все сорняки вмиг исчезли. Только лютики отчего-то стали из жёлтых голубыми.

Девушка нахмурилась.

— Ты зачем сделал мою работу? Да ещё такую неразбериху учинил! Голубые лютики! Ужас какой!

— Не ужас, а волшебство,— возразил Том.

— Терпеть не могу волшебство! Только работу портит.

— Зато время бережёт!

— Да кому нужно время, если делать нечего?! — возмутилась девушка и, поднявшись с колен, взглянула на Тома повнимательней.

— А ведь я тебя знаю! Ты — Том Кобл!

— А ты Уна! — обрадовался Том.— И тебе по-прежнему шестнадцать лет, хотя мы семь лет не виделись.

— Минут, а не лет,— поправила его Уна.— За тобой же только что дверь закрылась. Как это ты подрасти успел?

— Зачем пожаловала, Уна? — спросил Том.— Книжку я не отдам, так и знай!

— Ох и надоели вы со своей книжкой!

Она мне всю жизнь испортила. Если хочешь знать, Том Кобл, я рассорилась с родными и пришла, чтобы меня украли люди. Думаешь, вам, людям, наша волшебная жизнь интересна, а нам до вас и дела нет? Мне, например, ужасно интересно, как вы тут, на земле, живёте. Вот пойду сейчас в деревню, чтоб меня там украли!

Кивнув на прощание, Уна удалилась, и в тот день Том её больше не видел. Поутру случилось ему проходить мимо трактира «Гирлянда», и там, за стойкой, он заметил Уну: Гарри Блосом учил девушку перетирать пивные кружки.

— Ничего, скоро приновишься, — говорил Гарри. — Изловчись как-нибудь так вытирать, чтобы лепестки роз да жемчужины на дне не оседали, а то двойная работа получается.

— Попробую, — ответила Уна. — Только трудно враз позабыть, чему тебя всю жизнь учили. Издержки воспитания. Ба, а вот и Том Кобл! Заходи, Том, заказывай, что душе угодно. Я тут теперь главная и единственная служанка. Трактирщица меня вчера бельевой верёвкой опутала. Так что я благополучно украдена и вернусь в волшебную страну лишь через семь лет. Чего желаете?

— Подай-ка мне имбирного лимонаду, — попросил Том.

Уна побежала за бутылкой, осторожно разматала проволоку, и пробка стрельнула в потолок, а за нею вылетела сигнальная ракета и рассыпала по земляному полу разноцветный дождь.

— Попробуй ещё раз, — посоветовал Том.

Уна принесла другую бутылку, пробка снова выскочила, но как только Уна собралась наливать лимонад, горлышко оказалось заткнуто но-

вой пробкой. И так — всякий раз, когда она наклоняла бутылку!

— С третьей наверняка повезёт, — утешил девушку Том Кобл, и Уна поспешила за третьей бутылкой. На этот раз лимонад хлынул в кружку без приключений, а когда пена осела, Тому открылось его прошлое и будущее. Но он, ничуть не смутившись, с удовольствием осушил кружку до дна.

Уна сказала:

— С вас три пенса.

У Тома, как всегда, ни гроша за душой не было. Взяв с пола щепотку опилок, он превратил их в монетки и отдал Уне. Она укоризненно покачала головой:

— Опять колдовские штучки! Ну когда ты научишься жить, как все люди?!

Монетку она бросила в кассовый ящик, а они принялись играть там в орлянку: так и крутились до полуночи, пока трактир не закрылся.

Уна прослужила в «Гирлянде» целых семь лет, но это отдельная и очень длинная история.

Все эти годы старуха Салли Дрейк — по-прежнему бойкая и проворная, даром что ей уже восемьдесят стукнуло, — непрерывно пилила Тома Кобла. Пора, мол, бросить ворожбу и работать по-людски.

На её ворчание Том неизменно отвечал:

— Успеется.

Однако вскоре Джеку Дрейку взбрело в голову жениться, и он уехал в Серрей. Повстречав Герцога в парке, Том предложил себя на место Дрейка.

Герцог жил на другом конце парка, в пяти милях от Югопута, и не слыхивал о деревенских чудесах. И уж, конечно, не подозревал, что рогатые кролики, крылатые олени и золотые башма-

ки сотворил Том Кобл. А между тем для башмаков к замку пристроили новое крыло, и оно было забито до отказа. Ничего не подозревающий Герцог назначил Тома старшим Лесничим, прибавив:

— Ты, вероятно, уже знаешь здешний лес.

— Как свои пять пальцев, — подтвердил Том Кобл.

Услышав о новой работе юного дядюшки, Салли Дрейк лишь фыркнула и покачала головой. У старухи на всё имелось свое мнение, но она держала его при себе. Какое, в конце концов, дело ей, Салли Дрейк, если на буках зреют виноградные гроздья, на ясенях растут гигантские примулы, а белки на королевском дубе судачат по-китайски. Пускай Герцог сам разбирается, а ей недосуг. Каждый день гуляки обсуждали в трактире новые чудеса, случившиеся в герцогском парке. Уна из-за стойки слышала всё от слова до слова и кипела от возмущения:

— Ну что за нелепый парень! — говорила она, перетирая оловянные кружки. — Всё не как у людей! — Вытертые Уной кружки превращались на полке в пузатых человечков. К счастью, они оставались полыми и по-прежнему годились для пива.

Как видите, Уна презирала Тома Кобла. Она сбежала из волшебной страны к людям и хотела жить по-людски, а Том так и норовил напомнить ей о колдовских повадках её милых родственничков. Том, в свою очередь, считал Уну чудачкой. Зачем лишать себя радостей жизни? Зачем готовить обед на плите, если есть скатерть-самобранка?

По всему по этому Уна, пока служила в «Гирлянде», Тома Кобла не жаловала. А он и не на-

бывался в друзья. О чём говорить с такой занудой?

Конечно, Уна была вовсе не занудой, а просто хорошей, трудолюбивой девушкой. Она хотела приносить побольше пользы и с готовностью бралась за любое дело: жарила и парила, мела и убирала, пиво наливала, перины взбивала. Копала грядки, кормила цыплят, по понедельникам стирала, а по вторникам гладила. Наливала в лампы керосину, кормила сторожевого пса, стояла за стойкой — всегда приветливая и свежая, как цветок. Трактирщица говорила, что не было б её служанке цены, кабы...

Короче, беда с этой Уной, да и только! Старается, старается, а вся работа насмарку.

Положит капусту в кастрюлю — щи варить, глядь — в кастрюле пыхтит каша! Вымоет поутру крыльцо, а завсегдатаи трактира к ступенькам приклеются, ногой шевельнуть не могут, покуда не пообещают хозяйке исполнить всё, что её душе угодно. Подметёт Уна комнаты, сотрёт пыль, а за веником и тряпкой остаётся россыпь серебряных монет. Примется пиво варить, оно в золотой сироп превратится. Испечёт пирог, а в нём дрозд свистит-заливается, и хорошо, если один! А кто вздумает спать на взбитой ею перине, непременно проснётся в аравийских песках.

Пойдёт картошку копать — принесёт шоколадного крема.

Пойдёт яйца из-под кур собирать — принесёт пасхальные, расписные, с подарком внутри.

Постирает простыни — они превратятся в полотняные салфетки, выгладит салфетки — они носовыми платками обернутся.

Нальёт в лампу керосину — она лунным светом засияет.

Накормит пса, а у него хвост драконий отрастёт. Откроет бутылку... Впрочем, вы уже знаете, как Уна открывает бутылки.

И на исходе семи лет Трактирщица не выдержала:

— Уна, иди-ка ты домой.

— Хозяйка, пожалуйста, не гоните меня! — Глаза Уны наполнились слезами.

— Семь лет истекли, и я беру другую служанку. Ты славная девочка, Уна, но колдовские привычки в Югопуте ни к чему. Из-за вас с Томом Коблом о нашей деревне дурная молва пошла по всей округе.

— Из-за меня и... Тома Кобла?! — обиженно воскликнула Уна. — Том мне не чета! Он же лентяй, каких мало! Ничего полезного в жизни не сделал. Да и колдовать толком не умеет, потому что мой отец дунул ему на прощание в левый глаз. Но, хозяйка, я-то стараюсь! Я так хочу приносить людям пользу!

— Вижу, что стараешься, — ответила Трактирщица. — Но у тебя все наперекосяк выходит, не лучше, чем колдовство у Тома Кобла. Вы с ним одного поля ягода. Нет, дорогуша, не могу я тебя больше держать. Зря я, видно, тебя украла. Прощай! Возьми что-нибудь на память — что в карман влезет.

— Тогда я забираю трактир «Гирлянда», — промолвила Уна. Хозяйка не успела и глазом моргнуть, как стойка и столы, кухня и спальни уменьшились, сжались и весь трактир поместился в кассовый ящик. Уна сунула его в карман клетчатого передника и направилась домой, в волшебную страну.

В тот день, заглянув домой попить чаю, Том застал в избушке хозяйку «Гирлянды». Она си-

дела у печки и, ломая в отчаянии руки, рассказывала Салли Дрейк о своём горе.

— На что я жить-то теперь буду, госпожа Дрейк? — причитала она. — Герцог мне новый трактир не выстроит! Ой, бедная я, бедная... А у Герцога такой громадный замок на одного да на жалкую сотню слуг! Вот бы мне — хоть чуток, хоть флигелёк... Я бы снова трактир открыла.

— Погодите, — остановил её Том Кобл. — Не волнуйтесь. — Он вынул коричневую книгу и принялся водить носом по строчкам.

Салли Дрейк недовольно сказала:

— Отложи-ка книжку, дядюшка, да садись чай пить.

— Не к спеху, — ответил Том Кобл и, пошуровав кочергой в печке, прошептал над ней волшебные слова. А потом уж сел пить чай.

Вернувшись в деревню, трактирщица увидела на месте «Гирлянды» четверть герцогского замка. У дверей уже толпились завсегдатаи в ожидании пива.

Герцог обычно смотрел на чудеса сквозь пальцы. Не придавал значения винограду на буках и примулам на ясенях, даже белкам, болтавшим по-китайски, особенно не удивился. Он так и не понял, отчего забил фонтан вина посреди искусственного озера; не заметил, когда же мраморный Амур, сидевший на бережке, научился петь «К заутрене звонят» и плюхаться в воду голой попкой; он проморгал день, когда белые лебеди обзавелись золотыми коронами, а в распутившихся кувшинках появились румяные пирожки. Однако парком он очень гордился, непременно показывал гостям лебедей да и пирожками угощал на славу. Но, недосчитавшись в замке целого крыла, где он к тому же хранил оружие,

Герцог забеспокоился. Его спальня теперь лишилась стенки и стояла, открытая злым восточным ветрам. Герцог решил, что чудеса зашли чересчур далеко и пора положить им конец.

Он повелел дворецкому разузнать что да как. Поговаривают, сообщил дворецкий через неделю, будто четверть замка каким-то ветром занесло в Югопут. Правда, ещё неизвестно, чей это замок...

Герцог повелел оседлать коня и отправился в Югопут, где и в самом деле обнаружил недостающее крыло собственного замка. На нём теперь красовалась вывеска с рисунком и надписью: «Четвертинка». Пиво распивали прямо в Арсенале, а из шлемов получились отличные кружки.

Подозвав трактирщицу, Герцог спросил:

— Где вы стащили этот замок?

Трактирщица смиренно поклонилась:

— Ваша Светлость, это не я стащила, а Том Кобл.

— Гей! Послать за Томом Коблом!

Когда Том явился, Герцог спросил:

— Что, Кобл, твоя проделка?

— Моя, Ваша Светлость.

— Единственная?

— Нет, Ваша Светлость.

— Так, значит, лебеди, кувшинки, фонтан, белки — твоих рук дело?

— Да, Ваша Светлость.

Герцог грозно сдвинул брови и прогремел:

— Какая кара, по-твоему, суждена человеку, который портит герцогский лес и крадёт герцогский замок?

— Полагаю, Ваша Светлость, что ему суждено жениться на герцогской дочке, — ответил Том.

— Нет у меня дочки! — рассердился Гер-

цог. — Получай своё жалованье и убирайся по-добру-поздорову. Ты глубоко испорчен, Том Кобл, и в Югопуте тебе не место, нечего народ мутить.

Он бросил Тому деньги и ускакал прочь в ярости и смятении. Лишь одолев поддороги, он заметил, что под ним не лошадь, а большой голу-боглазый котёнок...

Том сунул деньги в карман и, распрощавшись со своей племянницей Салли Дрейк и с од-носельчанами, покинул Югопут навсегда. Невда-леке от деревни услышал он горькие всхлипы и увидел на обочине, возле кустов, Уну — в се-ребряном платье и клетчатом фартуке. Том усел-ся в траве чуть поодаль и спросил:

— Что стряслось-то?

— Ох, Том, — зарыдала Уна пуще прежне-го. — Меня и оттуда выгнали. Я им принесла «Гирлянду», все там обустроила, все справно делала — как хозяйка учила. Старалась, чтоб феи каждый день заходили кружечку-другую пропу-стить, чтоб зажили по-людски. А им отчего-то не понравилось! Говорят, что я, мол, глубоко испорчена и толку от меня в волшебной стране не дождёшься. Подарили напоследок одно же-лание и велели убираться прочь.

— А где желание? — спросил Том.

— Приберегла. Оно на кончике языка, — ответила Уна.

— Хорошо хоть что-то у тебя за душой есть, — сказал Том. — Пойдём вместе, поищем себе место под солнцем.

И тут, под трубный глас и барабанный бой, из-за поворота показалась торжественная про-цессия — катил цирк принца Карло: чёрно-белые пони, бело-рыжие клоуны, обсыпанные блёст-ками красотки, юноши в розовых трико, индий-

цы в пышных тюрбанах верхом на слонах, силач с земным шаром на плечах и, наконец, сам принц Карло на золотой колеснице, запряжённой шестёркой белых осликов с плюмажами и красной уздечкой.

— Признавайся, Том, ты наколдовал? — спросила Уна.

— Что ты? Всё настоящее! — ответил Том.

— Неужели! — обрадовалась Уна. — Тогда я ЖЕЛАЮ, чтобы у принца нашлась для нас работа!

Не успела она вымолвить эти слова, как принц Карло натянул поводья и, крикнув осликам «тпру», сошёл с колесницы.

— Вам работа нужна? — спросил он.

— Нужна! — хором ответили Том и Уна.

— Отлично, — кивнул принц. — Дело в том, что мой Силач женится на Наезднице и они уходят из цирка. Если вы, — он повернулся к Тому, — сможете жонглировать миром, а вы, — он повернулся к Уне, — устоите на буланом пони и прыгнете сквозь кольцо, я возьму вас в труппу.

На том и порешили. Том Кобл и Уна отправились дальше вместе с цирком. Вскоре их выступление стало гвоздём программы.

Уна, в серебряном платье и звёздном венце, забывала касаться пони даже носочком туфельки, она почти летела — тонкая и светлая, будто лунный луч. Ребятня на галёрке визжала от восторга.

А Том Кобл, в розовом трико с золотым ремнём, жонглировал миром так лихо, как ни один силач прежде: крутил, вертел, подбрасывал и ловил. А с миром между тем творились невиданные чудеса: из него вылетали жаворонки и ласточки и, взмыв под самый купол,

наполняли шатёр весёлым щебетом; на поверхности мира кружились и мерцали разноцветные звёзды, а изнутри сыпались цветы и леденцы. Они попадали точнёхонько на галёрку, в ребячьи руки. Дети восторженно ахали.

Со временем Том Кобл женился на Уне, а принц Карло, состарившись, отдал им свой цирк. Кочевая жизнь пришлась им по вкусу.

— Какое счастье, что на арене можно колдовать сколько душе угодно! — радовался Том.

— Какое счастье, что я наконец-то могу приносить людям пользу! — радовалась Уна.

Если случится их цирку заглянуть в ваши края, непременно сходите на представление.

ЭЛСИ ПИДДОК ПРЫГАЕТ ВО СНЕ

Элси Пиддок жила в Глайнде, что у подножия горы Кейбн. Жила-поживала, хлеб с маслом жевала. И другие девочки в этой деревушке жили так же. А всё потому, что у их матерей вечно не хватало денег на крендель.

Едва Элси научилась различать звуки, она стала слушать, как девчонки по вечерам, после уроков, прыгают через верёвочку на лужайке за домом её матушки. «Сиу-сиу-сиу», — свистела в воздухе скакалка. «Прыг-скок-прыг-скок», — отбивали в такт ножки девочек. «Шу-шу-шу-шу-шу-шу-ша», — нараспев говорили они считалку. Со временем Элси научилась не только слушать, но и разбирать слова, и «шу-шу-ша» превратилось в

Эндель —
Брендель —
Сахарный —
Крендель —
Леден —
 цовая
Голова —

Нам жетолько хлеба с маслом мать на ужин припасла!

Конеч они тараторили вдвое быстрее, и, если Элси слушала считалку за ужином, она жевала свой кусок хлеба с маслом вдвое скорее. Ох, как же хотелось ей пососать леденцовую голову, пока они медленно проговаривали начало считалки, но... Чего нет, того нет!

Когда Элси Пиддок исполнилось три года, она попросила у матери скакалку.

— Ты слишком мала, — сказала матушка. — Погоди, подрастёшь немного, будет тебе скакалка.

Элси надулась, но промолчала. Однако глубокой ночью её родители проснулись от странного звука, будто чем-то били об пол, и увидели Элси в одной ночной рубашонке — она прыгала через отцовские подтяжки. Прыгала, пока вконец в них не запуталась. Тут она упала и заплакала. Но прежде-то она пропрыгала подряд целых десять раз!

— Старуха! Чтоб мне пусто было! — воскликнул папаша Пиддок. — Да она у нас прыгуньей уродилась!

А мамаша Пиддок, которую так и распирало от гордости, вскочила с кровати, потёрла дочкины ушибленные локти и сказала:

— Ну будет, не плачь, вытри слёзки. Завтра непременно справим тебе скакалку.

Элси вытерла слёзы подолом ночной рубашки, а утром, до работы, папаша Пиддок

нашёл где-то кусок шнура как раз нужной длины и приделал на концах маленькие деревянные рукоятки. Элси на радостях пропрыгала целый день, только раз застыла на правой ножке, чтобы съесть на завтрак хлеб с маслом, да другой раз застыла на левой ножке, чтобы съесть на обед масло с хлебом. А вечером, когда школьницы собрались на лужайке, она отправилась туда — потягаться с самыми искусными.

— Эй! Вы только поглядите! — закричала Джоан Челлон, лучшая прыгунья. — Малышка Элси Пиддок прыгает ой-ё-ёй как здорово!

Все побросали скакалки, сначала просто так — посмотреть, а потом — и поудивляться. Элси Пиддок и в самом деле прыгала ой-ё-ёй как здорово. Тогда они позвали своих матерей — посмотреть и поудивляться. Те пришли и всплеснули руками:

— Малышка Элси Пиддок — прирождённая прыгунья!

К пяти годам она могла обскакать любого и под «Эндель-Брендель», и под «Денег полон кошелёк», и под «Чарли-Парли» — да под какую угодно считалку. Когда ей стукнуло шесть, её имя и слава уже гремели по всем селениям графства. А ещё через год о ней прослышали феи. Они и сами любили попрыгать со скакалочкой, у них даже был учитель по фигурному скаканию, который каждый месяц при молодой луне обучал их новым прыжкам. Они прыгали и декламировали хором:

Прыгай вверх,
Прыгай вниз,
Пёрышком вертись на месте,
Прыгай вдаль,
Прыгай близ,
А теперь со всеми вместе.

Хитроумный прыг,
Силомерный скок,
Быстролётный миг,
Беды — наутёк.
Сальто дважды два,
За —
а —
медленное па,
Носочек тяни,
И последний пры-ы-ы...

Все эти волшебные прыжки придумал учитель по фигурному скаканию. Звали его Эндель-Брендель. Он очень гордился своими феями, потому что они прыгали лучше, чем феи из соседних графств, но бывал и суров, если они не слушались. Однажды ночью он выбрал фео Свинцовые Пяточки — она прыгала совсем плохо, и похвалил фео Bloшинные Ножки — она прыгала очень хорошо. Тогда фея Свинцовые Пяточки посопела, пошмыгала носом да и сказала:

— Зато одна девчонка из Глайнда может проскакать до самой Луны и обратно быстрее, чем Bloшинные Ножки. Она прыгуньей уродилась и прыгает ой-ё-ёй как здорово.

— Как её зовут? — спросил Эндель-Брендель.

— Её имя Элси Пиддок, и она уже обскакала всех из дальних и ближних деревень — от Дидлинга до Воннека.

— Доставить её сюда! — скомандовал Эндель-Брендель.

Фео Свинцовые Пяточки как ветром сдуло, и вот уже она просунула голову в маленькое оконце под самой крышей.

— Элси Пиддок! Элси Пиддок! На горе Кейбн сейчас начнутся соревнования по скаканию, и фея Bloшинные Ножки говорит, что она прыгает лучше тебя.

Элси Пиддок крепко спала, но слова эти прозвучали во сне, как наяву. Она вскочила с кровати с закрытыми глазами, схватила свою скакалку и побежала вслед за Свинцовыми Пяточками на вершину горы Кейбн. Там их уже поджидал Эндель-Брендель с феями.

— Прыгай, Элси Пиддок,— сказал Эндель-Брендель.— Покажи нам, чего ты стоишь.

Элси закинула скакалку за спину и начала прыгать... во сне. Она бормотала себе под нос:

Эндель —

Брендель —

Сахарный —

Крендель —

Леден —

цовая —

Голова —

Нам жетолько хлеба смасломматьнаужинприпасла!

Эндель-Брендель не сводил с неё глаз, но ни ему, ни феям не удалось найти в прыжках ни единой ошибочки.

— Очень хорошо, ты далеко пойдёшь,— сказал Эндель-Брендель.— Ну, а теперь посмотрим, насколько далеко ты пойдёшь. Встаньте-ка рядом, Элси и Блошинные Ножки. Сейчас будет «Прыгай Вдаль».

Элси никогда ещё не прыгала «Вдаль», и, будь она даже умница-разумница, ей бы в жизни не понять, что хотел от неё Эндель-Брендель. Но дело-то было во сне. И она поняла учителя прекрасно. Элси закинула скакалку за спину, а потом, пока скакалка свистела над головой, Элси прыгнула далеко-далеко и очутилась в четырёх ярдах¹ от прежнего места. Тогда Блошинные Ножки тоже прыгнула «Вдаль» да и скрылась из виду.

¹ 1 ярд равен 0,91 метра.

— Так-так,— сказал Эндель-Брендель. — Теперь, Элси Пиддок, попробуем тебя в «Силовой Скаке».

Элси опять вмиг поняла, что надо делать. Она поставила ножки вместе, прыгнула через скакалку и приземлилась с такой силой, что каблучки её башмачков глубоко впечатались в землю. А Блошинные Ножки после «Силовой Скаки» провалились в землю по пояс.

— Так-так,— сказал Эндель-Брендель. — А теперь, Элси Пиддок, посмотрим, как ты прыгаешь «Со Всеми Вместе».

Едва он произнёс эти слова, все феи схватили скакалки и стали прыгать кто во что горазд, и Элси с ними. Прошёл час, два, три часа; одна за другой феи падали на землю от усталости, а Элси Пиддок всё прыгала и прыгала. К утру она уже прыгала совсем одна.

Тогда Эндель-Брендель покачал головой и сказал:

— Элси Пиддок, ты прирождённая прыгунья и прыгаешь без усталости. В награду ты будешь приходить на гору Кейбн каждый месяц в новолуние, и я буду целый год учить тебя разным прыжкам. И клянусь, что впредь ни среди смертных, ни среди фей с тобой не сравнится никто.

Эндель-Брендель сдержал слово. Двенадцать раз в году вставала Элси Пиддок в новолуние и, не просыпаясь, шла на вершину горы Кейбн. Там она занимала своё место в кругу фей и училась управляться со скакалкой. И вскоре ей уже не было равных. К концу года она делала «Прыгай Вверх» так здорово, что улетала выше Луны.

Если Элси совершала «Хитроумный Прыг», никто из фей не мог её поймать, им даже

невдомёк было, где она приземлится; она была так искусна, что могла прыгнуть сквозь прожилки сухого листика и не испортить рисунок.

В «Сальто Дважды-Два» надо было сложиться дважды поперёк себя во время прыжка, а Элси Пиддок складывалась четырежды!

В «Быстролётном Миге» она мелькала с такой скоростью, что её не было видно, хотя прыгала она на одном месте.

В «Последнем Пры-ы-ы...» феи бегали по кругу и прыгали поочерёдно через одну скакалку, но вскоре ошибались и выбывали из игры — ведь у них сильно кружилась голова. Зато Элси никогда не ошибалась, она неизменно оставалась последней в кругу, и голова её не кружилась никогда.

В «За-а-медленном Па» она прыгала так медленно, что крот успевал вырыть норку в том месте, откуда она прыгнула и куда в конце концов приземлялась.

Когда все делали «Носочек Тяни» и феи прыгали на носочках, Элси даже не касалась земли, она дотрагивалась лишь до стебельков высокой травы, да и то только краем ноготка.

Она прыгала «Беды — Наутёк» так весело, что даже сам Эндель-Брендель посмеивался от удовольствия.

Прыгая «Вдаль», она перелетала с горы Кейбн на другой конец графства и приходилось посылать за нею ветер.

Совершая «Силовой Скок», она погружалась в глубь земли, как ныряльщик в пучину вод, и оказывалась в норках грызунов. Они-то и помогали ей выбраться наверх.

«Вертяться на Месте Пёрышком», она и впрямь была легка, как пёрышко, и приземлялась в паутиновый гамак, не стряхнув ни росинки.

Прыгая же «Со Всеми Вместе», она могла обскакать всё их колдовское племя и остаться свежей, как утренний цветок. Так никто никогда и не узнал, сколько прыгает без усталости Элси Пиддок, потому что все уставали прежде неё. Этого не знал даже сам Эндель-Брендель.

На исходе года он сказал:

— Элси Пиддок, я обучил тебя всему. Дай-ка твою скакалку, я тебе кое-что подарю.

Элси протянула Энделю-Бренделю свою скакалочку, и он лизнул маленькие деревянные рукоятки, сперва одну, а потом другую. И прямо на глазах одна рукоятка превратилась в сахарный крендель, а другая — в леденцовую голову.

— Ну вот, — сказал Эндель-Брендель, возвращая скакалку, — ешь сколько хочешь — они меньше не станут, до конца дней своих будешь ты есть сладости. И пока ты мала ростом и скакалка эта тебе впору, ты сможешь прыгать, как я учил тебя. Когда же ты подрастёшь и придётся тебе взять другую скакалку, наши волшебные прыжки тебе будут уже не по силам. Но всё равно прыгать тебе лучше всех подруг. Прощай же, Элси Пиддок.

— А для вас я уже не буду больше прыгать? — спросила Элси во сне.

Но Эндель-Брендель не успел ответить. За холмами показалось солнце, феи исчезли, а Элси снова легла в кровать.

Элси со своей скакалкой была знаменита и прежде, до этого чудесного года. Но представляете, что стало твориться теперь! Люди удивлялись, восхищались, а она даже опасалась показывать всё, что умеет. Тем не менее народ стекался из ближних и дальних деревень взглянуть, как перепрыгивает она через колокольню, проскальзывает сквозь расщелину дуба в парке

землевладельца, перелетает через реку в самом широком месте. Когда беда навевалась в дом ее матери или к кому из соседей, Элси Пиддок прыгала так весело, что все несчастья сразу забывались за раскатами весёлого смеха. Когда она прыгала с девчонками под прежние считалочки, и они пели:

Эндель —
Брендель —
Сахарный —
Крендель —
Леден —
 цовая —
Голова —

Нам жето только хлеба с маслом мать на ужин припасла!

Элси Пиддок говорила:

— А я припасла кое-что послаще, — и давала подружкамлизать рукоятки своей скакалки. А в новолуние она водила всех детей на вершину горы Кейбн и прыгала там ещё лучше, чем обычно. Разве бывает лучше? Не знаю. Но прыгала она там превосходно. С тех пор и пошёл обычай прыгать в новолуние на горе Кейбн.

Но к концу следующего года Элси подросла, и маленькая скакалочка стала ей мала. Элси спрятала её в шкатулку, а себе нашла скакалку подлиннее. Она по-прежнему прыгала ой-ё-ёй как здорово, но волшебные прыжки стали ей и впрямь не по силам. Подружки частенько уговаривали её показать старые фокусы, но она только смеялась и качала головой, а почему — не объясняла. Элси долгие годы оставалась чудом и гордостью всей деревни, но люди поговаривали:

— Так-то оно так, но вы бы видели её, когда она была ещё совсем крошкой. Могла проскочить

в замочную скважину в материнском доме!

Со временем рассказы эти превратились в легенду, которой уже никто не верил. А ещё через несколько лет Элси окончательно выросла (хотя ростом так и не вышла). Она стала совсем взрослой и больше не прыгала — несолидно как-то, возраст не тот. А через пять — десять лет никто и не вспоминал о прошлом, кроме неё самой. Зато когда приходили тяжёлые времена, а приходили они часто, и не было даже масла — намазать на корку хлеба, Элси садилась у камина и ела сахарный крендель, которым Эндель-Брендель одарил её на всю жизнь.

С той поры минуло ещё много-много лет. Три поколения землевладельцев отгуляли по дорожкам парка, где Элси прыгала когда-то сквозь расщеплённый дуб. Да и в деревню пришло много перемен. Старые семьи сменились новыми, кое-кто покинул насиженные места, среди них были и Пиддоки. На фермах сменились хозяева, старые домишки снесли и понастроили новые. Но гора Кейбн по-прежнему царила над долиной, и верилось, что так будет вечно. Дети, как встарь, собирались при молодой луне и прыгали на вершине. Все уже запомнили, откуда пошёл обычай, слишком давно это было, но сила обычаев велика. И если маленькой прыгунье не удавалось встретить на горе новолуние, она сидела дома и горько плакала.

На дорожках парка появился новый лорд. Титул достался ему не по наследству, он прежде был торговцем, разбогател и купил это старинное поместье целиком. Тут уж начались перемены посерьёзнее, чем снос старых домишек. Новый лорд перекрыл тропинки и запретил свободно ходить по дорогам. Он всячески пытался ущемить простой люд. Желая накопить побольше

денег, он безбожно обирал крестьян. Они стонали под непосильным бременем, но больше всего боялись потерять свои исконные права. Крестьяне боролись с новым лордом, стремились сохранить то, что принадлежало им веками. Иногда они брали верх, но чаще — терпели поражение. Из-за постоянных распрей дух вражды воцарился между лордом и простыми людьми; в своей ненависти он был готов на всё — лишь бы досадить им.

Гора Кейбн тоже принадлежала лорду. Испокон веков она была открыта для всех, теперь же лорд решил во что бы то ни стало закрыть туда доступ. Однако, листая старинные бумаги, он обнаружил, что хотя склоны действительно принадлежат ему, он обязан оставить свободный проход из одной деревни в другую. А люди сокращали путь, проходя напрямик через вершину.

Советник лорда объяснил ему, что, согласно договору, нельзя запретить людям ходить через гору.

— Нельзя! — фыркнул лорд. — Тогда я заставляю их идти в обход, длинным путём.

Он задумал огородить вершину горы Кейбн, чтобы никто не мог через неё ходить. Людям предстояло теперь тащиться вокруг подножия горы, чтобы попасть из одной деревни в другую. Однажды лорд проговорился, что собирается построить на вершине большие фабрики.

Вся деревня поднялась на защиту своих прав.

— Неужели он это сделает? — спрашивали крестьяне знающих людей. Те отвечали:

— Мы не уверены, но всё может быть...

Сам лорд тоже не был уверен, но продолжал вынашивать свои планы, и каждый новый его шаг вызывал у крестьян гнев и страх. И не

только у крестьян, феи тоже забеспокоились — ведь полянке для фигурного скакания угрожала опасность. Как смогут они там резвиться, если трава превратится в золу, а серп молодой луны окутается дымом из фабричных труб.

Советник сказал лорду:

— Деревня костями ляжет, а гору не отдаст.

— Пусть делают что хотят, — вспыхнул лорд, но тут же спросил опасливо: — А есть у них законное право?

— Ну, от силы — полправа, — ответил Советник. — Впрочем, лучше бы сейчас отложить строительство и попробовать с ними договориться.

Лорд оповестил жителей деревни, что у него бесспорно есть все права, но по доброте душевной он вернёт крестьянам пешеходную тропу, которую перекрыл. Они же в ответ отступятся и отдадут ему всю гору Кейбн.

— Тропинка! Ишь, расщедрился! — кипятился с друзьями в таверне толстяк Джон Мальтмен. — Сравнил тропинку с горой! Наши матери прыгали на горе в детстве, нашли дети прыгают там теперь. И дети наших детей, надеюсь, тоже будут там прыгать. У моей крошки Эллен разобьётся сердце, если он застроит вершину.

— И у моей Маргариты тоже, — сказал его приятель.

— И у моих Мэри и Китти! — воскликнул третий. Тут зашумели все, потому что почти у каждого были дочки, а у дочек одна радость — встретить новолуние на горе Кейбн.

Джон Мальтмен обратился к самому надёжному советчику, который досконально изучил дело:

— Как думаешь, есть у нас законное право?

— Ну, от силы — полправа, — ответил тот. — Вряд ли удастся вам переупрямить лорда. Лучше бы с ним договориться.

— Мы на его тропинки не позаримся, — поклялся толстяк Джон Мальтмен. — Будем бороться до конца.

Обе стороны ждали новых шагов противника. Но в глубине души крестьяне понимали, что в конце концов потерпят поражение, а лорд был уверен в победе. Настолько уверен, что даже заказал кирпич для фабрики, но строительство не начинал — боялся, что люди в гневе разорят его владения и спалят стога в поле. Он лишь огородил вершину горы Кейбн забором из колючей проволоки и нанял сторожа отгонять народ. Крестьяне ломали забор, перелезали через него, пролезали под ним. Сторож не мог поспеть всюду, и многие умудрялись перейти через гору прямо у него под носом.

Однажды вечером, как раз перед новолунием, Эллен Мальтмен пошла в лес, чтобы выплакаться. Она была лучшей прыгуньей во всей округе, но и несчастнее её на свете никого не было — ведь на вершине горы Кейбн прыгать ей уже не придётся! Оттого-то она и плакала в темноте, но вдруг почувствовала на плече чужую руку. Рядом раздался голос:

— Что ты плачешь, милая? Никак беда стряслась? Так не годится.

Голос был похож на шелест опадающей листвы, такой же мягкий и шуршащий. Но очень добрый. И Эллен перестала плакать и сказала:

— Беда стряслась, да такая большая, что ничем здесь не помочь, остаётся только плакать.

— Зачем же, милая? — прошелестел голос. — Лучше попрыгай «Беды — Наутёк».

Тут Эллен снова разрыдалась:

— Я уже никогда-никогда не буду прыгать, — всхлипывала она. — Если в новолуние мне не прыгать на горе Кейбн, мне уже не прыгать никогда.

— Отчего же тебе не прыгать в новолуние? — спросил голос.

И Эллен рассказала всё.

После недолгого молчания из темноты вновь раздался голос:

— Если запретить детям прыгать на горе Кейбн, для них это будет хуже смерти. Такого просто нельзя допустить! Как тебя зовут?

— Эллен Мальтмен. Я так люблю прыгать со скакалкой — всех, могу обскакать. Говорят, я прыгаю ой-ё-ёй как здорово.

— Ах, вот даже как, — прдшелестел голос. — Знаешь, Эллен, беги-ка ты домой и передай вот что. Надо пойти к этому лорду и предложить: пусть, мол, строит на горе Кейбн, но прежде пусть сломает забор и разрешит всем, кто там когда-то прыгал, попрыгать по очереди при молодой луне. Запомни, Эллен, — всем! И когда последняя прыгунья прыгнет в последний раз, пусть он закладывает первый камень. Это должно быть записано на бумаге и скреплено подписью и печатью.

— Но как же так?! — изумилась Эллен.

— Ни о чём не спрашивай, детка, делай, как я говорю, — шелестящий голос звучал так убедительно, что Эллен больше не спорила. Она бегом бросилась в деревню и рассказала обо всём.

Сперва никто не мог взять в толк, что к чему, а когда в конце концов разобрались, то всё-таки спросили:

— А какой в этом прок?

Но Эллен настаивала, она говорила так же

убедительно, как та старушка в лесу, и вопреки здравому смыслу люди стали подумывать:

— А может, она права?

Короче говоря, на следующий день лорду отправили послание.

Лорд сперва глазам своим не поверил. А потом стал радостно потирать руки и потешаться над глупостью крестьян.

— Хорош договор! — усмехался он. — Мне достанется и гора, и тропинка в придачу. Пусть себе устраивают праздник, но как только он закончится, вознесутся вверх мои фабрики.

Документ был составлен, подписан обеими сторонами в присутствии свидетелей и скреплён печатью. Лорд пригласил друзей подняться с ним в новолуние на гору Кейбн, чтобы насладиться зрелищем.

А зрелище и вправду было незабываемым. На вершине собрались со скакалками все деревенские девочки, от мала до велика, самые маленькие ещё и ходить-то толком не умели, а старшие уже начали делать взрослые причёски. Были здесь и девушки, и молодые мамы; даже солидные матроны пришли со своими скакалками. Разве не прыгали и они на горе, когда были детьми? А в бумаге записано: «Разрешить всем...» Были здесь и гости, не видимые простым глазом: Эндель-Брендель и его колдовское племя, Свинцовые Пяточки, Блошинные Ножки и все-все-все феи собрались здесь, чтобы горящими глазами следить за последним праздником на любимой земле.

И вот начали прыгать. Сначала малышки. Они прыгали разочек-другой, потом спотыкались и выходили из круга. Лорд с друзьями громко потешались над забавными и жалкими попытками этих созданий. В другое время кре-

стьяне и сами бы повеселились вдоволь. Но сегодня им было не до смеха. Их глаза горели тем же огнём, что пылал в глазах фей. После малышей стали прыгать, соблюдая очередь: сперва — кто помладше, потом — кто постарше. И чем старше была прыгунья, тем лучше она прыгала. Когда в круг вышли школьники, лорд промолвил нетерпеливо:

— Похоже, это может затянуться.

А когда подоспел черёд Эллен Мальтмен и она пошла отсчитывать тысячу за тысячей, лорд совсем приуныл. Но хотя Эллен и умела прыгать ой-ё-ёй как здорово, и её одолела усталость. Девочка споткнулась, упала и расплакалась. Никто после неё не продержался даже полстолька. Кто-то прыгал получше, кто-то похуже, к рассвету дело дошло и до пожилых женщин. Лишь немногие выдерживали полминуты, они отважно подпрыгивали, пыхтели, но их времена прошли. И если вначале лорд с приятелями потешались над внучками, теперь они могли поиздеваться над бабушками.

— Скоро конец, — сказал лорд, когда вперёд выступила самая старая из женщин, пришедших на состязание, толстая шестидесятисемилетняя старуха. Она закинула скакалку за спину, но тут же запуталась, споткнулась и, выронив скакалку, закрыла лицо руками.

— Кончено! — закричал лорд и стал размахивать перед носом у крестьян лопатой и кирпичом, которые он притащил с собой.

— Выметайтесь отсюда все до одного, да поживее. Сейчас я заложу первый кирпич. Попрыгали — и хватит.

— Пока ещё не хватит, если позволите, — прошелестел тихий голос. — Теперь моя очередь. Из толпы вышла маленькая-маленькая ста-

рушка, такая старенькая, сгорбленная и хрупкая, что казалась не выше ребенка.

— Твоя очередь? — воскликнул лорд. — А кто ты такая?

— Мое имя Элси Пиддок, если позволите, и мне уже сто девять лет. Последние семьдесят девять лет я провела за границей. Но родом я из Глайнды и в детстве прыгала на горе Кейбн.

Она говорила, как во сне, и глаза её были закрыты.

— Элси Пиддок! Элси Пиддок! — имя мгновенно полетело от человека к человеку приглушённым шепотом.

— Элси Пиддок? — пробормотала Эллен Мальтмен. — Мама, а я думала, Элси Пиддок просто сказка такая.

— Нет, Элси Пиддок не сказка, — сказала толстая старуха, которая прыгала последней. — Моя мать Джоан много раз прыгала с ней наперегонки и порассказала о ней такое, что и поверить-то трудно.

— Сама Элси Пиддок! — выдохнули все разом. И ветер завыл-закружился вокруг горы, повторяя знакомое имя. Но это был совсем не ветер, а Эндель-Брендель и его колдовское племя. Они обрадовались: ведь в руках у старушки была маленькая скакалочка, вместо одной ручкоятки — сахарный крендель, а вместо другой — леденец.

Новый лорд даже сказок об Элси Пиддок не слыхивал, и потому он громко рассмеялся и сказал:

— Ещё одна старуха желает постучать костями! Прыгай, Элси Пиддок, покажи, чего ты стоишь.

— Да, да, прыгай, Элси Пиддок, — закрича-

ли Эндель-Брендель и феи.— Покажи им всем, чего ты стоишь!

Тогда Элси вышла на середину круга, закинула свою детскую скакалочку за сгорбленную спину и стала прыгать. А прыгала она ой-ё-ёй как здорово! Сначала она прыгала под

Эндель —
Брендель —
Сахарный —
Крендель —
Леден —
 цовая —
Голова —

Нам жетолько хлеба смасломматьнаужинприпасла!

И никто не мог найти ни единой ошибочки в её прыжках. Даже лорд раскрыл рот от изумления:

— Поразительно! Для такой старухи — просто неслыханно!

А Эллен Мальтмен — она-то знала в этом толк — прошептала:

— Мама! Это вообще неслыханно! Но гляди, она же прыгает во сне!

Так оно и было. Элси Пиддок, старенькая, сморщенная, ростом не выше семилетней девочки, крепко спала, встречая новолуние с волшебной скакалкой своего детства. Прошёл час, два, три. Она не знала устали, ничто не могло остановить её. Люди вытаращили глаза, лорд разозлился, а феи принялись кувыркаться от радости. Когда настало утро, лорд воскликнул:

— Ну, хватит же!

Но Элси Пиддок продолжала прыгать.

— Время вышло, — крикнул лорд.

— Мой последний прыжок — ваш первый кирпич, — ответила Элси Пиддок.

Крестьяне закричали «Ура!».

— Есть и подпись, и печать, ваша милость, — напомнила Элси Пиддок. — Подпись и печать.

— Но чёрт подери, старуха! Ты же не можешь прыгать вечно! — разъярился лорд.

— Отчего же? Могу. — И Элси Пиддок продолжала прыгать.

В полдень лорд воскликнул:

— Да остановится она когда-нибудь?

— Нет, не остановится, — ответила Элси Пиддок. И она не останавливалась.

— Тогда я сам тебя остановлю! — взорвался лорд и попытался её схватить.

— А вот вам «Хитроумный Прыг», — промолвила Элси Пиддок и проскользнула между большим и указательным пальцами его руки.

— Держи её, держи! — крикнул лорд своему Советнику.

— «Прыгай Вверх», — скомандовала себе Элси Пиддок и, когда Советник бросился на неё, взмыла в небо выше жаворонков, что купались в солнечных лучах.

Крестьяне радостно закричали, а лорд и его друзья были вне себя. Они забыли про подписанный и скреплённый печатью договор, ими владела одна мысль: схватить старую колдунью и силком заставить её остановиться. Но им это не удалось. Она проделала все волшебные прыжки: «Прыгай Вверх», «Прыгай Вниз», «Прыгай Вдаль», «Прыгай Близ», «Хитроумный Прыг», «Силовой Скок», но зато до «Последнего Пры-ы-ы...» дело так и не дошло. Она всё прыгала и прыгала. Солнце стало уже клониться к закату, а она всё ещё прыгала.

— Неужели нам не скинуть старуху с горы? — воскликнул лорд в полном отчаянии.

— Нет, — ответила во сне Элси Пиддок. — Я теперь никогда не покину эту гору. Я буду

прыгать здесь для глайндских ребятишек, пусть вершина горы принадлежит им вечно! Я буду снова прыгать здесь для Энделя-Бренделя, он подарил мне сладкую и радостную жизнь. Что, Эндель, ведь даже ты не знал, сколько я могу пропрыгать!

— Старуха сбесилась! — крикнул лорд. — Договор с сумасшедшей недействителен. Прыгай сколько влезет, а первый камень я всё-таки заложу.

Он яростно всадил лопату в землю, отвалил огромный ком и в получившуюся яму положил кирпич как символ своей власти над этой землёй.

— Что ж, — сказала Элси Пиддок. — Попробуем «Силомерный Скок».

Она прыгнула прямо на кирпич и скрылась вместе с ним под землёй. Разгневанный лорд прыгнул за ней. Вскоре Элси Пиддок вновь появилась на поверхности и запрыгала веселее прежнего, зато лорд уже не показался никогда. Советник подбежал к яме и заглянул вниз. Но лорда и след простыл. Советник запустил руку в яму глубоко-глубоко, но дотянуться до лорда не смог. Советник бросил в яму камешек, но никто не услышал даже, как он упал. Вот так «Силомерный Скок»!

Советник вместе с друзьями лорда подумали-подумали да и покинули гору Кейбн на веки вечные. О, как обрадовалась тогда Элси Пиддок!

— «Беды — Наутёк!» — закричала она и запрыгала ещё пуще, да так, что все счастливо рассмеялись. И под переливы этого смеха Элси прыгнула «Вдаль» и скрылась из виду. А люди разошлись по домам и сели пить чай. Гора Кейбн была спасена для детей и фей. Навсегда.

Но история Элси Пиддок на этом не кончается.

ся. С тех пор она так и прыгает на горе Кейбн, ведь договор скреплён подписью и печатью. Немногие видят Элси Пиддок, потому что прыжки её стали ещё искуснее. Но сходите на гору Кейбн в новолуние. Вы заметите сгорбленную старушку, маленькую, точно девочка, она прыгает совсем одна и при этом крепко спит. Вы услышите её тихий голосок, похожий на шелест сухого жёлтого листа. Она напевает:

Эндель —
Брендель —
Сахарный —
Крендель —
Леден —
 цовая —
Голова —

Нам жето только хлеба с маслом мать на ужин припасла!

ВЕЛИКАН ИЗ ВИЛЬМИНГТОНА

Огда-то давным давно в городе Вильмингтон, что лежит в дальнем восточном ущелье среди холмов, жил да был человек по имени Вильчик. Никто не знал, откуда он родом. Лет пять ему было, когда Семь Старых Дев из Вильмингтона обнаружили Вильчика под кустом на Наветренном холме. Сёстры взбирались на Холм каждый день — поглядеть на море. На море они глядели неустанно, и на то имелось две причины. Во-первых, их единственный брат убежал из дома и стал моряком; во-вторых — на море не было ни пылинки, ни

пятнышка. Возможно, «во-вторых» даже перевешивало «во-первых», потому что пыль и грязь Сёстры терпеть не могли. Они считали пыль недосмотром Творца. Другим недосмотром Творца была осень. Листопад приводил Сестёр в ужас. Целыми днями они сражались с пылью в доме и с палыми листьями в саду. А для отдыха взбирались по северному склону Наветренного Холма и смотрели с вершины на чистейшую скатерть моря, что простиралась к югу. Они думали о брате, но никогда не упоминали его имени вслух. Говорили о том, о сём, сожалели, что морская гладь не так гладка, как хотелось бы (дай волю Старшей Сестре — она непременно бы её отутюжила), и что корабли разбросаны по морю в полнейшем беспорядке (дай волю Младшей Сестре — она непременно бы расставила их цепочкой на горизонте и не позволила двинуться с места). Но всё же море более всего вокруг соответствовало их представлению о совершенстве. Пока не появился Вильчик.

Однажды ясным вечером Сёстры набрали на ржавый котёл для варки рыбы. Он валялся под можжевельным кустом на самом гребне Наветренного Холма. Первой его заметила Младшая Сестра и воскликнула:

— Сёстры! Смотрите!

— Какая бесхозяйственность! — ахнула Старшая. А одна из Средних тут же заявила:

— Его надо хорошенько отчистить.

Семеро — как одна — бросились к котлу и... Там лежал Вильчик. От роду ему было лет этак пять.

— Ребёнок! — выдохнули Семь Сестёр. Подняв котёл, они обнаружили, что в днище зияет огромная дыра. Сёстры переглянулись и прочли

друг у друга в глазах две совершенно одинаковые мысли. Вторая-то была, разумеется, про сам котёл: из-за дыры он в хозяйстве явно не пригодится. Зато первая...

Семеро Сестёр, как вы уже знаете, были Старыми Девами. Своих детей им растить не довелось. Им по плечу был удел тётушек, а не матерей, и они об этом прекрасно знали. Но чтобы шестеро могли стать тётками, одной надо выйти замуж, а они об этом и слышать не хотели. Замужество казалось им даже отвратительнее пыли и листопада. И вдруг, словно подарок небес, им подвернулся этот ребёнок!

Без лишних слов Сёстры зарыли дырявый котёл под кустом и отнесли Вильчика в свой беленький, без единого пятнышка домик, где не встретишь ни пылинки, ни соринки. Вылизанное и выдраенное крыльцо потрясало гостей своей чистотой — они даже ступить на ступени не решались и одним махом перескакивали через порог, пряча свой безупречный левый ботинок за столь же безупречный правый. Семеро Сестёр были выбелены под стать своему домику — белолицы, белокуры и белокожи. Свои льняные белые передники они постоянно стирали и штопали.

Придя домой, Сёстры поспешно искупали перепачканного с головы до ног Вильчика. Намылив племянника семь раз и семь же раз окатив его водой из кувшина, Сёстры получили чистейшего на свете ребёнка — во всяком случае, сам Вильчик таким чистым прежде не бывал. Тут Тётки спросили, как его зовут. Серьёзно всё обдумав, малыш произнёс:

— Вильмингтонский Холм.

Старшая Сестра покачала головой:

— Нет, это имя не людское.

— А даже если и людское,— добавила Вторая Сестра,— ему оно всё равно не подходит. Слишком он мал для такого длинного имени.

— «Вилли» ещё так-сяк,— произнесла Третья Сестра,— но уж никак не «Вильмингтонский Холм».

— По-моему, «Вилли Холм» нелепо звучит,— заспорила Четвёртая.

— Тогда Вилли без Холма,— предложила Пятая.

— Или Холм без Вилли,— уточнила Шестая.

— Все это не годится,— заявила Младшая Сестра.— Бог с ним, с «Холмом». Назовем малыша Вильчик, поскольку он и есть самый крохотный Вильчик на свете!

Так и порешили.

Семеро Сестёр ликовали от счастья. Сами они были высоки ростом, а Вильчик — ну сущий мальчик-с-пальчик. И за эту его крохотность Тётушки любили племянника ещё крепче.

Лишь одно опасение омрачало их безоблачное счастье: не замучить бы ребёнка, не уморить своим семикратным усердием.

В первый же вечер, после семи купаний, каждая пожелала накормить малыша, помолиться вместе с ним на сон грядущий и уложить его в своей комнате.

Вильчик провёл беспокойную ночь. Он ужасно устал от семи купаний, объелся семью ужинами и заскучал за семью молитвами, но — главное! — спать в семи кроватях вместо одной оказалось очень утомительно. Каждые полтора часа его будила очередная Тётушка, уносила к себе и принималась баюкать сызнова. К утру ребёнок так измучился, что Семеро Тётушек воскликнули хором:

— Вильчику надо подать завтрак в постель!
И вскоре показалась процессия с семью завтраками на семи подносах. Вильчик со страху зарылся с головой под одеяло и вылезать отказался наотрез.

Тщетно уговаривали и умоляли его Тётушки.

— Такая вкусная, наваристая каша! — улещивала одна.

(«Знаю-знаю, семь тарелок!» — думал Вильчик.)

— Такие жирные сливки! — уламывала вторая.

(«Знаю-знаю, семь кружек!» — думал Вильчик.)

— Такие чудесные коричневые яйца! — упрасивала Третья.

(«Знаю-знаю, семь яиц!»)

— Такой прекрасный джем! — предлагала Четвёртая.

(«На семи блюдах!»)

— Такой хрустящий хлебец, чтобы у Вильчика росли острые зубки! Такое жёлтое маслице, чтобы Вильчик рос пухленьким! Такой крепкий чай, чтобы Вильчик рос крепеньким, — зывали Пятая, Шестая и Седьмая.

Но Вильчик, лёжа в темноте и тесноте одеяла, точно в коконе, явственно представил себе семь хрустящих хлебцев, семь маслёнок и семь чашек с клубящимся над ними паром. Представил и содрогнулся. Да так сильно, что Тётушки, испугавшись, побросали подносы и бросились его разматывать. Вильчик, однако, и сам поспешил размотаться — уж очень его напугали семь тарарахов от разбитой посуды. Всклокоченный, моргающий от яркого света, он ткнул пальцем поочерёдно в каждую из Тётушек и отчеканил:

— Ты, и только ты будешь воспитывать меня по понедельникам. Ты, и только ты будешь воспитывать меня по вторникам. Ты, и только ты — по средам. Ты, и только ты — по четвергам. Ты, и только ты — по пятницам. Ты, и только ты — по субботам. А ты, и только ты

будешь воспитывать меня по воскресеньям. Какой сегодня день?

— Вторник! — обрадовалась Вторая Тётушка. — Вильчик, хочешь завтракать в постели?

— Да, Тётя Вторник. Я хочу завтракать в постели.

— А что ты хотел бы съесть?

И Вильчик мечтательно ответил:

— Кашу со сливками, хрустящий хлебец с маслом, яйцо, джем и чашку крепкого чаю.

Тётя Вторник радостно засуетилась, побежала на кухню, а шестеро остальных так же радостно принялись за уборку. Каждая теперь знала: настанет и её черёд. Они, разумеется, готовы были нянчиться с Вильчиком с утра до ночи, но позабыли, что «у семи нянек дитя без глазу». Вильчик напомнил им и множество других полезных истин. Например, что «нет правил без исключений». Вильчик и сам был исключением — из правил чистоты и порядка, которые Сёстры соблюдали неукоснительно. Племяннику же дозволялось делать всё, и всё сходило ему с рук. Он топал по дому в ботинках, а Тётушки безропотно вытирали грязные следы на полу. Он разбрасывал повсюду игрушки, а Тётушки, не вздохнув, не охнув, их собирали. Если Тётя Четверг находила отметины его пальцев на свежeweмытых стенах, она мыла их заново, ни словом не обмолвившись Тёте Понедельник. Если Тётя Суббота находила у очага осколки лучшей чайной чашки, она их попросту сметала, не жалуясь Тёте Пятнице. Не подумайте, что Сёстры изменились! Нет. Но сердца их теперь принадлежали Вильчику.

Племянника, хочешь не хочешь, надо было определить в школу. Поскольку так положено. И, продержав Вильчика дома целый месяц, словно тайное сокровище, Сёстры обратились к Начальнице школы по фамилии Ежевични. Решение это далось им не без труда: очень уж не хотелось отдавать Вильчика во власть чужой женщины. Но сами они ни читать, ни писать не умели. Их руки ловко управлялись с тряпка-

ми и щётками, но не ладили с ручками и линейками; их глаза умело высматривали паутину в углах, но не различали буквы в книжках. Они считали чернила кляксой на чистом лице цивилизации. И возможно, были недалеко от истины, кто знает? Глядя на книжную страницу, они стоически сдерживали негодование — не то бросились бы счищать с белоснежной бумаги эти отвратительные чёрные закорючки. Но — увы! — детям принято давать образование. И одним воскресным утром Тётя Воскресенье постучала к Начальнице Ежевични.

— Войдите,— сказала полусонная Начальница. Тётя Воскресенье бросила неодобрительный взгляд на стол, уставленный грязной посудой.

— Я... насчёт ребёнка,— произнесла она с запинкой.

— Неужели вас опять потревожил кто-то из моих шалунов? — посочувствовала Начальница. Ей не впервой было выслушивать жалобы Сестёр: то школьники грязью кидаются, то стёкла бьют, короче — ведут себя как нормальные дети.

— Нет-нет, нас никто не тревожил. Речь идёт о нашем ребёнке. Ему пора в школу.

— Господи-Боже-мой! — Начальница оторопела. — И чей же это сынёнок, то есть ребёнок? — Она была так потрясена сообщением Тёти Воскресенье, что враз позабыла всю грамматику. Но Тётя Воскресенье не обратила внимания на оговорку Начальницы, поскольку и сама пребывала в большом затруднении: надо как-то объяснить, что Вильчик их, их собственный. А то ещё отберут... И Тётя Воскресенье промолвила, не глядя Начальнице в глаза:

— Он наш, но не сын, а племянник.

— Господи-Боже-мой! — снова воскликнула мадам Ежевични. — Значит, это сын вашего пропавшего брата?!

И Тётя Воскресенье кивнула! За всю жизнь она ни разу не солгала. Сёстры ценили чистую правду не меньше, чем чистые лица и руки. Но все же, прикусив язычок и скрепя сердце, Тётя Воскресенье кивнула в ответ.

— Пускай милый малыш приходит завтра в школу! — сказала Начальница.

Дома Тётя Воскресенье подробно пересказала Сёстрам разговор, а в конце, опасливо взглянув на Тётю Понедельник, произнесла:

— И я кивнула. Это ложь?

Тётя Понедельник поджала губы.

— Это святая ложь! — наконец решила она. И у Тёти Воскресенье отлегло от сердца.

Наутро Вильчик самостоятельно отправился в школу. Он был очень независим и не любил, чтобы его водили за ручку. Звонок уже отзвенел, и класс был полон, когда открылась дверь и на пороге появился Вильчик. Дети удивились, да и сама Начальница тоже, хоть и знала о его приходе заранее.

Взяв Вильчика за руку, она провела его в класс и поставила на скамью.

— Дети, знакомьтесь, это наш новый ученик.

Дети хором завопили:

— Он слишком маленький!

Вильчик обиженно надулся.

Мадам Ежевични склонилась к нему и спросила:

— Сколько тебе лет?

— Пять, с вашего позволения, — ответил Вильчик.

— Два ему, точно — два! — заорали дети

— Я лучше знаю! — возмутился Вильчик.
— Успокойтесь, дети! — сказала Начальница.
— Посадите его на высокий стул и дайте соску! — хихикнула Табби Банч, хотя вовсе не была злой или невоспитанной.

— Соску ему, соску! — закричали дети, хотя на самом деле были хорошими и добрыми.

Вильчик молча слез со скамьи и вышел из класса. На том его образование и закончилось. Отныне в школу его было не залучить — даже силком. Он заявил, что не желает слушать, как дразнится Табби, и не желает ходить в школу, пока не станет самым высоким в Вильмингтоне. И коротал время дома, с Тётками, ожидая — когда же наступит миг его торжества. Но так и не дождался.

Вильчик попал в Вильмингтон пяти лет от роду и тридцати одного дюйма¹ от пола до макушки. Каждый новый год прибавлял к его возрасту по двенадцати месяцев, но ростом Вильчик так и не вышел — не вырос ни на дюйм.

Когда Вильчику стукнуло десять лет, его заметил вильмингтонский Трубочист.

— Позвольте вашего племянника к делу приставить — дымоходы чистить, — сказал он Сёстрам.

Они в один голос ответили:

— Пусть решает сам.

Кликнули Вильчика, и Трубочист изложил ему суть дела:

— Хочешь со мной работать? Лазить по дымоходам с чёрной щеткой и зелёной веткой,

¹ То есть семьдесят семь сантиметров.

искать ласточкины гнёзда, видеть звёзды среди бела дня и получать за это целый фартинг?

— Хочу! — быстро ответил Вильчик.

— Вот удалец! — обрадовался Трубочист. — Приходи-ка завтра утром в самой плохонькой одежонке. Покуда я силён, я тебя многому научу, а уйду на покой — передам тебе дело и благословлю.

И Трубочист распрощался с Тётушками и Племянником, сиявшими от счастья.

— Вильчик, только подумай! Целый фартинг в день! Ты наш кормилец-поилец! — воскликнула Тётя Суббота.

— Настоящий мужчина! — приговаривали Тётки хором.

Вильчик тоже был рад-радёхонек: шутка ли — стать настоящим мужчиной в десять лет!

Наутро он отправился чистить вильмингтонские дымоходы. С работой он справился прекрасно, получил свой фартинг и бросился домой — показать монету Тётушкам. Когда он влетел, они как раз расстилали на столе белоснежную дамасковую скатерть. Белели тончайшие фарфоровые чашки; белейшая булка ждала, чтоб её нарезали; в белой сахарнице белели белые куски сахара; белые куриные яйца лежали в белой кастрюльке с кипятком. Но Вильчик и сам кипел, и потому красоты этой он попросту не заметил.

— Тётя Вторник! Тётя Четверг! — кричал он. — Я лазил-лазил, всё вверх и вверх, как кролик из норки. Одни дымоходы широкие, словно комнаты, а другие — узенькие. Да ещё кривые, как старик Гаффер Фристон. Глядите, я два гнезда нашёл! А в самый полдень видел звёзды! Я совы не убоялся и от крысы

не шарахнулся! Но лучше всего было, когда я высунулся из трубы, а внизу — Табби Банч в классики играет. Она вдруг как заверещит: «Ой, Вилли! Какой ты сегодня верзила!» Тётя Понедельник, вот тебе фартинг, потому что сегодня понедельник! Я в нём дырку просверлю, и ты его повесишь на шею!

— Спасибо, Вильчик, — еле слышно проговорила Тётя Понедельник. Она даже не нашла в себе сил принять фартинг из рук племянника. Все Семеро Сестёр онемели, они не знали, что делать. За Вильчиком тянулась цепочка чёрных, как от негра, следов. Его чёрная негритянская пятерня отпечаталась на белоснежной скатерти. И сам он был чёрен, будто побывал у негра в желудке. Весь он — от головы до пят — был покрыт толстым слоем сажи. И стоял на белом половичке в белой комнате, как чадающая керосиновая лампа. Двинет рукой — закопятся стены; повернёт голову — почернеют стулья и занавески. Даже до потолка сажка долетала! Но Вильчик был так счастлив, и Тётки его так любили, что не решались его расстраивать и боялись показать, как расстроены сами.

Тётя Понедельник мягко сказала:

— Пойдём, Вильчик, пойдём искупаемся. И заодно искупаем твой первый фартинг.

Она увела Племянника, а Шестеро остальных принялись отмывать и отчищать сажу. Лишь к утру их чудесный беленький домик засиял по-прежнему. Опустив половики и занавески в клубы мыльной пены, Тётя Среда шепнула Тёте Пятнице:

— Ох, Сестра! Лучше б мы определили его учеником к Мельнику.

Но было слишком поздно. Вильчик работал у Трубочиста, а Семеро Сестёр отказались от

вечерних прогулок. И от ночного сна отказались. Они отказались от всего на свете — их уделом стала теперь борьба с сажеей, которую Вильчик приносил в дом. Но они не упрекали Племянника — ведь он был так счастлив!

День за днём Вильчик следовал за своим наставником, держа в руках чёрную лохматую щётку на длинном древке и вместительный чёрный мешок для сажии. Он лазил по широким дымоходам, обметал их стены веником из зелёных веток и попутно находил птичьи гнёзда с остатками скорлупы, беседовал с ласточками и совами. Каждый новый дымоход представлялся ему дорогой к неведомым приключениям, дорогой к звёздам. Самой же большой радостью Вильчика было высунуть голову из трубы и, глядя сверху на вильмингтонские улочки, искать глазами детей. Они казались ему лилипутами — смех, да и только! Даже не верилось, что люди могут быть такими крошечными! Вдоволь нахихикавшись, Вильчик окликал их:

— Эй, Табби! Эй, Бобби! Смотрите, где я!

Бобби и Табби, закинув головы, глядели на Вильчика и хохотали до упаду.

— Эй, Вильчик, ты просто верзила! Эй, братва, глядите, Вильчик из трубы торчит! Какой верзила!

И сердце Вильчика так и рвалось из груди от счастья и гордости.

Но, спустившись на землю, Вильчик снова оказывался коротышкой.

Годы шли, наставник передал ему дело и, благословив, ушёл на покой. Вильчик был к тому времени уже совсем взрослым.

— Совсем взрослый, совсем мужчина! — говорили Тётушки. И совсем крошечный — грустили они про себя. Вильчику, главному вильминг-

тонскому Трубочисту, не было нужды нанимать мальчишку в подмастерья. По дымоходам он отлично лазил сам. И по-прежнему главной его радостью было, высунув голову из трубы, услышать снизу детские возгласы:

— Глядите! Эй! Там Великан Вильчик!

А Семь Сестёр между тем старели с каждым днём. И чем больше старели, тем больше любили Вильчика и тем ретивее сражались с сажей, пылью и листопадом.

Но — увь! — любовь их разгоралась, а дом потихоньку тускнел, терял былую белизну. Тётушки не могли одолеть сажу и копоть, которые стали неизменными спутниками Вильчика. Ночные бдения, бесконечные уборки уже не помогали. В кирпичи и брёвна их дома въедалась чернота вильмингтонских дымоходов.

Однажды вечером, когда Вильчик уже спал, а Тётя Понедельник, опустившись на колени, третий час подряд драила пол, из дымохода в очаг — в только что побелённый очаг! — упал огромный кусок сажки. Старуха Понедельник взглянула на Сестёр, которые, подобно ей самой, трудились не покладая рук, вычищали, скоблили и чистили... И, поднявшись с колен, Тётя Понедельник покинула дом. Остальные последовали за ней. Наветренный Холм ярко освещала луна, и, поднявшись на вершину впервые за двадцать лет, Сёстры остановились там, глядя на море. Высокие женщины в длинных белых одеждах...

Ночь была тиха и безветренна, луна точно начищенное блюдо, ясное небо вызвездило, а море простиралось внизу ровное и туго натянутое — словно свежепостланная простыня.

Наглядевшись вдоволь, сёстры, не сговори-

ваясь, спустились с Холма и, дойдя до самой кромки воды, застыли, точно часовые на посту.

Вильчик привык, чтобы его будили. Первой обязанностью дежурной Тётушки было разбудить Вильчика — ещё до свету. Когда в его окошко, выходящее на восток, проникали первые солнечные лучи, Вильчик, одетый и умытый, спускался в столовую. На столе его ждала тарелка с горячей кашей, а чашка стояла возле камина — чтобы чай не остыл. Вильчик завтракал и отправлялся чистить дымоходы. На работе он трудился для многих и многих. Дома же за всю жизнь пальцем о палец не ударил. Да и зачем? За него всё и всегда делали Тётки. Если жизнь твоя сложилась так, а не иначе, с этим уж ничего не поделаешь: привычка сильнее самых разумных доводов.

Пробудившись в залитой светом комнате, Вильчик увидел за окном краешек солнца — оно стояло уже очень высоко. Вильчик почесал затылок и хмыкнул:

— Что-то рано сегодня солнышко выка-
тилось.

Ему и в голову не приходило, что Тётки могут проспать. Чтобы Тётя Среда в пять утра ещё спала? Немыслимо!

Он немного полежал, поджидая Тётушку. И лежал бы ещё долго, но его подняла сила, которая понукает даже самых ленивых. Короче, Вильчик проголодался.

Он сел, протёр глаза и завопил:

— Тётя Среда!

Никто не отозвался.

Маленький человечек спустил ноги на пол, потянулся и завопил ещё громче:

— Тётя Среда-а!

Никто не отозвался.

Он встал и, подавив зевоту, высунул встрепанную голову за дверь и завопил изо всех своих тщедушных сил:

— ТЁТЯ СРЕДА-А-А!!!

Никто не отозвался.

— Что стряслось? — недоумевал Вильчик. — Может, я совсем сдурел и сегодня не среда? Но тогда где же все остальные?

И меж серых стен когда-то белого домика заплясало эхо. Вильчик кричал:

— Тётя Четверг! Тётя Пятница! Я хочу есть! Тётя Суббота! Я голоден как волк! Тётя Воскресенье! Я умираю от голода! Тётя Понедельник! Где мой завтрак? Тётя Вторник! Тётя Среда! Где вы? Хочу два завтрака! Ау-у-у!

Мёртвая тишина.

Вдруг Вильчик наклонил голову и принюхался. В воздухе висел знакомый запах. Не ветчиной пахло, не жареными хлебцами, не чесноком, не луком. Вильчик учуял запах дыма! Господи, пожар! Вильчик вспомнил, что в то утро обещался перво-наперво почистить дымоход в собственном доме. Его не чистили с незапамятных времен. И Тётя Среда собиралась разбудить Вильчика даже раньше раннего.

Как был, в пижаме, Вильчик бросился вниз. Никто ему не встретился, не окликнул. В гостиной клубился чёрный дым. Вчера в камин напихали кучу мусора, а в глубине ещё тлели угли. Упавший из нечищеного дымохода кусок сажи довершил дело. Вильчик лучше, чем кто бы то ни было, знал, как тушить пожар. И потушил его ловко и быстро. Но вы бы видели, во что превратился дом и сам Вильчик! Однако убирать и умываться недосуг. Даже хлеба откусить и Тёток поискать Вильчику было уже неког-

да. Он облачился в чёрный комбинезон, закинул за плечо щётку и веник и побежал к первому дому, где ждали его в тот день. Всего же таких домов было девять, и девять рассерженных хозяек корили и ругали Вильчика за опоздание. Для поварих нет хуже беды, чем непочищенный вовремя дымоход. Вильчик принимался было объяснять, что Тётушки ушли в гости, а он проспал. Но разъярённые поварихи и слушать не хотели его жалкий лепет. Хуже этого дня у Вильчика за всю жизнь не было. Под вечер, уже в сумерках, он поплёлся домой. Голова раскалывалась от боли, а желудок стонал от голода. Как мечтал он о горячей ванне, о вкусном ужине и о чистой, уютной постели!..

Ни ванны, ни ужина, ни постели не предвиделось. Ничто в доме не изменилось с утра. Не горел огонь, не кипел чайник, не скворчала еда на сковородке. Даже подушек никто не взбил. Но самое ужасное, что никто Вильчика не встретил и некому было пожаловаться на голод и головную боль. Всю дорогу Вильчик хранил единственное светлое воспоминание за день: когда он высунул голову из пятой по счёту трубы, какой-то малыш, увидев его, раскрыл от изумления рот и воскликнул:

— Папа! Мама! Смотрите — великан!

Вильчик помахал малышу щёткой и довольно подумал: «Я самый высокий человек в Сассексе». Но, увы... И этой радостью ему не с кем было поделиться, она разлетелась вдребезги в гулкой пустоте дома.

Достав из кладовки круг сыра, Вильчик, не переодевшись, забрался в постель и кое-как натянул на себя одеяло. Не очень-то удобно и уютно было ему, да что уж теперь... Беда ведь одна не приходит. Набил Вильчик пустой желудок сы-

ром, но с целым кругом всё же не справился, прижался щекой к недоеденному куску и заснул. А семь мышек-норушек прибежали и прикончили сыр в один присест. Пока Сёстры хозяйничали в доме, ни одна мышь не осмеливалась ступить сюда. А теперь — тут как тут! Утром Вильчик решил, что съел сыр сам — во сне. Но отчего же ему снова хочется есть?

О том, что Тётки Вильчика бесследно пропали, скоро прознала вся округа. Из Вильмингтона, Фоукингтона, Джевингтона, Виллингтона, Литлингтона и Лаллингтона снарядили следопытов. А после работы Вильчик искал Тёток сам до поздней ночи. К концу месяца деревенские отступились. Вильчика тоже уговаривали прекратить поиски, но человечек упрямо повторял:

— Буду искать, покуда не найду. Спасибо вам, добрые люди, идите домой с Богом. А я Тётушек поищу — вдруг да объявятся.

И вот, в новогоднюю ночь, вскарабкался он на вершину Наветренного Холма и увидел, как на серебристой поверхности моря отражается холодная луна. Над Холмом завывали ветра, и Вильчик спрятался от ледящих порывов под кустом можжевельника. Сжавшись в комочек, он глядел на бескрайний простор и думал, что делать и как жить дальше.

— Ну-ка, встань, Коротыш! — Голос прогремел, словно гром с неба. — До чего ж ты чумазый! Помыться-то иногда не помешает!

Перед Вильчиком стоял самый высокий человек на свете. Выше самых высоких домов в Вильмингтоне! Одежда на нём с миру по нитке собрана: не то подарена, не то украдена. Лохмотья цыганские вперемежку с господскими обносками. Ботинки явно просили каши, а бобро-

вая шапка походила на охрипшую вдруг концертину. На пальце, однако, блестел золотой перстень с рубином. У пиджака остался лишь один рукав, одна штанина была короче другой, зато на поясе красовался красный кожаный ремень с металлическими бляхами, а на шее — пышный воротник из брабантских кружев. Великан опирался на широкую, точно дверь, лопату и жевал молодое деревце, как иные жуют соломинку.

Вильчик ростом не вышел, но храбрости ему было не занимать — на десять молодцов хватит. На великана он глянул без страха — лишь с восхищением и завистью.

— Вы самый высокий из всех моих знакомых, — промолвил Вильчик.

— А ты — самый маленький, — сказал великан. — Что привело тебя на Наветренный Холм в столь поздний час, да ещё зимой?

— Я ищу моих Семерых Тётушек, — ответил Вильчик.

— А я ищу своего единственного сына.

— А каков он с виду? — поинтересовался Вильчик. — Такой же высокий, как вы?

— Ещё выше.

— Выше не бывает, — решительно сказал Вильчик.

— Наверняка выше, — заспорил великан. — На Колыбельном Холме не баюкали младенца крупнее. Он был большой — с тебя ростом.

Глаза Вильчика радостно заблестели:

— Значит, я большой?

— Для взрослого ты коротыш, а для младенца — великан.

Радость в глазах Вильчика сразу потухла.

— Да, конечно... вы правы... Но почему вы ищете сына здесь?

— Так уж сложилось... Жена моя вечно ворчала, что парень наш чересчур тяжёл, все плечи ей отмотал, все руки оттянул. Я раз ушёл из дому — на контрабандный промысел, а она возьми да и повстречай цыган из Пинчема. Хороший, говорят, у тебя ребёнок. Сколько ему? Шесть недель, отвечает жена. Неужто?! А мы думали — шесть месяцев! Да ему цены нету! Разве только золото тебе предлагать станут... «А я его за бельевые прищепки продам. Сколько в нём прищепок уложится, за столько и продам!»

— По рукам! — сказали цыгане.

Представляешь: возвращаюсь я домой, а вместо моего сына тридцать прищепок валяются! Случилось всё это двадцать пять лет тому назад, и с тех пор я брожу по свету, ищу этот табор. На прошлой неделе наткнулся на одну цыганку, древнюю старуху, — сидит в придорожной канаве, трубку покуривает. Я её спрашиваю: «Что с моим сынком случилось?» Она эдак сквозь зубы, трубку из рта не вынимая: «Это который же твой?» — «Да тот, которого вы двадцать пять лет назад за тридцать прищепок выменяли». — «Какие были прищепки?» — уточнила цыганка. «Деревянные». — «А-а! — кивнула она в конце концов. — Помню твоего сынка. Он нас разочаровал, и мы его бросили в котле для рыбы под можжевелевым кустом на вершине Наветренного Холма». — «Давно?» — спрашиваю. «Да уж порядком». — «И чем же он вас разочаровал?» — «Знаешь, как карты не сходятся? Вот и он не сошёлся. А больше я тебе ничего не скажу, иди-ка своей дорогой, дай покурить спокойно». Я бросился сюда, на Наветренный Холм, заглянул под этот самый куст — ты как раз под ним примостился, — да только никого не нашёл. Тогда я стал копать. Копал-копал, выкопал

рыбный котёл, с грязью, но без ребёнка. И тогда я стал рыть могилу, самую длинную могилу на свете — ведь моему сыну суждено было вырасти великаном. Вон, погляди...

И Вильчик увидел поодаль огромную свежевырытую яму.

— Да уж, могила хоть куда, — согласился он. — Но великовата.

— Моему сыну как раз впору. Он же вырос великаном!

— Ни великаном, ни обычным человеком он не вырос. Каким был при рождении, таким и остался, — сказал Вильчик.

— С чего ты взял? — возмутился великан.

— Потому что он — это я, — сказал Вильчик.

Великан выронил лопату и громогласно расхохотался.

— Честное слово, — сказал Вильчик. — Во мне как раз умещается тридцать прищепок, мне ровно двадцать пять лет, а нашли меня под этим можжевельным кустом в котле для рыбы.

— Давно?

— Да уж порядком.

— Ну и ну! — воскликнул великан. Он лёг на брюхо и, рассмотрев Вильчика попристальней, произнёс:

— Цыгане были правы. Ты и меня разочаровал.

— Эх, папа, посмотрел бы ты, как я высовываюсь из дымохода! — воскликнул Вильчик. — «Глядите, вон великан!» Меня так все дети называют.

— Да пропади ты пропадом вместе с твоим дымоходом! Мой сын должен, обязан был вырасти, чтобы чистить саму луну, а не какие-то дымоходы!

Великан встал и, позабыв лопату, размаши-

стым шагом направился прочь. У длинной могилы он замедлил шаг и обернулся к Вильчику:
— Эй, слышь, парень! Умыться-то не забудь!

Вильчик вздохнул и горестно покачал головой: его отец нашёлся — и вот уже скрылся за Лоскутным полем... Не вернёшь... Но зато Вильчику впервые в жизни выпала радость отцовский наказ исполнить. И он отправился к морю — умываться. Вверх по холмам и вниз по долинам шёл он и шёл, лишь однажды сбавил шаг возле огромной свежевырытой ямы, которую отец предназначил ему для могилы. Вильчик, конечно, знал, что яма оказалась так велика по ошибке, но всё же малыш преисполнился гордости: его, пускай не глядя, посчитали великаном! И так ему стало хорошо и тепло на душе, даже ночь ледяная нипочём. И вот он уже у самой кромки воды. Волны шуршали и перекатывали гальку, был прилив, но Вильчик об этом не ведал, потому что никогда прежде не видел моря так близко, не видел, как бьётся оно в белую твердь утёсов. Он сел неподалёку от утёсов и принялся развязывать шнурки.

Ночь выдалась морозная и недвижная. Море лежало, точно серая ледяная глыба, лишь по краям чуть колыхались оборки волн. Воздух же, казалось, промёрз от поверхности воды до самого залитого лунным светом поднебесья. И всё-таки Вильчик раздевался. Вдруг он услышал милые сердцу звуки, семь родных голосов, невидимые, перешёптывались совсем рядом.

- Что делает Вильчик?
- Собирается купаться.
- Ночью? В такой холод?!
- Какое безрассудство!
- Ох уж эти мальчишки...

— Он же заболел и умрёт!
— Вели ему немедленно надеть носки и ботинки.

— Кто?... Ты... ты... ты... ты... ты... ты...

Это же Тётушки! Вильчик вскочил и огляделся. Никого. Перед ним безлюдное море, справа и слева безлюдный пляж, а за спиной высятся безлюдные белые скалы. Нет, не видать Тётушек, думал Вильчик, шаря глазами по скалам — от подножия до вершины. Скалы столпились вокруг него, точно семь белых великанов в длинных крахмальных одеждах. А в ушах Вильчика всё звучал шёпот, голоса сплетались, спорили, сливались, но Вильчик различил:

— Какой сегодня день, сёстры?

— Чья очередь?

— Кто подскажет ему, что можно и чего нельзя?

— Ты, Понедельник?

— Вторник?

— Пятница?

— Среда?

— Суббота?

— Четверг?

— Воскресенье?

— Какой сегодня день, сестра?

— Не знаю, я уже не различаю времени...

Нет, он не ошибся! Скалы и вправду говорили.

— Тётя Воскресенье! Тётя Понедельник! — радостно закричал Вильчик. Он бегал от скалы к скале, звал, стучался, прислушивался, целовал и гладил белые шершавые склоны.

— Вот вы где попрятались! Тётушки! Возвращайтесь! Дома без вас так пусто и одиноко. Тётя Суббота, сегодня суббота! А постель моя не постелена, и ужин не готов. Ну, пожалуйста,

возвращайтесь, помогайте мне во всём, как прежде!

Неужели они так постарели? Неужели совсем окаменели их сердца? Не услышал Вильчик ответа от меловых скал. Ледяная ночь была уже на исходе, а Вильчик всё стоял на коленях, упрашивая Семерых Тётушек вернуться в родной дом. Лишь на рассвете, ещё более холодном и зябком, чем сама ночь, оставил Вильчик бесплодные старания, печально зашнуровал ботинки и собрался было идти домой. Вдруг семь шептков раздались снова.

— Посмотрите на мой передник!

— Ох, повсюду эти чёрные пальцы.

— А меня он испачкал рукавом.

— А по мне прошёлся ногами.

— У него и губы чёрные!

— Неужели нам никогда от него не отмыться?

— Погодите, сёстры, не волнуйтесь. Море нас отмое.

Вильчик замер. Наконец-то ему открылась правда. Он, именно он перепачкал белоснежную жизнь своих Тётушек, сажей и копотью выгнал их из белённого мелом домика. Вот они и укрылись в неприступной меловой крепости прибрежных скал. А теперь он и скалы умудрился перепачкать, но это не страшно: следы его ног, рук, губ скоро выбелит солнце, сотрёт море, унесёт время. А если бы он, Вильчик, стал вдруг белым? Может, Тётушки тогда вернуться?

И, полный решимости вернуть Тётушек, он отправился домой, к северу, мимо Фристана, мимо Капкан-холма и Наветренного Холма. С первыми лучами солнца он добрался до Вильмингтона, согрел воды, плюхнулся в ванну и принялся оттирать въевшуюся в кожу копоть.

Целый кусок жёлтого мыла измылил! Увы... Слишком много времени провёл Вильчик в дымоходах: чернейший уголь рядом с ним показался бы слоновой костью, а чёрный ворон — белоснежным лебедем. Короче, из воды он вышел не белее прежнего.

— Ничего не поделаешь, — вздохнул Вильчик. — Не стоит горевать. Будь я великаном, лежать мне в могиле, что вырыл отец. Будь я белёхонек, точно меловые утёсы, жил бы поживал с моими милыми Тётушками. Да, видно, не судьба... И меня не отмоешь, и Тёток не вернёшь. А могила... Что ж, могила нужна. Попрошу-ка я завтра, чтоб отмерили для меня клочок землицы на вильмингтонском кладбище. Да и примусь за дымоходы, буду чистить их, покуда ноги носят.

И чистил ещё добрых семьдесят пять лет. Уж на работу с костылями ковылял, а в дымоходах управлялся ловко и сноровисто, поскольку был Трубочистом до мозга костей. Теперь уже правнучка Табби Банч кричала снизу: «Глядите! Глядите, там великан!» — когда чумазое и довольное лицо Вильчика показывалось из трубы. До последних дней своих он оставался чёрен, как ночь, и ни капельки не подрос. Умер Вильчик, чуть-чуть не дотянув до ста лет. Хоронить его решили на вильмингтонском кладбище, на малюсеньком клочке земли. Вот положат завтра в крошечную ямку, точно малого ребёнка, и закопают...

Нет-нет, не хлюпайте носом, не ищите по карманам платки. Неужели вы, глупыши, думаете, будто умер человек и — конец? Конец жизни оказался для Вильчика началом самых удивительных приключений.

Вечером, накануне похорон, случилось чудо.

Оно, несомненно, случилось, хотя никто не видел его воочию. В четырёх милях от Вильмингтона, около моря, сотряслись прибрежные утёсы и вышли из тверди Семь Сестёр в белых передниках. Они пролетели над холмами и над долинами, дорогу им освещала луна. Деревенские спали крепким сном, когда Сёстры опустились около некогда белоснежного домика. Теперь же он был чернее ночи. Сёстры взошли по лестнице в комнату Вильчика и, окружив гроб, стали разглядывать Племянника.

— Ох,— простонала Тётя Воскресенье.— Как бы его искупать?

— А разве можно? — усомнилась Тётя Четверг.

— Напрасный труд,— вздохнула Тётя Среда.— Никакое мытьё не поможет.

— Крошечный совсем... Ну, сущий младенец,— любовно оглядывала Вильчика Тётя Пятница.

— Наш малыш! — проговорила Тётя Вторник.

— А он так хотел вырасти большим! — вспомнила Тётя Суббота.

— Он будет большим! — твёрдо сказала Тётя Понедельник.— Большим и белым. Так и останется в памяти людской: «Белый Великан из Вильмингтона». Дайте-ка мне его щётку и мешок.

Вынув Вильчика из гроба, она положила вместо него лохматую чёрную щётку. На древко натянула мешок для саж и сказала:

— Ну, точь-в-точь Вильчик. Не отличишь.

Сверху она положила свежий зелёный куст — последний веник, которым Вильчик так и не успел обмахнуть дымоходы.

И, прихватив с собой Вильчика, совсем лё-

генькую ношу, они отправились восвояси. На вершине Наветренного Холма по привычке остановились — взглянуть на чистейшую морскую гладь, что простиралась в четырёх милях к югу.

— Смотрите! — сказала Тётя Вторник.

— Что такое? — отозвалась Тётя Среда.

— Что-то приближается к берегу! — воскликнула Тётя Четверг.

— Что же это? — спросила Тётя Пятница.

— Лодка, — ответила Тётя Суббота.

— А в лодке человек, — добавила Тётя Воскресенье.

— Наш давно потерянный брат, — промолвила Тётя Понедельник.

Они ждали его больше ста лет. И теперь с вековым долготерпением, с каким утёсы глядят на череду набегающих приливов, Сёстры ждали, пока пришелец вытащит лодку на берег и доберётся к ним, на вершину Наветренного Холма. Впрочем, ждали они не так уж долго, ибо брат их, подобно им самим, был великаном и по холмам шагал широко, словно с кочки на кочку. С первого взгляда брат и сёстры узнали друг друга.

— Сестрёнки! — сказал он. — Как всегда, с лёгким паром!

— Братец! — отозвались они. — А по тебе, как всегда, мыло с мочалкой плачут. Почему ты убежал из дома?

— По чести сказать, не стерпел ваших головомоек. Пересол всегда плох.

— Да и недосол тоже, — сказала Тётя Суббота, глядя на его грязную шею.

— Хватит спорить, уж всё быльём поросло, — сказал великан. — Я приехал вовсе не для того, чтобы слушать ваше ворчание. Просто я нутром почуял, что пригожусь вам сегодня.

— Ты прав,— благодарно вздохнула Тётя Воскресенье.— Вырой, пожалуйста, самую длинную могилу на свете.

— Так я же как раз начал рыть её семьдесят пять лет назад! — воскликнул великан.

— А теперь ты её докончишь,— сказала Тётя Понедельник.

Оглядевшись, великан нашёл под можжевельным кустом свою лопату — точнёхонько на том месте, где он бросил её три четверти века назад. Копнул семь раз и откопал старый котёл для рыбы. Тётушки положили Вильчика на дырявое дно, точно в колыбель. Великан взглянул на спящего последним сном Вильчика.

— Разрази меня гром! — закричал он. — Это же мой сын!

— Братец, ты уверен? — спросила Тётя Понедельник.

— Да разве второго такого сыщешь? — отозвался великан.

Тётки покачали головами:

— Нет! Второго такого не сыскать.

А тётя Воскресенье добавила:

— Значит, он и вправду доводился нам племянником. Пусть земля ему будет пухом...

И великан осторожно и надёжно упрятал Вильчика под землю, в самую большую могилу на свете, а сверху насыпал холм — точно там и в самом деле лежал огромный, под стать ему самому, Сын.

Закончив работу, великан спросил у сестёр:

— Теперь что делать?

— Тебе больше нечего,— ответили Сёстры. — А у нас дел много.

— Мы ещё встретимся? — спросил великан.

— Пока ты бороздишь моря, мы будем стоять на берегу. Мы будем ждать тебя вечно.

По холмам, как по кочкам, добрался великан до берега и, столкнув лодку в воду, вышел в открытое море.

А Семь Тётушек спустились на склон Наветренного Холма и со стороны Вильмингтона нарисовали Вильчика. Они изобразили его белым: вынули из груди свои сделанные из мела сердца и прямо на травянистом склоне выложили мелом великана с костылями в руках. Они знали, что Вильчик всегда мечтал стать большим и белым... Только вот беда — Тётки отродясь ничего не рисовали, и получился у них всё-таки не великан, а просто огромный карлик.

Вот и окончен труд. Семь Сестёр перелетели через холмы и уже у самого моря услышали бодрый голосок:

— Спасибо, Тётушки!

Прямо над ними, на небесах, Вильчик старательно отмывал лик луны. Он выглядывал из-за светила, словно из дымохода. И был явно счастлив — ведь он нашёл работёнку себе по нраву.

— Поглядите на Вильчика! — воскликнула Тётя Воскресенье. — Какой великан!

— Совсем мужчина, — довольно кивнула старуха Понедельник.

И Сёстры снова замерли у воды, теперь уже навсегда.

* * *

На следующий день щётку, мешок и веник торжественно похоронили вместо Вильчика. Бросив на гроб последний ком земли, могильщик подумал: «Бедняга! Теперь уж не на кого порадоваться ребятишкам, не на кого им пальцем показать».

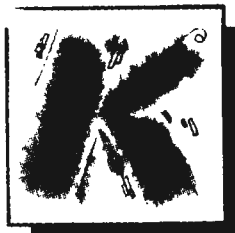
Но не успел он додумать эту печальную

мысль, как услышал восторженные крики Табби, правнучки Табби Банч. Она летела к школе со всех ног, ребяташки высыпали навстречу.

— Ой! Быстрей! Скорей за мной! Там белый великан!

Дети прибежали на склон холма и не могли надивиться чуду. Потом и взрослые пришли и тоже подивились. И вот уже взглянуть на Белого Великана потянулся народ со всей округи и из дальних мест: не только из Сассекса, но даже из Кента, из Сёррея, из Гемпшира и из чужедальней Америки. Со временем все позабыли, что Белый Великан — Вильчик. Думали, что это и в самом деле великан, который погребён во-о-он под тем могильным холмом. А Вильчик выглядывал из-за луны, слушал досужие разговоры и радовался от души. Он стал наконец бел и велик! Так исполнилась мечта всей его жизни.

ТРЕУГОЛЬНЫЙ БОГ

ак-то раз всё в мире перепуталось и воцарилась полнейшая неразбериха. А всё потому, что потерялся Бог. Куда он делся, всем было невдомёк. Собрались тогда люди и звери, птицы и рыбы, деревья и цветы, земля и вода и решили сотворить себе Бога заново. Однако пролетавший мимо ветерок озадачил их неожиданным вопросом:

— Каков же Он с виду?

Человек, не раздумывая, ответил:

— Это ясно как день. У Него две ноги, две руки, два глаза, нос и рот.

— Ты почти прав,— промолвил Лев.— Но ног у Него всё-таки четыре, рук нет вовсе, зато есть пышная грива.

— Ну, конечно же, нет у Него рук,— согласился со Львом легкокрылый Вьюрок.— Но с ногами ты обсчитался. Их всего две. А отчего вы позабыли про крылья?

— Нет, дружжжок! — зажуужжала Пчела.— С ногами и у тебя промашка вышла. Их шесть! И все вы почему-то позабыли про жало и желудочек для сбора нектара.

— Нет у Него никакого желудочка! — возразил Шершень.

— Непременно есть! Иначе откуда это благоухание, этот дивный, дивный аромат? — воскликнула Роза.— О, этот запах...

— Запах есть, это точно,— подтвердил вонючий Скунс.— Но нектар тут совершенно ни при чём.

— Он лучезарен! — сказала Солнце.

— Он переменчив и текуч! — сказала Море.

— В Его недрах зарождается всё живое! — сказала Земля.

— Все вы не правы,— затараторила Мартышка.— Только Человек прав. Я с ним совершенно согласна. Описание Бога удивительно точное, надо только добавить хвост.

Мартышкино панибратство Человеку не очень-то понравилось. Он сказал:

— Что ж... Все мы представляем Бога по-разному. Так сотворим же по одному на пробу и посмотрим, что получится.

Так они и сделали. А когда сошлись вновь, обнаружили, что каждый сотворил себе Бога по образу и подобию своему. Человек придал Ему человеческое обличье, Лев сделал Его зверем, Вьюрок — птицей и так далее — вплоть до та-

ракана, который, конечно же, и Бога изобразил усатым тараканом.

Тут как раз пролетал обратно Ветерок. Взглянул он на новых богов и прошелестел:

— А у Треугольников Бог, должно быть, окажется с тремя углами.

ЭЛИНОР ФАРДЖОН

Сказки, рассказы,
притчи

ЧУДЕСНЫЙ
РЫЦАРЬ

ил некогда в графстве Сассекс чудесный рыцарь — другого такого не было, может статься, в целом свете. Он был из рода рыцарей, как иные бывают из рода пахарей или из рода дурней. И если о том говорят: «Он пахарь от роду», а об этом: «Он от роду дурень», то о моём герое сказали бы только: «Он прирождённый рыцарь».

Звали его сэр Джон-в-Мечтах, ибо был он великий рыцарь и всю жизнь мечтал о величайшем приключении, равном которому не было бы во всём рыцарском мире. Несколько раз на день начищал он свой щит, говоря, что не станет и думать о приключении, пока щит его не заблестит как должно. Он знал, что когда придёт время для приключения, оно потребует от него не только крепкой руки и верного глаза — а всей его жизни, что была светочем чести, и силы духа, что был огнём, пылавшим в этом светоче.

Однажды майским утром отправился сэр Джон взглянуть на белый свет, а чтобы лучше его разглядеть, пошёл он по самому верху каменной стены. Шёл он по стене и шёл и глядел в небо на солнце, пока в глазах у него не поплыл туман. И услышал он сквозь этот туман тонкий

«Чудесный рыцарь»

«Чудесный рыцарь»

свист — так свистят дрозды по весне. Вдруг свист оборвался, и чей-то голос сказал:

— Осторожно, сэр, как бы вам не упасть...

Тут сэр Джон споткнулся, опрокинул ведро с известью, что стояло на стене, и упал бы, если бы чья-то рука не схватила его за лодыжку. Сделав над собой огромное усилие, он выпрямился и увидел, что за ногу его держит паренёк, сидящий на стене. Волосы у паренька были рыжие, а глаза — голубые.

Ведро упало на землю и испугнуло чёрного поросёнка — что мирно купался в луже, — с тугим и круглым животиком и хвостиком-штопором и хорошенькую курочку сассексской породы, которая что-то клевала в пыли.

Сэр Джон выпрямился и, улыбнувшись, сказал:

— Я тебе помешал.

— Нисколько, сэр, — отвечал паренёк. — Я могу и при вас работать.

— Что это ты делаешь? — спросил сэр Джон.

— С вашего позволения, держу вас за ногу, сэр.

— А до того что ты делал?

— Чинил стену, сэр, и сейчас опять этим займусь.

— Как тебя зовут? — спросил сэр Джон.

— Дик Доветт, — отвечал паренёк.

— А чем ты вообще занимаешься?

— Чищу курятники и свинарники, сэр.

— Хорошая работа, — сказал сэр Джон.

— Надо же кому-то её делать, — отвечал Дик и снова засвистал. Да так, словно хотел всех дроздов пересвистать.

— Ты счастлив, — сказал сэр Джон.

— Как солнышко в небе, — отвечал паренёк.

— И спокойно спишь по ночам?

— Как младенец, сэр.
— И дурных снов не видишь?
— Никогда, сэр.
— Да,— произнёс сэр Джон задумчиво.—
Может, мне поменяться с тобою местами?
— Со мной? — сказал Дик.— Зачем это, сэр?
— Не знаю,— сказал рыцарь. Повернулся и
пошёл своей дорогой.

Вскоре он дошёл до конца стены и задумался, спрыгнуть ему с неё или нет; на лугу меж тем раздался звон колокола, сзывающего народ. Со всех сторон на звон сбежались люди, и когда собралась большая толпа, вперёд вышел городской глашатай. Правой рукой он звонил в колокол, а левой вёл заплаканную девочку лет шестнадцати в простеньком синем платье. Она была чудо как хороша собой, высокая для своих лет, с густой каштановой косой и карими глазами, которые она то и дело утирала передником.

Глашатай подтолкнул девочку вперёд, чтобы всем было её хорошо видно, трижды ударил в колокол и закричал:

— Слушайте! Слушайте! Слушайте! Это Одри из Частокольников! Она потеряла свой мяч. Тому, кто найдёт его, она отдаст всё, что у неё есть.

— А что у неё есть? — закричали все в один голос.

— Она сама да платье, что на ней надето,— сказал глашатай.

Тут все женщины вздёрнули подбородки и разом сказали:

— Надо нам бежать домой, у нас там дела!
Повернулись и заторопились по домам.

Но мужчины остались на местах и глядели на Одри из Частокольников и думали, что она неплохая награда за мяч.

— А какой у неё мяч? — спросили они.

Глашатай ударил в колокол и спросил у Одри:

— Какой у тебя мяч?

Одри отёрла глаза передником и сказала:

— Мяч у меня с одной стороны синий, с другой зелёный, а на нём картинки — звёзды и цветы, ангелы и детишки, прекрасные, как в жизни. Мне его подарила крёстная, когда я ещё в колыбели лежала. С ним я и росла, других игрушек у меня не было.

Мужчины спросили:

— А где она его потеряла?

Глашатай ударил в колокол и спросил у Одри:

— Где ты его потеряла?

И Одри ответила:

— Я играла в мяч в Частокольниках и кидала его всё выше и выше, ветер подхватил его и понёс, так что я не видала, где он упал. Может, он пролетел миль сто, а потом прокатился еще сто.

Мужчины спросили:

— Когда она потеряла свой мяч?

Глашатай ударил в колокол и спросил:

— Когда ты потеряла свой мяч?

И Одри ответила:

— Десять лет назад, когда мне было шесть лет.

— Господи помилуй, — вскричал сэр Джон, стоявший на стене. — И с тех пор ты по нём плачешь?

— Ах, нет, сэр, — ответила Одри, присев. — Я о нём забыла и думать, а вспомнила лишь неделю назад, потому что семь ночей кряду мне снилось, что он упал в реку Муррей.

— Что это за река? — спросил сэр Джон.

— Не знаю, сэр. Но во сне мне приснилось,

что это самая большая река в графстве Сассекс, и опасностей там хоть отбавляй, да к тому же там прячется фея.

Сэр Джон оглядел толпу на лугу, но никто из мужчин не сказал ни слова. И тогда сэр Джон закричал, да так громко, что его услышали все.

— Это приключение я беру на себя. Ступайте домой, добрые люди.

Когда на лугу никого не осталось, Одри из Частокольников взглянула с любовью на сэра Джона и сказала:

— Сэр, если позволите, я последую за вами к реке Муррей и буду делить все опасности.

Она сказала это так мило и без боязни, что сэр Джон наклонился, подал ей руку и произнёс:

— Идём, смелая девочка.

Она легко вспрыгнула на стену и встала рядом с ним. Сэр Джон повёл головой, словно норовистый конь, и пошёл назад по стене, не глядя ни вправо, ни влево, а на одно только ясное небошко.

Вдруг он почувствовал, как две нежные ручки ухватили его сзади за плечи, а одна сильная — за лодыжку, и, взглянув назад, а затем вперёд, он увидел, что Одри и Дик крепко держат его, чтоб он не упал со стены, и смотрят на него с тревогой и нежностью. И ведро с известкой снова лежит на земле.

— Что с вами, дети? — спросил Рыцарь.

— А что это с вами, сэр? — ответил Дик.

Ибо щёки у сэра Джона были мокры от слёз.

— Вам больно или вы попали в беду?

— Я здоров и весел, Дик, — отвечал Рыцарь. — Ибо сбывается моя мечта о чудесном приключении.

— Тогда отчего же вы плачете, сэр?

— Оттого что глядел на солнце.

— Что же вы там увидели, сэр?

— Я увидел опасность и себя, идущего ей навстречу.

— Опасность, сэр Джон?

— Да, Дик.

В глазах у Дика мелькнула тревога, он тихонько присвистнул и спросил:

— С вашего позволения, сэр, можно и я пойду с вами?

Глаза у Рыцаря загорелись, он положил руку на голову Дика.

— Ты тоже мечтаешь об опасности, Дик? — спросил он.

— Вовсе нет, сэр, — отвечал Дик.

— Зачем же ты хочешь идти со мной?

Дик покраснел, откашлялся и сказал:

— Чтобы ловить вас за ногу, сэр.

— И только? — удивился сэр Джон.

— Да, с вашего позволения, сэр. Стену чинить я кончил, а к вечеру мы ведь вернёмся? Так что покормить свиней и запереть кур на ночь я успею.

— Не знаю, когда мы вернёмся, — сказал сэр Джон. — Может быть, никогда.

— Как угодно, сэр, — отвечал Дик. — Смотрите не упадите!

— Прошу вас, будьте поосторожнее, милый Рыцарь, — сказала Одри у него за спиной.

— Пойдёмте, дети, — сказал сэр Джон.

И, обогнув Дика, он пошёл дальше по стене, оставив его лицом к лицу с Одри. Дик и не подозревал, что она стоит у Рыцаря за спиной, а услышав её звонкий голос и увидев её розовые щёчки, он почесал в затылке и сказал:

— Ну и дела!

Но Одри смотрела вслед Рыцарю, как смотрят

счастливые матери на своего ребенка, когда он начинает ходить.

— Он упадёт? — спросила она.

— Постараюсь, чтоб не упал, — отвечал Дик.

— Спасибо, — сказала она. — Ты такой добрый!

Дик подобрал ведро и пошёл за сэрм Джонм, а Одри пошла за Диком, а кругленький чёрный поросёнок по имени Поль и курочка сассексской породы по имени Эмили побежали за ними вдоль стены. Так они и бежали до тех пор, пока стена не кончилась и Рыцарь с Диком и Одри не спрыгнули с неё на землю.

И вот рассказ о том, что с ними приключилось — час за часом.

Солнце медленно купалось в золоте своих лучей на синем небе с белыми облачками, наши друзья быстро шли вперёд по дороге, а курочка и поросёнок поспешали за ними. Однако случилось так, что сэр Джон в своём

нетерпении на несколько шагов обогнал своих спутников, а они беседовали друг с другом. Вскоре показалась деревенька Чилтингтон, самая красивая в Англии, — впрочем, так называют каждую вторую деревеньку на западе графства Сассекс. Несмотря на всю свою красоту, деревенька напоминала скрипку без струн, ибо в ней не было ни души.

— Странно, — сказал сэр Джон, останавливаясь. — Время, дети, подобно фонарику, который выходит по ночам, чтобы зажечь фонари, а днём тушит их снова. Когда-то в этой глухой и слепой деревушке жизнь была ключом.

— Это было совсем недавно, сэр, — заметил Дик. — Вон там в саду ещё лежат мотыга и грабли, а там кто-то просыпал горох второпях.

— Лет сто назад, — сказал сэр Джон задумчиво, — и больше уж он не торопится.

— Земля здесь свежевскопанна, сэр, — сказал Дик.

В эту минуту где-то за домом послышался тихий плач и стон.

— У кого-то беда, — сказала Одри.

— Пойду посмотрю, — сказал Дик.

И пошёл на стон, а остальные пошли за ним. За домом он увидел древнего старика, который рубил топором салат. Салат на грядке был посажен так, что из букв складывалось имя

Старик рубил и плакал.

— Хочешь срезать салат, дедушка? — спросил Дик.

— Да, мальчик.
— Весь салат, дедушка?
— Да, мальчик.
— Тебе столько не съесть, — сказал Дик, вынимая из кармана перочинный нож.
— Я так люблю салат, — сказала Одри.
— Бери себе на здоровье, красавица. Мне он больше не нужен.

— Спасибо, дедушка, — сказал Дик. — Тогда мы возьмём немного, на ужин. Салат очень хорош к ужину.

И он сунул пучок салата себе в ведро.

А Одри спросила старика.

— О чём ты плачешь?

И утёрла ему слёзы своим носовым платком.

— Из-за неё, — сказал старик и указал на имя на грядке. — Не нужен мне салат, раз её у меня больше нет.

— Какое горе, — сказала Одри и утёрла глаза носовым платком.

— Говорят, на небе хорошо, — сказал Дик и утёр глаза тыльной стороной ладони.

— Добро бы на небе, — сказал старик, — а то ведь так, где-то посередке.

— Как это? — спросил Дик.

— Да на ветряке, — сказал старик, — на самом верхнем крыле. А ветра всё нет да нет. Вся деревня туда сбежалась, дуют-дуют, да только, сдаётся мне, без толку.

— Мы пришли вовремя, — сказал сэр Джон. — Дик, тут нужно потрудиться!

И он присел на бревно и принялся изо всех сил начищать свой щит.

— Что ж, идёмте, сэр, — сказал Дик.

Но Рыцарь погрузился в раздумья о предстоящем приключении и не слышал его.

Дик и Одри выбежали за околицу и увидели

ветряную мельницу, вокруг неё толпился народ. Все дули что есть мочи, так что казалось, вот-вот лопнут, но крылья не двигались. На верхушке крыла была девочка — шелковистые волосы вокруг её лица сияли, словно солнечные лучи. Одной рукой она держалась за крыло,

а другой прижимала к груди рыжего котёнка с золотыми глазами.

— Ах, Дик! — вскричала Одри и сжала руки.

— Не ходи за мной, — сказал Дик и бросился к мельнице. Но она поспешила за ним. Они взбежали по лестнице, а на последней ступеньке Одри схватила его за рукав и снова сказала:

— Ах, Дик!

— Надо же кому-то это сделать, — сказал Дик. — Пугаться тут нечего, девочка.

Ибо она побелела, как полотно, что расстилают на траве под солнцем.

Дик вылез на крыло — толпа радостно закричала, а Одри следила за ним ни жива ни мертва. Но вот он уже и вернулся с девочкой и котёнком в руках! Девочка хмурилась, а котёнок мяукал. Одри протянула руки и прижала обоих к груди, а девочка заулыбалась, а котёнок начал мурлыкать.

— Ах, Барби, — сказала Одри, — как это тебя туда занесло?

— Я хотела посмотреть, — сказала Барби.

— И увидела? — спросил Дик.

— Да, — отвечала Барби. — Я видела реку Муррей.

— Туда-то мы и идём, — сказала Одри, про-светлев.

— Тогда и я с вами, — сказала Барби. — И Руфус тоже.

Когда они спустились вниз, все закричали ещё громче, а какая-то женщина бросилась к ним.

— Мама, — сказала Барби, — я пойду на реку Муррей с этим большим мальчиком и девочкой.

— Иди, милая, — сказала женщина. — Только возвращайся домой к ужину.

— Я вам это обещаю, сударыня, — сказала Одри.

Сэр Джон, который как раз подошёл в этот миг с ярко начищенным щитом в руках, посмотрел с интересом на Барби и спросил:

— Так ты знаешь дорогу к реке Муррей?

— Да, — сказала Барби, — но только до

Круглого дома. А потом мне пришлось возвращаться к чаю. Но сегодня я обязательно до неё дойду, чай там или не чай.

— Дик, — сказал Рыцарь, сияя. — Само небо нам помогает. Идёмте, дети.

Барби поцеловала мать на прощание, и они отправились в путь. Впереди шагал сэр Джон, за ним Дик и Одри, и Барби весело прыгала между ними, а потом поросёнок Поль, курочка Эмили и котёнок Руфус.

— Как у него щит сверкает, — сказала Барби.

— Да, — сказал Дик, — блестит, словно новенький шиллинг. Другого такого рыцаря с таким блестящим щитом во всём Сассексе не сыщешь, правда?

Он взглянул на Одри, а она взглянула ласково на Рыцаря и сказала:

— Да, не сыщешь.

Барби повела их через нагретую солнцем поляну; меж кустов можжевельника, казалось, струился золотой искристый дождь.

Они прошли через пустой загон для кроликов, пересекли дорогу и вдруг оказались в прохладном лесу, где солнечные искры лишь изредка падали с ветвей, когда их шевелил ветерок, а деревья стояли в зелёном блеске грёз. Они пошли медленнее и заговорили тише, как и должно быть в лесу. Немного погодя они вышли на залитую солнцем просеку. Яркий свет слепил глаза, так что поначалу они ничего не видели. Им только послышалось, что неподалёку кричат совята, а мать-сова отвечает: «У-ху! У-ху!» Осмотревшись, они поняли, что крик раздавался из небольшой круглой башни, что стояла на опушке. Башня была сложена из камня, а в стене были прорублены дверь и крошечное окошко, забранное решеткой. Барби остановилась.

— Куда теперь, я не знаю, — сказала она. — Это Круглый дом, а дальше я никогда не была.

— Может, совы знают, — сказала Одри. — Ведь совы мудрее многих.

И закричала:

— Совушки-совы! Скажите нам, как пройти к реке Муррей.

Но совы только насмешливо зауехали в ответ.

— Зайдём и посмотрим на совяток, — сказала Барби.

Дик дёрнул дверь.

— Заперто, — сказал он. — Дверь слишком толстая, так легко не сломаешь. Придётся спросить у кого-то ещё.

Они зашагали дальше по дороге и вскоре наткнулись на сэра Джона, который прошёл, как всегда, вперёд и теперь застыл на месте, подняв руку, словно прося их прислушаться. Где-то близко слышались хриплые голоса, они протяжно кричали: «Эй, тя-нем! По-тя-нем!»,

прерываемые приглушённым плачем и всхлипыванием. Крики шли из-за фермы, что стояла на опушке леса; передняя и задняя двери её были распахнуты, так что сквозь дом проходил столп солнца и ветра. Стоя здесь на свету, можно было увидеть тёмные деревья леса с той стороны дома.

— Взгляните, дети, — сказал сэр Джон, — как короток переход через дом жизни; от света нашего появления до сумерек ухода шагов десять, не более. И конец любезнее начала. Пройдём же сквозь дом?

— Пожалуй, сэр, — сказал Дик. — Надо узнать, что там у них стряслось, не так ли?

Ибо к этому времени плач и всхлипывание заглушили все остальные звуки, и крика «По-тянем!» было почти не слышно.

— Ах, поспешим! — сказала Одри.

Они поспешили — и на огороде, что лежал меж фермой и лесом, увидели немолодого фермера и его работников, что тянули верёвкой капусту.

— Тя-нем! По-тя-нем! — закричал Фермер, ухватив кочан, что был поближе.

Работники напряглись, дёрнули за верёвку — кочан выскочил, а они повалились на землю. Поднявшись на ноги, они отряхнули пыль с одежды и снова взялись за верёвку, ожидая сигнала от Фермера.

Увидев незнакомцев, идущих гуськом через дом, они остановились, отирая пот красными клетчатыми платками.

— Я помогу вам дёргать капусту, — предложил Дик.

— Что ж, помоги, молодой человек, — проstonал Фермер в ответ.

— Всю надо выдернуть?

— Всю до единой.

— Ну, и пир у вас будет,— сказал Дик, берясь за капусту обеими руками.

Кочанов там было штук восемьдесят, не меньше.

— Капуста — вещь вкусная,— заметила Одри.

— Возьми себе сколько хочешь, голубушка. Мне она всё одно в горло не пойдёт.

— Мы тебе очень признательны, Фермер,— сказал Дик.— Капуста очень хороша с салатом.

И он положил три крепких кочана себе в ведро. Фермер же всё вздыхал и стонал.

— А почему ты горюешь?— спросила Одри.

— Потому что не видать мне больше в этой жизни моей милой доченьки Кристи. Глаза б

мои не смотрели на эту капусту, ведь это она её сажала.

— Какое горе! — проговорила Одри и отвернулась.

Дик переступил с ноги на ногу, чтобы выразить своё сочувствие, и спросил:

— Когда же это случилось, Фермер?

— Час назад, — отвечал тот. — И виноват я один. Она всё просилась на реку Муррей, а я её всё не пускал. Боялся, что простынет она там до смерти. Тянула её эта вода, да и только! Взял вот я и запер её в Круглом доме в лесу, а ключ, чтоб не потерять, привязал к ручке ведра колодца, да только забыл об этом, как пошёл за водой, а ведро, как на грех, возьми да соскочи в воду. Там оно сейчас и плавает, можете сами убедиться.

И он в сердцах откинул ногой крышку колодца: там, далеко внизу, плавало на тёмной воде перевёрнутое ведро.

Сэр Джон внимательно выслушал Фермера, и глаза у него засверкали.

— Дик, — сказал он, — вот приключение, о котором я мечтал.

— Да, сэр, — отвечал Дик. — Надо достать из колодца ключ, ведь дверь в тот дом не сломаешь. Я уже пробовал.

Но сэр Джон не слушал — он изо всех сил начищал свой щит.

Тут Дик взялся за верёвку и подёргал её. Убедившись, что верёвка крепкая, он привязал её к пряжке своего кожаного пояса.

— Ах, Дик! — вскричала Одри и изо всех сил вцепилась ему обеими руками в плечи.

— Надо же кому-то это сделать, — сказал Дик. — Пугаться тут нечего, Одри.

Ибо она побелела, как молоко, когда, пенясь,

оно бежит с одной стороны из сепаратора, в то время как жёлтые сливки текут с другой.

Он махнул работникам, они подошли и осторожно спустили его в колодец, а Одри закрыла глаза и сосчитала до ста пятидесяти. А потом

она открыла глаза, наклонилась над колодцем и подала Дику руки, чтобы помочь ему вылезти наверх, хоть он и закричал:

— Отойди, глупая!

Он боялся, как бы она не упала.

Минута — и он стоял на земле рядом с ней; но ноги у неё подкосились, и она опустилась перед ним на колени, будто бы для того, чтобы отвязать верёвку от пряжки.

— А теперь выпустим девочку,— сказал он, и они поспешили к Круглому дому, где без умолку кричали совята.

— Совушка! — крикнула Одри.— Мы пришли тебя выпустить, если только ты скажешь нам, как пройти к реке Муррей.

Тут в окошке, забранном решёткой, показалось задорное личико с пушистыми волосами до плеч.

— У-ху! У-ху! — слышалось в ответ.— И не скажу, и не выйду, если не пообещаете взять меня и Майка с собой.

— Что ж,— сказал Дик и повернул ключ в двери. Кристи выбежала из дома, а за ней мохнатый терьер, худой и весёлый пёсик с любящими глазами.

Фермер схватил Кристи на руки и принялся целовать, а она ласкалась к нему, приговаривая:

— До свиданья, отец. Я ухожу. Я иду на реку Муррей с этими людьми и животными.

— Ну, хорошо, хорошо,— согласился Фермер.— Только возвращайся домой засветло.

— Это я вам обещаю, сэр,— сказала Одри.

Тут к ним подошёл сэр Джон, держа в руках свой сверкающий щит, и, поглядев серьёзно на Кристи, спросил:

— Это ты, милое дитя, можешь провести нас к реке Муррей?

— О да,— отвечала Кристи так же серьёзно,— но только до сада в лесу. Дальше я никогда не ходила.

— Дик,— сказал Рыцарь,— нам помогают волшебные силы. Пойдёмте, дети.

И он зашагал вперёд, куда показала Кристи, а Кристи и Барби побежали за ним, а Дик и Одри поспешили за ними, а поросёнок Поль, курочка Эмили, котёнок Руфус и пёсик Майк за ними следом.

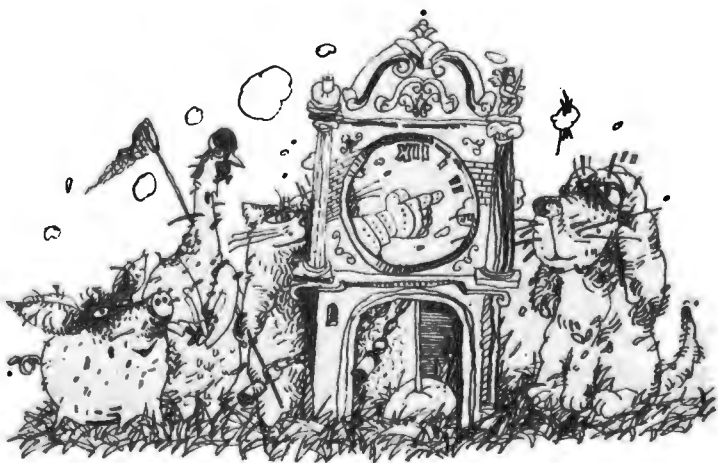
— Как ты хорошо кричишь совиным голосом,— сказала Барби Кристи.

— Да,— согласилась Кристи и посмотрела на Барби, а потом на Одри.— А какой у вашего отца щит красивый.

— Он им не отец,— ответил Дик,— но щит у него и вправду блестит, словно полная луна. Другого такого рыцаря с таким чудесным щитом во всей Англии не сыщешь, правда?

И он посмотрел на Одри, а она взглянула с грустью на Рыцаря, а потом опустила глаза и прошептала:

— Да, во всей Англии не сыщешь.

Солнце уже стало заглядывать за край тучки, когда они свернули на зелёную лесную тропинку. В конце её виднелась старая калитка, а за ней — сад в гуще леса, прекрасный, как райский сад. Но и в раю, видно, бывают свои печали, ибо из-за деревьев слышались громкие рыдания, прерываемые взрывами шутих.

— Взгляните, дети,— сказал сэр Джон,— как обманчив даже рай земной, сулящий веч-

ную радость. Что может быть благоденнее и прекраснее этого сада? Но горе постигло и того, кто здесь обитает. Давайте узнаем, что с ним случилось.

— Да, сэр,— сказал Дик, услышав, что громкий взрыв потряс воздух.— А то он тут натворит дел.

Они обошли клумбу с цветами и увидели в этом раю крошечного мальчика с тёмными, как вишни, глазами, из которых по загорелым щекам градом катились крупные слёзы. Он сидел посреди маленькой грядки, на которой росло всего понемногу: один ранний лук и один сладкий горошек, один люпин и один куст картошки, один выюнок бобов и маргаритка и много ещё другого, но всё по одному кустику. А по краям грядки росла белая и красная редиска. Мальчик бросал в неё шутихи, и они с треском взрывались.

— Хочешь вырвать всю редиску, сынок? — спросил Дик.

— Да-а-а! — сквозь слёзы пробормотал мальчик в ответ.

— Всю до единой?

— Да-а-а!

— У тебя от неё живот разболится, — сказал Дик, принимаясь дёргать редиску.

— А я её есть не бу-у-ду!

— Как, разве ты не любишь редиску? — спросила Одри.— Я так очень люблю.

— Вот ты и ешь! — сказал мальчик.

— Спасибо, сынок,— сказал Дик.— Мы так и сделаем. Редиска так хороша с салатом — лежит вокруг зелени бело-красным кольцом, просто загляденье!

И с этими словами он бросил горсть редиски в своё ведро.

— А зачем ты её вырвал? — спросила ласково Одри, посадив малыша себе на колени и утирая его грязные щёки.

— Потому что это её редиска! — крикнул мальчик и указал пальцем на доску через ручей в конце сада. — А она не пускает меня в ручей без взрослых!

Тут он сунул палец в рот, взглянул на Дика, на Одри, скатился с её колен на землю и с воплем помчался в конец сада.

— Сильвия, они пришли! Теперь ты меняпустишь?

Все поспешили за ним — на доске, перекинутой через ручей в конце сада, они увидели прелестную крошечную юную фею. Впрочем, трудно было сказать, откуда она пришла: из царства ли фей, ангелов или детишек, ибо глаза у неё смеялись, как у феи, и светились добротой, как у ангела, а улыбка, игравшая в уголках рта и ямочках на щеках, была весела и задорна, как у ребёнка. Стройный её стан облегал сине-зелёное платье, а загорелые ручки и ножки были открыты ветру и солнцу. Она стояла, сдвинув ножки и склонив голову, локти её были прижаты, а руки вытянуты вперёд, ладонями вверх. В пальцах она сжимала концы ореховой ветки и водила ею над ручьём.

— Вилф! Вилф! — вскричала она. — Ты хочешь поплескаться в ручье, а как мне тебя пустить, если я не знаю, есть в нём вода или нет?

И она уставилась на ореховую рогатинку — и вот та стала поворачиваться, пока наконец не указала прямо на ручеёк, что протекал под перекинутой через него доской. Тут она взглянула на загорелого малыша, уцепившегося за её подол, и на остальных, стоявших на бе-

регу, — взглянула серьёзно, но так, словно прятала от них улыбку, и сказала:

— Да, вода здесь есть, так что можешь идти, но только если и они пойдут тоже.

— Конечно, пойдём, — сказала Одри, хлопав в ладоши.

— Ура! — крикнул Дик, взмахнув ведром.

— Ах! — сказала Кристи.

— Ах! — повторила за ней Барби.

И обе запрыгали от радости.

— Только это очень-очень опасно, — сказала Сильвия. — Путь вам преградят пороги и водовороты, густые заросли, что подступают к воде с обоих берегов, так что придётся пробираться по колено в воде, а ещё затонувшие корабли, киты и аллигаторы, морские змеи, сирены и комары. Вы утонете, вас искусают,

съедят, околдуют на веки веков, если только...

— Если только что? — закричали все в один голос.

— Если только вам на помощь не приду я, — сказала Сильвия, загадочно усмехнувшись.

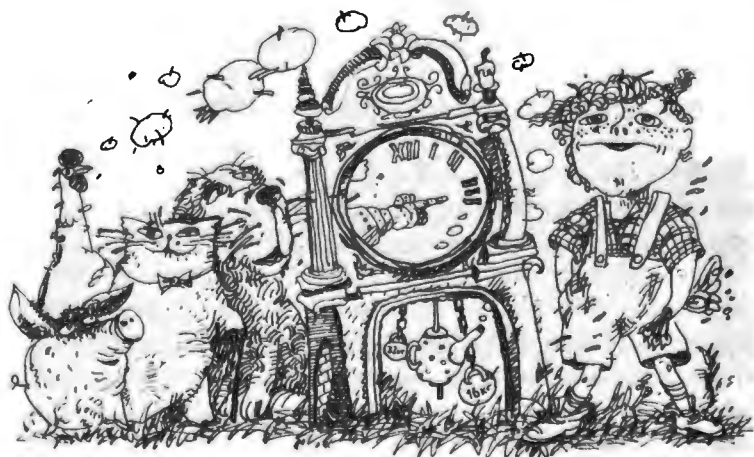
Но они уже разулись и, связав шнурками ботинки, повесили их себе на шеи.

— Кто боится? — крикнул Дик.

— Только не я! — крикнули в ответ Одри, Барби, Кристи и Вилф.

А Поль захрюкал, а Эмили закудаhtала, а Руфус замыкал, а Майк залаял.

— Тогда за мной! — воскликнула фея Сильвия задорно и спрыгнула, звонко смеясь, в ручей, который тек по камушкам меж крутых берегов, так густо поросших ольхой и орешником, что из сада его совсем не было видно. А за ней в воду прыгнул Вилф, а за Вилфом — Барби, прижимая к груди Руфуса, а за Барби — Кристи, держа за ошейник Майка, а за Барби — Одри, подхватив на руки Эмили, а за Одри — Дик, сунув под мышку Поля. И все они громко кричали от радости.

Солнце, словно золотой корабль, застыло среди синего неба с белыми барашками, когда, исцарапанные и мокрые по пояс, они вышли к тому месту, где ручей выбегал из-под земли. Они всё ещё громко кричали от радости.

Кристи потеряла свою ленту, Барби разодрала до крови коленку, у Вилфа на голове была шишка, коса у Одри совсем растрепалась и в волосах у шеи запутался репейник, а у Дика рубашка порвалась у самого плеча.

Одна только Сильвия вышла из воды невредимой.

Выбравшись на берег, они увидели сэра Джона, который сидел под дубом и натирал до блеска свой щит. Он прошёл лесом и лугом вдоль ручья и теперь поджидал их возвращения.

— Ну, дети, — сказал он со своей мягкой улыбкой, — никто из вас не погиб?

— Ни одна душа, сэр, — ответил Дик.

— А всё благодаря Дику, — сказала Сильвия. — Такого опытного мореплавателя я в жизни не видала. Он все опасности преодолел и всем был защитой.

— А всё благодаря Сильвии, — сказал Дик. — Она самая добрая из фей, охранявших когда-либо бедных смертных. Она нас от всех бед спасла. Хоть матушке, конечно, придётся положить заплату на мою рубашку.

— А сирены стащили мою ленту! — похвасталась Кристи.

— А драконы искусают мне ногу! — сказала с гордостью Барби.

— А великаны набили мне шишку! — пробормотал угрюмо Вилф.

— А ведьмы дёргали меня за косу! — сказала с радостью Одри.

— А Эмили снесла яичко,— сказала Сильвия.— И Дик всех спас, и яичко тоже.

— Крутое яйцо хорошо для салата,— сказал Дик.— Разрезать на четыре дольки и пустить, словно белые с золотом лодки, на зелёную гладь салата... Знать бы только, где это яичко сварить.

— Его сварит Отшельник из Хардхэма,— сказала Сильвия,— он одними яйцами с луком питается.

— А где Отшельник живёт?

— На повороте реки,— сказала Сильвия.

— Что ж, это нам по дороге,— сказал Рыцарь.— Идёмте, дети.

И он зашагал вперёд, туда, куда показала Сильвия, а она направляла его, легонько трогая рукой, то влево, то вправо, а сама шла следом, а Вилф спешил, переваливаясь, за нею, а за ним шли гуськом Кристи и Барби, Дик и Одри, взявшись за руки, и Руфус, весь мокрый и мрачный, и Майк, мокрый и радостный, и Поль, мокрый и невозмутимый, а замыкала шествие Эмили, мокрая и вне себя от счастья.

— Какой у вашего дедушки щит прекрасный! — сказала Сильвия.

Дети, не оборачиваясь, засмеялись, а Дик ответил:

— У него нет ни детей, ни внуков, но щит у него светел, как его мечты. Ведь другого такого рыцаря с таким дивным щитом не сыщешь в целом свете, правда?

И он улыбнулся Одри. Но она только с грустью взглянула на своего Рыцаря, а потом на Дика и покачала головой.

Наконец они вышли за Сильвией на дорогу, которая, после всех их блужданий, показалась им гладкой и просторной; и вскоре они уже были у моста, под которым текла широкая река. Сэр Джон просиял, словно на лицо его из-за тучи упал луч солнца, и с радостным криком он застыл посередине моста.

— Дитя, это наконец река? — спросил он у Сильвии.

— Да, — отвечала она, — а Отшельник живёт вон там, за высохшим руслом канала.

— Пусть подождёт, — сказал сэр Джон, — ибо сердце моё радуется на пороге приключения.

И, взяв Одри за руку, он продолжал:

— Милое дитя, я дал тебе слово и не вернусь, пока не найду реку Муррей, а в ней — твой мяч.

А Одри взглянула ему прямо в глаза и отвечала своим звонким голосом:

— Я тоже дала тебе слово. Так что возьми меня в жёны когда захочешь.

— Я возьму тебя в жёны, как только мы найдём, кто бы нас обвенчал.

— Отшельник из Хардхэма вас обвенчает,— сказала Сильвия.— Он круглый год только о том и мечтает, да только некого было венчать.

— Жаль мне его огорчать,— сказал сэр Джон,— но только я не променяю свою реку и на тысячу отшельников.

— Вы её не потеряете,— сказала Сильвия,— если пойдёте через Хардхэм. Она там рядом протекает под Пулбороским мостом, прямо рукой подать.

— Так тому и быть,— сказал Рыцарь.— Идёмте, дети.

И они пошли быстрым шагом вперёд по высокой и узкой тропе, что пролежала вдоль высохшего русла канала, а потом поднялись по заросшему травой склону туда, где сидел Отшельник из Хардхэма.

Он сидел под каменными арками маленькой часовни, в которой не было ни крыши, ни окон, ни дверей — один только чистый воздух, льющийся с небес. Внутри часовни был алтарь, украшенный цветами, а вокруг, на старинной кладке, висели цветочные гирлянды и венки, которые так благоухали, словно то была комната невесты.

Отшельник сидел на камне в лучах заходящего солнца, на нём было белое одеяние и на каждой руке по кольцу; слева от него стояла миска с крошками хлеба, справа — блюдо капустных листьев, а у ног его, обутых в сандалии,— блюдо с сахарной водой. А вокруг него резвились крольчата, и он кормил их зелёными листьями правой рукой, а между ними прыгало множество птиц, и он сыпал им крошки левой, и некоторые из них садились ему на руку и на колени и клевали крошки прямо из рук.

Увидев, кто подымается к нему вверх по склону, Отшельник сказал:

— Друзья, вот идут к нам братья и сёстры.

И поднялся на ноги так тихо, что не вспугнул ни птицу, ни зверя, ни насекомого, и ступил вперёд, протянув к нашим друзьям старые руки, и, взяв Одри за руку правой рукой, сказал:

— Добро пожаловать, милая невеста.

А потом он повернулся к Дик у и, протянув к нему левую руку, сказал:

— Добро пожаловать и тебе, юный жених. Вы вступаете в самое прекрасное приключение в жизни.

Одри потупилась, а Дик вскинул голову и взглянул на сэра Джона: что-то он скажет. Но при слове «приключение» сэр Джон опустил голову на землю и принялся начищать свой щит.

Все молчали, словно ждали чего-то, и никто, кроме сэра Джона, не знал, что делать.

И Одри в смущении прошептала:

— Ах, Дик!

А Дик почесал в голове и, взглянув ещё раз на сэра Джона, сказал:

— Что ж, это надо сделать. Не пугайся, дорогая.

Ибо щеки её побледнели, словно дикие розы перед тем, как опать.

И Дик с Одри вошли в часовню с Отшельником из Хардхэма, а дети и животные вошли вместе с ними. Там Отшельник снял со своих рук два золотых кольца и обвенчал Одри с Диком.

Когда Дик и Одри обвенчались, они вышли из часовни под пение птиц, и жужжание насекомых, и писк и смех животных и детей, что играли вместе в траве.

Сэр Джон поднял глаза от своего щита, что сиял, но не так ярко, как глаза Одри и Дика, и сказал:

— Какой у вас счастливый вид!

И тогда они объяснили ему почему. Он взглянул задумчиво на Одри и спросил:

— Кто же тогда найдёт тебе твой мяч?

А Одри сказала, что мяч ей теперь совсем не нужен.

— И все же, — сказал сэр Джон, — я не должен оставлять поиски, ибо я всё ещё мечтаю найти в реке Муррей твой мяч с цветами и звёздами, милое дитя, даже если тебе это уже всё равно.

Он поднялся, но Дик спросил, разве он не останется на свадебный пир.

И они положили на блюдо листья капусты и выстлали их салатом, а сверху бело-алым

кольцом — редиску, и крутое яйцо, что снесла Эмили, разрезав его на дольки и пустив по зелёному морю листьев, словно золотые и серебряные лодки. А Отшельник из Хардхэма принёс сачок для ловли бабочек и снял им огромную испанскую луковицу, что висела в углу часовни, и изрезал её ножом на восемь частей и раздвинул дольки, так что она раскрылась, словно водяная лилия, и укрепил её в центре зелёного поля салата на венце из редисок. А пока он всё это делал, он плакал, но не от радости и не от горя.

Это и был их свадебный пир, и все отведали дивного салата.

Солнце уже почти ушло на покой, а луна уже почти поднялась на небо, когда закончился свадебный пир, и Дик с Одри сказали, что пора вести детей домой. Но сэр Джон сказал, что должен идти своей дорогой. Он поцеловал детей

и Одри на прощание и, взяв Дика за руку, сказал:

— Присмотри за Одри, пока меня не будет.

— Постараюсь, сэр,— сказал Дик Доветт.

— Я бы остался с вами и помог вам,— сказал сэр Джон-в-Мечтах,— но щит мой наконец сверкает как должно, и я должен найти реку Муррей и пройти по ней до истока.

И в спустившихся сумерках он зашагал от них прочь по дороге в Пулборо, где река течёт под мостом. И, глядя, как мерцает вдали его щит, Кристи тихонько шепнула Барби:

— Но ведь мы нашли реку Муррей и прошли её всю до истока.

И Барби шепнула в ответ:

— Да, там река Арун, он пошел совсем не в ту сторону.

А Сильвия улыбнулась и сморщила лобик; Вилф крепко спал, а остальные не слышали.

Когда дети были разведены по домам, а Дик и Одри пошли к себе, Дик достал что-то из кармана и протянул Одри.

— Что это? — спросила Одри.

— Свадебный подарок, — сказал Дик. — Я нашёл его в ручье, когда мы пробирались по нему.

И Одри засмеялась от радости.

— Ах, да ведь это мой мячик! Смотри, вот дети и цветы на зелёной стороне и звёзды и херувимы — на синей. Он совсем не выцвел! Блестит и сияет, как новенький! Кто бы мог подумать?! Какой он красивый!

Она подбросила мячик в воздух, поймала, поцеловала с синей стороны, потом — с зелёной и положила себе в карман.

«Чудесный рыцарь»

«Чудесный рыцарь»

ЭЛИНОР ФАРДЖОН

Сказки, рассказы,
притчи

ГОСПОДИН НОГОТОК

I

эрри вошёл в комнату.

— Там человек...— сказал он растерянно.

— Какой ещё человек? Как зовут?

Я читала письмо от разгневанных соседей и посему была не в лучшем настроении.

— Не знаю. Мы поздоровались, а имени у него, по-моему, нет.

— Имя у каждого есть,— пробурчала Анжела. Она лежала на пузе и, разложив газету во всю ширину ковра, водила пальцем по строчкам.

— Мам,— обернулась она ко мне.— Ничего тут нет.

— Маленький такой человечек,— продолжал Хэрри. Тут он углядел в пачке писем заграничный конверт.— Можно я эту марку отклею?

— Что значит «маленький»? — спросила Анжела.

— Смотри повнимательней, Анжела, наверняка есть! А ты, Хэрри, пока не трогай письма, никуда твои марки не денутся, скоро получишь.

— Маленький, как птичка,— пояснил Хэрри.— А «скоро» это сегодня или завтра?

— Как какая птичка? — заинтересовалась Анжела.— Воробей или страус?

— Как дрозд.

— Не бывает таких людей!
— А вот и бывают!
— Опять ты споришь!
— Не спорю. Просто он мне нравится,
он — другой.
— Как это — «другой»?
— У него ботинки другие.
— Другие, чем у тебя?
— Другие, чем у него. Один тяжёлый,
чёрный, а другой парусиновый, белый.
— Никак не найду,— сказала Анжела.—
Слишком мелкий шрифт.

Я вздохнула:

— Неужели ещё неделю ждать объявления?
Анжела продолжала водить пальцем по
строчкам.

— Если мы не найдём человека и одуван-
чики процветут ещё неделю, господин Плотник
станет на неделю сердитей.

— Но человек-то пришёл,— произнёс Хэр-
ри.— Говорят вам — пришёл.

Я отложила послание соседа.

— Зачем он пришёл, Хэрри?

— Сад полоть!

Мгновение спустя я уже сбегала с крыльца.
Хэрри не отставал.

Тот, кто пришёл, оказался всё-таки больше
дрозда, но не намного. Из-под копны рыжих
волос на меня глядели небесной голубизны гла-
за. На левой ноге незнакомца красовалась пере-
пачканная парусиновая туфля с рваным, много
раз завязанным на узел шнурком. На правой
чернел изрядно потрескавшийся башмак, вла-
дельцу он был явно велик. Мой взгляд снова
скользнул к лицу с пронзительно голубыми гла-
зами: изысканный или, быть может, вовсе от-
сутствующий костюм маленького человечка я

рассматривать не отважилась. На лице его сияла беззубая, но удивительно добрая улыбка.

— Мой мальчик сказал... вы насчёт сада? — нерешительно спросила я.

— Верно, саду-то вашему присмотр нужен.— Он сказал это решительно и бесповоротно.

— Значит, вы прочли моё объявление?

— Я через забор заглянул.

— Гм... А инструмент какой-нибудь у вас есть?

Он отрицательно покачал головой.

— Но вы... умеете садовничать?

— Дело я знаю. В лесу родился.

— В самой чаще? — не вытерпел Хэрри.

— Вроде того.

— Как вас зовут? — спросила я.

Этот вопрос он пропустил мимо ушей. А я мучительно обдумывала следующий: ведь когда нанимаешь садовника, нужны рекомендательные письма. Хэрри, однако, уже доверчиво уцепился за руку рыжего человечка.

— Я буду звать вас господин Ноготок. Знаете, цветок такой есть, вы с ним очень похожи,— сказал он.— Пойдёмте, покажу, где сарай, там у нас и лопата, и грабли, всё есть.

— Хэрри, погоди-ка!

Как этот маленький, тщедушный господин Ноготок справится с моим садом — нет, не садом, а джунглями, страшной, заросшей бурьяном чаще? И вообще, мы же ни о чём не договорились... Но Хэрри и рыжий человечек даже не оглянулись. Я беспомощно смотрела им вслед. Они были почти одного роста. Хэрри восемь, он для своих лет высок, а господин Ноготок для своих явно мал. Но сколько ему? Тридцать? Пятьдесят? Нечего и гадать, всё равно без толку.

Тут вышла Анжела со сложенной газетой.

— Я нашла, мамочка, есть объявление. Ой, кто это с Хэрри?

— Господин Ноготок.

— Он будет полоть сад?

— По крайней мере, он за это взялся.

Анжела с сомнением оглядела сутулую, узкоплечую спину.

— А справится?

— Не знаю. Пойдём посмотрим.

Мы двинулись по еле заметной тропке в самую гущу. Ровно год рука человеческая не касалась здесь ни травинки, ни листика.

Хэрри оживлённо объяснял:

— Это клумба с розами... то есть здесь была клумба в том году, пока мы не уехали за границу. А это — у клумбы каёмочка такая, здесь люпины росли. Только знаете, в омлет их нельзя класть. Я как-то сорвал для Эмилии, вместо петрушки, а она сказала, будто я всех отравить вздумал. А тут прежде горка была, каменный садик. По-моему, каменная роза больше на лютик похожа, правда? А здесь моя собственная делянка, вот тут начинается и туда тянется на двадцать два с половиной дюйма, я сам мерил, рулеткой.

— Ясно, — проговорил господин Ноготок, приподнимая целый занавес из мокричника. Цепкий сорняк переплёлся накрепко — его теперь только рубить. Я почувствовала, что подошло время для самого главного вопроса.

— Вас всё это не пугает? — спросила я.

Он беззубо улыбнулся.

— Вы полагаете, что справитесь?

— Да уж конечно.

— Приходите каждый день, — поспешно сказал Хэрри.

— Два раза в неделю хватит, — отозвался господин Ноготок.

Тут к нему не очень-то приветливо обратилась Анжела:

— Я полагаю, вы прочли мамино объявление? Мы приглашаем садовника как раз на два дня.

— Читать я не горазд. — И господин Ноготок перевёл взгляд с Анжелы на Хэрри. — Давай, малец, с твоей делянки и начнём.

— Но мы ещё не договорились об условиях, — промямлила я. — Сколько вы возьмёте за...

— Три шиллинга и девять пенсов в час.

— Какая точность! — фыркнула Анжела.
Я ткнула её в бок: помолчи, мол.

Он запросил половину обычной цены, и я сказала:

— Вы уверены, что этого достаточно, господин Ноготок?

Он решительно кивнул.

— Да, кстати, где вы живёте? На случай, если...

Но Хэрри меня перебил:

— Знаете, а некоторые сорняки я люблю. Например, ромашку. В поле она — цветок, а в саду почему-то сорняк.

— Мы с тобой ни одной ромашки не тронем, пускай растут. — С этими словами господин Ноготок протянул Хэрри совок, сам взял лопату, а мы с Анжелой, оставшись не у дел, поплелись домой.

Эмилия следила за этой сценой из окна кухни. Она довольно зоркая и наблюдательная, ничего не упустит.

— Вы его наняли, хозяйка?

— Вроде да.

— Он толковый, справится.

— Надеюсь, Эмилия, надеюсь, что я не ошиблась. Но ни имени, ни адреса своего он так и не сказал.

— В это время года они бродяжат.

— Кто — они?

— Такие, как он. Зимой по чужим домам спят, а летом на воздухе, деньги экономят. По утрам тянутся к трактиру из-за Болотной Пустоши, пропустят стаканчик и примутся работу искать. У них всегда по одежде видать, когда под кустом ночуют. Он к нам на полдня или на целый?

— Не знаю.

— Прикажете ему чаю подать?

— Да-да, конечно, и бутербродов сделайте.

— Ладно уж, не жалко.

Мы с Анжелой поднялись в гостиную.

— Выходит три фартинга в минуту, — сказала она.

— Что-что?

— Ну, если в час три шиллинга и девять пенсов, то в минуту...

— Ты в уме посчитала?

— Пришлось в уме, бумажки-то не было. Всё, хватит отвлекаться, сажусь за гаммы. А ты что будешь делать?

— Напишу господину Плотнику, что у нас наконец появился садовник и пушинки от наших одуванчиков не будут залетать к нему в сад.

И я, под Анжелину музыку, принялась за письмо. Мою дочь никогда не приходится усаживать за инструмент, она настойчива и трудолюбива, как муравей. Хэрри же, словно легкокрылая бабочка, стремится жить без забот и усилий; в отличие от сестры, ему надо всё напоминать, а порой и принуждать. А может, на бабочку люди наговаривают? Может, они муравья потому трудягой зовут, что он вроде них самих, бескрылый на земле копошится? А бабочкиной цели людям понять не дано.

К обеду Хэрри явился с опозданием, а под ногтями принёс, верно, всю землю со своей делянки.

— Пойди умойся, — приказала Анжела.

Хэрри умоляюще взглянул на меня.

Я смиростивилась:

— Ладно, ешь скорей. Ты хорошо поработал?

— Очень!!! Я теперь умею ловить слизняков, а ещё господин Ноготок научит меня прививать розы, а ещё он отсадил клубнику с

усами, и у нас на будущий год в два раза больше вырастет. А один ус я к себе забрал, я себе всего по одному посажу. А «скоро» уже наступило?

Я тут же отдала ему конверт с заграничной маркой, иначе сын истерзает меня хуже пиявки. К редким своим целям он шёл неукротимо. Весь обед напролёт мы с Анжелой принуждены были слушать неиссякаемый рассказ о разнообразных и удивительных достоинствах господина Ноготка. По мнению Хэрри, он знал абсолютно всё. А если был в чём-нибудь не уверен, обращался за помощью к Дуйвете.

— Кто такая Дуйвета? — спросила Анжела.

— Богиня ветра. Они с господином Ноготком большие друзья. Он так её зовёт: станет как вкопанный, руки раскинет и пальцами перебирает, точно гамму играет. Дуйвета ему луковицы лилий найти помогла.

— Какие ещё луковицы?

— В яме, возле забора, землёй присыпанные.

— Но у нас в жизни не было лилий! И луковиц не было...

— Я с ним вместе рыл. Мы сотни, тысячи луковиц выкопали! Господин Ноготок их в сарай отнёс, чтоб подсохли к весне. Он их вдоль главной дорожки посадит, и в июле они как зарычат, как выскочат из засады — полосатые, тигровые.

— Не выскочат, — сказала Анжела.

— Почему?

— Потому что они — флора, а не фауна.

— Вечно ты вредничаешь, — обиделся Хэрри.

— И про Дуйвету он тебе тоже наплёл, ни одному слову не верю!

Хэрри уткнулся носом в блюдце со взби-

тыми сливками. Это его излюбленная еда. Эмилия обычно готовит её по пятницам. А по вторникам мы едим любимое Анжелино кушанье — коврижку с патокой. Зубы у этой девочки крепкие, и лучше на них не попадаться.

Выйдя после обеда в сад, я изумилась. По-настоящему расчищен был лишь небольшой клочок земли, но повсюду в бывших джунглях наметилось подобие порядка. И всего-то за полдня! Вот что значит приняться за дело с умом, пониманием и сноровкой. Сам господин Ноготок сидел на пенёчке, попивал чай и жевал бутерброд. Эмилия не поскупилась: на тарелке садовника лежал ещё и кусок пирога.

— Ну как, господин... Ноготок, очень запущен сад?

— Я и похуже видывал. Здешняя земля известки просит, подкормить бы надо.

— А вы можете достать?

— В лавке у Спиллера я свой человек.

— Пожалуйста, купите, пускай счёт на моё имя пришлёт. Сын сказал, вы нашли луковицы?

— И верно, нашли.— Его глаза радостно блеснули. Рыжий человечек простёр руки над дорожкой, что вела от ворот к дому. В прошлом широкая, точно аллея, она едва проглядывала теперь меж могучих лопухов.— Мы эти лилии вдоль дорожки посадим, в два ряда отсюда до птичьего бассейна, высоченные вымахают, до самого неба. А лопухи я повыдержаю.

— Красиво-то как, господин Ноготок...— Казалось, под его руками уже поднялись в бархатной траве, расцвели жгучие полосатые лилии; мне даже померещился в конце аллеи беломраморный бассейн, а в нём трепетание крыльев — бурых, синих, серых — и всплески бриллиантовых капель. И всё это на фоне наше-

го медно-красного бука...— Но откуда взялись луковицы?

Он снова беззубо улыбнулся.

— Малый-то ваш говорит: на целый год уезжали. За год чего только не случается,— сказал он и засунул в рот остатки пирога.

— Да, это долгий срок. Вы останетесь до вечера?

Он кивнул.

Проработал господин Ноготок добрых восемь часов. Я дала ему тридцать шиллингов.

— Хорошо бы он нашёл себе пристанище за эти деньги,— сказала я Эмилии.

— Вряд ли,— заявила она и добавила, что в понедельник новый садовник может и вовсе не вернуться.

— Отчего же?

— Такие вдруг приходят, вдруг и уходят.

— Куда?

Эмилия пожала плечами.

— Куда глаза глядят.

II

Но господин Ноготок вернулся. Он появился в понедельник ровно в восемь и работал до пяти. С двенадцати до часу обедал — прямо в сарае, возле инструментов,— а после отдыхал: бродил по расчищенным дорожкам, размышлял о чём-то; оживлённо жестикулируя, разговаривал с ветром и глядел на сад. А сад открывал ему неведомые для нас тайны.

После уроков Хэрри сломя голову мчался домой, к господину Ноготку. Когда же начались летние каникулы, он стал пропадать в саду с утра до вечера. За столом только и разговоров было, что о чудесах, которые расцветут у нас

следующей весной. Во-первых, целые поля маков: белых, жёлтых и алых, их принесут из Исландии северные олени. А ещё — лавандовая аллея, чтобы привлечь пчёл. Чем больше пчёл, тем больше цветов; чем больше цветов, тем больше мёду; чем больше мёду, тем — снова — больше пчёл. Через год тут будет целый миллион!

— Тогда мы не сможем гулять по саду, — сказала Анжела.

— Если с ними умело обращаться, они ни за что не укусят, — со знанием дела возразил Хэрри. — Вчера одна пчела свалилась в бассейн, и господин Ноготок её спас — вытащил, прямо голыми руками. Пчела отряхнулась, подсушила крылышки да и перелетела на алтейный куст. Мам, представляешь, мне сегодня птичка на руку села и клевала сыр с ладони. Господин Ноготок, когда обедает, всегда их приманивает: вытянет руку с крошками или ещё с чем, защёлкает, засвищет — они и прилетают. Только рукой шевелить нельзя, чтоб она им веточкой показалась. Когда господин Ноготок жил в лесу, у него дружок был — зяблик. Так этот зяблик ему прямо на голову садился и волоски выдирал — гнездо из них вил. А господин Ноготок скоро починит парник, натянет новый полё-, нет поло-, а может, полу-этилен и поставит там сотни горшочков с мозговым горошком и огуречными семечками. А почему бы не дынными? Это господин Ноготок говорит. Правда, мам, давай разводить дыни!

И правда, почему бы не дыни? Неделя шла за неделей, и становилось совершенно ясно, что с садовником нам повезло и копать в земле для него — настоящее призвание. И я пошла поговорить с ним о будущих дынях, прихватив

из шкафа слегка выцветший пиджак и под цвет ему поношенные ботинки. У Эмилии тоже нашлись обновки для Ноготка — с плеча её многочисленных родичей мужского пола, о которых мы слышали чуть не ежедневно, но не видели никогда. Вскоре садовник щеголял в клетчатой рубаше брата Фрэнка, в носках и подтяжках дядюшки Боба. Тут уж Хэрри было не удержать: он отдал господину Ноготку свой собственный красно-синий шарф.

Подарки Ноготок принимал просто, без всякого стеснения, но если уж от чего-то отказывался, то наотрез. Так, согласившись надеть зелёный галстук брата Эмилиного мужа, он напрочь отказался от его же шляпы-котелка. Вообще, головные уборы его не прельщали.

— Он любит, чтоб Дуйвета шевелила ему волосы своим ароматным дыханием, — объявил Хэрри.

— Но ветер носит не только ароматы, но и вонь, — сказала Анжела, сморщив нос.

— Господин Ноготок говорит, что розу без навоза не вырастишь. Конский навоз в наши дни дороже золота. Вот возьму сейчас мешок и пойду навоз собирать. Господин Ноготок, когда ему было лет сколько мне, тоже ходил с мешком по дорогам, собирал навоз, а потом продавал землепашцам за монетку. Только теперь много не собираешь — по дорогам-то машины ездят, а не телеги, лошадь днём с огнём не сыщешь.

Более всего по душе господину Ноготку пришлось, уж не помню чьи, плисовые штаны, такие потёртые, что природный их цвет угадывался с трудом. Они были под стать земле, в которой он копался целыми днями. Он напялил их тут же и радостно подколол булавками чересчур длинные штанины.

Ко дню рождения я получила удивительный подарок. Подруга из Гонолулу прислала мне самолётом невиданные цветы — яркие, причудливой формы. Цветы высывали из мясистых лепестков огненные языки-змейки, а листья с острыми краями советовали: не приближайтесь.

— Ох, и неужто природа такое родит? Как ненастоящие, — заметила Эмилия.

— Как раз для Гонолулу они очень подходят, — заявила Анжела. — А колокольчики наши были бы им в диковинку.

— Мам, не ставь их пока в вазу! — взмолился Хэрри. — Я покажу цветы господину Ноготку, можно? — И он утащил букет на улицу. Однако вскоре вернулся, немало обескураженный.

— Господин Ноготок велел их унести, иначе в раю разведутся змеи...

— Так и сказал?

— Так и сказал. А потом ходил кругами возле бассейна и перешёптывался с Дуйветой. Возьми цветы, мам, только тут одного не хватает — лилового с жёлтым, — я его уронил и наступил случайно, пришлось выбросить.

— Ничего страшного, — успокоила я сына и поставила букет в огромную вазу в прихожей.

Лето отступало, на смену ему шла осень. Дважды в неделю приходил к нам господин Ноготок и с каждым разом выметал всё больше пёстрых листьев и засохших, отмерших стебельков. Однажды за обедом Хэрри провозгласил:

— У нас будет огромный-преогромный костёр!

К пяти я вышла расплатиться с господином Ноготком. Он стоял посреди сада, опираясь на метлу, и голубые его глаза довольно оглядыва-

ли ровные дорожки, клумбы и ухоженную землю.

— Господин Ноготок, вы прямо кудесник! Страшно вспомнить, какие тут были джунгли.

Он улыбнулся:

— Маловато теперь работы на два полных дня. Может, договоримся на две половинки?

Я испугалась.

— А вы-то как же... Справитесь?

— Да тут, почитай, и делать нечего.

Но я испугалась не за сад. Я боялась, что господину Ноготку не хватит денег на прожитьё. Да и вообще — как он будет жить без сада? А скоро зима, и сад умирает. Ночи уже холодные. Неужели он по-прежнему спит под кустом?

III

Через две недели запылал огромный костёр, предвестник зимы. Господин Ноготок развёл его не в свой обычный понедельник или четверг, а пришёл специально, в субботу, дождавшись такого ветра, чтоб дым от костра не помешал нашему ворчливому соседу. А может, ему подсобила Дуйвета — наворожила такой ясный, прозрачный осенний денёк? Огонь принялся лизать влажные жухлые листья, затрещали подмокшие ветки, к небу клубами поднимался белый дым, и его тут же уносило прочь — подальше от забора господина Плотника.

Хэрри ошалело носился взад-вперёд, подбирая в костёр всё новые охапки мусора — немало накопилось его за осенние месяцы. Мы все тоже вышли в сад — осенний костёр в Англии всегда праздник.

— Гори же, гори! — уговаривала Анжела, подсовывая тонкие веточки под тлеющие угли.

— Отойди скорей, сейчас полыхнёт, — предупредила её Эмилия и подбросила сухих листьев.

Я принесла на этот алтарь поблекший гоно-

лульский букет и без сожаления глядела, как пламя пожирает змеиные жала, как корчатся в огне причудливые, изогнутые стебли. Останки чужаков господин Ноготок безжалостно растоптал, а они, даже в преддверии конца, злобно шипели и плевались. Дым костра курился вокруг садовника, окутывал его ароматами ушедшего лета. Только он да Хэрри знали, в каком

уголке сада собрана та или иная охапка мусора, только им было ведомо, что уносит к небесам белый дым. В раю костры разводил Адам — это мужская забота. И мы, три женщины, отправились в дом готовить для мужчин чай. А потом, усевшись вокруг костра, глядели в огонь и прихлёбывали горячее питьё. Хэрри сидел рядом с господином Ноготком и жадно вдыхал дым.

— Как здорово! — воскликнула Анжела. Щёки её пылали от восторга.

— Вы ботинки опалили, — сказала Эмилия, подливая садовнику ещё чаю.

— Да ладно, — пробурчал он, дожёвывая пирог.

Я дала ему в тот день вдвое больше денег. Он взял их без лишних слов. В понедельник он не пришёл. Что поделаешь... Ни адреса, ни даже имени его мы не знали.

IV

После Рождества мы, по обыкновению, оставили дом на Эмилию и поехали за границу, к дружескому участию и солнечному теплу. Поначалу-то мы собирались пробыть на юге до конца зимы и тут же назад. Но я, как на грех, заболела. Друзья преданно ухаживали за мной, о путешествии в Англию не могло быть и речи. Так вот и вышло, что в родимый край мы вернулись, когда весна была уже в разгаре. Хэрри с порога выпалил:

— А господин Ноготок здесь?

— Сам поищи, — сказала Эмилия.

Однако сбежать с крыльца он не успел.

— Не ходи уж, не огорчайся попусту. И без того видно, что нет твоего садовника, сад-то зарос весь.

Я очень огорчилась.

— Бог мой! Неужели снова давать объявление?! Ладно — дам и буду надеяться на лучшее.

Но случилось худшее. Те, кто приходил по объявлениям, заявляли, что они лучшие садовники во всей округе. Первый целое утро выдира́л каёмку золотых желтофиолей, которые господин Ноготок высадил вокруг круглой лужайки с незабудками. Желтофиоли ещё не зацвели, и самозванный садовник с жаром уверял меня, что это сорняки. Второй уже занёс топор, покушаясь на мою любимую яблоню. Я схватила его за руку, а он принялся объяснять, что он лучший в мире селекционер и пол-яблони дадут вдвое больше яблок, чем целая, и яблоки будут вдвое крупнее. Надзирать целыми днями за такими горе-работниками мы были не в силах. Отчаявшись, я больше не стала давать объявлений. Сорняки тем временем разрослись буйным цветом. Но пусть лучше растут, в конце концов, это тоже жизнь сада. Не губить же из-за них цветы, которые, несмотря ни на что, упорно пробивались сквозь сорняковые заросли.

Золотыми фонтанами рассыпалась форсичия, море анемонов и примул грозило затопить даже цепкий мокричник, с одуванчиками достойно соперничала целая стая тюльпанов-пугайчиков... Короче, в каждом уголке сада каждый Божий день появлялось новое чудо. А потом, на переломе лета, расцвели розы, и у нас дух захватило от их благоуханной красоты. По утрам, чуть свет, Хэрри выскакивал на улицу, и за завтраком мы узнавали о гвоздиках — маленьких балеринах в красных юбочках-пачках, которые закружились вдруг меж люпинов; о дыне в парнике, которая дала сильный побег,

и на конце его теперь тоже красовался цветок; о пчёлах, что неустанно гудели и бликовали, точно солнечные лучики над мягкими лавандовыми подушками. А однажды утром Хэрри восторженно закричал: «Лилии! Тигровые лилии!» Мы выбежали на крыльцо и — остолбенели. Полосатые красавицы тянулись в два ряда по бокам дорожки, окутанные облаком пушинок — порыв ветра сдул на них созревшие верхушки одуванчиков. На следующий день пришло сердитое письмо от господина Плотника.

— Забавно, — сказала Анжела.

— Что? — не понял Хэрри.

— В прошлом году письмо тоже пришло именно в этот день.

— Откуда ты знаешь?

— Я в дневник записала. — И она вынесла свою сокровенную тетрадь. — Вот, глядите: «Господин Плотник прислал маме жалобу на одуванчики и пришёл господин Ноготок».

Хэрри сорвался с места.

— Господин Ноготок!

Он умчался в сад, а я с тайной надеждой взглянула на Эмилию.

— Кто знает?.. — промолвила она.

Тут и Анжела, не выдержав, убежала вслед за Хэрри. Кто знает?

Но... Дети рыскали по саду весь день и спать улеглись усталые и расстроенные.

Господину Плотнику я отослала письмо с извинениями и сочинила новое объявление в местную газету.

— Может, он прочитает и придёт? — сказала Анжела.

— Он в тот раз не читал, — возразил Хэрри. — Он просто знал, что его ждут. А сейчас не знает.

Мальчик чуть не плакал.

По объявлению пришёл всего один человек, и доверить ему сад было явно опасно.

— Мам, неужели его надо нанять?

— Да нет, не обязательно. Только одуванчики ужасные всё заполонили, с ними-то как?

— Есть кое-что поужасней одуванчиков,— пробормотал Хэрри.

— Ты о чём?

— Пойдём покажу,— буркнул он и направился в сад, к восхитительным розовым кустам. Среди них победно высилось лилово-жёлтое пятнистое чудовище с мясистыми лепестками. Возле него валялась садовая лопата.

— Брр!.. — Анжелу передёрнуло от омерзения.

— Бог ты мой... — вздохнула Эмилия.

— Я не могу сам его выкорчевать,— хмуро сказал Хэрри. — Корни, точно слоновьи хоботы, и идут в самую глубь, до центра земли. Это он, гадкий, который тогда из букета выпал. Мы же его не сожгли вместе с остальными.

— А-а! Пророс, змей!

За забором стоял господин Ноготок. В разных ботинках, в лохмотьях вместо пиджака, в землистого цвета насквозь вытертых плисовых штанах. Голубые глаза его гневно пылали, а лёгкий ветерок шевелил рыжую шевелюру, и она полыхала, точно маленький костёр. Господин Ноготок походил на карающего Ангела Господня.

Он перелез через забор и поднял лопату.

— А ты, малец, бери свой совок,— сказал он Хэрри.

Мы же ушли в дом. Анжела раскрыла дневник. Я написала господину Плотнику. А Эмилия вскипятила чай и принялась делать бутерброды.

СОДЕРЖАНИЕ

Н. Демурова

«Магические стекла» Элинон Фарджон 3

Из книги «КОРЗИНКА СТАРОЙ НЯНЮШКИ» 13

Старая нянюшка	14	
Берта Златоножка	18	
Гордая инфанта	25	
Неужто люди так глупы?	29	
Покров Иразады	33	
Лапландец Липп	37	
Деревце на крыше	38	
Китайская принцесса	42	
Золотой орёл	47	
Два брата	53	
Морское дитяtko	57	

СЕРЕБРЯНКА 65

Из книги «МАЛЕНЬКАЯ БИБЛИОТЕЧКА» 221

Царь и хлеб	222	
Королевская дочка просит Луну с неба.		
Перевод Н. Демуровой	229	
Юная Кейт	255	
Безымянный цветок	259	
Золотая рыбка	262	
Щенок-спаниель	268	
Чудо Бедного острова	294	
Девочка, которая поцеловала персиковое деревце.		
Перевод Н. Демуровой	302	
Листвия	310	
Шарманка	333	
Маленькая портниха	337	
Седьмая принцесса	348	
Покинутый рай		
Перевод Н. Демуровой	354	

Ослик из Коннемары	378
Тимы	398
Всего за пенни	402
Добрый фермер	410

Из сборника «КНИГА ЭЛИНОР ФАРДЖОН» 429

Царица Эсфирь	430
Тайная тропа	435
Как Альфред мир установил	439
День рождения Розауры	445

Из книги «МАРТИН ПИППИН НА ЛУГУ» 459

Том Кобл и Уна	460
Элси Пиддок прыгает во сне	490
Великан из Вильмингтона	510
Треугольный Бог	539

ЧУДЕСНЫЙ РЫЦАРЬ
Перевод Н. Демуровой 543

ГОСПОДИН НОГОТОК 577

Ф 24 Фарджон Э.

Седьмая принцесса: Сказки, рассказы, притчи /
Пер. с англ. О. Варшавер; сост., предисл. Н. Дему-
ровой. — Екатеринбург: Сред-Урал. кн. изд-во,
1993. — 608 с.: ил.

ISBN 5-7529-0538-9

100 000 экз.

Элино́р Фа́рджон (1881—1965) — знаменитая английская писательница, лауреат многих международных премий, и в том числе — первый лауреат престижной премии Андерсена, присуждаемой лучшим детским писателям.

Сборник произведений Фарджон составлен из наиболее популярных книг и представляет разные грани ее творчества.

Занимательные, поучительные, трогательные, остроумные истории из жизни сказочных принцесс, простых дровосеков, рыцарей и королей, фей и великанов, истинных правителей, а также обычных мальчишек и девочек написаны проникновенно и поэтично, с мягким юмором и крепкой верой в силу добра, милосердия и справедливости. Фарджон убедительно доказывает, что мечта и реальность совпадают гораздо чаще, чем это нам кажется, стоит только непредвзято посмотреть на окружающий мир.

Иллюстрации Игоря Ильичева.

Книга адресуется детям младшего школьного возраста.

Ф 4804010100-030
М 158(03)-93 22-93

ББК 83.34ВЛ

ЭЛИНОР ФАРДЖОН

СЕДЬМАЯ ПРИНЦЕССА

Редактор Е. Черняк
Художник И. Ильичев
Художественный редактор В. Солдатов
Технический редактор Т. Черепанова
Корректоры Т. Калугина, М. Худякова

Лицензия на издательскую деятельность ЛР № 010020,
выдана 17.09.91 г.

ИБ № 2220

Сдано в набор 01.03.93. Подписано в печать 29.10.93. Формат 84×108¹/₃₂.
Бумага книжно-журнальная. Гарнитура обыкновенная новая. Печать
офсетная. Усл. печ. л. 33,2. Уч.-изд. л. 24,9. Тираж 100 000. Заказ 97.

Акционерное общество открытого типа «Средне-Уральское книжное
издательство, 620219, Екатеринбург, ГСП-351, ул. Малышева, 24.

Издательско-полиграфическое предприятие «Уральский рабочий»,
620219, Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

**В 1993—1994 годах
Средне-Уральское книжное
издательство
выпускает для детей и подростков
следующие книги:**

**ВОЛШЕБНЫЙ КОТЕЛ:
СКАЗКИ НАРОДОВ МИРА**

25 л., переплет № 4 (целлофан),
80 разворотных цветных иллюстраций.
100 000 экз.

Мир сказок необъятен и неповторим:
лукавые французские, замысловатые арабские,
лиричные итальянские, поучительные китайские,
обстоятельные английские, —
в сборнике представлено более шестидесяти
волшебных и бытовых сказок, историй о животных.
Оформленная Геннадием Калиновским,
эта книга поражает роскошью иллюстраций,
их разнообразием и красотой.
Она похожа на яркий фейерверк,
на веселый карнавал,
на замечательный, незабываемый праздник,
который останется с читателем на всю жизнь.
Для дошкольного и младшего школьного возраста.

**В. Г. ЖИТОМИРСКИЙ, Л. Н. ШЕВРИН
ПУТЕШЕСТВИЕ ПО СТРАНЕ ГЕОМЕТРИИ**

20 л., переплет № 4 (целлофан),
200 цветных иллюстраций. 100 000 экз.

Эта книга — новое, переработанное и значительно
дополненное переиздание популярной
«ГЕОМЕТРИИ ДЛЯ МАЛЫШЕЙ»,
выходившей впервые двадцать лет назад.
И авторы, и художник В. Зуев,
наполнивший книгу множеством веселых,
ярких, остроумных рисунков,
превратили знакомство с основами геометрии
в увлекательную игру.

Любимые герои ребятишек,
веселые человечки Карандаш, Самоделкин,
Незнайка, Буратино, объяснят,
что такое отрезок и радиус,
какие бывают треугольники и как измерить длину,
а попутно расскажут о приключениях
одной любопытной точки,
которая постоянно попадала в разные истории
из-за разбойницы резинки.
Ребятам придется немало потрудиться, читая книгу,
но можно с уверенностью сказать,
что занимательное и необычное путешествие
доставит им огромное удовольствие
и принесет немалую пользу.
Для дошкольного и младшего школьного возраста.

К. ЛАГУНОВ
СКАЗКИ

16 л., ил., переплет № 4 (целлофан).
50 000 экз.

Маленьким читателям хорошо знакомы
четвероногие друзья — Ромка, Фомка и Артос,
их злейший враг Клык-Клык Грумбумбес,
коварный властелин острова Спиешпей
из сказки «Ромка и его друзья».
Наверное, многим известны герои
другой сказки тюменского писателя —
«ГОРОДОК НА БУГРЕ»:
веселая Кукурузинка и неунывающий Пахтачок,
учитель Одуванчик и ленивый, хвастливый Боб Бобыч
со своими бобятами,
все жители нового города Кукурпах.
С ними вы и встретитесь
в этой книге Константина Лагунова,
где собраны все его сказки для маленьких,
в том числе и новая — «МИШЕЛЬ».
В ней звери спасают своих малышей
от злобного Туч Липуча Каракруча
и кровожадного обжоры Ледомора.
Иллюстрации СЕРГЕЯ АЙНУТДИНОВА.
Для дошкольного и младшего школьного возраста.

**Я. ГРАБОВСКИЙ
МУХА С КАПРИЗАМИ
О. ПЕРОВСКАЯ
РЕБЯТА И ЗВЕРЯТА**

17 л., ил., переплет № 4 (целлофан).
100 000 экз.

Герои этой книги —
славная овечка Метка и кошка Европа,
озорные собаки Рекся и Пуцек,
мудрый ворон Пипуш, хитрый тигренок Васька,
самолюбивый и капризный олененок Мишка —
давно стали любимцами многочисленных читателей
поляка Яна Грабовского и
русской писательницы Ольги Перовской.
Авторы с любовью и юмором
рассказывают о своих питомцах,
проникая в их характеры и чувства так,
как будто они доверчиво раскрыли им
все свои маленькие и большие тайны.
Для дошкольного и младшего школьного возраста.

**В СТРАНЕ ЛЕГЕНД:
ЛЕГЕНДЫ МИНУВШИХ ВЕКОВ В ПЕРЕСКАЗЕ ДЛЯ
ДЕТЕЙ**

16,5 л., переплет № 4 (целлофан).
100 000 экз.

Легенды о французском рыцаре Роланде
и английском короле Артуре,
о Тристане и Изольде,
об отважном Робин Гуде,
прекрасной Лорелее,
о гамельнском крысолове и «Летучем голландце»,
а также другие, представленные в этой книге,
возникли в странах Западной Европы
в давние времена.
Некоторые из них были занесены в летописи,
другие становились известными
благодаря певцам и поэтам.
Им суждена была долгая жизнь
в памяти людей и искусстве,
недаром эти предания вдохновили писателей,
художников и музыкантов

на создание многочисленных и разных произведений,
популярных во всем мире.

Переложения для детей выполнены
на первоначальной народной основе
с использованием позднейших литературных
произведений, написанных на темы
средневековых легенд.

Книга снабжена примечаниями,
где даются пояснения к каждой легенде.

Иллюстрации ГЕРМАНА МЕТЕЛЕВА.

Для среднего школьного возраста.

ОГОНЬ-КАМЕНЬ: СКАЗКИ НАРОДОВ ТЮМЕНСКОГО СЕВЕРА

15 л., ил., переплет № 4 (целлофан).
100 000 экз.

В книге собрано более пятидесяти сказок
мансийского, ненецкого и хантыйского народов,
издавна населяющих эту землю.

Сказания о богатырях и грандиозных битвах
воскрешают далекое прошлое;
волшебные сказки

раскрывают перед нами удивительный мир,
где среди непроходимой тайги — урмана
или на берегах светлых речек

соседей отважные, терпеливые и трудолюбивые люди
и фантастические существа — добрые и злые,
помогающие людям или, наоборот,
делающие их жизнь невыносимой
и заставляющие бороться за свое будущее.

Великаны-менгки и леший Вор-Хум,
жуткий Комполэн — Болотный Дух
и злобный Старик Длинной с Зайца
всегда пасуют перед мудрыми, храбрыми,
находчивыми героями сказок.

Для среднего школьного возраста.

Иллюстрации ПЕТРА БОЛЮХА.

В. КРАПИВИН
ЛОЦМАНЫ В КРАСНЫХ ПЕСКАХ:
Повести

29 л., переплет № 7 (бумвинил),
20 полосных иллюстраций. 100 000 экз.

Третью книгу фантастического цикла
«В ГЛУБИНЕ ВЕЛИКОГО КРИСТАЛЛА»
составили новые произведения —
«СКАЗКИ О РЫБАКАХ И РЫБКАХ» и «ЛОЦМАН»,
а также издававшаяся ранее повесть
«ОРАНЖЕВЫЙ ПОРТРЕТ С КРАПИНКАМИ».

Как и в первых двух книгах,
герои здесь — мальчишки-Пограничники,
владеющие тайной перехода в иные, совмещенные миры.
Задумчивый и шаловливый фантазер,
верховный властитель народа иттов Фаддейка,
одинокий, отвергнутый ребятами Женька,
по прозвищу Сопливик,
легко «дирижирующий» пространствами лоцман Сашка —
каждый из них чувствует свою избранность
и необходимость идти по Дороге,
ведущей к тем, кто нуждается в помощи.
Для среднего и старшего школьного возраста.

Издательство продолжает выпуск книг
в серии «Детский боевик»

К. Ф. МАЙ
ВИННЕТУ:
Вестерны

20 л., переплет № 4 (целлофан),
20 полосных иллюстраций. 100 000 экз.

Популярность немецкого романиста
Карла Фридриха Мая (1842—1912)
была столь велика,

что его называли «писателем миллионов».
Книгами, прославлявшими мужество, благородную силу,
умение выйти победителем из безвыходной ситуации,
зачитывались и взрослые и дети.
Сергей Михалков, например, вспоминая свое детство,
рассказывал,

как блаженствовал он ночью
«при свете карманного фонаря,
накрывшись с головой одеялом»,
на языке оригинала читая романы Мая.
Наиболее известна трилогия Мая
о приключениях и подвигах двух друзей-побратимов —
легендарного индейского вождя Виннету
и молодого немца, приехавшего в Америку
попытать счастья и получившего здесь
уважительное имя Разящая Рука.
Немалый интерес вызвали
многочисленные фильмы,
поставленные позднее по этим произведениям.
Автор разделил свое повествование на три книги:
«ГРИНХОРН НА ДИКОМ ЗАПАДЕ»,
«В ПОГОНЕ» и «ПРОЩАЙ, ВИННЕТУ!»,
состоящие из пяти совершенно самостоятельных
произведений,
в которых прослеживаются судьбы
и взаимоотношения главных героев,
а также других прославленных вестменов —
охотников и следопытов Запада.
В первый том вошли:
«ГРИНХОРН НА ДИКОМ ЗАПАДЕ»
и «ОЛД ДЕС — СТАРИНА СМЕРТЬ»
(первая часть книги «В погоне»).

Для среднего и старшего школьного возраста.
В серии «Детский боевик».

К. Ф. МАЙ
ПРОЩАЙ, ВИННЕТУ!:
Вестерны

23 л., переплет № 4 (целлофан),
20 полосных иллюстраций. 100 000 экз.

Продолжение трилогии немецкого писателя.

Второй том составили:
«ОЛД ФАЙРХЕНД — ДРУЖИЩЕ ОГНЕННАЯ РУКА»
(продолжение книги «В погоне»),
а также две части «ПРОЩАЙ, ВИННЕТУ!» —
«ЗОЛОТО, ЗОЛОТО — СМЕРТОНОСНАЯ ПЫЛЬ»
и «СНОВА НА ДИКОМ ЗАПАДЕ».

Для среднего и старшего школьного возраста.
В серии «Детский боевик».

Э. САЛЬГАРИ
КОРОЛЕВА КАРИБОВ.
ИОЛАНДА — ДОЧЬ ЧЕРНОГО КОРСАРА:
Романы

27 л., переплет № 4 (целлофан),
20 полосных иллюстраций. 100 000 экз.
Немногие знают, что «ЧЕРНЫЙ КОРСАР»
итальянского писателя Эмилио Сальгари,
прославившегося некогда
своими морскими романами,
лишь первая часть трилогии,
посвященной благородному и обаятельному
флибустьеру Эмилио ди Рокканера.
Помещенные в этой книге произведения —
продолжение известного романа.
Отвечающие всем законам жанра,
они насыщены батальными сценами,
постоянные опасности и трагические случайности
преследуют прекрасных героинь
и бесстрашных героев.
Перестрелки, морские ураганы, кораблекрушения,
похищения, экзотическая жизнь среди людоедов,
встречи с кровожадными хищниками —
все это держит героев и читателей
в постоянном напряжении.
Для среднего и старшего школьного возраста.
В серии «Детский боевик».

Ф. ГЕРШТЕКЕР
РАЗБОЙНИКИ АРКАНЗАСА:
Роман

18 л., переплет № 4 (целлофан).
100 000 экз.

События романа разворачиваются в Арканзасе,
куда в середине прошлого века
стекались разбойные банды со всех концов Америки.
Поселенцы, вынужденные защищать себя и свои семьи,

создают отряды регуляторов,
которые, презрев законы беспомощного правосудия,
вершат суд и расправу на свой страх и риск,
часто не разбирая, где правые, а где виноватые.
Давнее прошлое оживает для современного читателя
главным образом потому,

что немецкий романист Фридрих Герштекер
населил страницы своей книги
колоритными фигурами:
здесь есть отпетый негодяй
и доверчивая юная леди,
жестокий борец за справедливость
и находчивый индеец,
благодаря которому и удается
распутать преступления.

Для среднего и старшего школьного возраста.
В серии «Детский боевик».

ЭЛИНОР
ФАРДЖОН

СКАЗКИ · РАССКАЗЫ · ПРИТЧИ

ЕКАТЕРИНБУРГ

СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ

КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО